

ОПЕРАЦИЯ «ТРЕСТ»

*Советская разведка против русской эмиграции.
1921–1937 гг.*

ЖЖ военные
тайны
века

А.С. ГАСПАРЯН

Annotation

До сих пор историков волнуют многие обстоятельства двух громких операций советской разведки начала двадцатых годов — «Синдикат-2» и «Трест». Конечной их целью, по заявлению руководителей ОГПУ Ф. Дзержинского и В. Менжинского, было выявление и разгром антисоветских подпольных организаций на территории Советской России.

Обе операции прошли успешно — в эмигрантские структуры были внедрены советские агенты, на территорию СССР, под предлогом важных встреч для продолжения борьбы был заманен и вскоре арестован видный деятель белой эмиграции Борис Савинков. Об этом написаны книги и сняты киноленты, однако реальные детали оказываются увлекательнее художественного вымысла.

Какие цели, кроме официально заявленных, преследовали «Трест» и «Синдикат-2»? Как погиб Борис Савинков? Об этом и многом другом читатель узнает из книги А. Гаспаряна.

-
- [Армен Гаспарян](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [ЧАСТЬ I](#)
 - [Глава 1. Охотник за царскими сановниками](#)
 - [Глава 2. «То, чего не было...»](#)
 - [Глава 3. Главный враг рабоче-крестьянской власти](#)
 - [Глава 4. Приступить к ликвидации](#)
 - [Глава 5. В незримой паутине](#)
 - [Глава 6. Начало конца](#)
 - [Глава 7. Встать, суд идет!](#)
 - [Глава 8. Элитный узник Лубянки](#)
 - [Глава 9. Самоубийство или убийство?](#)
 - [ЧАСТЬ II](#)
 - [Глава 1. Монархисты в эмиграции](#)
 - [Глава 2. Якушев](#)
 - [Глава 3. Стауниц-Опперпут](#)
 - [Глава 4. Рождение «Треста»](#)
 - [Глава 5. Русская Жанна д'Арк](#)
 - [Глава 6. «Трест» набирает обороты](#)
 - [Глава 7. Гибель шпиона века](#)

- [Глава 8. Саморазоблачение «Треста»](#)
- [Глава 9. «Союз национальных террористов»](#)
- [Глава 10. В мире самодельных иллюзий](#)
- [Глава 11. Похищение генерала Кутепова](#)
- [ЧАСТЬ III](#)
 - [Глава 1. Идеология тайной организации](#)
 - [Глава 2. Что же такое «Внутренняя линия»](#)
 - [Глава 3. Деятельность «Внутренней линии»](#)
- [ЧАСТЬ IV](#)
 - [Глава 1. Роковой день](#)
 - [Глава 2. Следствие французской полиции](#)
 - [Глава 3. Суд над Плевацкой](#)
 - [Глава 4. Судьба генерала Миллера](#)
- [ЧАСТЬ V](#)
 - [Глава 1. Убийство генерала Дутова](#)
 - [Глава 2. Похищение генерала Анненкова](#)
 - [Глава 3. Тайна генерала Монкевица](#)
 - [Глава 4. Выбор капитана Эфрона](#)
- [ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ](#)
- [ПРИЛОЖЕНИЕ 1](#)
- [ПРИЛОЖЕНИЕ 2](#)
 - [1. Боевая организация Кутепова и «Союз национальных террористов».](#)
 - [2. «Внутренняя линия».](#)
- [ПРИЛОЖЕНИЕ 3](#)
 - [Основные тезисы обличения лжеучения социализма, принятые в заседании Собора Русской православной церкви за границей.](#)
 - [Н.Е.Марков Второй. «Войны темных сил». Отрывок](#)
 - [Шифр, которым пользовался генерал Кутепов при переписке с «Трестом»](#)
 - [Программа евразийцев. 1927 год. Отрывок](#)
 - [Раздел I. Россия особый мир](#)
 - [Раздел II. Евразийство против коммунизма](#)
 - [Раздел III. Политический строй](#)
 - [Раздел IV. Вопросы религии](#)
 - [Раздел V. Национальный вопрос](#)
 - [Убийство советского посла Войкова Борисом Ковердой](#)

- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 - [Фотографии](#)
-

Армен Гаспарян
Операция «Трест». Советская разведка
против русской эмиграции. 1921 — 1937 гг.

Посвящается К.М.

*С тобой, мой враг, под кличкой «товарищ»,
Встречались мы, наверное, не раз.
Меня Господь спасал среди пожарниц,
Да и тебя Господь не там ли спас?
Обоих нас блюла рука Господня,
Когда, почуяв смертную тоску,
Я, весь в крови, ронял свои поводья,
А ты, в крови, склонялся на луку.*

Я. Туроверов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда-то очень давно увидел я впервые 4-серийный телевизионный фильм «Операция «Трест», снятый на киностудии «Мосфильм» в 1967 году. Целое созвездие блестящих актеров, среди которых Игорь Горбачев, Армен Джигарханян, Донатос Банионис, Людмила Касаткина, сумели великолепно передать основную идею фильма, снятого к 50-летию Октябрьской революции: советская республика, находящаяся в кольце врагов, ведет отчаянную борьбу с недобитыми белогвардейцами, которые все как один пошли служить иностранным разведкам. Противостоят им доблестные и просчитывающие на много ходов вперед любую ситуацию сотрудники ОГПУ. Но самим им было не под силу справиться с такими опытными врагами. Тогда на помощь приходят патриоты-некоммунисты из вчерашних монархистов и националистов. Совместными усилиями коварный враг повержен...

Это был классический шпионский детектив, где герои не играют бессмысленно мускулами и не стреляют по-македонски

каждые пятнадцать секунд. В центре сюжета — психологическое противостояние наших и врагов. Чтобы еще больше усилить эффект, в кадре то и дело появляется профессиональный историк, который с документами в руках рассказывает о подробностях того или иного эпизода. Надо отдать ему должное — рассказывал почти правду. Даже не так: он рассказывал советскую версию событий. Будь иначе, сей ученый муж наверняка бы знал настоящую фамилию отпетого врага рабочих и крестьян фон Лямпе. И уж, конечно, бы он знал, что таких шикарных домов у русских эмигрантов никогда не было. Но кто знал об этом в Советском Союзе?

Годы шли. Рухнул СССР, открылись архивы. Историки получили доступ к важнейшим документам. Однако историю ту никто так и не удосужился написать. Да что там говорить про всю операцию, если даже ее основные этапы до сих пор неизвестны широкому кругу. Узкому, кстати, тоже. Будучи автором известного в интернете сайта «Б^лое Д^ло», я с удивлением узнал, что большинство постоянных его посетителей толком ничего не знают даже про «Синдикат-2». Одни мифы сегодня сменились другими. Теперь палачи-чекисты, взяв в заложники ближайших родственников своих помощников монархистов-националистов, неисчислимыми жертвами добыли победу в кровавой схватке с

белогвардейскими недобитками. Ничего общего с историей это не имеет. Это была схватка достойных соперников. Не случайно Артузов с уважением отзывался о Захарченко-Шульц.

Уже заканчивая работу над этой книгой, получил письмо из Израиля. От бывшей одноклассницы, с которой мы не виделись, наверное, лет семнадцать: *«Большинство людей, перейдя за грань отрочества, вливается в быт, не очень-то и задумываясь о том, что и почему происходит или происходило. Если хватает минимального социального комфорта, денег и развлечений, размышления и поиск как образ жизни становятся чем-то не очень-то и*

желанным, чересчур беспокойным. С тобой этого не произошло. Ты ищешь, даже когда находишь ответы, или предлагаешь их — продолжаешь задаваться вопросами. Это не свойственно людям. Ты не просто публицист. Но ты и не политикой занимаешься. Ты как будто правду ищешь, в каком-то сквозь временном смысле, хоть и в исторической перспективе. Как сложилось, что не ушла эта потребность в честности, которую еще со школьных лет помню в тебе, как что-то отличное ?»

Я долго не знал, что ей ответить. Поэтому ограничился лапидарным: «Быть в думающем меньшинстве не стыдно. Стыдно быть в стаде».

Автор выражает огромную признательность Н. Орлову, О.А. Шевцову, К.М. Александрову, В.Ж. Цветкову и И.А. Марченко за неоценимую помощь при работе над книгой.

ЧАСТЬ I

«СИНДИКАТ-2». ОГПУ ПРОТИВ БОРИСА САВИНКОВА

*Нет родины — и все кругом неверно,
Нет родины — и все кругом ничтожно,
Нет родины — и вера невозможна,
Нет родины — и слово лицемерно,
Нет родины — и радость без улыбки,
Нет родины — и горе без названья,
Нет родины — и жизнь, как призрак зыбкий,
Нет родины — и смерть, как увяданье...
Нет родины. Замок висит острожный,
И все кругом не нужно или ложно...*

Б. Савинков

Глава 1. Охотник за царскими сановниками

«Я, Борис Савинков, бывший член Боевой организации Партии социалистов-революционеров, друг и товарищ Егора Сазонова и Ивана Каляева, участник убийств Плеве, великого князя Сергея Александровича, участник многих террористических актов, человек, всю жизнь работавший только для народа, во имя его, обвиняюсь ныне рабоче-крестьянской властью в том, что шел против русских рабочих и крестьян с оружием в руках. Я признаю безоговорочно Советскую власть и никакой другой. Если ты русский, если ты любишь свой народ — преклонись перед рабоче-крестьянской властью и признай ее безоговорочно...» Это заявление произвело эффект разорвавшейся бомбы. Поверить, что Савинков признал советскую власть, никто не мог. Ни в Советской России, ни в русской эмиграции. Это было невозможно по определению. И все-таки это произошло в результате блестяще проведенного первого этапа операции Иностранного отдела Главного политического управления. Той самой операции, которой впоследствии назовут «Трест».

Кто же такой Борис Савинков? Родился он в январе 1879 года в Харькове, в семье юриста и писательницы. Детство свое провел в Варшаве. В год окончания гимназии впервые был арестован полицией за участие в беспорядках. Польская интеллигенция тогда протестовала против открытия памятника усмирителю восстания. Муравьев-вешатель получил свое прозвище за то, что любил повторять: «Я не из тех, кого вешают. Я из тех, кто вешает!», намекая, таким образом, на своего родственника-декабриста. В подтверждение этого он издал приказ: «Тех, кого на улицах Варшавы застанут с оружием в руках, повесить. Остальных—расстрелять»...

Поступив в Петербургский университет на юридический факультет, он снова принял участие в студенческих беспорядках и снова попадает в полицию. Тогда, к слову сказать, Савинков исповедовал марксизм и был принципиальным противником террора. Но это не спасло его от тюрьмы, куда он попал вместе со своим старшим братом. И вот тут произошла трагедия, которая навсегда изменила характер Савинкова. Его брат, оказавшись в сибирской ссылке, покончил жизнь самоубийством. А отец, не перенеся такого позора, сошел с ума и вскоре умер.

Эти события не образумили Савинкова. В 1901 году он снова оказывается в тюрьме, в этот раз по делу социал-демократической группы «Рабочее знамя». Что интересно, это были сторонники Плеханова и

Ленина. Спустя годы большевики предпочтут об этом не вспоминать. А ведь в то время Савинков был весьма авторитетным марксистом. Шутка ли: ведущий сотрудник газеты «Рабочее дело», один из основателей группы «Социалист», талантливый пропагандист в рабочей среде. Одним из его основных лозунгов было «Насилие недопустимо ни в коем случае и ни для каких целей».

И как знать, может, со временем стал бы Борис Викторович одним из лидеров большевиков, если бы не случайная встреча. В вологодской ссылке, куда его сослали за революционную деятельность, он познакомился с «бабушкой русской революции» Екатериной Брешко-Брешковской. В тот день бывшая легенда террора сказала будущей легенде: *«О России ни весточки, так, слухи одни, да все тревожные. Все старое, мол, забыто, огульно отрицается, марксисты доморощенные появились, все блага родине завоевать хотят, так сказать, механически, ни воля, мол, ни героизм не нужны, бабы бредни да дворянские фантазии. Да-да, батюшка, тяжело это было среди бурят-то узнавать, в степи-то, да не верилось: неужто ж, думаю, наше все пропало, для чего же столько воли, да крови, да жизнью отдано? Не верилось, нет. Теперь-то уж иное дело пошло. У нас теперь сил-то во сто крат больше, наша-то закваска сильней оказалась, так-то! Смешно мне теперь, когда везде так говорят: социалисты-революционеры. Ведь это же я назвала их так. Думали о названии. А чего тут думать? Говорю: постойте, вы считаете себя социалистами? Да. А считаете себя революционерами? Да. Ну так и примите, говорю, название — социалистов-революционеров. На этом и согласились. Так-то, сударь, все великое в миг рождается»*

В одной из своих многочисленных книг Борис Викторович так описал суть произошедший с ним метаморфозы: *«Счастлив, кто верит в воскресение Христа, в воскрешение Лазаря. Счастлив также, кто верит в социализм, в грядущий рай на земле. Но мне смешны эти старые сказки, и пятнадцать десятин разделенной земли меня не прельщают. Я сказал: я не хочу быть рабом. Неужели в этом моя свобода? И зачем мне она? Во имя чего я иду на убийство? Во имя террора, для революции? Во имя крови, для крови? Но я не могу*

не убить, ибо люблю. Если крест тяжел — возьми его. Если грех велик — прими его».

Он уже был морально готов к греху. И без колебаний принял решение: бежать с каторги вместе со своим другом Иваном Каляевым. Добравшись до Архангельска, они сели на пароход. Заграничных паспортов, разумеется, не было. Но тогда их никто не спрашивал. Через Норвегию добрались в

Швейцарию, где их уже ждал один из лидеров социалистов-революционеров Михаил Гоц. Савинков буквально с порога заявил ему, что хочет работать в терроре. Но так просто в Боевую организацию не попадали. Гоц тактично намекнул, что нужно подождать и осмотреться. Однако молодой боевик сразу понравился ему. Через несколько дней он познакомил Савинкова с Евно Азефом.

Руководитель Боевой организации производил на людей отталкивающее впечатление. Он был непомерно толст, с одутловатым желтым лицом и темными маслинами выпуклых глаз. Череп кверху был сужен, лоб низкий. Глаза смотрели исподлобья. Над вывороченными, жирными губами расплющивался нос. Его уродство не могла сгладить даже модная одежда. Но при этом от него веяло таким холодным спокойствием и хладнокровием, что собеседники сразу понимали: перед ними фигура.

Он и был такой. Евно Фишелевич Азеф. Он же Валентин Кузьмич, он же Виноградов, он же Иван Николаевич. Начинал свою нелегкую карьеру простым осведомителем охраны со скромным окладом 50 рублей в месяц. Через десять лет службы уже зарабатывал в десять раз больше, но жалованье получал крайне нерегулярно. Сохранились его многочисленные слезливые письма, в которых он просит поскорее перечислить ему зарплату.

Сам о себе он говорил: *«Я местечковый еврей, который и должен был пойти в революцию. Ничего хорошего от царского режима мы не видели. Но мы сделаем так, что у всей России затрещат кости»*. Они и затрещали. При самом активном участии Бориса Савинкова.

Дальнейшую жизнь Савинкова газеты со временем назовут кинематографической лентой. Она, собственно, таковой была. Молодой социалист-революционер играл главную роль в боевике, в котором он же был автором сценария и режиссером.

Савинков сразу же предложил Азефу громкий террористический акт — убийство министра внутренних дел Плеве. Был даже готовый пойти на это исполнитель — Иван Каляев. Но его кандидатура чем-то не устроила Азефа. Рассерженный Каляев тогда в сердцах бросил: *«В жизни не видел отвратительней этого толстопузого купца. Я служу партии и делу освобождения России. И буду работать там, где найду более нужным и целесообразным»*.

Но Азефу не было никакого дела до детских обид Каляева. В его голове уже созрел хитроумный план — взорвать бомбу под каретой Плеве. Была сформирована группа боевиков, которая должна была тщательно изучить маршруты министра в столице, время поездок, численность охраны. Действовать она должна была под видом извозчиков, газетчиков, разносчиков. Руководителем группы был назначен Борис Савинков. Сам же Азеф направил в Петербург донесение: *«Боевая организация существует, и в ее составе насчитывается шесть человек исполнителей, выразивших готовность пожертвовать собой. Для покушения на министра предполагается применить динамит, коего в распоряжении организации имеется до двух с половиной пудов. Никого из исполнителей пока еще в Петербурге нет. Руководителя обещали прислать из-за границы, и кажется, что он уже приехал в Россию, но в Петербурге его еще нет. Министра предполагают подкараулить при выходе от одной дамы, проживающей на Сергиевской».*

18 марта 1904 года все должно было пойти по плану. И действительно, гуляя по Летнему саду, Савинков услышал взрыв. Но он рано торжествовал. Это был выстрел полуденной пушки в Петропавловской крепости. Покушение сорвалось из-за трусости одного из боевиков — Абрама Боришанского. А ведь у него была идеальная позиция, чтобы бросить бомбу в карету. Больше того, эта самая карета едва не сбила его с ног.

Рассудив, что первый блин всегда выходит комом, Савинков взялся довести дело до конца. Для этого он превращается в представителя английской фирмы. Снимает роскошную квартиру на улице Жуковского. Гувернанткой у него была Дора Бриллиант, революционерка из зажиточной еврейской семьи. Лакеем служил Егор Сазонов, который и должен был осуществить убийство Плеве. Азеф даже советовал Савинкову купить автомобиль, но тот отказался тратить попусту деньги. В разговоре с Каляевым он скажет тогда: *«Жертвую собой — для себя. Потому что я этого хочу, тут моя воля решающая. Я, может быть, буду бороться одиночкой, не знаю. Но иду только до тех пор, пока сам хочу идти, пока мне радостно идти и бить тех, кого я бью!»*

Утром 15 июля Савинков в задумчивости смотрел вслед уходящему Сазонову. Одетый в форму железнодорожника, он нес в руках большой пятикилограммовый цилиндр, завернутый в газету и перевязанный шнурком. Через несколько часов бомба взорвется под каретой министра иностранных дел. В своей книге «Азеф» Роман Гуль так описал убийство Плеве: *«Не рассуждая, кинулся к карете Сазонов. В секунду увидел в*

стекле старика. Старик рванулся, заслоняясь руками. И во взгляде отчаянных глаз Плеве и Сазонов в ту же секунду поняли, что оба умирают. Цилиндрическая бомба ударилась, разбив стекло. Рысаков сшибло страшным ударом, словно они были игрушечными. На всем ходу упали лошади. Серо-желтым вихрем в улице взметнулся столб дыма и пыли. Заволоклось все. Лежа на мостовой, Сазонов удивился, что жив, хотел приподняться, но почувствовал, что тела нет. С локтя, сквозь туман, увидел валяющиеся-красные куски подкладки

шинели и человеческого мяса. Сазонов удивился, что нет ни коней, ни кареты. Хотелось закричать: «Да здравствует свобода!», «Да здра...» Но все потемнело перед глазами...»

Савинков лично пришел на место убийства. Оттолкнул ногой окровавленный кусок мяса, с досадой подумал, что это должны быть останки Егора. Он ошибался. Вдоволь попарившись в бане, он купил на улице вечернюю газету и с огромным удивлением для себя увидел в ней портрет Плеве в траурной рамке. Ликуя в душе от удачно проведенной операции, он отправился на вокзал. В Москве его уже ждал Азеф, которому необходимо было сообщить все подробности террористического акта.

•••

Савинков вошел во вкус. Он все реже вспоминал о своем «толстовстве». Теперь это был совершенно другой человек: расчетливый убийца. Сам о себе он говорил так:

Гильотина — жизнь моя! Не боюсь я гильотины! Я смеюсь над палачом, Над его большим ножом!

В деле, заведенном полицией на него, значилось: «Представляет собой наиболее опасный тип противника монаршей власти, ибо он открыто и с полным оправданием в арсенал своей борьбы включает убийство. Слежка за ним и тем более предотвращение возможных с его стороны эксцессов крайне затруднительны».

Савинков взялся за организацию убийства генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Исполнять вызвался Иван Каляев. «Поэт», как называли его в партии, был крайне огорчен, что не стал «карающим мечом судьбы» в деле Плеве, и

жаждал проявить себя. Савинков не возражал. Он знал, что его близкий друг блестяще справится с делом. Так и произошло. 6 февраля 1905 года московские газеты писали: «На месте взрыва лежала бесформенная куча, состоявшая из мелких частей кареты, одежды и изуродованного тела. Публика, человек тридцать, осматривала следы разрушений; некоторые пробовали высвободить из-под обломков труп.

Зрелище было подавляющее. Головы не оказалось; из других частей можно было разобрать только руку и часть ноги».

Сам Савинков через несколько лет в своих мемуарах остановится на этом деле подробно: *«Я прошел мимо дворца и кареты и через Никольские ворота вышел на Тверскую. У меня было назначено свидание с Дорой Бриллиант на Кузнецком Мосту, в кондитерской Сиу. Я торопился на это свидание, чтобы успеть вернуться в Кремль к моменту взрыва. Когда я вышел на Кузнецкий мост, я услышал отдаленный глухой звук, как будто кто-то в переулке выстрелил из револьвера. Я не обратил на него внимания — до такой степени этот звук был не похож на гул взрыва. В кондитерской я застал Дору. Мы вышли с ней на Тверскую и пошли вниз к Кремлю. Внизу у Иверской нам навстречу попался мальчишка, который бежал без шапки и кричал: «Великого князя убило, голову оторвало».*

Лидеры партии торжествовали. Чернов с гордостью говорил тогда: *«За нами пойдут крестьяне, за нами рабочие! Горой пойдут! И власть над революцией будет наша, эсеровская власть!»* Лишь одному Савинкову до этого, казалось, нет никакого дела. Личное участие в терроре было для него важнее всех остальных партийных мероприятий. Он неустанно говорил, что политическое убийство — внепартийное дело. Ведь оно служит всей революции в целом. Поэтому и принимать участие в деятельности Боевой организации может хоть анархист-максималист, если он идейный сторонник индивидуального террора. Он даже не задумывался тогда, на чьи деньги совершал убийство. Узнав, что средства выделяли японцы, Савинков был смущен. Пришлось Азefу объяснять своему романтичному другу: *«Нужны деньги, мы их возьмем. Если сделаем дело, общество и прочая сволочь сами побегут за нами. А если ничего не сделаем, нас же затопчут. Без денег, что ты сделаешь? Эх, ваше сиятельство, людей убиваете, а все в белых перчатках ходить хотите, верно Гоц тебя скрипкой Страдивариуса зовет. Все рефлексии, вопросики, декаденщина всякая, как это: «о, закрой свои бледные ноги!»...»*

В мае 1906 года Савинков отправляется в Севастополь для организации покушения на адмирала Чухнина. Интересно, что он не знал про принятое центральным комитетом эсеров решение прекратить террор и распустить Боевую организацию. Через два дня Савинков был арестован по подозрению в покушении на коменданта Севастопольской крепости

генерал-лейтенанта Неплюева. Никакого отношения к этому делу знаменитый боевик не имел. Однако по поводу своей судьбы он иллюзий не строил — ему грозила смертная казнь. Нелепее ситуации представить было бы сложно: Савинков должен был отправиться на виселицу за то, в чем не участвовал и к чему относился с презрением. Ведь покушение на Неплюева готовил шестнадцатилетний гимназист. Но, чтобы не нарушать неписаных правил истинного революционера, Савинков должен был на суде молчать. В своих воспоминаниях он напишет потом: *«Я сидел в тюрьме и ждал казни. Но как-то не верилось в смерть. Смерть казалась ненужной и потому невозможной. Даже радости не было, гордости, что умираю за дело. Было какое-то странное равнодушие. Не хотелось жить, но и умирать не хотелось... Помню: меня занимало, режет ли веревка шею, больно ли задыхаться?»*

Но получить давно заслуженную им веревку Савинкову не довелось. Все закончилось удачно организованным побегом. Вернувшись в Европу, где расшатывать устои русской государственности было значительно удобнее, Савинков принял решение на время отойти от активной деятельности. Однако долго оставаться в стороне не пришлось. Азеф, зная самую вожделенную мечту Савинкова, предложил ему участвовать в убийстве Николая Второго. План был дерзкий: в Германии планировали построить специальный летательный аппарат для бомбометания. Но из-за отсутствия должного финансирования блестящая затея провалилась. Такая же судьба ждала еще один план Азефа — строительство подводной лодки для покушения на царскую яхту. Удивительно, но трезвый прагматик Савинков сначала предпочел не обращать внимания на откровенную глупость подобных фантазий. А потом уже стало и вовсе не до этого. Выяснилось, что Азеф — провокатор.

Известный журналист Бурцев встретился за границей с бывшим директором Департамента полиции Лопухиным, который получал от Азефа секретную информацию. Отставной чиновник согласился поделиться своей сенсационной информацией с лидерами эсеров Черновым, Аргуновым и Савинковым. Рассказал им все, что знал о работе руководителя Боевой организации на полицию. В своих воспоминаниях Савинков с горечью писал: *«Разоблачение Азефа нанесло тяжелейший моральный удар партии и, в частности, террору: оно показало, что во главе Боевой организации много лет стоял провокатор. Но разоблачение это освободило вместе с тем партию от тяготевшей над ней провокации. Оно помогло мне пересмотреть многое в прошлом. Я решил взять на себя ответственность за попытку восстановления Боевой организации. Я сделал это по двум*

причинам.

Во-первых, я считал, что честь террора требует возобновления его после дела Азефа: необходимо было доказать, что не Азеф создал центральный террор и что не попустительство полиции

было причиной удачных террористических актов. Возобновленный террор смывал пятно с Боевой организации, с живых и умерших ее членов.

Во-вторых, я считал, что правильно поставленная, расширенная боевая организация при отсутствии провокаторов может, пользуясь старыми методами, явиться паллиативом в деле террора: при благоприятных условиях ее деятельность могла увенчаться успехом».

Однако возобновить террор уже не удалось. И дело тут не только в боязни лидеров эсеров «тени Азефа». Резко поубавилось число желающих принять непосредственное участие в убийствах. Те, кто раньше рукоплескал Сазонову и Каляеву, нынче занимали уже совершенно другую позицию. С огромным трудом удалось собрать тринадцать человек. Это включая самого Савинкова и его жену. На английском острове Джерси подготовили бомбы и в конце 1909 года отправились в Россию. Савинков поставил цель: ликвидировать министра юстиции Щегловитова, министра внутренних дел Столыпина и великого князя Николая Николаевича. Хотя мог бы и прислушаться к одному из самых блистательных русских мыслителей начала XX века В.В. Розанову: *«Из революционеров только немногие начинают соображать, в каком положении они находятся. И при этом об этом не соображают даже такие люди, как Плеханов, Кропоткин, Лопатин. Что не «Азеф ужасен», а что самая революция уселась в кресло азефовщины. Масса грянулась в азефовщину. Как? Почему? Что случилось? Да очень просто. Азефовщиной можно назвать всякое приглашение воевать в битве, о проигрыше которой никто не сомневается...»*

Все так и получилось. Счастье изменило эсерам. Один из боевиков был сразу арестован, несколько человек, почувствовав, что за ними следят, предпочли уехать из России. Савинкову стало ясно: нужно придумать что-то новое, его методы уже известны полиции. Поэтому он распускает своих боевиков и решает создать новую террористическую организацию. Но едва они почувствовали себя готовыми к свершениям, как разразился громкий скандал: эсер Кирюхин был разоблачен как провокатор. В довершение всех бед застрелился боевик Бердо, доведенный до отчаяния подозрениями, что он работает на полицию. Одним из тех, кто его подозревал, был сам Савинков. И делал он это в свойственной себе манере. То есть не зная границ дозволенного.

В результате ЦК эсеров принял решение окончательно закрыть Боевую организацию. Чернову и Гоцу стало жалко впустую потраченных семидесяти тысяч золотых рублей. Тем более что боевики особо и не стремились в Россию, предпочитая спокойную и размеренную жизнь во Франции и в Англии. Огорченный таким поворотом, Савинков полностью порываете социалистами-революционерами. В своих воспоминаниях он патетически напишет: *«Было желание, я был в терроре. Я не хочу террора теперь. Зачем? Для сцены? Для марионеток? Я вспоминаю: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь». Я не люблю и не знаю Бога. Ваня знал. Знал ли он ? И еще: «Блаженны не видевшие и уверовавшие». Во что верить ? Кому молиться ? Я не хочу молитвы рабов. Пусть Христос зажжет словом свет. Мне не нужно тихого света. Пусть любовь спасет мир. Мне не нужно любви. Я один. Я уйду из скучного балагана. И — отверзнется на небе храм — я скажу и тогда: все суета и ложь».*

Глава 2. «То, чего не было...»

Борис Савинков начал писать и публиковать под псевдонимом Виктор Ропшин свои декадентские стихи и поэмы, еще будучи студентом. Псевдоним придумала Гиппиус, имея в виду местность Ропшу, рядом с царским дворцом. То самое, где задушили Петра Третьего. Более символичного имени начинающему литератору представить было бы сложно. Стихи были весьма средние, хотя критики отмечали, что автор явно не рядовая посредственность. Особенно им импонировали строки:

Я шел, шатался,
Огненный шар раскалялся...
Мостовая.
Пылала,
Белая пыль
Ослепляла,
Черная тень
Колебалась.
В этот июльский день
Моя сила
Сломалась.
Я шел, шатался,
Огненный шар раскалялся...
И уже тяжкая подымалась
Радость.
Радость от века —
Радость, что я убил человека.

Расставшись с эсерами, он взялся за перо всерьез. Одна за другой выходят книги «Воспоминания террориста» и «Конь бледный». Библейское название последней абсолютно точно передает суть: Савинков открыто пишет о греховности террора, хотя еще несколько лет назад был горячим сторонником необходимости «пускания крови за народ». Теперь же совсем другие мысли властвуют над несостоявшимся цареубийцей: *«До сих пор я имел оправдание: я убиваю во имя террора, для революции. Те, что топили японцев, знали, как я: смерть нужна для России. Но вот я убил*

для себя. Я захотел — и убил. Кто судья ? Кто осудит меня ? Кто оправдает ? Мне смешны мои судьи, смешны их строгие приговоры. Кто придет ко мне и с верою скажет: убить нельзя, не убий. Кто осмелится бросить камень ? Нет грани, нет различия. Почему для террора убить — хорошо, для отечества — нужно, а для себя — невозможно ? Кто мне ответит ? Я спрашиваю себя: зачем я убил ? Чего я смертью добился ? Да, я верил: можно убить. А теперь мне грустно: я убил не только его, убил и любовь. Так грустит печальная осень: осыпается мертвый лист. Мертвый лист моих утраченных дней...»

Уже тогда Савинков ощущал себя исторической личностью. Сам о себе любил говорить, что такие как он пишут историю. Он вдруг неожиданно для всех перестал кичиться атеизмом и стал адептом «мистического народничества». Духовный кризис был усилен разводом с женой, которая так и не смогла сжиться с его характером. Сам Савинков, казалось, не обращал на это никакого внимания. По меткому выражению его друга Прокофьева, он дошел умом до необходимости религии, но пока не дошел к вере. Хотя предпосылки были: «Нужно крестную муку принять, нужно из любви, для любви на все решиться. Но непременно, непременно из любви и для любви. Иначе — опять Смердяков, то есть путь к Смердякову. Вот я живу. Для чего ? Может быть, для смертного моего часа живу. Молюсь: Господи, дай мне смерть во имя любви. А об убийстве ведь не помолитесь. Убьешь, а молиться не станешь. И ведь знаю: мало во мне любви, тяжел мне мой крест...»

Третий его роман, «То, чего не было», в сущности, стал попыткой разобраться в себе, в своей жизни. Именно поэтому книга вызвала столь бурную критику эсеров. Понять их можно. Ведь автором был тот самый человек, который когда — с негодованием отверг предложение французской газеты написать воспоминания. «Мы творим историю!» — так, надрывно, с пафосом, бросил в лицо журналистке Савинков свой вердикт. Бросил, словно

по щекам ее отхлестал. И вот теперь лично взялся за мемуары. Лидеры социалистов-революционеров даже цитировали Льва Толстого, пытаясь хоть таким образом образумить Савинкова: «Когда венценосцев убивают по суду или при дворцовых переворотах, то об этом обыкновенно молчат. Когда убивают без суда, то это вызывает в династических кругах величайшее негодование». Но Савинкову было необходимо ответить на мучавшие его вопросы. Даже не так: его влекло искусство, через любовь к которому он и пытался навести порядок в собственных мыслях и убеждениях. Отчасти ему это удалось: «Он увидел Русь необозримых,

распаханных, орошенных потом полей, заводов, фабрик и мастерских, Русь не студентов, не офицеров, не программ, не собраний, не комитетов и не праздную, легкоязычную и празднословную Русь, а Русь пахарей и жнецов, трудовую, непобедимую, великую Русь... И сразу стало легко. Он понял, что ни министры, ни комитеты не властны изменить ход событий, как не властны матросы успокоить бушующий океан. И он почувствовал, как на дне утомленной души чистым пламенем снова вспыхнула вера — вера в народ, в дело освобождения, в обновленный, на любви построенный мир. Вера в вечную правду».

Но еще больше его влекла собственная значимость, если не сказать гордыня. Он скрупулезно хранил тысячи писем, сотни статей о себе, записные книжки... И все это, несмотря на, в общем-то, подвижный образ жизни. Пока никто так и не взялся за то, чтобы изучить весь архив, собранный Савинковым. А ведь там бесценный клад для любого исследователя: переписка с Гиппиус, Мережковским, Арцыбашевым, Волошиным, Эренбургом, Ремизовым, Философовым... А ведь есть и своеобразный бриллиант у этой короны: исповеди соратников по боевой организации, письма от Азефа и других лидеров эсеров. О них он тогда же скажет: *«Да я ненавижу их, как мелкую человеческую сволочь. Я играл с петлей. Пусть играют другие».*

Разрыв с эсерами стал окончательным по мере сближения с известным марксистом Плехановым. Вместе они начинают издавать газету «Юг». Вообще определить политическую ориентацию Савинкова в те годы сложно, если вообще возможно. Он, словно Фигаро, появлялся на любом поле, которое еще не было занято более удачливыми конкурентами по политическому Олимпу. Он был подобен ртути, стремящейся заполнить любую пустоту. И все ради того, чтобы наконец-то войти в историю. Наконец-то почувствовать себя значимым и нужным. Он ведь об этом и сам писал: *«Но та же непонятная сила, которой он радовался вчера, удерживала его. И сознание, что он не принадлежит себе, что он бессловесный и послушный солдат, теперь не только не было приятно ему, но вызвало смущение и страх»*

Начавшуюся Первую мировую войну Савинков встретил на юге Франции. В стране тогда началась паника. Казалось, только легендарный террорист сохранял спокойствие. В этом он видел особый дар судьбы —

наконец-то он будет по-настоящему востребован обществом. Ему не составило особого труда получить удостоверение военного корреспондента. И вот Савинков уже шлет на родину свои впечатления с фронта. Он, возможно впервые в жизни не лукавит, когда пишет, что нет для него дороже городов, чем Париж и Москва. Он даже написал целую книгу — «Во Франции во время войны». Но особого успеха она не снискала. В России тогда царили совсем другие настроения.

Савинков, кстати, вообще имел весьма смутное представление, чем живет эта самая Россия. Давно прошли те времена, когда он по одному вечеру мог уловить пульс Петербурга или Москвы. На родину ему путь был заказан, поэтому приходилось довольствоваться теоретическими изысканиями. А они от практики у Савинкова всегда были далеки, пусть он и называл себя самым реальным человеком дела. Фигурально выражаясь, события 1916 года он попросту проспал. Не имея ни малейшего представления о «дворцовом заговоре» Гучкова и Львова и большевистской пропаганде против войны, он почему-то считал, что нынче только эсеры с их требованием «земли и воли» способны влиять на политическую ситуацию в стране. Но даже тут он ошибся. Его вчерашние соратники по партии подготовили к революции те самые миллионы мужиков в солдатских шинелях. То есть, апеллируя к простым и понятным всем чувствам, они добились большего, чем Савинков с его убийствами Плеве и великого князя. Больше того: избавившись от террора, эсеры привлекли на свою сторону средний класс, который жаждал реформ. В результате уже к началу 1917 года число членов партии превышало 800 000 человек. Чернов со товарищи получили поддержку не только крестьян, на которых всегда опирались, но и рабочих и интеллигенции. Стоит ли удивляться после этого большинству голосов на выборах в Учредительное собрание. Казалось бы, сама жизнь толкала эсеров во власть. Однако они к этому не стремились, словно боялись ответственности, о которой столь часто говорили и писали в эмиграции. Хотя во Временное правительство вошли.

Савинков ответственности не боялся. И во власть стремился. Но вот беда: его туда не приглашали. Поэтому, умерив на время свою безграничную гордыню, он сам собрался в Россию. В апреле 1917 года Савинков приехал в Петроград. Торжественной встречи не было. Приехал и приехал. Еще один революционер, кои тогда десятками возвращались на родину. А вот Максимилиан Волошин сразу понял, что все только и начинается. В письме Савинкову он отмечал: *«Не прошло еще двадцати месяцев, как Вы, собираясь идти волонтером во Франции, говорили мне, что к концу войны будете квартирмейстером от кавалерии и не*

помириться на меньшем. Человеку даны две творческих силы: по отношению к будущему — Вера (обличение вещей невидимых), по отношению к настоящему — Разум (критицизм, скептицизм). Их субъективная окраска — энтузиазм и презрение. Силы эти противоположны и полярны, и соединение их в одном лице рождает взрыв, молнию — действие. Но обычно их стараются обезопасить, соединить в устойчивой химической комбинации в виде политической теории или партийной программы: целлулоид, приготовляемый из нитроглицерина! Отсюда ненависть к «идеологиям», отличающая носителей молний, создававших великие государственные сплавы — Цезарей и Наполеонов. Из всех людей, выдвинутых революцией и являющихся в большинстве случаев микробами разложения, я только в Вас вижу настоящего «литейщика», действенное и молниеносное сочетание религиозной веры с безнадежным знанием людей».

Уже через месяц после возвращения в Россию Савинков вместе с Керенским прибывает в ставку Юго-Западного фронта. Его кипучая энергия наконец-то находит выход. Он становится комиссаром седьмой армии и с упоением выступает на бесконечных митингах. Основной посыл его выступлений прост: во всех бедах армии в частности и страны в целом виноват Петроград, это источник угарного яда антигосударственной политики. Ему аплодируют. Его мысли понятны и приятны аудитории. Но ровно до момента, когда Савинков переходит ко второй части, — воевать нужно до победного конца. А воевать им очень не хочется. Все устали. Тем более что большевики кричат: хорош, товарищи, айда землю делить. Пора уже экспроприировать у экспроприаторов...

Савинков уговаривает Керенского ввести в Петрограде военное положение, провести реформы в армии, восстановить смертную казнь на фронте и в тылу и арестовать лидеров большевиков. Еще совсем недавно он был ярким противником диктатуры. Теперь же постоянно призывает к ней. Пытаясь убедить Керенского Савинков совершает и театральный жест — подает в отставку. Его начинают упрашивать забрать свое заявление. Через неделю он так и делает. Известная русская поэтесса Зинаида Гиппиус записала тогда в своем дневнике: «Идея Савинкова такова: действительно нужно, чтобы явилась наконец действительная власть, вполне осуществимая в обстановке сегодняшнего дня при такой

комбинации: Керенский остается во главе (это непременно), его ближайшие помощники-сотрудники — Корнилов и Борис. Корнилов — это значит опора войск, защита России, реальное возрождение армии. Керенский и Савинков — защита свободы.

Савинков понимает и положение дел, и вообще все самым блистательным образом. Я не вижу, чтобы Савинковым двигало сейчас его громадное честолюбие. Напротив, я утверждаю, что главный двигатель его во всем этом деле — подлинная, умная любовь к России и ее свободе...»

Именно Савинков был отправлен Керенским в ставку Корнилова для переговоров о введении в столице военного положения. Но «опора войск» уже не шел на компромиссы, требовал отставки правительства и передачи себе всей полноты власти. Керенский понимал: промедление в этой связи для него смерти подобно. И не только в политическом плане. Он прекрасно знал, что никаким авторитетом в армии не пользуется и что многие фронтовики мечтают его повесить. Ведь именно на Керенского проецировалась вся ненависть русского офицерства к политиканству, столь отчетливо обозначенная в очень популярном тогда стихотворении «Молитва»:

Товарищи наши в боях погибая, Молили нас лишь об одном:

Боритесь и верьте, что правда святая — В победе над подлым врагом. Л нынче на стогах кричат Петрограда: «Не надо побед нам. Все бредни долой, Лишь корму, да пойма, да зрелищ нам надо, Лишь в праздных восторгах сокрыта отрада, И мы их добудем любой ценой...» Постичь не желают народа витии. Что лозунг их — рабства печать, Что им же придется покорные выи Пред наглым тевтоном склонять, Что граждане ныне свободной России Сапог победителя станут лобзать...

Стремясь сохранить власть любой ценой, Керенский пошел на временный союз с большевиками, которые были не на шутку испуганы возможными последствиями для них самих корниловского мятежа. Не прогадал и Савинков: выступив «спасителем революции», он стал петроградским военным губернатором и командующим обороной столицы от войск мятежников. Английский посол Бьюкенен записал тогда в своем дневнике: «Мы пришли в этой стране к любопытному положению, когда мы приветствуем назначение террориста, бывшего одним из главных организаторов убийства великого князя Сергея Александровича и Плеве, в надежде, что его энергия и сила воли могут еще спасти армию...»

Спустя годы, уже в эмиграции, многие были убеждены: если бы Савинков поддержал тогда Корнилова, от большевиков бы и след простыл.

Однако это было невозможно по определению. Савинков прекрасно понимал: если он поддержит Корнилова, то очень скоро сам окажется на виселице. Русский офицерский корпус, насквозь монархический, не забыл убийства великого князя. Не случайно Антон Иванович Деникин в своих «Очерках русской смуты» напишет потом: *«Взгляды Савинкова не во всем совпадали со взглядами Корнилова. Он отстаивал широкие права военно-революционных учреждений — комиссариатов и комитетов. Хотя он и признавал чужеродность этих органов в военной среде и недопустимость их в условиях нормальной организации у нас, по-видимому надеялся, что после прихода к власти комиссарами можно было бы назначать людей «верных», а комитеты — взять в руки. Он называл эту цель — спасением родины; другие считали ее личным стремлением к власти».*

Корнилов, Деникин и другие мятежные генералы были арестованы. Хотя Савинков вышел из этой сложной игры победителем, это была пиррова победа. Не зря Наполеон когда-то писал: «Революцию замышляют романтики, устраивают циники, а плодами пользуются сволочи». Так и вышло. Единственным победителем стала ленинская партия, которая на волне «корниловщины» провела перевыборы в Советы и фактически узаконила свои вооруженные формирования Красной гвардии. Дальнейшее предсказать было несложно.

25 октября 1917 года большевики совершили государственный переворот. (Вернее сказать, антигосударственный, ведь само слово «Россия» вскоре исчезло с политической карты мира.) Вместе с генералом Алексеевым Савинков безуспешно стремился разблокировать осажденный Зимний дворец. Керенский бежал в Гатчину, где пытался уговорить казачьего генерала Краснова навести в Петрограде порядок. Но было уже поздно...

Глава 3. Главный враг рабоче-крестьянской власти

После большевистского переворота Савинков отправляется на Дон, в русскую Вандею. Он рассчитывал убедить собиравшихся со всей страны офицеров создать добровольческую армию, готовую дойти до Москвы и способную навести в стране поряд-

док. Ему даже удалось войти в образованный генералом Алексеевым «Донской гражданский совет» — некую альтернативу коммунистической власти. Но извлечь политических дивидендов из этого Савинкову не удалось. Антон Иванович Деникин писал в своих «Очерках русской смуты»: *«За кулисами продолжалась работа Савинкова. Первоначально он стремился во что бы то ни стало связать свое имя с именем Алексева, возглавить вместе с ним организацию и обратиться с совместным воззванием к стране. Эта комбинация не удалась. Корнилов в первые дни после своего приезда не хотел и слышать имени Савинкова. Савинков доказывал, что «отмежевание от демократии составляет политическую ошибку», что в состав Совета необходимо включить представителей демократии в лице его, Савинкова, и группы его политических друзей, что такой состав Совета снимет с него обвинение в скрытой реакционности и привлечет на его сторону солдат и казачество; он утверждал, кстати, что в его распоряжении имеется в Ростове значительный контингент революционной демократии, которая хлынет в ряды Добровольческой армии. Все три генерала относились отрицательно к Савинкову. Но Каледин считал, что «без этой уступки демократии ему не удастся обеспечить пребывание на Дону Добровольческой армии», Алексеев уступал перед этими доводами, а Корнилова смущала возможность упрека в том, что он препятствует участию Савинкова в организации по мотивам личным, восходящим ко времени августовского выступления».*

В феврале 1918 года вечный боец решает покинуть столь негостеприимный для него Дон и тайно пробирается в Москву. Он прекрасно понимал, что его известность может сыграть с ним злую шутку. Но, как шутил сам, у ЧК еще руки были коротки добраться до таких боевиков. В полувоенном френче спокойно прогуливался по Москве, не отказывая себе в удовольствии пройти и мимо той самой Лубянки. На него никто не обращал

особого внимания. Со стороны Савинкова можно было бы принять за одного из первых советских бюрократов. Встречи со своими агентами он

всегда назначал в одном и том же месте — в сквере у Большого театра.

За несколько месяцев путем титанических усилий ему удалось склотить крупную антибольшевистскую организацию — «Союз защиты Родины и свободы». Входили в нее разочаровавшиеся эсеры, озлобленные на большевиков кадеты, народные социалисты, офицеры и вчерашние юнкера. Всего удалось рекрутировать почти 5000 человек, создав отделения в Казани, Калуге, Костроме, Ярославле, Рыбинске, Челябинске, Рязани и Муроме. Во всех этих городах тайно создавались склады оружия на случай вооруженного выступления против коммунистов. Возглавляли организацию, помимо Савинкова, генерал-лейтенант Рычков, полковник Перхуров и командир охранявших Кремль латышских стрелков Ян Бреде.

Именно те легендарные латышские стрелки стали основой организации. С их помощью Савинков надеялся захватить всех лидеров большевиков. Казалось бы, что общего у преторианской гвардии Ленина и знаменитого боевика? Объединяло их одно: неприятие только что подписанного Брестского мира, по которому Латвия переходила под контроль Германии. А план Савинкова им очень импонировал. Предусматривалось установление диктатуры, которая должна была бы защитить завоевания февральской революции, передел земли в пользу крестьян и создание армии. Основной задачей своей организации Савинков видел вооруженную борьбу с большевиками. После переворота он планировал немедленно объявить войну Германии, аннулировать Брестский мир и помочь союзникам довести Первую мировую до победы. Под эти цели выделялись значительные средства. От французского посла Нуланса Савинков получил более двух миллионов рублей. Еще 200 тысяч рублей выделил Масарик, мечтавший продолжить борьбу против немцев за

государственность Чехословакии. О роли «спонсоров» в «Союзе защиты Родины и свободы» сам Савинков через несколько лет начнет давать показания на процессе в Москве:

«Судья: Какой тактики придерживалась ваша организация, и какие ближайшие цели вы преследовали весной 1918 года ?

Савинков: Наша организация была боевой организацией. Она ставила себе задачей те восстания, которые потом произошли в Ярославле, Рыбинске и Муроме. Я всегда стоял на той точке зрения, что если я веду войну, то я веду ее всеми средствами и всеми способами. Наша организация имела в виду все возможные способы борьбы, вплоть до террора. Мы имели в виду прежде всего вооруженные восстания, но не отказывались и от террористических актов. В 1918 году предполагалось покушение на Ленина и Троцкого, но делалось очень мало. Пытались

организовать наблюдение по старому способу, но из этого толку вышло мало не потому, что мы не хотели, а потому, что мы не смогли. Я следил за Лениным через третьих лиц. Эти лица мне рассказывали о том, как живет Ленин, где живет Ленин, но дальше этого дело не пошло. К делу Каплан наш союз не имел никакого отношения. Я знал, что эсеры что-то делают, но что именно делают — этого я не знал.

Судья: В вашей брошюре «Борьба с большевиками» написано: «План этот удался, но только отчасти. Покушение на Ленина удалось только наполовину. Каплан только ранила его, но не убила». Как понять эту фразу ?

Савинков: Это неудачная фраза. В этой брошюре, которая была предназначена для широкого распространения, я описал правду, но не с такой точностью, с какой говорю вам.

Судья: Знали ли французы, что вы не исключаете индивидуального террора ?

Савинков: Конечно, знали.

Судья: Знали ли они, что предполагалось совершить покушение на Ленина ?

Савинков: Не могу сказать с полной уверенностью, но думаю, что они должны были знать. Сейчас не вспоминаю разговоров, но думаю, что такой разговор должен был иметь место. Французы не только могли, но и должны были предполагать по всему ходу наших сношений, они должны были знать...»

6 марта 1918 года в газете «Русские ведомости» появилась статья Савинкова, в самом начале которой он расставил точки на «і»: большевики служили и служат немцам. Соратники Ленина обиделись. Газету немедленно закрыли. Редактора и его заместителя пригласили погостить на Лубянку, где долго и с особым пристрастием узнавали: кто автор навета на революцию? Журналисты сопротивлялись недолго и предпочли рассказать все, что знали. Во многом благодаря их показаниям через два месяца удалось арестовать более ста членов савинковской организации в Москве. В том числе почти всех подпольщиков из числа латышских стрелков. Еще больше заговорщиков было арестовано в Казани. Все были расстреляны в кратчайшие сроки. Но многократно воспетые самим Савинковым методы конспирации в этот раз все же принесли желаемый результат. Почти все

лидеры союза ареста избежали. Все же у него была удивительная интуиция. Он покидал конспиративные квартиры за полчаса до того, как туда врывались чекисты. Одно время Савинков прятался даже в английском консульстве, потом решил убраться подальше от беспокойной Москвы. В Казань. Сам он потом отозвался о тех днях такими строчками:

*Когда безгрешный Серафим
Взмахнет орлиными крылами,
Нетленный град Иерусалим*

*Предстанет в славе перед нами. Смарагд, ияспис, и берилл...
Богатствам Господа нет счета, И сам архангел Гавриил Хранит
жемчужные ворота. Ни звезд, ни солнца, ни луны... Нетленный град —
светильник Божий: У городской его стены Двенадцать огненных
подножий... Но знаю: жжет святой огонь, Убийца в храм Христов не
ввидет: Его истопчет бледный конь, И царь царей возненавидит.*

Но даже не вынужденный отъезд из златоглавой расстраивал Савинкова. Гораздо более огорчительно было то, что французы отказались финансировать его до тех пор, пока не увидят реальных результатов работы. Их можно было понять. Летом 1918 года началось масштабное наступление немецких войск на Париж. Положение города было критическим. В этой ситуации помочь могла Россия, если бы она снова вступила в войну. Однако сделать это можно было только после свержения большевиков. Савинков немедленно взялся разрабатывать план вооруженного восстания. Члены «Союза защиты Родины и Свободы» должны были выступить в Москве в первых числах июня. И хотя затея могла иметь неплохие шансы на успех, Савинков вскоре передумал. Он посчитал, что даже при победе в столице город оказался бы во вражеском кольце и население Москвы было бы обречено на голод. А это привело бы мало того что к стратегическому поражению, так еще и к укреплению власти большевиков.

Савинков немедленно разработал новый план. Согласно ему, восстания должны были пройти в городах вокруг Москвы: в

Ярославле, Казани, Рыбинске, Костроме, Муроме, десант союзников должен был, высадившись в Архангельске, нанести главный удар через Вологду на Москву. В дальнейшем, взаимодействуя с войсками самарского комитета Учредительного собрания, восставшие планировали с севера и востока штурмовать столицу. Последним этапом в случае успеха всей операции должно было стать объявление войны Германии.

В ночь на 6 июля 1918 года 120 членов «Союза защиты Родины и свободы» и сагитированный ими броневой дивизион подняли восстание в

Ярославле. В городе находились крупные военные склады, и восставшим удалось быстро вооружить большинство антикоммунистически настроенных людей. Тут же было опубликовано обращение, написанное заранее:

«Объявляю гражданам Ярославской губернии, что со дня опубликования настоящего постановления в целях воссоздания в губернии законности, порядка и общественного спокойствия:

1. Восстанавливаются повсеместно в губернии органы власти и должностные лица, существовавшие по действовавшим законам до октябрьского переворота 1917года, т.е. до захвата центральной власти Советом Народных Комиссаров, кроме особо установленных ниже изъятий.

2. Признаются отныне уничтоженными все законы, декреты, постановления и распоряжения так называемой «Советской власти», как центральной в лице Совета Народных Комиссаров, так и местных в лице рабочих, крестьянских и красногвардейских депутатов, Исполнительных Комитетов, их отделов, комиссий, когда бы и за чьей бы то ни было подписью означенные акты не были изданы.

3. Упраздняются все органы означенной «Советской власти», где бы в пределах Ярославской губернии они ни находились и как бы ни именовались, как коллегиальные, так и единоличные...»

Правая рука Савинкова полковник Перхуров объявил себя главнокомандующим Северной добровольческой армией и губернатором Ярославской губернии. Было арестовано около двухсот самых видных большевиков, нескольких расстреляли. И хотя восставшим удалось создать из крестьян несколько полков, через пятнадцать дней превосходящие силы Красной армии подавили восстание. В своих воспоминаниях генерал-майор Гоппер с горечью писал: *«Меня иногда мучают угрызения совести за эти страшные и ненужные жертвы, принесенные на алтарь Ярославля, и я нахожу некоторое утешение только в том, что я не был инициатором этого дела, а лишь исполнителем, не бывшим в состоянии изменить хода событий. Но нельзя отрицать и того, что Ярославль почти в течение месяца сковывал у большевиков руки в важном стратегическом узле, притягивая их слабые в то время силы. Нас, уцелевших участников ярославских событий, это заставило изменить свои взгляды на многие факты и явления, которые мы раньше неверно оценивали. О том, как кончилась ярославская трагедия, я слышал уже впоследствии в Уфе и в Сибири от товарищей, которым удалось уйти из Ярославля уже после его сдачи и которые отчасти были свидетелями*

ужасов, творивших там красными вопреки данным обещаниям и гарантиям при условиях о сдаче».

7 июня началось восстание в Рыбинске. Отряд из четырехсот человек вел в бой сам Савинков. Но местная ЧК заранее знало о мятеже, и все попытки захватить артиллерийские склады в городе были отбиты. После двухдневных боев восстание захлебнулось. Итогом авантюры Савинкова стали массовые казни эсеров, нейтральных обывателей, арестованных ранее членов «Союза защиты Родины и свободы». Большевики не собирались церемониться с врагами революции. Вот лишь один из приказов чрезвычайного штаба Ярославского фронта: *«Всем, кому дорога жизнь, предлагается в течение двадцати четырех часов со дня объявления сего оставить город и выйти к Американскому мосту.*

Оставшиеся после указанного срока в городе будут считаться участниками мятежников. По истечении двадцати четырех часов пощады никому не будет, по городу будет открыт самый беспощадный, ураганный артиллерийский огонь из тяжелых орудий, а также химическими снарядами. Все оставшиеся погибнут под развалинами города вместе с мятежниками, предателями и врагами революции рабочих и беднейших крестьян».

Об этом Савинков старался не думать. Все мысли его занимало очередное предательство союзников. Войска Антанты мятеж не поддержали — не хватило у них сил, поэтому он решил на время приостановить мятежи с целью срывания Брестского мира. В отчаяние от срыва восстания, которое готовилось полгода, Савинков бежит в Сибирь, где совершает полный театрального фарса жест — записывается рядовым в каппелевские части. О том, насколько это было серьезное приобретение для белого Движения, вспоминал уже в эмиграции полковник Вырыпаев: *«Когда Савинков и я сидели около лавки, ко мне привели грязного 16-летнего красноармейца мои смеющиеся над ним добровольцы. Он от страха заливался горькими слезами. Среди приведших его был мой большой приятель и друг по коммерческому училищу Л. Ш., который сказал: «Господин командир (чинов у нас тогда не было, обращались по должности), разрешите этого парнишку отшлепать. Он убежал от матери и поступил в красные добровольцы». Я ему разрешил, так как хорошо знал, что доброволец Л. Ш. ничего страшного парнишке не сделает. Он скомандовал красному вояке снять штаны и лечь на бревно и дал ему несколько шлепков, приговаривая: «Не бегай от матери, не ходи в красные добровольцы!» И добавил: «Вставай и иди к своим и скажи, что мы никого не расстреливаем». Красный вояка, застегивая на ходу пуговицы*

итанов, быстро побежал к бронепоезду, крича: «Никому ничего не скажу!» — и скрылся за плетнями огородов.

Наблюдавший эту картину Савинков, обращаясь ко мне, сказал: «Эх, Василий Осипович, добрый вы человек — что вы с ними цацкаетесь? Расстрелять эту сволочь, да и дело с концом. Ведь, попадись мы с вами к этим молодчикам, они ремнями содрали бы с нас кожу. Я только что бежал от них и видел, что они делали с пленными...»

Душа поэта суровой воинской дисциплины долго выдержать не смогла. При первом же удобном случае он перебирается в Омск, где входит в состав Сибирского правительства. Многие склонны считать, что это именно Савинков был истинным вдохновителем переворота, благодаря которому адмирал Колчак пришел к власти. В самом деле, почерк узнаваем, жаль лишь, что документально это не подтверждено. Но даже если это действительно было так, то Савинков жестоко просчитался. Александр Васильевич Колчак не очень-то жаловал несостоявшегося цареубийцу и предпочел при первом же удобном случае избавиться от него. Савинков потом всем рассказывал, что Верховный правитель России не захотел быть в тени популярного лидера. Это чепуха. Никакой популярностью бывший террорист не пользовался в войсках Восточного фронта. Больше того, многие офицеры армии Колчака не скрывали своего желания повесить Савинкова, как только представится хороший повод. Не зная этого он не мог. Поэтому и воспринял свое назначение зарубежным представителем Колчака с удовольствием и явным облегчением. За короткий срок он успел перезнакомиться со всеми европейскими лидерами, агитируя их помочь добровольцам, иначе красная вакханалия доберется и до старого света. Особо близкие отношения у него сложились с военным министром Великобритании сэром Уинстоном Черчиллем, который и спустя годы будет с теплотой

вспоминать о мистере Савинкове: «Манеры его были одновременно непринужденными и исполненными достоинства; за свободной и учтивой речью чувствовалось холодное, но не мертвящее внутреннее спокойствие; все это говорило о том, что я нахожусь в присутствии человека незаурядного, в тайниках личности которого волевой импульс соседствовал с сильным чувством самообладания, Я ощущал силу и обаяние его личности».

Не забывал Савинков и про литературную деятельность, которая все больше и больше трансформировалась в журналистику. Надо сказать, весьма талантливую. В Варшаве он редактировал газету «Слово», в Париже руководил бюро печати армии Колчака. В своих статьях он настоятельно советовал действовать только под демократическим флагом, забыв навсегда про возрожденную монархию. Главная его идея заключалась в следующем: отказаться раз и навсегда от бессмысленного лозунга «Единая, Великая и Неделимая Россия», заключить стратегический союз с Петлюрой и польскими войсками. Но Антон Иванович Деникин в достаточно вежливой форме объяснил легендарному террористу, что в его советах не нуждается.

Савинкову многие прочили должность представителя Белого движения в Праге. Немудрено, ведь он очень хорошо знал президента страны Масарика, даже получал от него деньги на убийство Ленина. Однако он решил возобновить знакомство со своим другом по гимназии Пилсудским, ставшим к тому времени лидером Польши. В Варшаве Савинков создает «Русский политический комитет», который, по его расчетам, должен был стать объединяющим стержнем всего антибольшевистского сопротивления. Казалось бы, так и должно было бы произойти. В апреле 1920 года польские и петлюровские части начали наступление против Красной армии. Уже через десять дней были захвачены Киев и большая часть Правобережной Украины. Сам Савинков в тот момент организовал в Польше Русскую народную армию

под командованием генерала Булак-Балаховича, о котором ходила дурная слава. Отвлечемся ненадолго от Савинкова и посмотрим, кому же он доверил командовать армией.

Современники так описывали его: *«Среднегорста, сухая во-енная выправка, стройный, лицо незначительное, широкие скулы. Говорит с польским акцентом, житейски умен, крайне осторожен. Характеру вполне соответствовала и первая часть его фамилии: «Булак» — человек, которого ветер носит»*. Он прославился еще в годы Первой мировой. Немцы называли его «рыцарем смерти», отдавая должное его стойкости: в боях он был ранен пять раз, но никогда не покидал свой эскадрон. Георгиевский кавалер остался в строю и после большевистского переворота. Мало того, он единственный из белых вождей, кто служил в армии Троцкого. Однако при первом же удобном случае вместе со своим

отрядом перешел на сторону добровольцев Северо-Запада.

После перехода атамана на сторону белых генерал Родзянко подписал приказ об амнистии отряду Булак-Балаховича, офицерам были сохранены их прежние чины. Свою службу в Добровольческой армии в октябре 1918 года он начал с того, что поспособствовал уходу в отставку командира Северо-Западного корпуса генерала Вандама, которого критиковали за нерешительность. Многие тогда считали, что руководить добровольцами должен пользовавшийся огромной популярностью Булак-Балахович. Офицерам импонировали слова георгиевского кавалера: «Я воюю с большевиками не за царскую власть, не за помещичью Россию, а за новое Учредительное собрание». Однако сам он, судя по воспоминаниям князя Вермонт-Авалова, был против назначения командующим корпусом, о чем совершенно открыто и заявил. Булак-Балахович принял самое активное уча-

стие в наступлении «северо-западников» на Петроград. 29 мая 1919 года его партизанский отряд занял Псков, где был торжественно встречен населением, которое устало от красного революционного террора и массовых казней. Однако виселицы, построенные большевиками в центре города для буржуазных элементов, недолго простаивали без дела. 31 мая в газете «Новая Россия» Булак-Балахович изложил свой метод восстановления **порядка и законности в городе: «Я предоставляю обществу свободно решить, кого из арестованных или подозреваемых освободить, а кого покарать. Смутьянов, изменников и убийц повешу до единого человека».** Публичные казни в первый месяц освобождения Пскова от большевиков проходили днем, в самом центре города. Но очень скоро союзники потребовали от Булак-Балаховича немедленно прекратить это «варварское средневековье». А между тем атаман отправил рапорт в штаб Северо-Западного корпуса, где отмечал: **«Я не хочу, чтобы белых и меня обвиняли в том, что я казню в застенках. Пусть все видят, кого я вешаю. Я приглашаю вступить, если кто-то видит, что страдает невинный. На тех, за кого вступятся свободные граждане, моя рука не поднимется».**

Член Северо-Западного правительства Иванов, который возглавлял гражданское управление Пскова и хорошо знал атамана, утверждал в своих воспоминаниях, что на Булак-Балаховича поступало не так много жалоб. Однако все они касались непосредственно публичной формы казни, а также принудительного сбора средств на содержание белых частей. Устав слушать доклады своих офицеров, что в армии не хватает оружия и продовольствия, атаман взялся лично решить эту проблему раз и навсегда.

Вызвав к себе состоятельных жителей Пскова, он дал им три дня для сбора пожертвований на нужды Северо-Западного корпуса. Чтобы все поняли, что это не шутка, Булак-Балахович открыл окно в своем кабинете и стал демонстративно рас-

сматривать пустующую виселицу, вокруг которой беззаботно прогуливались гимназистки. И что же? В установленный срок ему на стол положили 200 000 рублей. Интересно, что добровольные финансовые жертвования совпали по времени с присвоением Булак-Балаховичу звания генерал-майора. Основанием для этого послужили удачные действия его отряда в боях с большевиками, где особо отличился младший брат атамана — Юзеф, который захватил батарею противника, пулеметы и взял в плен почти 2000 человек. Однако многие офицеры считали, что он не достоин чести именоваться «ваше превосходительство». Командующий Северо-Западным корпусом Родзянко в своих воспоминаниях объяснял: *«С одной стороны, я ничего не имел против этого производства, так как надеялся, что генеральские погоны сломят его честолюбие и наконец-то прекратится стремление к партизанизне. Вместе с тем, однако, я решил, что это будет последняя моя поблажка, после которой буду по отношению к нему действовать строго».*

Интересно, что буквально через несколько дней после присвоения Булак-Балаховичу звания генерала разразился страшный скандал. Офицеры его штаба были уличены в печатании фальшивых 40-рублевых керенок. При этом подпольный монетный двор располагался в доме Коммерческого банка, прямо под помещением районной комендатуры. Взбешенный Родзянко потребовал немедленно отдать атамана под суд. В ночь на 23 августа 1919 года Булак-Балахович был арестован и заключен под домашний арест. Охранял его прапорщик Шувалов. Закончилось все очень прозаично. Генерал сказал конвоиру, что ему разрешено попрощаться со своими полками. Когда же атаман оказался в окружении солдат, он заявил, что сдает командование и просит всех сохранять спокойствие. Сам же Станислав Нико-димович отправился в штаб эстонской дивизии, почему-то решив, что там ему будет легче бороться с большевиками.

Современник так отозвался о генерале Булак-Балаховиче: *«Кем же он был в действительности: искателем приключений и авантюристом, как пишут о нем недоброжелатели? Или лихим воином, патриотом Родины? Сейчас весы Фемиды наполнены ошибками «батъки», его преступлениями, действительными и вымышленными. Но не следует ли сперва положить на другую чашу подвиги и заботу о товарищах, а уже только после этого делать выводы».* Один из его офицеров однажды назвал Булак-Балаховича

последним романтиком империи. Он действительно пытался окружить свою борьбу с Третьим интернационалом неким ореолом, свойственным скорее эпохе романтизма. Оттуда и помпезность формы его частей, и адамова голова на ордене, и тяга к сравнению себя с воинством Христовым. Может быть, страстью к рыцарскому авантюризму и объясняется тесное сотрудничество генерала с Борисом Савинковым — легендарным охотником за царскими сановниками и большевистскими функционерами.

27 августа 1920 года Савинков и Булак-Балахович заключили взаимовыгодное соглашение о сотрудничестве. Атаману была обещана должность главнокомандующего русскими вооруженными силами на территории Польши. Взамен требовалось признать руководство политического центра, сформированного бывшим эсеровским боевиком. Генерал с легкостью согласился. Офицеры Булак-Балаховича были отправлены в лагеря военнопленных, где проводили вербовку добровольцев. Белые воины шли к нему на службу неохотно, предпочитая войска других генералов. Зато крестьяне считали атамана подлинным народным вождем и заступником. Действительно, он буквально ежедневно говорил, что будет защищать трудовой народ до последней капли крови и, не задумываясь, отдаст свою жизнь за процветание родины. Не случайно Савинков писал в своих воспоминаниях:

«— Знаете вы о Врангеле ?

— Знаем.

— Ну, что же, верите вы ему?

— Не верим.

— Почему?

— Рангель — пан.

Так говорили крестьяне самых глухих, медвежьих углов. Так говорили они в Вухче, Тонеже, Млынке, Буйновичах, Злодине, Ще-котове, Романовке и других неведомых деревнях.

И еще говорили они:

— Керенского помните?

— Помним.

— Керенскому верите?

— Нет.

— Почему? Ведь Керенский не помещик.

— Не помещик, да пустозвон.

В России за три года многое изменилось. Крестьянин желает знать, за что люди борются, за что проливают кровь, — за народ или за помещиков, за слова или за крестьянскую землю. И не только крестьянин

желает знать, он требует гарантий, что с ним говорят «без обмана». Каких гарантий? Бесспорных. Одно дело — когда о земле говорит «Рангель», помещик, другое дело — когда о земле говорит Керенский, «пустозвон»; и, наконец, третье, совсем иное, близкое ему дело, когда о земле говорит свой брат, доброволец, и так же чуждый ненавистным панам и так же пренебрегающий пустыми словами. Сперва скажите, а потом докажите, что:

1. Долой коммуны.
2. Долой помещиков.
3. Мир.
4. Учредительное собрание.

А доказав своим крестьянским происхождением и своей винтовкой, обращенной против большевиков, своим отношением к мобилизации, к реквизиции, к сходу, к старосте, к «трепьякам», — покажите «бумагу с печатькой», где все написано, как «и в приказе», и бумагу эту вывесите у церкви или у волостного правления. А потом спросите, если угодно:

- Про генерала Балаховича слышали ?
- Про Батьку?
- Про Батьку.
- Как не слышать ? Слыхали.
- Ну что же, верите хоть ему, Балаховичу ?
- Верим. Он — за народ.
- Нуи мы, балаховцы, — за народ.
- Правильно.

Вот от этого «правильно» все и зависит. Если «правильно», т.е. если крестьянин поверил, он даст вам сена, хлеба, овса, подводу, барана — и денег не спросит. Если «правильно», он укажет вам тропинку в болоте, предупредит против красных, проведет ночью через леса, поможет словом и делом. Если «правильно», он попросит винтовку и с этой винтовкой пойдет с вами рядом — новый боец, новый завербованный балаховец. Если «правильно», он соберется в отряды, в «зеленодубское» войско и этим «зеленодубским» войском покроет всю волость, воюя с красными «за народ». Был ли возможен поход генерала Балаховича на Гомель без флангов, без тыла, с горстью людей, если бы повсеместно его не поддерживали «зеленодубцы» ? Сколько писем от белорусских «зеленодубцев» лежит у меня на столе, когда я пишу эти строки...»

Атаман лично разработал несколько вариантов плана боевых действий против большевиков. Согласно одному из них, предполагалось идти прямо на Москву, не оглядываясь на тылы. Такое дерзкое, молниеносное

движение должно было, по замыслу генерала, вызвать панику и дезертирство в рядах красных и восстания крестьян. Безусловно, Булак-Балахович учитывал, что под его командованием находится слишком мало войск, и надеялся прежде всего на политический эффект. В первых числах ноября 1920 года, едва начался поход на Кремль, газета «Новое

варшавское слово» опубликовала телеграмму лидеров белорусского политического комитета Адамовича и Алексюка с призывом освободить Родину от гнета большевиков. Надо сказать, что Булак-Балахович с презрением относился к «бумажным политикам», учитывая их тягу к сепаратизму. Сам он без устали повторял, что борется за единую и неделимую Россию. Впрочем, это не помешало ему 12 ноября 1920 года в Мозыле провозгласить о создании Белорусской народной республики. Правительство, сформированное в Каунасе и Варшаве, приступить к своим обязанностям не успело. Все силы Западного фронта красных обрушились на Булак-Балаховича. Атаман предпочел закончить поход. Он всегда старался не превращать отступление в паническое бегство со страшными потерями. Армия вернулась в Польшу, где была встречена без особого восторга.

Казалось бы, все, полный крах. Любой бы опустил руки. Но только не Савинков. Он все еще жаждал активных действий. В письме президенту Чехословакии Бенешу, в частности, отмечал: *«Вы соблаговолили подать мне надежду на то, что не откажетесь от своей выдающейся поддержки дела «зеленых», интересы которых я защищаю. Мы всегда страдали из-за огромных финансовых затруднений. Однако сейчас нам грозит полная ликвидация, потому что мы совершенно лишены каких-либо средств. Я прибегаю к последней возможности и от имени всех «зеленых» крестьян, солдат и ремесленников апеллирую к Вам, господин президент, к великому демократу и другу России, каковым Выявляетесь».*

После недолгих раздумий он предложил новый план борьбы с ненавистными ему Советами — «внутренний взрыв». Он исходил из того, что диктатура пролетариата противоречит интересам

широких народных масс в целом и крестьянства в частности, а значит, неизбежны восстания, руководить которыми должны профессионалы. Савинков тут же приступил к созданию мобильных ударных отрядов, которые должны были бы при первых сигналах о бунтах поддерживать

крестьян удачными рейдами из-за границы.

В январе 1921 года он формирует новую военно-подпольную организацию «Народный союз защиты Родины и свободы». Кроме него, в лидерах числились генерал Эльвенгрэн, полковник Гнилорыбов, профессор Философов, журналист Дикгоф-Дерен-таль. В одной из программных статей нового детища Савинкова указывалось: «В то время как монархические витии русской эмиграции, проев на банкетах полученные из Америки доллары, ждут новых безответственных благотворителей, мы начинаем новый этап борьбы с большевизмом — этим главным несчастьем человечества. И мы заявляем, что однажды избранный нами путь мы пройдем до конца. Мы не позволим себе обманывать надежды тех, кто надеется на нас. Мы держим в руках оружие, а не банкетные бокалы с вином. И, как никогда, мы уверены в победе!

Мы торжественно заявляем: реставрации монархии в России не произойдет! На это пусть никто и не надеется. Мы заявляем это в столь категорической форме, зная, что и в наших рядах есть явные и тайные сторонники монархического строя. Одни являются ими по убеждению, и им мы говорим: или решительная смена убеждений, или уходите от нас под посрамленные знамена монархистов. Другие являются ими по ошибке, по примитивному неразумению законов прогресса истории, и им мы говорим: не превращайтесь в политических обывателей, задумайтесь еще раз над нашей программой, и, если она вас не устраивает, прямо об этом скажите — двери перед вами открыты, идите под те же посрамленные знамена. Третьи являются ими просто по темноте разума своего, и для них мы не пожалеем сил, чтобы разъяснить им их роковое заблуждение и наши великие цели в России.

Мы видим впереди только парламентскую Россию, и это не зыбкий мираж, а твердая наша цель, к которой мы приближаемся тысячами путей и сейчас, как никогда, ощущаем ее близость и ее реальность. Вперед, с открытыми глазами, и преданной борьбе чистой душой, и с верой в нашу грядущую победу!»

В тот момент он вновь верил, что недалек тот день, когда он станет диктатором новой, свободной, республиканской России. Все же эсеровская закваска давала о себе знать. Даже такой искушенный политик, как Савинков, не смог сразу отказаться от основных доктрин идеологии. Он всерьез рассуждал, что после свержения большевиков Россия будет управляться тремя партиями. Даже называл их: «Крестьянско-казачья», «Социалистическо-рабочая» и «Буржуазная». Основную роль он отводил первой, которая должна была бы защищать интересы мелких хозяев.

Внимательно следя за развитием ситуации в России, он с гордостью говорил: смотрите, мой прогноз сбывается! В самом деле, восстания в Тамбовской губернии, на Средней Волге и в Западной Сибири делали весьма близкой перспективой то, что Савинков называл «взрывом изнутри». Дело было за малым — начать отправлять на помощь крестьянам ударные отряды. А вот с этим-то ничего и не вышло. Добиваясь финансовой помощи от бывших союзников по Антанте, Савинков сильно преувеличивал возможности своего союза и подпольных групп по всей России, которые ему якобы подчиняются. На деле же большинство лидеров восстаний и не подозревали, что, оказывается, получают указания к действию непосредственно от бывшего эсеровского террориста. Савинкову удалось-таки отправить в Россию 192 бывших офицера, но судьба их была незавидна: все они были арестованы и расстреляны.

Казалось бы, восстание в Кронштадте — «гордости революции» — должно было доказать всему миру гениальную политическую прозорливость Савинкова. Впрочем, он и сам сделал все

возможное, чтобы о нем вновь заговорили: отправил письмо военному министру Франции, в котором сообщал, что его отряды двигаются к границе Белоруссии, чтобы помочь успеху всеобщего восстания в России. Вот только все гладко было опять лишь на бумаге. Большевики быстро подавили мятеж, и Савинкову пришлось перенести восстание на неопределенный срок. Но это вовсе не означает, что он перестал о нем мечтать. Больше того, все его мысли только и были заняты грядущим мятежом, в котором он рассчитывал взять убедительный реванш за крах выступлений в Ярославле и Рыбинске. В июне 1921 года на съезде «Народного союза защиты Родины и Свободы» он представил детально разработанный план совместных действий подпольных групп и восставшего народа. Французы и англичане даже взялись оказать финансовую поддержку, прочитав очередную декларацию Савинкова: *«Если бы русские люди не сражались против большевиков, если бы не было Степного и Ледяного походов, если бы не было похода на Петроград, если бы не защищалась Сибирь, если бы не восстали Дон, Терек, Кубань, если бы в Крыму (после — Новороссийск!) не было снова поднято русское знамя, мы, русские, были бы вынуждены признать, что у нас, русских, нет чести и что Родина действительно не более как предрассудок. И если честь спасена, и если идея Родины — идея России — не умерла до сих пор, то этим мы обязаны безвестным героям, положившим жизнь свою у Пскова, у Омска, у Новочеркасска, под Орлом, под Казанью, на Перекопе — во всей земле Русской. Этим мы обязаны Корнилову, Алексееву, Колчаку, Деникину,*

Врангелю. Вечная слава им. Идею Родины они сберегли, святого духа не угасили. Но ни один из них не смог восстановить поверженной в прах России, ни даже Врангель, ни даже Корнилов. Чем объяснить их тяжкие неудачи?

У Колчака — воровство, интриганство, непонимание души народной. У Деникина — воровство, интриганство, непонимание

души народной. У Врангеля — воровство, интриганство, непонимание души народной. Некий тяготевший над ними закон.

Честнейшие люди окружены ворами. Бескорыстнейшие вожди — честолюбцами. Демократы — держимордами николаевского режима.

Что оставалось делать нам, видевшим эти язвы, предчувствовавшим неизбежное поражение? Умыть руки, как это сделали многие «патриоты»? Или признать русский, пусть колеблемый ветром, пусть изорванный, пусть даже испачканный, и все-таки наш, родной, когда-то гордый и славный флаг? Признать — помочь. Признать — предостеречь. Признать — служить ему безответно. Что касается меня, я признавал и горжусь этим.

Потеряв армию, можно бороться — можно создать новую армию. Потеряв территорию, можно бороться — можно завоевать утраченное пространство. По потеряв и территорию, и армию, надо признать свое поражение и если бороться, то иными путями, вдумавшись в смысл поражения и устранив причину его.

Недостаточно написать демократическую программу, необходимо уметь воплотить ее в жизнь. Деникин — за Учредительное собрание, но штабы, тылы, «Осваги» Деникина — за «Его Императорское Величество». То же Колчак. То же Врангель. Скажите крестьянину, что от коммуны его освободят кадетствующие помещики, — и он не поверит вам. Скажите красноармейцу, что от коммуны его освободят старорежимные генералы, — и он не поверит вам. Представьте себе, что вы русский крестьянин. Красные мобилизуют вас, реквизируют хлеб и скот, расстреливают за дезертирство. Белые тоже мобилизуют вас, реквизируют хлеб и скот, расстреливают за дезертирство. Фамилии красных ненавистные и чужие: Ленин, Троцкий, Подвойский. Фамилии белых ненавистные и чужие: Кривошей, Глинка, Климович. Красные говорят: мы за народ, за крестьян. Белые говорят: мы за народ, за крестьян. За красными недоговоренно скрывается «Ве-че-ка», за белыми недоговоренно скрывается царь. Что бы вы делали в этом, поистине безвыходном, положении? Крестьяне ненавидели и тех и других и, ненавидя, кланялись и тем и другим.

Приветствовали красных, приветствовали и белых. Чтобы крестьянин дрался за совесть, не щадя живота своего, надо, чтобы Белое дело стало делом не помещиков, не министров, не самозарождающихся и дорого стоящих «Всероссийских» правительств, а его крестьянским, хозяйским делом. Но тогда долой не только воров, интриганов и держиморд, но и «Осваги», и тылы, и «Как стоишь, сукин сын ?!», и епископа Вениамина и пр., и пр., и пр. — все наследство старозаветного строя. Ни Колчак, ни Деникин, ни Врангель не смогли или не захотели сделать эту необходимую хирургическую операцию. Кто сумеет сделать ее, кто сумеет борьбу против большевиков из борьбы за старозаветные пережитки сделать борьбой за новую, свободную, крестьянскую Россию, тот победит большевиков. И для победы этой не нужно иностранных солдат и миллиардов франков. Нужны только пламенная любовь к родному народу и вера в русского мужика».

Однако Савинков в очередной раз просчитался. Создавая свой план, он предпочел вовсе не учитывать политических реалий Советской России, о которых, положив руку на сердце, знал крайне мало. Его методология была хороша и актуальна для 1919 года. А вот в 1921 году настали уже совсем другие времена. Окончательно убедившись в невозможности скинуть большевиков, крестьянство резко качнулось в сторону их признания. Виной тому была новая экономическая политика, которая, прежде всего, поначалу ликвидировала столь ненавистную многим продразверстку и колхозы.

Восстание запланировали на середину августа 1921 года. Подпольные представительства савинковского союза должны были к этому времени подготовить повстанческие отряды по всей

территории Советской России. Ударные группы было решено бросить маршами на Москву, Петроград и Орел. Началом восстания должны были послужить террористические акты против лидеров большевиков, взрывы военных объектов, уничтожение железнодорожных путей. Двадцать пять диверсионных отрядов были готовы по первому сигналу перейти границу и начать победоносное свержение советской власти в западных губерниях России, Белоруссии и Украины.

Однако узкоспециализированные (исключительно на убийства коммунистов) боевики так и не смогли поднять восстания. В городе Холмы чины отряда правой руки Савинкова полковника Павловского ликвидировали несколько сот человек. У Полоцка пустили под откос поезд, ограбили подчистую всех пассажиров, расстреляли пятнадцать членов партии. Но ведь явно не на это делал ставку Савинков. То крестьянство, на которое он так надеялся, уже, в сущности, перестало вообще существовать.

Уставшие от бесконечной войны люди, запуганные красным террором, хотели одного — спокойной жизни. Не случайно ведь к тому моменту полностью сошли на нет многочисленные повстанческие армии Антонова и Сапожкова.

Да и ЧК не дремала. В кратчайшие сроки «карающему мечу партии большевиков» удалось ликвидировать западный и черноморский отделы «Народного союза защиты Родины и Свободы». План поднять всенародное восстание рухнул. Даже ярый ненавистник коммунизма сэръ Уинстон Черчилль стал полагать, что нужна новая методика. Однако радоваться чекистам было рано, о чем на совещании на Лубянке им открыто заявил нарком просвещения Луначарский, сидевший в свое время с Савинковым в ссылке: *«И вот никто ему не верит и все рады повернуться к нему спиной. Но в этих случаях Савинков придумывает новый трюк. Он с костяным стуком выбрасывает на зеленое поле свои карты, и вся эта банда, не верящая в себя, близкая к отчаянию, хватается за*

него, как за спасительную соломинку, как за возможного вождя. И вновь его принимают министры, едут к нему на поклон генералы, и вновь в карман суют ему миллионы, он вновь на хребте новой мутной волны. Савинков — наиболее яркий тип в самой своей мутности...»

Тот год был вообще фатальным для Савинкова. Один за другим рушились его блестящие планы. Отряды, готовые к борьбе с большевиками, были интернированы в Польше. Черчилль ушел в отставку, и как следствие этого прекратилось финансирование из Англии. Новый друг Муссолини не проявлял больше интереса к русским антикоммунистам. Даже на литературном фронте, где Савинков почти всегда умел брать реванш у судьбы, его ждало горькое разочарование. Новая книга «Конь вороной», в которой он рассказывает о своей борьбе с большевизмом, не пользовалась успехом. Воистину пророческими были слова, сказанные Савинковым в самом конце: *«Сроков знать не дано. Но встанет Родина — встанет нашей кровью, встанет из народных глубин. Пусть мы «пух». Пусть нас «возносит» ненастье. Мы слепые и ненавидящие друг друга, покорные одному несказанному закону. Да, не мы измерим наш грех. Но и не мы измерим нашу малую жертву...»*

Но и это все не остановило самого Савинкова. Вечный певец «активизма» остался верен себе. Он лично взялся разрабатывать серию террористических актов против лидеров государства рабочих и крестьян. В апреле 1922 года совместно с английским разведчиком Сиднеем Рейли планировалось осуществить покушение на советского дипломата Григория Чичерина на Генуэзской конференции. Однако итальянская полиция

задержала бывшего охотника за царскими сановника, и убийство не состоялось. Равно как ничего и не получилось в Берлине, куда прибыли три боевика во главе все с теми же Савинковым и Рейли.

Еще одна блестящая идея — захватить Петроград во главе с двадцатитысячным десантом из опытных офицеров — не увлекла никого, кроме Муссолини. Напрасно Савинков внушал всей Европе: «Под нашим флагом — и с Богом! Никто и ничто не устоит!» Охотников до его откровений уже не находилось. Да и сам лидер итальянских фашистов в тот момент как раз заключал договор с СССР, поэтому совершенно справедливо решил больше не связываться с Савинковым.

Впрочем, я не прав. Охотники до откровений Савинкова нашлись. Но вовсе не там, где ему хотелось бы. Борисом Викторовичем всерьез заинтересовались в Москве. На Лубянке. Там совершенно справедливо рассудили, что он относится к категории самых опасных врагов советской власти. Тех, кого только смерть заставляет отказаться от борьбы...

Глава 4. Приступить к ликвидации

«Борьбу посредством агитации не признает. Смерть и страх переднюю считает движущей силой. Прославился заявлением вслух о своей готовности со счастьем по приказу партии убить самого себя. Для его характера это не фраза. Физически вынослив, с гипнотическим взглядом. Настойчивый. С волей, быстро подавляющей окружающих...» Феликс Дзержинский внимательно перечитывал дело Бориса Савинкова из архива царской полиции. Пора было начинать первую смелую операцию молодой советской разведки — попытаться заманить на территорию большевистской России одного из самых ее лютых врагов. Тем паче сам Савинков напрашивается. При переходе границы был задержан его адъютант Леонид Шешеня. Чекисты долго сомневались: пришел ли он один или «хозяин» благополучно проскочил пограничников. Однако Шешеня пожаловал один-одинехонек. Задание его было простейшее: посмотреть, чем, фигурально выражаясь, ды-

шит советская власть, и растормошить резидентов «Союза защиты Родины и свободы», которые очень некстати впали в летаргический сон.

Шешеня был свято убежден: на Лубянке сидят дилетанты, которых боевой штабс-капитан обведет вокруг пальца. Однако долго «крутить кино» ему не удалось. Припертый к стене списком своих преступлений против советской власти, совершенных в отряде Булак-Балаховича, он быстро сдался на суд победителей. Заодно провалил и двух агентов: Зекунова — в Москве и Герасимова — в Смоленске. Первый как раз и был ярчайшим представителем не вовремя уснувших боевиков, зато второй оказался лидером мощнейшей подпольной организации, о существовании которой чекисты даже не подозревали. Неожиданная удача лишний раз убедила Дзержинского: пора сыграть с Савинковым по-крупному. Тем более что результаты очной ставки Зекунова и Шешени убедительно свидетельствовали — «клиент созрел»:

«Федоров: Вы подтверждаете, что по заданию руководящего центра СЗРиС лично от Савинкова шли на связь к этому человеку?»

Шешеня: Если напротив меня сидит Михаил Дмитриевич Зекунов, я шел к нему.

Федоров: Уточним этот факт с другой стороны. Вопрос к Зекунову: какой пароль должен был сказать вам Шешеня ?

Зекунов: «Вы не знаете, где здесь живет гражданин Рубинчик ?»

Федоров: Вы подтверждаете эту фразу-пароль ?

Шешеня: Да.

Федоров: Что вы должны были услышать в ответ ?

Шешеня: «Гражданин Рубинчик давно уехал в Житомир».

Федоров: Верно?

Зекунов: Верно.

Федоров: Кто вам дал пароль ?

Зекунов: В Варшаве, в савинковском центре, именуемом областным комитетом союза. Этот пароль мне дал начальник разведки Мацевский.

Федоров: А вам кто дал ?

Шешеня: Тот же Мацевский.

Федоров: Значит, мы установили, что вы оба именно телица, которым принадлежат фамилии Зекунов и Шешеня и которые являются сообщниками по савинковской контрреволюционной организации СЗРиС. С какой целью вы шли к Зекунову?

Шешеня: Выяснить, почему от него нет никаких сведений. Потом...

Федоров: Минуточку, если бы вы обнаружили, что Зекунов умышленно не работает, иначе говоря, дезертировал, что вы должны были сделать ? Ну-ну, Шешеня, мы же договорились, встреча у нас откровенная.

Шешеня: Я должен был принять меры по обстановке, так сказать.

Федоров: Меры всякие, вплоть до...

Шешеня: Вплоть до убийства.

Федоров: Вот, Зекунов, значит, вам жизнь спасли наши пограничники, которые не дали Шешене перейти границу. Еще какие цели были у вас?

Шешеня: Если бы я обнаружил, что Зекунов не умеет работать как резидент, я должен был с его помощью осесть и устроиться в Москве и помочь ему наладить дело, а затем вернуться в Польшу.

Федоров: И на какой срок вы собирались тогда остаться в Москве?

Шешеня: Условливались — на год.

Федоров: И что было бы главным в вашей работе вместе с Зекуновым?

Шешеня: Установить связь со всеми находящимися в Москве савинковцами. Добыча и переправка разведывательных материалов, касавшихся Красной армии и внутреннего положения в стране, связь с другими антисоветскими элементами.

Федоров: Так. Значит, вам наши пограничники помешали выполнить шпионское задание?

Шешеня: Так точно.

Федоров: И, таким образом, вы ни в чем не виноваты и мы вас зря держим за решеткой ?

Шешеня: Нет, не зря.

Федоров: А за что же ? Ну-ну, Шешеня, все — откровенно.

Шешеня: Я участвовал в рейдах против Советской республики.

Федоров: И, таким образом, на ваших руках есть кровь наших советских людей ?

Шешеня. Да, есть.

Федоров: А ваши руки чисты?

Зекунов. Чисты.

Шешеня: Не повезло мне на границе.

Зекунов: А мне с курьером, трус оказался. Выболтал все на свете.

Шешеня: На мне много висит, Михаил Дмитриевич, приходится стараться.

Зекунов: За эти старания там вас не похвалят. Знаете наш закон — предателю жить незачем ?

Шешеня: Я, брат, и так и так смерти подлежу.

Зекунов: Но там-то наверняка.

Шешеня: От этих тоже пощады не жди. Чека, одним словом.

Зекунов: К стенке торопитесь ?

Шешеня: Они торопят.

Зекунов: Кабы торопили, давно б кончили. Вы уже сколько здесь?

Шешеня: Месяц.

Зекунов: Давно б кончили. Зачем-то вы им еще нужны.

Шешеня: Да ну ?..

Зекунов. Это уж так и есть».

План был прост, как все великое: Савинкову необходимо было внушить, что на родине действует подпольная организация «Ли-

беральные демократы», которая готовит свержение коммунистического строя. Но, поскольку все видные политики, которые могли бы возглавить вновь сформированное национальное правительство, находятся в эмиграции, необходима консолидация сил. Для этой цели за границу отправляется член центрального комитета партии Мухин. Его роль было поручено исполнять Андрею Павловичу Федорову. На подготовку легенды он попросил у Дзержинского пять дней. В установленный срок на стол основателю «карающего меча большевистской партии» лег документ, с которого, собственно, и началась фаза «Синдикат-2» операции «Трест»:

«Фамилия, имя, отчество — Мухин Андрей Павлович. Родился в 1888

году в семье богатого крестьянина Мариупольского уезда. Мать умерла, когда ему было 5 лет.

До 1904 года учился в гимназии в городе Мариуполе, но не окончил ее — исключен за связь с местной анархистской организацией. Отец увозит его в Харьков, где репетиторы готовят его к поступлению в местный университет, в котором он и учится до 1909 года. Будучи студентом, попадает под влияние известного харьковского эсера Мирошниченко. Дело грозит обернуться исключением из университета, но отец своевременно устраивает его перевод в Новороссийский университет. Там в первые же месяцы учебы он участвует в студенческой забастовке протеста против казни социалиста Феррара. За это его исключают из университета, и он возвращается домой к отцу. Спустя год он — в Харьковском университете на правах вольного слушателя, а в 1914 году экстерном сдает выпускные экзамены.

Сразу по окончании университета он заболевает — нервное истощение. В результате в армию его взяли только в августе 1915 года. Как имеющий высшее образование он был направлен в Александровское военное училище, которое окончил с отличием. Выпуск был ускоренным, и в 1916 году он уже на фронте в качестве

офицера для поручений при штабе полка. Ранение в первый же месяц фронтовой службы. Из госпиталя в Воронеже выписан в январе 1917 года и получает двухмесячный отпуск...

Ехал домой через Москву, где постоянно жила мать отца — путейский инженер. Здесь застал отца, и они вместе пережили Февральскую революцию. Отец спешно увез его домой, в Мариупольский уезд.

После большевистской революции отец не стал ждать, пока голытьба растащит его большое хозяйство, и выгодно продал его мариупольскому купцу. А сами они выехали в Москву, к брату отца. По дороге отец заболел тифом и умер. С огромным трудом Андрей все же пробился в Москву и поселился у дяди. Нигде не работал и не знал, что делать. Весной 1918 года случайно встретил в Москве начальника Александровского военного училища полковника Каменщикова, который ввел его в круг военной интеллигенции. Здесь он познакомился с Новицким, который помог ему получить хорошую работу в тресте, занимающемся внешнеторговыми делами, а позже ввел в созданную им подпольную контрреволюционную организацию интеллигенции «Либеральные демократы», а еще позже рекомендовал его в состав ЦК.

Женат. Ждет первого ребенка».

На Лубянке прекрасно сознавали: обмануть опытного

подпольщика Савинкова будет крайне сложно. Поэтому, чтобы не создавать себе дополнительные и вовсе не нужные в таком деле хлопоты, Федоров перемешал выдуманные факты своей «легенды» с реальными деталями собственной биографии. Имя и отчество были свои. Родители были бедняками, и из гимназии его не исключали, хотя анархистские настроения были тогда в моде. Он действительно учился в Харькове и был исключен из университета, но вовсе не из-за связи с эсерами. Федоров был активным участником революционных беспорядков, устроенных большевиками, и подбивал к тому же рабочих порта.

Во время Гражданской войны он был разведчиком красных. Был даже пойман деникинской контрразведкой и чудом избежал расстрела. С 1919 года он служил во Всероссийской чрезвычайной комиссии, где занимался борьбой с контрреволюционерами, работавшими на иностранные разведки.

Все это было хорошо и правильно. Дело оставалось за малым: сообщить Савинкову, что в России действует мощнейшая контрреволюционная организация. Но как это сделать? Выход был найден. Удалось перевербовать Зекунова, который резонно заметил: встать к стенке никогда не поздно. После месяца тщательного инструктажа его отправили в Варшаву. Там он и сообщил нужным людям, что Шешеня благодаря возобновлению еще дореволюционных знакомств вошел в контакт с представителями «Либеральных демократов». Сообщить дальнейшие подробности гость из Москвы не мог, потому как был человек маленький, которому сам Шешеня не очень-то доверяет в таком важном деле.

Резидент Савинкова в Варшаве Философов, вовремя оповещенный о посланце из самого сердца большевистской России, проклинал на чем свет стоит и его, и Шешеню. Ведь нужно доложить такую важнейшую новость в Париж, «отец» постоянно спрашивается, что слышно с родины, а как сообщать, если толком ничего не известно? Только название — «Либеральные демократы». Но Философов прекрасно знал отличительную черту русской интеллигенции: умение потопить суть вопроса в пустой болтовне и взять название, которое совершенно не отражает чаяния организации. Решено было для начала отправить Савинкову письмо, написанное Шешеней, а там уж вождь пусть сам решает, что к чему: *«Дорогой мой отец! В самом начале, в Смоленске, я попал в беду, вышел из которой хоть и с шумом, но благополучно. А в Москве меня ожидала новая беда — Зекунов сидел в тюрьме. Он служил в военизированной железнодорожной охране, в его дежурство произошло ограбление склада, и его посадили за халат-*

ность. К счастью, все обошлось недорого. Через месяц его выпустили

и в наказание перевели на другую работу, а он на эту новую работу не согласился и ушел из охраны совсем. Теперь у него работа очень удобная для нашего дела.

Я устроился в Москве неплохо, имею комнату почти что в центре. Работаю пока в полувоенной организации по закупке лошадиного фуража, но работа не постоянная, а, как здесь говорят, по договору. Пока что потерпим, а там посмотрим. Возможности есть, и хорошие.

Теперь о самом главном. Все получилось неожиданно и даже, прямо скажу, случайно. Я встретил в Москве на улице человека, которого хорошо знал по первым годам войны, он был в штабе нашего полка. Мы с ним немного дружили. Теперь решили дружбу восстановить. Он военнослужащий, работает в военной академии профессором. Как он из штабиста стал профессором — не знаю, а спрашивать пока неловко. Я к нему присматривался, а он — ко мне. И первым открылся он — и как обухом по голове ударил. Оказывается, он нам прямой и близкий родственник и имеет к тому же очень большую семью, настолько большую, что мы с вами и подумать не могли бы. Родня раскидана по всей стране, и среди нее немало больших людей, в том числе и военных. В семье очень строгие порядки, и живут весьма скромно. Мой знакомый говорит, что жить широко еще не настало время.

Чтобы проверить и лично убедиться в правдивости рассказа об «ЛД» моего знакомого Новицкого, я по его предложению вступил в их организацию и стал посещать сходки «пятерки», в которую меня включили вместо умершего директора школы. Сообщаю состав моей пятерки: 1 — адвокат, заместитель председателя Московской коллегии адвокатов; 2 — ответственный работник Наркомата путей сообщения; 3 — директор большого магазина; 4 — преподаватель английского языка в школе; 5 — я. Собираемся два раза в месяц, вырабатываем обвинительное заключение

большевикам. Эта работа проводится теперь по всей организации. Каждый член организации вносит в обвинение что-то свое. Получается очень сильно: не общие слова или брехня про все на свете, а точно: там-то, тогда-то, то-то, извольте, господа большевики, за это отвечать. В общем, «ЛД» — дело серьезное, но малоактивное и для большевиков пока малочувствительное. Новицкий говорит, что сейчас у них продолжается накопление сил, а действия они начнут позже.

Не имея с вами связи, я сам решил: а что если эту организацию включить в наш союз? Ведь с самого начала Новицкий ухватился за меня, стоило мне намекнуть, что я — человек Савинкова. Я соврал еще, будто я

здесь, в Москве, возглавляю одну из самых больших организаций нашего союза. Он не поверил. Стал проверять, но он же о нашем движении знает меньше меня, а я предъявил ему Зекунова и еще двух членов моей группы. Тогда я сказал ему, что я ваш личный адъютант, Новицкий этому заметно обрадовался.

Когда зашла речь о вас, я быстро загнал его в угол. А некоторое время спустя Новицкий говорит мне: «Помогите нам установить связь с вашим главным руководителем». Я ему в ответ, чтобы подразнить его, говорю, что нам с ними будет неинтересно, мы — люди решительного действия, мы ходим не с кукишем в кармане, а с маузером. И сразу я понял, что сказал не так, особенно про маузер. Но было поздно, и Новицкий в тот раз вопрос о связи с вами больше не поднимал. Однако спустя две недели он опять поставил вопрос о связи с вами, и я окончательно понял, что плохо веду игру, в чем честно и признаюсь: не оказался на уровне в вопросе тактики. Но главное все же в том, что я нашел эту организацию «ЛД» и установил связь с Новицким, который является одним из ее руководителей. Но теперь какой-то ход нужно сделать с вашей стороны, чтобы Новицкий видел наш интерес. С его стороны интерес есть».

Савинков трижды перечитал письмо. Он даже вспомнил этого самого Новицкого, не подозревая, что чекисты пустили этим

пробный шар. Никакого решения он не принял, но приказал Варшаве все внимание уделить этому делу. И прежде всего — узнать политическую программу «Либеральных демократов».

Зекунов вернулся в Москву и тщательно доложил о результатах своей поездки. Чекистов интересовало буквально все, ведь мелочей в таком деле просто не бывает. Тем более что теперь уже в Варшаву предстояло отправляться Федорову. Согласно плану, он должен был потребовать встречи с самим Савинковым, и, когда ему в этом откажут, разыграть жгучую обиду, но и не отказаться познакомить членов «Союза защиты Родины и свободы» с идеологией «Либеральных демократов». Свою «тронную речь» Федоров выучил буквально наизусть, тщательно шлифуя детали в разговоре с начальником контрразведки Артузовым, который на этом своеобразном экзамене играл роль помощников Савинкова.

В действительности все случилось, как и предполагали на Лубянке. Разумеется, ни к какому Савинкову Федорова никто просто так допускать

не собирался. На этот случай есть помощники, которые и ограждают бесценное время вождя от траты на пустые разговоры. Поэтому именно Философову было суждено первому узнать, что же это такое — «Либеральные демократы». Слушал он очень внимательно, ведь основные тезисы Федорова ему было необходимо потом рассказать лидеру организации: «Почему мы выбрали именно господина Савинкова, а не другого? Этот вопрос обсуждали всего-навсего два доверяющих друг другу человека из руководства «ЛД»: я и профессор военной академии Новицкий, заместитель лидера организации и мой давний друг. Он еще не поддерживает меня в ЦК открыто, но уже оказывает мне всяческое негласное содей-

ствие. Он дал мне на свой риск и доверенность на эти переговоры. Деятели из эмиграции монархического толка исключаются категорически. Монархия — трагедия России. Эсеры старого покроя, от которых ушел ваш Савинков,—эти вообще неизвестно что и для чего существуют. Военные — те мечтают об интервенции, а мы считаем, что крови Россия пролила достаточно. Но вот Новицкий с помощью Шешени получает программу вашего союза. Не все в ней мы можем принять, но основная идея нам понятна и привлекательна — мы тоже за демократическую, парламентарную Россию. Но при таком положении на переговоры мы должны идти только с самим Савинковым. Ибо только он, как нам кажется, может полновластно и окончательно определить отношение вашего союза к тому, что в его программе мы не принимаем. И решить главный вопрос — о политической консультации нашего руководства...»

Все вроде бы правильно, но червь недоверия к любому гостю из «большевизии» гложет Философова. Он напишет Савинкову подробный отчет о ходе переговоров, укажет отдельно на сомнения и о принятом решении: отправить в Россию одного из членов «Союза защиты Родины и Свободы». Пусть посмотрит на месте что к чему с этой загадочной пока организацией. Через несколько дней из Парижа придет ответ: «Ваше решение послать туда Фомичева считаю совершенно правильным со всех точек зрения. В случае неудачи наша потеря легковосполнима. Всякая проверка там нашими глазами стала более чем необходимой.

Будем теперь терпеливо ждать. Не стоит ли напечатать в нашей газете статью без подписи — этакое туманное предчувствие чего-то под знаком «плюс» и парочку намеков, но более чем осторожных. Понимаете? Только предварительно пришлите мне — подумаем, так сказать, вместе. Это очень, очень важно!

Терпение, мой друг!»

Для встречи «ревизора», чье явление было как раз приятнейшим для чекистов, все было готово. Конспиративная дача как нельзя лучше соответствовала статусу таинственной и могущественной организации. Шешеня, осознав, что вымолить прощение можно только исключительно чистосердечной службой, рьяно взялся исполнять свою роль. Фомичеву было решено приготовить и сюрприз: встречу с самым настоящим контрреволюционером. Профессор Исаченко возглавлял одну из тайных монархических организаций и уже давно должен был быть арестован. Но Артузов, подобно Плюшкину, берег в своем хозяйстве даже ржавый гвоздь. Его план был чрезвычайно прост и эффективен: во время встречи демократ Фомичев и монархист Исаченко неизбежно переругаются на почве реализации планов по спасению Родины. Таким образом, будет укреплена вера посланца из Варшавы, что «Либеральные демократы» — единственные возможные союзники Савинкова в Красной России.

Все так и вышло. Уже через пятнадцать минут переговоры начали происходить на повышенных тонах, а участники—обмениваться взаимными оскорблениями. В результате Фомичев с высоко поднятой головой покинул «зал заседаний», обвинив Исаченко в полном непонимании исторических и политических процессов, произошедших в России в последние годы. После чего спокойно отправился на заседание объединенного центра «Либеральных демократов» и савинковцев, а профессор — во внутреннюю тюрьму на Лубянку, где, по всей видимости, был вскоре расстрелян.

Фомичев, к восторгу чекистов, сам завел разговор о том, что нужно объединять усилия в борьбе с ненавистными Советами. Представители «Либеральных демократов» для вида изобраили мучительные сомнения, но вскоре согласились. Поставив, правда, одно немаловажное условие: это должен быть только первый

шаг. Им необходимы политические консультации с Савинковым, и желательно личные, а не посредством писем и многочисленных посредников. Довольный удачно завершенными переговорами, Фомичев отбыл в Варшаву.

Философов, получив отчет «ревизора», был настолько доволен ходом дела, что забыл проинформировать Савинкова. Лидер «Союза защиты Родины и свободы» узнал о московских договоренностях совершенно случайно и, понятное дело, был взбешен. В гневной отповеди варшавским

автономистам он указывал, что сам будет решать, что важно, а что нет. И если подобное повторится впредь, заменит всех местных руководителей союза. Получив наконец-то содержательный отчет о встречах Фомичева с руководителями «Либеральных демократов», бывший террорист взял время на раздумье. Он понимал, что эта организация действительно существует и с этим надо считаться. Но еще лучше он сознавал, что оказывать политические консультации на расстоянии — верх авантюризма, который он себе позволить не может. В этой ситуации, поскольку сам он в Россию пока не собирался, выход был только один: принять представителя организации в Париже. Если «Либеральные демократы» — все же провокация чекистов, то он как опытный подпольщик ее раскроет. А если все чисто, то можно будет начать объединительный процесс уже на серьезном уровне и готовить свой собственный переезд в Россию. И пока в Москву шло письмо о готовности Савинкова к переговорам во Франции, сам бывший эсеровский террорист внимательно перечитывал программные документы «Либеральных демократов». Вот самый первый вариант, написанный Федоровым. На нем есть пометки Артузова, Пузицкого и Менжинского, свидетельствующие о том, с какой тщательностью чекисты готовили эту операцию:

Общие обстоятельства, объясняющие появление в России новой контрреволюционной организации «Либеральные демократы» («ЛД»).

Признание, что Советская власть укрепляет свои позиции России.

(Пометка на полях Артузова: Не только в России, но и в международном мире. Необходимо привести подтверждающие э/ факты.)

Основные классы населения — пролетариат и крестьянство получили от Советской власти немалые выгоды, льготы и ггар тии. Так, например, почти полностью ликвидирована безработица в промышленности. На глазах у рабочих происходит заметное расширение производства. На свое жалованье рабочий может вполне прилично жить. Нэп насытил внутренний рынок всем необходимым. Крестьяне получили землю и безраздельно ею владеют. Кроме того, русские крестьяне впервые видят уважительное к а отношение.

Можно сколько угодно говорить и писать о грабительском смысле продналога, но факт состоит в том, что этот налог желан только для богатых крестьян.

Вот почему, когда большевики говорят, что в стране ликвидируется социальная база для контрреволюции,—это и правда, и / правда. Для нас важно выяснить, в чем неправда.

Возникновение организации «ЛД»

Тайная организация «Либеральных демократов» («ЛД») возникла в среде старой интеллигенции как одно из конкретных выражений антисоветской позиции. В ней Савинков увидит и достоверные черты черты известных ему антисоветских настроений интеллигенции нечто новое — то, что эта организация очень серьезно задумана, но руководство ее и не лишено некоторой наивности, так свойствен русской интеллигенции. Он увидит, что организация родилась в условиях, но естественно и живет в среде, ее породившей.

(Пометка Артузова на полях: Вместо «живущая» надо написать «действующая» — пусть думают, что «ЛД» уже что-то делает, а не только наполняет силы.

Ввиду того что в данных «ЛД» использован опыт подлинных контрреволюционных групп интеллигенции в самых разных местах России, у Савинкова должно сложиться впечатление, что «ЛД» — массовая и глубоко разветвленная контрреволюционная организация.)

Руководство «ЛД» продолжает считать главной своей задачей дальнейшее накопление сил и в этом смысле располагает неограниченными резервами. И если руководство «ЛД» решает обратиться к помощи извне, то только по причинам, которые изложены ниже.

(Пометка Пузицкого: Следует сказать, откуда у организации средства. Я думаю, можно назвать такие источники: добровольные взносы членов организации, персональные пожертвования, сдача личных ценностей и другие способы сколачивания средств, известные нам по подлинным организациям.)

Перед лицом исторических событий

Проста и каждому ясна программа «ЛД»: интеллигенция — это известно всем — соль и ум своего народа. Коммунисты этого не признают. В ответ интеллигенты не признают коммунистов и объявляют им непримиримую борьбу.

Пока мы только накапливали силы и это считалось главным делом, члены «ЛД» говорили о себе: мы «накописты». В накоплении сил достигнуто немало. Наконец, «ЛД» может гордиться и всей массой организации, между тем в организации весьма пестрый состав. Но пестрота состава нисколько не мешала единству организации вокруг главной политической программы.

(Замечание Менжинского на полях: Здесь нужно показать, что сделала «ЛД» в осуществлении своей программы, кроме того, что она накапливала силы. Надо дать какие-то чисто интеллигентские примеры, вроде помощи в устройстве на приличную работу членов «ЛД» или

материальной поддержки особо бедствующим членам «ЛД». И еще парочку таких же деляческих занятий, говорящих, однако, Савинкову о том, что у организации есть и деньги, и всякие другие возможности.)

Но, видимо, неизбежным было возникновение в свое время у наиболее нетерпеливых членов «ЛД» мысли, что-де пора от накопления сил перейти к действию. Это еще не был политический раскол организации, ибо мысль эта о действии не имела необходимой поддержки в самой организации. А в центральном комитете эту мысль поддержал только один человек (Мухин А.П.). Однако позже выяснилось, что мысль о переходе от накопления сил к действию заразительна, или, точнее сказать, соблазнительна, особенно для людей, столь много переживших, претерпевших и еще продолжающих страдать от большевиков. Так наряду с «накопистами» в «ЛД» появились «активисты».

И к настоящему моменту вопрос о действии приобрел настолько широкую популярность в организации, что мы вынуждены были приступить к его обсуждению.

(Пометка Пузицкого: Нужно уточнить для Савинкова, что обсуждение велось только на уровне высшего руководства и организация о нем не извещена.)

В возникших спорах истина не родилась. В них возникли и остались нерешенными такие, например, вопросы:

А. Какую обстановку внутри России и в международном масштабе руководство «ЛД» считает объективно идеальной для своего решающего выступления против большевиков ?

Б. Что подразумевается под понятием «решающее выступление» ? Восстание ? Дворцовый переворот ?! Террористические акты ? Диверсии ? Саботаж ?

В. «ЛД» и зарубежные контрреволюционные силы. «ЛД» и европейские страны. А Америка ?

(Замечание Артузова: Пункт «в» лучше сформулировать так: «Как «ЛД» реагирует, если в момент решающего выступления, и в частности в момент напряженного положения, Запад предлагает «ЛД» свою помощь ?»)

Из этих проблем некоторая ясность есть только по последним двум: учитывая печальный и кровавый опыт проиного, «ЛД» категорически отказывается от помощи иностранных государств, от иностранной интервенции в особенности; «ЛД» отказывается и от помощи зарубежной русской контрреволюции, ибо считает монархию

еще большим злом для России, чем большевизм. В этом отношении вопрос стоит так: или «ЛД» действительно та реальная сила, которая может однажды взять власть в свои руки и построить демократическое государство XX века, или «ЛД» — жалкая марионетка в руках иноземных генералов, без которых она оказывается бессильна. Это руководству «ЛД» ясно. И все же, как уже сказано выше, споры вокруг программы действия ни к чему не привели. Если не считать, что теперь за переход к действию голосуют два члена ЦК. Кроме того, споры не содействовали единству организации, ибо, как конспиративно все это ни обсуждалось, сведения о разногласиях среди руководителей просочились в организацию.

Отсутствие ясности в вопросах действия следует объяснить еще и тем обстоятельством, что в руководстве «ЛД» нет ни одного человека с опытом политического деятеля, «ЛД» даже систему конспирации организовала сама и, кстати заметить, сделала это неплохо—в «ЛД» не было до сих пор ни одного провала. Но «активисты» правы в том отношении, что, как бы «ЛД» хорошо ни законспирировалась, а надо готовиться к открытому сражению за власть, за изменение государственного строя в России. Действительно, как ни отодвигай это, однажды это надвинется неотвратно, и, если к этому не готовиться, можно в решающий момент оказаться бессильными даже совладать с имеющимися у организации силами. Это не парадокс, а реальная ситуация, сознаваемая уже всеми членами ЦК «ЛД» как серьезная и насущная проблема, однако для большинства членов ЦК эта проблема чисто теоретическая.

Так или иначе именно в этой ситуации родилась идея получить политическую консультацию у известных, находящихся за границей русских политических деятелей. Речь шла о таких деятелях, как Чернов, Савинков и Керенский. В результате обсуждения при-знана наиболее желательной фигура Савинкова. Но руководители «ЛД», если решат вступить с ним в консультативные переговоры, считают своим долгом откровенно сказать, в чем были сомнения и в отношении фигуры Б. В. Савинкова. Вся его прежняя деятельность — имеется в виду его борьба против царизма как террориста и как участника Боевой организации эсеров — вызывает у руководства «ЛД» уважение, но оно же считает необходимым прямо сказать, что у него никогда не будет пользоваться одобрением то, что делал Б. В. Савинков с момента падения русской революции в октябре 1917 года, имея в виду и его попытки организовать военное подавление революции, и вызванное им бессмысленное

кровапролитие в Ярославле, Муроме и других местах России, и, конечно, организацию им поддержки из-за границы монархической белой армии, и вообще его ставку на иностранную интервенцию.

И все же руководство «ЛД» считает Б. В. Савинкова сейчас единственным политическим деятелем, к которому оно может обратиться за советом, честно предупредив его о плюсовом и минусовом отношении членов ЦК«ЛД» к его деятельности, начиная с того, что руководство «ЛД» решение об этом обращении за советом к Б. В. Савинкову принимает пятью голосами против трех».

Глава 5. В незримой паутине

Теперь, согласно плану чекистов, в Париж на встречу с Савинковым должен ехать лично Федоров (Мухин). Безусловно, он волновался, понимая, какой опытный и опасный соперник ему противостоит. Но он не знал тогда самого главного — Савинков все еще не очень-то верил в существование «Либеральных демократов», подозревая в этом провокацию Лубянки. Он решил уст-

роить Федорову настоящую проверку. К нему в гостиницу пришел сам полковник Сергей Павловский, один из ближайших помощников Савинкова. Человек отчаянной храбрости, лихой кавалерист, способный с одного удара шашкой разрубить человека пополам, он любил повторять, что нет такой тюрьмы, из которой нельзя было бы убежать. И это не было пустой бравадой. В его жизни были и тюрьмы, и побег. Сам он на одном из допросов на Лубянке впоследствии расскажет о себе: *«Примерно в августе-сентябре 1917 года я служил во втором Павлоградском полку на должности старшего офицера эскадрона. В это время началось разложение царской армии и появилось выборное начало в армии. Так как я был противником выборного начала, я решил уйти из армии и приехал в Новгород, где жили мои родные. С началом Белого движения я, как сторонник такового, решил переехать во вновь формировавшуюся Северо-Западную армию и прибыл в Псков в октябре 1918 года. Явившись в штаб, я записался в армию и был назначен военным приставом Пскова, где, пробыв несколько дней и будучи в принципе несогласным с этой должностью, я попросил своего перевода в строевую часть и был назначен рядовым в одну из рот. Когда армия стала отступать от Пскова, я вышел из армии и находился в Риге. Из Риги я бежал к эстонцам, где просидел в тюрьме три с половиной месяца, будучи обвиненным в коммунизме. Мотивировали они это обвинение в силу того обстоятельства, что я находился в Риге в период пребывания там советской власти. По освобождении из тюрьмы я прибыл в штаб генерала Род-зянко, откуда был назначен в отряд подполковника Балаховича. С этим отрядом я находился вплоть до занятия им Пскова, сперва в качестве рядового, а затем я был назначен начальником сводного отряда, состоявшего из кавалерии и пехоты. Пробыв в Пскове примерно около четырех дней, я был назначен представителем Северо-Западной армии в Ковно, где я пробыл около двух месяцев. Когда я вернулся в Псков по вызову генерала Юденича,*

в это время начались трения между генералами Юденичем и Балаховичем на почве желания каждого из них взять верховную власть в свои руки. Во время этих трений я снова попал в тюрьму по распоряжению генерала Юденича как сторонник Балаховича. В тюрьме я пробыл около трех месяцев и затем бежал из тюрьмы в Эстонию.

Прибыв в Юрьев зимой 1919 года, я попал в отряд Балаховича и с этим отрядом в должности командира батальона пробыл вплоть до ликвидации этой армии. Как раз в это время по распоряжению Балаховича должен был быть арестован Юденич. Арестовывать его поехали генерал Балахович, ротмистр Галкин, капитан Смирнов, я и еще несколько человек. Прибыли мы в Ревель. Через день по прибытии нашем в Ревель я и поручик Савельев были арестованы эстонцами, узнавшими цель нашего приезда, а генерал Юденич был арестован Балаховичем и доставлен до местечка Тайс, куда прибыла английская военная миссия, освободившая Юденича, а Балахович вместе с остальными офицерами бежал в свой отряд в Мариенбург, откуда он эвакуировался в Польшу; я же вместе с поручиком Савельевым был заключен в лагерь Алек. Пробыв в лагере семь с половиной месяцев, я бежал вместе с капитаном Савельевым и восемью коммунистами, сидевшими в лагере: я — в сторону Ревеля, а они — в советскую миссию.

Придя в Юрьев, где я пробыл один день, я перебрался в Ригу летом 1920 года. В Риге я встретился с полковником, бывшим в то время представителем от русской армии в Польше. По его распоряжению я был эвакуирован в Варшаву в распоряжение штаба армии. По прибытии в Варшаву я был назначен в Народно-добровольческую армию генералом Балаховичем на должность начальника группы и через три дня отбыл на фронт в местечко Владав. Пробыв во Владаве одну ночь, я пошел вместе с наступающей армией. После взятия мною деревни (названия не помню) я был отозван из группы и получил назначение командира полка. Вскоре после этого началось наступление на Пинск, где был расположен штаб Красной армии, вернее говоря, имущество и все учреждения штаба. Из Пинска армия пошла в наступление в район Давид — Городок — Туров, и я был назначен начальником авангарда.

Красная армия отступила, и мы продвинулись до местечка Ту-рова. Сзади нас шла польская армия, которая, дойдя до линии Ту-рова, остановилась. В Турове мы тоже остановились, и началось переформирование армии. Из Турова уехал в Пинск хотел ехать в Варшаву, в отпуск. В вагоне познакомился с Борисом Викторовичем Савинковым, ехавшим на фронт. Савинков вернул меня обратно в Пинск,

говоря, что теперь не время ехать в отпуск, что армия в скором времени перейдет в наступление. Им же было приказано через генерала Балаховича отбыть в Туров, где ждать дальнейших приказаний штаба армии.

Через два дня по моем прибытии в Туров прибыли Балахович и Савинков. Армия к тому времени закончила свое переформирование и в скором времени перешла в наступление по направлению Мозырь — Речица. Я был назначен начальником правой группы осенью 1920 года, в ноябре месяце, с одним боем мы продвинулись до Мозыря. Савинков тоже находился с моей группой вплоть до Мозыря. Не доходя до Мозыря, нами было взято до пятисот пленных, из которых тут же, на месте, был сформирован Мозырский полк с прежним комсоставом. Пробыв в должности начальника группы до занятия Речицы, мы были окружены четвертой и шестнадцатой /фасными армиями, и, потеряв одну пушку и до восьмисот человек из двух с половиной тысяч, мы пробились к польской границе, где и были интернированы. Вместе со всей группой я был помещен в лагерь Радом, где я заболел тифом, а по выздоровлении поехал в Варшаву, удрав из лагеря...»

Именно Павловский был первым человеком в окружении Савинкова, кто заподозрил в «Либеральных демократах» провокацию ОГПУ. Присутствуя на встрече Савинкова с Федоровым, он потом сказал своему вождю: «Борис Викторович, ему нравятся успехи большевиков». Савинков тогда только отмахнулся. Ему очень хотелось верить, что в России действительно существует тайная антикоммунистическая организация, которая видит своим вождем его и только его. Но, доверяя, проверяй. После предательства Азефа эти слова стали одним из жизненных принципов Савинкова. Именно поэтому он и поручил Павловскому проверить гостя из Москвы. Полковник выполнил приказ в свойственной ему манере. Явившись среди ночи в гостиницу, он, угрожая пистолетом, стал требовать от Федорова признания, что тот чекист.

Однако один из лидеров «Либеральных демократов» на провокацию не поддался. Готовясь к этой поездке, он изучал биографии и привычки всех ближайших помощников Савинкова. А потому знал: Павловского всегда выдавал его бешеный взгляд. Когда его зрачки сужались — ничего хорошего ждать не следовало. А в ту ночь полковник был на удивление спокоен. Поняв, что это провокация, Федоров схватил листок бумаги и написал письмо Савинкову: «Господии Савинков! Я совершил самую страшную в своей жизни ошибку, оказавшись инициатором связи с Вами. По-видимому, большинство моих коллег, говоривших о деградации Вашего движения, знали Вас и Ваших соратников лучше, чем я. Глубоко сожалею

об этом. Да здравствует свободная Россия, и да получит она достойного ее вождя!»

Павловский, не читая, взял письмо, положил его в карман плаща и вышел из номера. А на следующий день Савинкову пришлось извиняться за поведение своего друга. Тогда Федоров и спровоцировал ссору. Напомнив Савинкову про дело Азефа, он еще раз показал, что в руководстве «Либеральных демократов» сидят трезвые политики. Бывший эсеровский террорист был вынужден молча проглотить такой болезненный для него упрек. В тот момент он, видимо, окончательно убедился, что антибольшевистская организация в России существует. И терять связь с ней он не хотел. Ради этого пришлось поступиться даже болезненным самолюбием.

Стремясь загладить свою вину за ночной инцидент в гостинице, Савинков пообещал Федорову уже в ближайшие дни отправить в Москву одного из самых близких своих помощников. Сам он пока ехать не может, накопилось много дел, и поэтому его отлучка из Парижа исключена, а его соратник в России сможет решить все вопросы.

Он заранее знал, кого отправит в Москву. Кроме Павловского в таком сложном деле он довериться никому не мог. Полковник должен был нелегально перейти фаницу (незачем «Либеральным демократам» знать, кто именно и когда приедет на переговоры), проверить работу Шешени и Зекунова и, если все будет нормально, провести переговоры с Федоровым и его коллегами.

Однако план не сработал. Нет, Павловский благополучно (если не считать убийства красноармейца) перешел фаницу. Но в Москву не торопился. Вместо этого из старых соратников сколотил банду и занялся экспроприацией. То есть фабежами банков. Попутно убивая коммунистов. Лишь через неделю, почувствовав, что на него начинается охота, отправился в столицу.

Там он недолго гулял на свободе. Уже через два дня Павловского арестовали во время встречи с Шешеней и лидерами «Либеральных демократов». Его доставили во внутреннюю тюрьму ОГПУ на Лубянку. Только там полковник вышел из ступора, вызванного внезапными роковыми переменами в его жизни, и обрел столь характерную для него ярость. Но ни шашки, ни нагана у него под рукой не было. А кидаться на

стены вскоре наскучило. Он решил дождаться первого допроса, чтобы понять, что нужно будет чекистам. Необходимо было тянуть время, обдумывая план побега. Однако реальность оказалась для Павловского хуже кошмара.

Допрос начался с того, что ему дали ознакомиться с одним документом. Бегло взглянув на название, он понял: спасти его от расстрела может теперь только чудо: «Перечень преступлений Павловского С. Э., предъявленный ему в порядке подготовки к допросу.

Примечание. Преступления перечисляются не по степени их важности, а по времени их совершения. В перечне приводятся только те преступления, в которых установлено личное участие Павловского С.Э.

1918 год. 1. Участие в казнях группы большевиков (одиннадцать человек), повешение их на фонарных столбах в городе Пскове в бытность там военным комендантом (приставом). У одного из казнимых оборвалась веревка. Павловский приказал ему самому связать веревку и повеситься, и, когда тот приказа не выполнил, Павловский, умышленно не нанеся сразу смертельной раны, произвел в обреченного несколько выстрелов.

2. Там же и в то же время. Расстрел пятерых милиционеров. Обреченных по одному подводили к Павловскому, который производил выстрел в живот, после чего сообщники Павловского добивали жертвы.

3. Там же, в то же время. Убийство путем выстрела в лицо доктора по детским болезням Дорохова, только за то, что последний назвал разбоем выбрасывание детей из больницы.

4. Там же, в то же время. Изнасилование, а затем зверское убийство 17-летней дочери заведующего школой Смирнитского.

1919 год. При бегстве из РСФСР в Польшу — убийство милиционера Руднянского уезда Смоленской губернии Скабко, по чьим документам и в чьей казенной форме в дальнейшем Павловский проследовал до границы.

1920—1922 годы. Участие в бандитском походе «из Польши в Западный край с армией Булак-Балаховича. (Детализация будет произведена в ходе следствия.)

Создание С.Э. Павловским собственной банды из савинковцев, руководство ею во время рейда по Белоруссии и Западному краю, соответственно — полная ответственность за все тягчайшие преступления названной банды. (Полная детализация будет произведена в ходе следствия.) Ниже приводятся наиболее значительные, среди тягчайших, преступления:

а) банда С.Э.Павловского, ворвавшись в город Холм, пыталась его захватить, но встретила стойкое сопротивление местного гарнизона, на

что ответила чудовищными зверствами над населением захваченных бандитами кварталов. Общее число убитых примерно 250, раненых — 310.

Отступая от города Холма в направлении Старой Руссы, банда Павловского захватила город Демьянск, где учинила изуверскую расправу над коммунистами, активистами Советской власти и комсомола, а также беспартийным населением. Общее число убитых— 192.

Отступая к польской границе, банда С.Э. Павловского остановилась в районе корчмы, принадлежащей гражданину Натансону. Здесь Павловским была изнасилована его пятнадцатилетняя дочь Сима;

б) второй рейд банды Павловского. Захват и зверское убийство молодежного отряда Ч ОН в районе города Пинска. Четырнадцать чоновцев сами рыли себе могилы под собственное исполнение пролетарского гимна, после чего сам Павловский разрядил в чоновцев пять обойм маузера.

Между Велижем и Поречьем, в селе Карякино, по приказу Павловского был изувечен и повешен продработник, член РКП Силин. На груди у него была вырезана звезда.

Ограбление банков в уездных центрах Духовщина, Белый, Поречье и Рудня;

в) третий рейд банды Павловского. Налет на пограничный пост у знака 114/ 7, зверское убийство на заставе спавших после дежурства красноармейцев в числе 9 человек, повешение жены коменданта заставы, находившейся в состоянии беременности на восьмом месяце. При отходе за границу угон скота, принадлежавшего местному населению.

Ограбление банка в Велиже. Попытка ограбления банка в Опочке, сожжение живьем директора банка Хаймовича;

г) во время нахождения на территории Польши — подготовка отдельных диверсантов и террористов, а также банд и засылка таковых через границу на советскую территорию.

д) разделение ответственности за все тяжкие преступления, совершенные против Советской власти и советского народа антисоветским СЗРиС, возглавляемым Б. Савинковым...»

Павловского мучил только один вопрос: кто мог собрать все эти данные для чекистов? Он судорожно пытался найти в списке хоть одну неточность, которая позволила бы ему выиграть время. И нашел ее — спящих пограничников убивал поручик Иванов. Но не потому, что Павловский тогда проявил гуманность к пленным. В этот момент он насиловал женщину...

Но Артузов быстро разгадал нехитрую игру полковника. И сразу

объяснил ему диспозицию: или он добровольно помогает следствию, а суд это учтет, или без долгих разговоров становится к стенке, которую он трижды заслужил. После недолгих раздумий Павловский согласился работать с чекистами. Благо и требовалось от него немного. Для начала — написать письмо Философову. Что полковник и сделал под диктовку чекистов: *«Дорогой дедушка! Вместе со всеми и Вы, должно быть, дивитесь, что от меня столько времени нет никаких писем, но Вы должны понимать, что приходится ждать okazji, так как обычная почта существует не про нас.»*

Пока я все время нахожусь в Москве и считаю это полезным для нашего дела. Не считая себя, как Вы знаете, склонным ко всяческой политике, я все же вижу, что мы здесь выглядим хуже, чем могли бы выглядеть. Но нельзя требовать от гуся, чтобы он исполнял обязанности лебедя.

А дело перед нами лебединое. Конечно, слава Леониду, что он открыл этот великий источник, но все же истина в том, что не мы шли к нему, а он пробивался к нам, испытывая в нас острую надобность. И только этим следует объяснить, что уже столько времени источник покорно идет по руслу, которое мы ему предоставили, хотя имеет он право на русло куда более широкое и глубокое.

Я делаю, что могу, для углубления русла, встречаюсь с людьми, которые руководят «ЛД», пытаюсь дать им понять, что у нас есть уровень куда выше того, который они видят в Леониде. Но я трезво сам знаю, что и я никогда не славился способным вести политику. Тем не менее я вижу, как они льнут ко мне, стараются видеться именно со мной и говорят мне гораздо больше и более доверительно, чем Леониду. Объективно замечу, что Леонид сам не задается и довольно трезво оценивает свои возможности и сейчас, когда я сел писать это письмо, просит меня передать Вам и его просьбу — чтобы сюда приехал человек, достаточно авторитетный для здешней ситуации. А меня он пока что просто умоляет быть возле него и продолжать работать на дело нашего контакта с «ЛД». Однако я поступлю иначе. Я отыскал своих близких родственников на юге России, Аркадий Иванов уже там, и все они зовут меня приехать, чтобы сделать великолепный экс для нашего общего дела. Так что в самое ближайшее время я выеду туда. Хотя мне очень хотелось бы ехать совсем в другую сторону и повидать всех вас. Но если бы я это сделал, то только для того, чтобы взять кого-нибудь из вас за шкуру и притащить сюда, где совершаются конкретные и большие дела или, во всяком случае, называют. Честное слово, у вас там уже пропала вера во

все светлое — по себе это знаю, когда существовал в ваших непролазных болотах. А здесь ведь находится тот самый народ, которому мы без усталости клянемся в верности, и именно поэтому здесь атмосфера действия и свежего воздуха. Одновременно я пишу письмо отцу, и пишу о том же.

Работы здесь непочатый край. И собаки на деревне совсем не такие злые и хорошо дрессированные, как мы это себе представляли на расстоянии и веря некоторым нашим информаторам. Давно не писал таких длинных писем, но, когда есть о чем писать, пишется незаметно.

Примите, дедушка, мой сердечный привет, Серж».

Еще в Париже Савинков обговаривал с Павловским возможность его ареста. А с подпольной работы прекрасно понимал, что если его верный Серж попадет в руки чекистов, сообщить об этом будет крайне сложно, если вообще возможно. Поэтому был придуман простейший способ дать сигнал о работе под контролем — в любом предложении не поставить точку. Однако Павловский все испортил сам: слишком уж настойчиво он начал интересоваться у чекистов, не боятся ли они, что Савинков каким-нибудь образом узнает о том, что полковник арестован Лубянской. Поэтому, когда ему поручили составить письмо в Париж, написанный текст внимательно изучили опытные графологи и шифровальщики, которые без труда обнаружили условный сигнал. Павловскому рекомендовали писать внимательно, ставя все знаки препинания. В тот момент он понял: шансов сообщить Савинкову, что он арестован, а значит, и надежды на спасение почти нет. Придется выполнять требования чекистов. И Павловский, скрипя зубами от бешенства, снова сел писать письмо в Париж: *«Дорогой отец, здравствуйте.*

Трудно выразить, как я благодарен Вам за доверие, выразившееся в этой моей поездке, куда Вы лично меня снарядили. Благодарен я, кроме всего, еще и за то, что этой поездкой вы вернули мне веру. Последнее время я был близок к запою от сознания своей бесполезности. Да и только ли своей, извините меня, отец! Но я солдат, и Вы знаете, как я верен знамени. Так вот — посылка меня сюда спасла меня от глупостей. Мои дряблые мышцы снова наполнены кровью и силой. Моя энергия бурлит во мне все требовательней и сильнее. О, если бы мне Вашу голову и Ваше умение вести политическое дело и политическую борьбу!

Я не имею возможности изложить здесь доклад о том, что увидел и

узнал. Я, между прочим, приказал Леониду подготовить такой доклад и отправить Вам со следующей оказией. Оказии не так часты, и он успеет достаточно полно все описать.

Вкратце дело обстоит так: открытие, сделанное Леонидом, сулит грандиозные перспективы. Но открытие сделано не потому, что Леонид вдруг стал гениальным провидцем (Вы же это знаете лучше, чем я), а потому, что, попав сюда и начав действовать в пределах своих возможностей, он уже не мог не натолкнуться однажды на это, потому что это распространено широко, можно сказать — по всем этажам здешнего общества. Так что не столкнуться с ним где-то Леонид просто не мог. Но беда в том, что, столкнувшись и выяснив, кто и что, обе стороны объективно поняли, что они созданы друг для друга, а субъективно они почувствовали друг к другу чувства сложные и неодинаковые. Те, на кого наткнулся Леонид, увидели в нем то, что в нем есть, и не больше, — они ведь люди достаточно умные, во всяком случае, образованные, интеллигентные и т.д. У них возникло естественное сомнение и даже тревога: можно ли серьезно доверяться на таком уровне? Понимаете? Леонид — надо отдать ему должное — весьма критически оценивает свои возможности в этой ситуации и не корчит из себя лишнее, и доверие к себе завоевывает только одним — действием. Созданная им небольшая организация, которую он для них именует московской (на самом деле это просто ячейка, находящаяся в Москве), почти каждую неделю совершает дела, о которых город узнает, и иногда даже из большевистских газет. Это новым знакомым Леонида импонирует, так как у них как раз с действием дело обстоит из рук вон плохо. Я встречался с двумя лидерами: с тем, которого Вы знаете, и с другим, рангом повыше, по фамилии Новицкий. Между прочим, он сказал, что сталкивался с Вами в семнадцатом, во времена Саши с бобриком.

Заодно хочу окончательно отвести наши сомнения в отношении приехавшего в Париж представителя. И еще раз извиняюсь перед Вами за ту ночную проверку. Перед ним я извинился здесь. Да, он точно то, что Вы о нем знаете. И он находится в острейшем конфликте внутри своего ЦК с большинством, которое после его поездки к Вам, кстати, сильно уменьшилось. Они накопили колоссальные силы и теперь оказались перед дилеммой: или продолжать дальнейшее накопление сил, или прислушаться к ропоту масс, который слышен все яснее и сильнее, и начать действовать. (Мухин в своем ЦК выражает то, что есть в массах, и в этом — его сила.) Но тут перед ними сразу встает вопрос: как действовать, что делать, за что объявлять борьбу? Новицкий у них

авторитетнейшая фигура, профессор военной академии, крупный военспец (большевики недавно дали ему легковой автомобиль для личного пользования), но политик он никакой — это понял даже я. Да и Мухин, хотя он и ведет борьбу с инертностью и занимает, так сказать, активную позицию, как политический вожак он беспомощен. Так, например, он спрашивал у меня: как поставить народ в известность о том, чего мы добиваемся и какой хотим видеть Россию? А Новицкий сказал мне: мы способны перекрыть жизненные и военные артерии большевистской России, но что предпринимать дальше? Что настанет после этого? Так и сказал: настанет. Ей-ей, какие-то взрослые дети. От такого возраста и все их споры в отношении связи с нашим делом, о заграничной помощи и прочее. Но в этом вопросе, должен заметить, жать напролом нельзя, а поворачивать их обходным маневром некому. Я лично — пас. Скажу так: сплю и вижу Вас здесь. Тогда все их оговорки обсыплются, как шелуха, — настолько у них глубоко уважение к Вам и вашему политическому авторитету, а после приезда сюда Вани — и к Вашей политической программе. К слову замечу: не преувеличивайте значения созданного здесь Ваней объединенного комитета действия. Авторитет этого органа для них находится в прямой зависимости от авторитета наших людей. Понимаете? Я сейчас вошел в комитет и делаю все, что в моих силах. Но и сил моих в этой области немного, и хочу я рвануть на юг, где объявились мои очень близкие родственники, вместе с которыми мы проведем несколько красивых и богато поставленных спектаклей, — здесь-то вот мои таланты и пригодятся.

Тоскую о Вас сильно и каждодневно. Но осмелюсь сказать Вам: главный плацдарм жизни и борьбы — здесь. Крепко жму руку и до встречи. Серж».

Это письмо было выстрелом в десятку: На Лубянке знали: Савинков никогда в жизни не поверит, что Павловский сможет предать. Или, работая под диктовку, не сообщит об этом. Так и случилось. Савинков лишний раз убедился: в Москве творятся серьезные дела, а он остался в стороне. Хотя именно ему сам Бог велел возглавить восстание против большевиков. Он понимал: больше тянуть нельзя. И если пока поездка в Россию — далекая перспектива, то начинать переговоры с «Либеральными демократами» необходимо уже сейчас. Больше тянуть время было нельзя. Как опытный политик, Савинков понимал: еще немного, и антибольшевистская организация в Москве сочтет его дешевым популистом, неспособным на серьезные дела. Это допустить было нельзя. Собственно, все благополучие Савинкова находилось в прямой зависимости от успеха взаимодействия с

«Либеральными демократами». Он это прекрасно сознавал. Тем более что на этом настаивал еще один его соратник в Москве — Ше-шеня. Его письмо Савинков читал особенно внимательно, все же он находился в России дольше всех. И именно ему вождь был обязан контакту с «Либеральными демократами».

Глубокоуважаемый Борис Викторович!

Как Вам уже известно из моих прежних докладов, в Москве образовался так называемый московский комитет нашего союза, который ведет маленькую работу, будучи в то же время на поприще этой работы связан на обоюдных условиях с организацией «ЛД», куда более крупной, чем наша. Об«ЛД» я Вам ранее писал. В отношении «ЛД» мы ставим себе задачей приобрести «ЛД» или завязать с ней самый тесный контакт. Если эти два положения не будут решены, то мы считаем возможным даже влиться в «ЛД», где поставить себя как некоторую фракционную группку, дабы использовать возможности и средства «ЛД» для проведения в жизнь целей и идей нашего союза.

Должен указать, пока в «ЛД» было единогласие по тактике, то позиция ЛД-вцев была сильной. Обстановка, сложившиеся обстоятельства, характер сферы работы и т.п.— все это есть те, естественно, компромиссы, которые позволяют иногда выполнять на деле принципиальные решения, хотя они и бывают большинством изменены.

Теперь о некоторых вопросах стратегии и тактики. Смерть Ленина, дискуссия в РКП, признание большевиков иностранцами, внутренние и внешние политическое и экономическое положения большевиков создали у нас такую атмосферу, среди которой царят такие мнения (почти убеждения), что образовались две прямо противоположные одна другой группы, т.е. правая и левая, на-кописты и активисты, и все это в вопросе дальнейшей тактики и действий.

Я — среди левых. Мы, левые, мотивируем свою активную тактику тем, что внутренний раскол в РКП внес резкую разногласицу в верхи РКП, в ряды Красной армии, вызвал большое возбуждение и раскол на разные лагеря среди партсостава и комсостава.

Признание Советской России иностранцами — показатель того, что у большевиков внутри России нет антибольшевистских полторганизаций, нет политических врагов, которые бы вели борьбу и смогли бы доказать иностранцам, что не вся Россия есть большевики, а есть и другая Россия, которая может столкнуть большевиков и прийти им на смену. Все это мы, активисты, ставили в основу своей тактики, как обстоятельства, которые нам диктуют выступления в ближайшее время. Активное

выступление может нанести большевикам такой удар, от которого они или свалятся со своего Олимпа (Кремль), или будут медленно издыхать, а тут, конечно, надо только суметь их добить. Не так ли это, Б. В. ? Результат зависит от Вашего мнения. Мое лично таково, как и остальных активистов: создавшееся положение действительно есть редкий и удобный случай для активного выступления, конечно, руководимого борцами за идеалы революции, популярными и известными среди масс народа, в то же время опытными и сумевшими бы справиться с поднятым русским народом, направив его в известный момент, который учесть может только опытный в руководстве революционер, в определенное русло политической жизни страны. Принимая это все как основу своего мнения, я считаю тактику левых своевременной и прошу Вас, Б.В., разрешить это положение, дав свое резюме.

А правые, накописты, полагают так: все те политические и экономические положения, внутренние и внешние, Советской России, которые я указал выше, для левых — это возможность к активному выступлению, для правых — это только возможность для подпольной революционной работы, усилить организацию, укрепить ее и сделать еще более мощной.

Очень жалею, что не могу с Вами повидаться, так безумно хочется, но, к сожалению, не имею ни одного лишнего дня.

Шлю всем привет и желаю успеха в делах. Жду ответа. Ваш Леонид».

Савинков относился к той нередкой категории политиков, кому легче умереть, чем уйти в небытие. Он был насмерть отравлен собственной значимостью и своим участием в исторических процессах. Он не мог не продолжать активную деятельность, ведь только она сохраняла его на поверхности мутного потока бесчисленных спасителей Родины от большевиков. Тем паче что эта деятельность находила горячий отклик в среде многих европейских лидеров. Да и не только. К примеру, деньги Савинков получал и от фонда, организованного Генри Фордом. Поэтому он прекрасно понимал: чтобы и дальше поступали средства, нужно демонстрировать на этой ярмарке тщеславия не вчерашние заслуги, а дела сегодняшние. Это вызывало необходимость сменить тактику борьбы с большевиками. Ведь человек, припертый к стене, опасен вдвойне.

На Лубянке все это, безусловно, учитывали. Но, получив письмо

Савинкова для лидеров «Либеральных демократов», не могли скрыть удивления. Бывший охотник за царскими сановниками, бывший министр Временного правительства, бывший доброволец армии Колчака советовал всем сделать ставку на итальянский фашизм. Конечно, в то время многие русские эмигранты видели в Муссолини единственную силу, способную не допустить большевизм в Европу. Все это так. Но случай Савинкова — особый. Дело в том, что он задолго до написания этого письма общался с Муссолини, если «это» можно было назвать таким громким словом. Тот смотрел на Савинкова с исключительным презрением, никаких денег на борьбу с Советами не дал, а ограничился только тем, что подписал собственную книгу. Это было очень серьезным ударом по самолюбию. В письме сестре он обозвал дуче фигляром от политики, забыв, что еще несколько недель назад восхищался им. И вот теперь, в письме руководству «Либеральных демократов», он вновь воскрешает свои симпатии к Муссолини:

«В моих глазах признание независимости окраинных народов является только первой ступенью. Последующим шагом должно явиться свободное соглашение всех государств Восточной Европы (в том числе даже Польши) и образование Всероссийских Соединенных Штатов по образу и подобию Соединенных Штатов Северной Америки. К сожалению, такое единственно жизненное понимание будущего строительства России встречает сильную оппозицию со стороны других наших эмигрантских кругов. В частности, эсеры старой формации все еще думают, что Учредительное собрание может продиктовать свою волю окраинным государствам и навязать им федерацию с Россией. Именно потому, что идея независимости Украины, Грузии, Белоруссии многим кажется покушением на «расчленение» России, необходимо наше решение национального вопроса подробно обосновать. Но это дело, разумеется, будущего. Если я сейчас останавливаюсь на этом вопросе, то только для того, чтобы потом не было недоговоренности между нами.

Теперь — о фашизме. Эсеровская пресса дурно понимает его. В нем нет элементов реакции, если не понимать под реакцией борьбу с коммунизмом и утверждение порядка. Фашизм спас Италию от коммуны. Фашизм стремится смягчить борьбу классов. Он опирается на крестьянство, он признает и защищает свободу и достоинство каждого гражданина.

Не знаю, как вам, но мне фашизм близок и психологически, и идейно.

Психологически — ибо он за действие и волевое напряжение в противоположность безволию и прекраснодушию парламентской

демократии; идейно — ибо стоит он на национальной платформе и в то же время глубоко демократичен, ибо опирается на крестьянство. Во всяком случае, Муссолини для меня гораздо ближе Керенского или Авксентьева. Так называемый империализм итальянских фашистов — явление случайное, объяснимое избытком населения в стране и отсутствием хороших колоний, такое же случайное явление и сохранение монархии. Фашистское движение растет повсеместно в Европе, в особенности в Англии, и я думаю, что будущее принадлежит ему. Это не удивительно. Европа переживает кризис парламентских учреждений. Люди разочаровались в болтунах, не сумевших предотвратить войну и не умеющих организовать послевоенную жизнь. Фашизм не отрицает народного представительства, но требует от народных избранников не прекрасноречивых речей, а действий и волевого напряжения. Парламент (у нас Советы) не должен мешать правительству в его созидательной работе бесконечными прениями и присущей всякому многочленному собранию нерешительностью. Если за парламентом остается право контроля, то на него возлагаются и обязанности, он не должен быть безответственным и бездейственным учреждением. Керенским и Милюковым в фашизме нет места. Отсюда их ненависть к нему.

Но чтобы решить вопрос, по которому у вас возникли столь серьезные разногласия, надо быть на месте, а не здесь. Достаточно ли уже накоплено сил? Каково их количество? Какова степень их организованности и дисциплины? Какова окружающая среда? Каково общее положение? Я не могу ответить на эти вопросы. Добросовестность позволяет только поставить их. А ведь в ответах все дело. К сожалению, почта от вас ответов этих не содержит. «Эволюция» тут ни при чем, короткие удары тоже. И боже сохрани контактировать с монархистами: уже не говоря о том, что гусь свинье не товарищ, они непременно и нарочно вас провалят. Я знаю это по опыту.

Очень хорошо, что возникают смелые планы. Это свидетельствует о росте и организации, и настроений. Но лучше — «осторожнее на поворотах». Лучше семь раз примерить и один раз отрезать. Говорю еще раз: для решения конкретного, чисто практического у меня нет достаточных данных, и я прошу подождать, если вы хотите считаться с моим мнением. Сейчас могу сказать только одно и как результат всей моей предшествующей работы: если организация выросла настолько, что в ее среде наблюдается непреодолимое активное настроение, надо, как я уже советовал, выделять людей с таким настроением в отдельные группы с точным посильным заданием и поставить их в такие условия работы,

чтобы их провал не повлек за собой провала общего, всей организации в целом. Еще могу сказать: лучше даже и это сделать возможно позднее...»

Получив это письмо, чекисты убедились: Савинков крепко захватил наживку. Теперь только роковая случайность могла сорвать операцию. Но она в планы Лубянки не входила...

Глава 6. Начало конца

Савинков был уже морально готов бросить все и ехать в Россию, помогать «Либеральным демократам» свергать большевиков. Однако он поставил условие: приехать за ним должен был лично Павловский. Подобный поворот дела категорически не устраивал чекистов. Они прекрасно понимали, что полковник спит и видит, как бы сбежать с ненавистной ему Лубянки и спасти своего вождя. Поэтому был придуман хитроумный план. Якобы Павловский, которого начало тяготить безделье в Москве, бросил все дела и поехал на юг России. Устраивать очередное ограбление банка. Во время экспроприации ценностей он был

тяжело ранен в грудь и в пах. Врачи чудом спасли его жизнь, и, разумеется, в таком состоянии полковник не может приехать за Савинковым. Он и ходить-то не может. Говорит с трудом. Но короткое письмо написать сподобился, чтобы вождь не сомневался — все в порядке, произошла досадная оплошность: *«На-конец и я дождался того, что всегда случается после слишком большого везения.*

Я всегда удивлялся: как это меня еще земля держит ? Последняя торговая операция не удалась; мы понесли небольшие убытки. К счастью, особо тяжелых по качеству потерь мы не понесли, и ярмарка, я уверен в этом, пополнит наши временные убытки с лихвой. Одно мне неприятно — поездка на эту последнюю неудачную экспроприацию приковала меня к постели. Я заболел, начал было поправляться, но тут какое-то осложнение с сухожилием, и врач говорит, что придется проваляться долго. Такая бездеятельность еще хуже, чем соответствующая для меня смерть.

Все это очень печально, так как это не только нарушает мою работу здесь, но и не дает возможности ехать к вам лично.

Самое главное — страшно досадно, что я временно выбыл из строя и прикован к кровати в самое нужное время.

Все уж из состава главной конторы привыкли к этой мысли, и для дела Ваш приезд необходим. Я, конечно, не говорил бы этого, не отдавая себе полного отчета в своих словах.

И за Ваше здоровье, и за успех торговли во главе с Вами я спокоен, а потому буду тихо лежать в постели, ощущая Вас здесь».

Савинков был шокирован. Казалось, что он вот-вот упадет в обморок. Сама мысль о том, что с Павловским может что-то случиться, никогда не

приходила ему в голову Недаром же он с пафосом любил говорить: «У большевиков руки коротки дотянуться до таких боевиков, как мы с Сержем». Теперь вот выяснилось, что слова пророчеством не стали.

Он долго колебался. Сначала решил, что «Либеральные демократы» — провокация Лубянки. Но быстро отогнал от себя эту мысль. Взял себя в руки. И еще раз все внимательно обдумал.

Все письма членов «Союза защиты Родины и свободы» рисовали радужную картину. И об этом нельзя забывать. И каждый день, проведенный Савинковым не в России, усиливает сомнение в его полезности для антибольшевистского подполья в Москве. Он прекрасно понимает, что ни Павловский, ни тем более Шешеня ничего полезного для будущей победы над Советами не сделают. Рядовые исполнители, только и всего. А между тем вопрос свержения коммунистов — первоочередной для Савинкова. Он знает, что его основные организации в России разгромлены. Хорошо хоть этого не знают те, кто дает ему деньги. Но могут ведь и узнать! Поэтому «Либеральные демократы» — панацея от всех возможных бед! Не говоря уже о том, что это прямая дорога на политический олимп...

Савинков не мог не принять столь нужное для Москвы решение: ехать в Россию. Больше терять время было нельзя. Зашел поговорить напоследок с Владимиром Бурцевым, написал прощальные письма всем близким и знакомым. В них не было предчувствия фатальной ошибки. Скорее, наоборот, они были полны счастья, что он едет бороться. Сопровождать его в этой поездке вызвался Александр Диренталь вместе со своей женой Любовью. Она вела дневник, который и позволяет с удивительной точностью восстановить последние минуты жизни Бориса Савинкова на свободе.

«15 августа.

На крестьянской телеге сложены чемоданы. Мы идем за ней следом. Ноги наши вымочены росой. Сияет луна. Она сияет так ярко, что можно подумать, что это день, а не ночь, если бы не полная тишина. Только скрипят колеса. Больше ни звука, хотя деревня недалеко. Холодно. Мы жадно пьем свежий воздух — воздух России. Россия в нескольких шагах от нас, впереди.

Мы выехали в Россию по настоянию Сергея Павловского. Он должен был приехать за нами в Париж. Но он был ранен при нападении на большевистский поезд и вместо себя прислал Андрея Павловича и Фомичева.

Мы идем быстро, в полном молчании. За каждым кустом, может быть, прячется пограничник, из-за каждого дерева может щелкнуть

винтовка. Вот налево зашевелилось что-то. Потом направо. И вдруг всюду — спереди, сзади и наверху ■— шумы, шорохи и тяжелое хлопанье крыльев. Звери и птицы.

Пролетела сова. Это третий предостерегающий знак: утром разбилось зеркало и сегодня пятница — дурной день.

Мы идем уже больше часа, но усталости нет. Мы идем то полями, то лесом. Граница вьется, и мы мало удаляемся от нее. Но вот в перелеске тарантас и подвода. Лошади крупные.

До Минска нам предстоит сделать 35 верст.

Деревня. Лают собаки. Потом поля, перелески, опять поля, снова деревня. И опьяняющий воздух. А в голове одна мысль: поля — Россия, леса — Россия, деревни — тоже Россия. Мы счастливы — мыу себя.

Высоко над соснами вспыхнул красноватый огонь. Что это? Сигнал? Нет, это Марс. Но он сверкает, как никогда.

Дорога скверная, в ямах. На одном из поворотов тарантас опрокидывается. Мы падаем.

16 августа.

На заре мы сделали привал в поле. В небе гаснут последние звезды. Фомичев объявляет со смехом:

— Буфет открыт, господа!

Он предлагает водки и колбасы. Мы бранили его за то, что он забыл купить хлеба.

Лошади трогаются. Вот наконец и дома. Приехали. Минск. Пригородные улицы пусты. Редкие прохожие оборачиваются на нас, хотя в Вильно мы оделись по-русски: мужчины в нашивках, а я в шерстяных чулках и т.д. Мы идем, и кажется, что

пригороду не будет конца: бессонная ночь внезапно дает о себе знать.

Мы останавливаемся у одного из домов на Советской. Здесь мы отдохнем и вечером уедем в Москву. Поднимаясь по лестнице, я говорю:

— В этой квартире живет кто-нибудь из членов нашей организации?

— Да, конечно,— отвечает кто-то.

Я чувствую смутное беспокойство. Я присаживаюсь к столу. Приносят завтрак. Вдруг с силой распахивается двойная дверь из передней:

— Ни с места! Вы арестованы!

Входят несколько человек. Они направляют револьверы и карабины на нас. Впереди военный, похожий на корсиканского бандита: черная борода, сверкающие черные глаза и два огромных маузера в руках. Со стороны кухни тоже появляются люди. Обе группы так неподвижны, что

кажется, что они восковые. Первые слова произносит Борис Викторович:

— Чисто сделано. Разрешите продолжать завтрак.

Красноармейцы с красными звездами на рукавах выстраиваются вдоль стены. Несколько человек садятся за стол. Один, небольшого роста, с русою бородой, в шлеме, располагается на диване рядом с Александром Аркадьевичем.

— Да, чисто сделано, чисто сделано, — повторяет он. — Не удивительно: работали над этим полтора года.

— Как жалко, что я не успел побриться, — говорит Борис Викторович.

— Ничего. Вы побреетесь в Москве, Борис Викторович, — замечает человек в черной рубашке с бритым и круглым спокойным лицом. У него уверенный голос и мягкие жесты.

— Вы знаете мое имя и отчество? — удивляется Борис Викторович.

— Помилуйте, кто же не знает их! — любезно отвечает он и предлагает нам пива.

Я говорю:

— Нас было пятеро. Теперь нас трое. Нет Андрея Павловича и Фомичева.

— Понятно, — говорит Борис Викторович.

— Значит, все предали нас?

— Конечно.

— Не может этого быть...

Но я должна верить Пиляру. Он один из начальников ГПУ.

Все... Андрей Павлович... Фомичев... Шешеня. А Сергей? Сергей, наверное, уже расстрелян.

Я прошу разрешения взять из сумочки носовой платок. Мне отказывают. Но молодой военный приносит мне один платок.

Констатирую, что его только что надушили.

— Почему вы тотчас же арестовали нас, не дав нам возможности предварительно увидеть Москву? Мы были в ваших руках.

— Вы слишком опасные люди. Нас обыскивают.

В отношении меня эту операцию проделывает совсем молодая женщина. Она очень смущена. Чтобы рассеять ее смущение, я рассказываю ей о том, что делается в Париже.

Она вскоре возвратилась с моими вещами и даже двенадцатью долларами, которые нашли у меня зашитыми в складке моего платья.

Возвращаюсь в столовую.

Отъезд в Москву...»

На следующий день в газетах появилось правительственное сообщение: *«В двадцатых числах августа сего года на территории Советской России ОГПУ был задержан гражданин Савинков Борис Викторович, один из самых непримиримых и активных врагов рабоче-крестьянской России. (Савинков задержан с фальшивым паспортом на имя В.И.Степанова.)»*. Из этого можно было сделать вывод, что легендарный террорист сам явился в СССР, где и был благополучно арестован контрразведчиками. Действительно, ошибки в этом никакой нет. Савинков перешел фаницу добровольно, но только спустя несколько лет станут известны причины, побудившие его на такой поступок. Тогда, в августе 1924 года, нельзя было раскрывать всех подробностей существования организации «Либеральные демократы», не говоря уже о деталях «Синдиката-2». Ведь в этот самый момент активно проводилась работа в рамках операции «Трест» и детали задержания Савинкова могли вызвать у них вполне резонные подозрения.

В Москве Савинкова прямо с Белорусского вокзала отправили в камеру-одиночку внутренней тюрьмы на Лубянке. С первым допросом не спешили. Чекистов прежде всего интересовало поведение Савинкова. Не впадет ли он в прострацию по примеру многих своих соратников? Признает ли свою вину перед партией большевиков? Пока же в газетах появилась короткая заметка: *«Арестованному в двадцатых числах августа Борису Викторовичу Савинкову в 23 часа 23 августа было вручено обвинительное заключение, и по истечении 11 часов, согласно требований Уголовно-процессуального кодекса, в военной коллегии Верховного суда СССР началось слушание дела о нем. Состав суда: председатель товарищ Ульрих, члены суда товарищи Камерон и Кушнирюк»*.

Савинков полностью оправдал самые смелые ожидания чекистов. На следствии он во всем сознавался, признавал свою вину, каялся, постоянно заявляя о своей любви к трудовому народу. К примеру, 21 августа 1924 года в собственноручно написанных показаниях он отмечал: *«Раньше, чем отвечать на предложенные мне вопросы, я должен сказать следующее: я — Борис Савинков, бывший член Боевой организации ПСР, друг и товарищ Егора Сазонова и Ивана Каляева, участник убийства Плеве и великого князя Сергея Александровича, участник многих других террористических актов, человек, всю жизнь работавший только для народа и во имя его, обвиняюсь ныне рабоче-крестьянской властью в том, что шел против русских рабочих и крестьян с оружием в руках. Как могло это случиться? Я уже сказал, что всю жизнь работал только для народа и во имя его. Я имею право прибавить, что никогда и ни при каких обстоятельствах не*

защищал интересов буржуазии и не преследовал личных целей. Будущее показало, что я был не прав во всем».

Глава 7. Встать, суд идет!

Схема избранной Савинковым защиты строилась на его блестящем умении вести полемику. «Всю свою жизнь я был за народ, а боролся только против большевиков. Но всегда руководствовался убеждениями, которые мне диктовала совесть, а значит, как и все люди, мог заблуждаться». Что было в этой позиции больше: хитрости и надежды, что он сможет обмануть чекистов, или той самой исключительной политической наивности, о которой столько рассуждал сам Савинков на примерах Керенского, Деникина и Врангеля? Склонен думать, что все же Савинков надеялся на объективность суда. Почему-то ему вдруг поверилось, что красный террор остался далеко в прошлом, а нынче советский суд — вполне цивилизованный орган, который действует исключительно в рамках закона. Но уже после первых же заседаний суда он понял, что обречен. Поэтому в своем последнем слове изменил тональность: *«Граждане судьи! Я знаю ваш приговор заранее. Я жизнью не дорожу и смерти не боюсь. Вы видели, что на следствии я не старался ни в какой степени уменьшить свою ответственность или возложить ее на кого бы то ни было другого. Нет! Я глубоко сознавал и глубоко сознаю огромную меру моей невольной вины перед русским народом, перед крестьянами и рабочими. Я сказал невольной вины, потому что вольной вины за мной нет.*

Когда случился ваш переворот, я пошел против вас. Вот роковая ошибка, вот роковое заблуждение! Один ли я был в этом положении? И почему случилась эта ошибка? Скажу вам, был случай, может быть, заурядный случай, но этот случай сразу оттолкнул меня от вас. Да, я поборол потом в себе его, и я никогда не мстил за него, никогда в моей борьбе с вами он не играл роли, но вы поймете меня, когда я скажу, что он оттолкнул меня от вас, что он сразу вырыл пропасть. Случай этот был такой. У меня была сестра, старшая сестра; она замужем была за офицером. Это был тот единственный офицер Петроградского гарнизона, который 9 января 1905 года отказался стрелять в рабочих. Помните, когда рабочие шли к Зимнему дворцу? Так вот это был единственный офицер, который отказался исполнить приказ. Это был муж моей сестры. Вы его расстреляли в первый же день, потом вы расстреляли и ее. Я говорю: никогда во время борьбы моей с вами я не помнил об этом и никогда не руководился мстью за то личное и тяжкое, что пережил я тогда, но в первые дни это вырыло пропасть.

Психологически было трудно подойти, переступить через эти трупы. И я пошел против вас...»

Спустя два месяца в савинковской газете «За Россию!», издававшейся в Варшаве, появилась крайне любопытная статья. Ее автор — один из видных членов «Союза защиты Родины и свободы» Пасманик. Как говорили в то время в Советском Союзе, злейший враг трудового народа, руки которого по локоть в крови рабочих и крестьян. И вот что он пишет: *«Если он кого-нибудь обманывал, то лишь самого себя. Это мое глубокое убеждение, в этом разгадка савинковской трагедии, ибо, что бы ни говорили нынешние противники, мы присутствуем не при пошлом фарсе, а при тяжелой трагедии, прежде всего трагедии лжи. Теперь Савинков лжет, когда пишет в интимном письме из московской тюрьмы:*

«Весной 1923 года для меня стало ясно, что с красными бороться нельзя, да и не нужно». Лжет, когда он в том же письме пишет: «Готового заранее решения я не имел». Когда он решил ехать в Россию, его решение было определенное: ехать и бороться с большевиками до последней капли крови, до последнего издыхания.

Его последнее свидание — с В.Л. Бурцевым накануне его отъезда. И тогда шла речь о борьбе, а в случае неудачи — о смерти как о символе борьбы с большевиками.

Врал ли Савинков на суде? Фактически — да. Ну хотя бы об истории расстрела его шурина. Да, фактически Савинков врал, но психологически он говорил под внушением элементарной идеи: «Я спасу свою жизнь для будущих дел».

Перед судом, чтобы сохранить в секрете основные этапы операции «Синдикат-2», Савинкову настоятельно рекомендовали придерживаться в своих показаниях той версии, которая была изложена в правительственном сообщении о его аресте. Он с радостью согласился, считая, что помощь следствию послужит лучшим доказательством чистосердечности его раскаяния. Он даже не задумывался о том, что своим поведением плюнул на могилы всех своих соратников. Ведь никто из них никогда бы не поверил, что Савинков будет на суде говорить: да, я по собственному желанию перешел границу СССР. Я разуверился в борьбе и решил капитулировать перед рабоче-крестьянской властью большевиков... Но даже это не помогло Савинкову. Когда судьи стали зачитывать обвинительный приговор, он пытался сохранить спокойствие. Но было видно, как тяжело ему это дается.

«Именем Союза Советских Социалистических Республик Верховный суд СССР по Военной коллегии в составе председательствующего Ульриха

В.В., членов Камерона П.А. и Кушнiryюка Г.Г., при секретаре Маршаке, в открытом судебном заседании 27, 28 и 29 августа 1924 года, в г. Москве, заслушав и рассмотрев дело по обвинению Савинкова Бориса Викторовича, 45лет, сына чиновни-

ка, с незаконченным высшим образованием, при Советской власти не судившегося, бывшего члена Боевой организации партии эсеров, а впоследствии руководителя и организатора контрреволюционных, шпионских и бандитских организаций, в преступлениях, предусмотренных ст. 58 ч. I, 59, 64, 66 ч. I, 70 и 76 ч. 1 Уголовного кодекса РСФСР, нашел судебным следствием установленным, что Борис Савинков:

1. С момента февральского переворота до Октябрьской революции принадлежал к партии с.-р. и, разделяя программу монархиста генерала Корнилова, будучи комиссаром при командующем Юго-Западным фронтом, военным министром в кабинете Керенского, членом совета Союза казачьих войск, активно и упорно противодействовал переходу земли, фабрик и всей полноты власти в руки рабочих и крестьян, призывая подавлять их борьбу самыми жестокими мерами и приказывая расстреливать солдат, не желавших вести войну за интересы империалистической буржуазии.

2. После перехода власти в руки трудящихся пытался в Петрограде поднять казачьи полки для свержения рабоче-крестьянской власти и после неудач бежал в ставку Керенского, где совместно с генералом Красновым активно боролся против восставших рабочих и революционных матросов, тем самым защищая интересы помещичье-капиталистической контрреволюции.

3. В конце 1917 и в начале 1918 г. принял активное участие в донской контрреволюции, став членом Донского гражданского совета, совместно с генералами-монархистами Алексеевым, Калединым и Корниловым, которых убеждал в необходимости вести вооруженную борьбу против власти Советов, помогал формированию так называемой Добровольческой армии, которая до конца 1920 года при поддержке англо-французских капиталистов разоряла Украину, Донскую область, Северный и Южный Кавказ, помогая правительствам Антанты увозить хлѣб, нефть и прочее сырье.

4. В начале 1918 года, явившись в Москву, создал контрреволюционную организацию «Союз защиты Родины и свободы», куда привлек главным образом участников тайной монархической организации, гвардейских и гренадерских офицеров и своими главными помощниками сделал монархистов генерала Рычкова и полковника Перхурова, после чего

обратился к генералу Алексееву — главе южной монархической контрреволюции — с донесением об образовании «СЗРиС» и просьбой дать руководящие указания. Организация, созданная Савинковым, имела своей целью свержение Советской власти путем вооруженных восстаний, террористических актов против членов рабоче-крестьянского правительства, пользуясь материальной поддержкой и получая руководящие указания от французского посла Нуланса и чехословацкого политического деятеля Масарика.

5. Весной 1918 года, получив от Масарика при посредничестве некоего Клецанды 200 000 рублей на ведение террористической работы, организовал слежку за Лениным и другими членами Советского правительства в целях совершения террористических актов, каковые, однако, совершить ему, Савинкову, не удалось по причинам, от него не зависящим.

6. Получив одновременно весной 1918 года от французского посла Нуланса около двух с половиной миллионов рублей, в том числе одновременно два миллиона специально для организации ряда вооруженных выступлений на Верхней Волге, по категорическому предложению того же Нуланса, в целях поддержки готовящегося, по словам последнего, англо-французского десанта в Белом море, после неоднократных переговоров с французским атташе генералом Лаверном и французским консулом Гренаром организовал, опираясь на офицерские отряды «СЗРиС», при поддержке меньшевиков и местного купечества, в начале июля 1918 года вооруженные выступления в Ярославле, Муроме, Рыбинске и пытался поднять восстание в Костроме, оттянув тем самым значительные части Красной армии, оборонявшей Казань и Самару от чехословаков и эсеров.

7. После ликвидации мятежей на Верхней Волге он, Савинков, бежал в Казань, в то время занятую чехословаками, и принял участие в отряде Каппеля, оперировавшем в тылу красных войск.

8. В конце 1918 года Савинков принял предложение Колчака быть его представителем в Париже и в течение 1919 года, посещая неоднократно Ллойд Джорджа, Черчилля и других министров Англии, получал для армий Колчака и Деникина большие партии обмундирования и снаряжения, а также по поручению Колчака для поддержки к.-р. движения, находясь во главе бюро печати «Уни-он», распространял заведомо ложную информацию о Советской России и вел печатную агитацию о продолжении дальнейшей вооруженной борьбы капиталистических государств с рабоче-крестьянским государством.

9. Во время русско-польской войны 1920 года Савинков, состоя

председателем белогвардейского русского политического комитета в Варшаве, по предложению Пилсудского, за счет Польши и при полном содействии французской военной миссии в Варшаве, организовал так называемую «Русскую народную армию» под командой генералов Перемыкина и братьев Булак-Балаховичей, а осенью того же года, после заключения русско-польского перемирия, с ведома Пилсудского, лично принял участие в походе Булак-Балаховича на Мозырь.

10. В начале 1921 года через так называемое информационное бюро РПК, во главе которого стоял его брат Виктор Савинков, Борис Савинков организовал военно-разведывательную работу на территории Советской России, передавая часть получаемых сведений второму разведывательному отделу польского генерального штаба и французской военной миссии в Варшаве, получая за это денежные вознаграждения.

11. С июня 1921 года до начала 1923 года Савинков, став во главе восстановленного им «Народного союза защиты Родины и свободы», в целях поднятия вооруженных восстаний на территории Советской России неоднократно посылал в западные пограничные губернии вооруженные отряды под командой офицеров Павловского, Васильева, Павлова и других, которые производили налеты на исполкомы, кооперативы, склады, пускали под откос поезда, убивали советских работников, а также собирали сведения военного характера для передачи польской и французской разведкам в Варшаве. Кроме того, отдельным лицам, как, например, полковнику Свежжевскому, давались задания террористического характера, каковые, однако, выполнены не были.

12. В 1923 году, когда после разгрома большинства организаций «НСЗРиС» денежная поддержка, получаемая Савинковым от Польши и Франции, сильно сократилась, он пытался получить средства от Муссолини.

13. В августе 1924 года, желая лично проверить состояние антисоветских и контрреволюционных организаций на территории Союза ССР, перешел по фальшивому документу на имя В. И. Степанова русско-польскую границу, но вскоре был арестован.

Таким образом, устанавливается виновность Савинкова:

1. В организации в контрреволюционных целях вооруженных восстаний на советской территории в период 1918—1922 гг., т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 ч. I Уголовного кодекса РСФСР.

2. В сношении с представителями Польши, Франции и Англии с целью организации согласованных вооруженных выступлений на территории Советской Федерации в 1918—1920 гг., т.е. в преступлениях,

предусмотренных ст. 59 Уголовного кодекса.

3. В организации в контрреволюционных целях в 1918 и 1921 гг. террористических актов против членов рабоче-крестьянского правительства, каковые акты, однако, совершены не были, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 14 и 64 Уголовного кодекса.

4. В руководстве военным шпионажем в пользу Польши и Франции в течение 1921 по 1923 году т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 66 ч. 1 Уголовного кодекса.

5. В ведении пропаганды в письменной и устной форме, направленной на поддержку выступлений иностранных капиталистических государств, в целях свержения рабоче-крестьянского правительства в 1919 году, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 70 Уголовного кодекса.

6. В организации банд для нападений на советские учреждения, кооперативы, поезда и т.д. в 1921 и 1922 гг., т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 76 ч. 1 Уголовного кодекса.

На основании изложенного Верховный суд приговорил: Савинкова Бориса Викторовича, 45 лет, пост. 58 ч. I Уголовного кодекса, к высшей мере наказания, по ст. 59 и рук. ст. 58 ч. I — к тому же наказанию, по ст. 64 и рук. 58 ст. ч. I — к тому же наказанию, по ст. 68 ч. 1 — к тому же наказанию, по ст. 76 ч. I — к тому же наказанию и по ст. 70 — лишению свободы на 5 лет, а по совокупности — расстрелять с конфискацией всего имущества.

Принимая, однако, во внимание, что Савинков признал на суде всю свою политическую деятельность с момента Октябрьского переворота ошибкой и заблуждением, приведшим его к ряду преступных и изменнических действий против трудовых масс СССР, принимая далее во внимание проявленное Савинковым полное отречение и от целей, и от методов контрреволюционного и антисоветского движения, его разоблачения интервенционистов и вдохновителей террористических актов против деятелей Советской власти и признание им полного краха всех попыток свержения Советской власти, принимая далее во внимание заявление Савинкова о его готовности загладить свои преступления перед трудящимися массами искренней и честной работой на службе трудовым массам СССР, Верховный суд постановил ходатайствовать перед Президиумом Центрального Исполнительного Комитета СССР о смягчении настоящего приговора.

Председатель В.Ульрих. Члены Камерон, Кушницрюк. Москва, 1924 года, 29 августа, 1 час 14 мин.».

Сдается мне, во всей многовековой истории юриспруденции подобного

приговора найти невозможно. Суд признает, что обвиняемый за все свои многочисленные дела за последние семь лет заслужил пять (!!!) смертных казней и еще пять (!!!) лет тюремного заключения. Про конфискацию имущества даже и вспоминать как-то неловко уже. И при всем при этом суд (советский!!!) просит верховную инстанцию даровать осужденному жизнь (!!!).

Но и это еще не самое удивительное. Просьба удовлетворяется!

«Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР, рассмотрев ходатайство Военной коллегии Верховного суда Союза ССР от 29 августа, утром, о смягчении меры наказания в отношении к осужденному к высшей мере наказания гражданину Б. В. Савинкову и признавая, что после полного отказа Савинкова, констатированного судом, от какой бы то ни было борьбы с Советской властью и после его заявления о готовности честно служить трудовому народу под руководством установленной Октябрьской революцией власти применение высшей меры наказания не вызывается интересами охранения революционного правопорядка, и полагая, что мотивы мести не могут руководить правосознанием пролетарских масс, постановляет:

Удовлетворить ходатайство Военной коллегии Верховного суда Союза ССР и заменить осужденному Б. В. Савинкову высшую меру наказания лишением свободы сроком на десять лет.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР М.Калинин.

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР А.Енукидзе.

Москва, Кремль, 29 августа 1924 г.».

С тех самых пор не стихает спор: что это было? Недоразумение, «вредительство троцкиста» Енукидзе или тонкий политичес-

кий расчет? Склонен думать, что логичным завершением «Синдиката-2» был именно продемонстрированный всей русской эмиграции гуманизм советской власти. Не стоит забывать, что большая часть членов «Союза защиты Родины и свободы» оставалась на свободе. Им-то и давался этот сигнал: штыки в землю, господа. Даже таких лютых ненавистников советской власти, как Савинкова, рабоче-крестьянское правительство милует. Что уж о вас-то говорить? И надо сказать, что соратники все поняли правильно. Больше боевики главного террориста начала XX века акции на территории СССР не проводили.

Глава 8. Элитный узник Лубянки

После оглашения приговора Савинков продолжал находиться во внутренней тюрьме ГПУ. Ему были созданы невиданные для этой организации условия. В камеру постелили ковер. Поставили мебель. Разрешили писать воспоминания и вести дневник. Кое-что даже напечатали, заплатив автору гонорар и разрешив ему свободно распоряжаться этими средствами.

Крайне интересен его дневник. О чем же думал бывший эсеровский террорист? Переосмыслял ли он свою жизнь? Можно и так сказать. Но в целом его мысли как-то не очень походят на раздумья опытного политика. Вот, положим, 9 апреля 1925 года, он больше напоминает, как сказали бы тогда, «студентика»: *«Япривык ко всему. Кроме того, мне кажется, что люди устроены так: когда им выгодно, они бывают честными, когда им невыгодно, они лгут, воруют, клеветуют. Может быть, бескорыстен Дзержинский и еще некоторые большевики. Под бескорытием я не понимаю только простейшее — бессребренность, но очень трудное — отказ от самого себя, то есть от всех своих всяческих выгод. Этот отказ возможен лишь при условии веры, то есть глубочайшего убеждения, если говорить современным языком, хотя это не одно и то же. Из своего опыта я знаю также и то, что цена клеветы, как и похвал, маленькая. Молва быстротечна. Когда я был молод, я тоже искал похвалы и возмущался клеветой...»*

Разумеется, чекисты знали, что Савинков ведет дневник. И он делал все, чтобы своими записями доставить им удовольствие: *«Я не мог дольше жить за границей, не мог, потому что днем и ночью тосковал о России. Не мог, потому что в глубине души изверился не только в возможности, но и в правоте борьбы. Не мог, потому что не было покоя. Не мог, потому что хотелось писать, а за границей что же напишешь? Словом, надо было ехать в Россию. Если бы, наверное, знал, что меня ждет, я бы все равно поехал...»* Удивительно: он продолжает настаивать на версии, что пал не жертвой блестяще проведенной операции чекистов, а собственного литературного дара. Он постоянно напоминает, что это не иностранный отдел ГПУ переиграл аса подпольной работы, а он сам добровольно приехал в Россию, чтобы капитулировать перед большевиками. Я нахожу этому только одно объяснение: он продолжал начатую на суде игру, надеясь что когда-нибудь его дневники будут опубликованы и благодарные потомки

по достоинству оценят всю мощь любви Савинкова к родине. Хотя вполне допускаю и то, что он, жертва собственного мистического мессианства, свято уверовал, что он действительно по собственному желанию нелегально перешел границу СССР.

Он не только ведет дневник. Пишет еще и рассказы. Читает их вслух сотрудникам иностранного отдела ГПУ. Но то ли он плохо это делает, то ли рассказы никчемные. Чекисты скучают. Под любым благовидным предлогом стараются избежать вечера художественного чтения. Савинков негодует. Вот что он записывает в свой дневник: *«Я работаю, потому что меня грызет, именно грызет желание сделать лучше, а я не могу. Когда я читал свой рассказ, один ушел, другой заснул, третий громко разговаривал. Какой бы ни был мой рассказ — это настоящая дикость, полное неуважение к труду. А надзиратели, видя, как я пишу по восемь часов в сутки, ценят мой труд. Так называемые простые люди тоньше, добрее и честнее, чем мы, интеллигенты. Сколько раз я замечал это в жизни! От Милюкова и Мережковского у меня остался скверный осадок не только в политическом отношении. В политике — просто дураки, но в житейском — чванство, бессердечие, трусость. Я даже в балаховцах, рядовых конечно, рядом с буйством, грабительством видел скромность, сердечность, смекалку...»*

Иной раз Савинков все-таки вспоминает, что он политик. И берется осмысливать опыт последних лет. Но делает это в свойственной себе манере: не признавая собственных ошибок. Больше того, оставаясь в плену мира собственных самодельных иллюзий. Когда-то, в самом начале операции «Синдикат-2», Савинков написал статью с этим прекрасным названием. Но ему и в голову не пришло, что его иллюзии гораздо страшнее тех, что он находил в умах русской эмиграции: *«Я не то чтобы поверил Павловскому, я не верил, что его смогут не расстрелять, что ему могут оставить жизнь. Вот в это я не верил. А в том, что его не расстреляли, — гениальность ГПУ. В сущности, Павловский мне внушал мало доверия. Помню обед с ним в начале 23-го года с глазу на глаз в маленьком кабаке на рю де Мартин. У меня было как бы предчувствие будущего, я спросил его: «А могут быть такие обстоятельства', при которых вы предадите лично меня?» Он опустил глаза и ответил: «Поживем — увидим». Я не мог думать, что ему дадут возможность меня предать. Чекисты поступили правильно и, повторяю, по-своему гениально. Их можно за это только уважать. Но Павловский! Ведь я с ним делился, как с братом, делился не богатством, а нищетой. Ведь он плакал у меня в кабинете. Вероятно, страх смерти? Очень жестокие лица*

иногда бывают трусливы, но ведь не трусил же он сотни раз. Но если не страх смерти, то что ? Он говорил чекистам, что я не поеду, что я такой же эмигрантский генерал, как другие. Но ведь он же знал, что это неправда, он-то знал, что я не генерал и поеду. Зачем же он еще лгал ? Чтобы, предав, утешить себя ? Это еще большее малодушие. Я не имею на него злобы. Так вышло; лучше, честнее сидеть здесь в тюрьме, чем околачиваться за границей, и коммунисты лучше, чем все остальные. Но как напишешь его, где ключ к нему? Ключ к Андрею Павловичу (Федорову — А. Г.) — вера, преданность своей идее, солдатская честность. Ключ к Фомичеву — подлость. А к нему ? А если бы меня расстреляли ? В свое скорое освобождение я не верю. Если не освободили в октябре — ноябре, то долго будут держать в тюрьме. Это ошибка. Во-первых, я бы служил Советам верой и правдой, и это ясно; во-вторых, мое освобождение примирило бы с Советами многих, так — ни то ни се. Нельзя даже понять, почему же не расстреляли, зачем гноить в тюрьме ? Ни я этого не хотел, ни они этого не хотели. Думаю, что дело здесь не в больших, а в малых винтиках. Жалует царь, да не жалует писарь...»

Это была одна из последних записей в дневнике. Но интересна она не только этим. Обратите внимание, как Савинков верит, что, выпустив его из тюрьмы, большевики с восторгом будут наблюдать, как к ним в объятия будут бросаться сотни его сторонников. Как говорил герой Булгакова: «Обнял и прослезился». Бывший эсеровский террорист настолько надоел чекистам, что те посоветовали ему написать письмо Дзержинскому. Мы люди маленькие. Как начальство решит — так и будет. И Савинков пишет. 7 мая 1925 года председатель ГПУ с интересом читал: «Я знаю, что Вы очень занятой человек. Но я все-таки Вас прошу уделить мне несколько минут внимания.

Когда меня арестовали, я был уверен, что могут быть только два исхода. Первый, почти несомненный, — меня поставят к стенке; второй — мне поверят и, поверив, дадут работу. Третий исход, т.е. тюремное заключение, казался мне исключенным: преступления, которые я совершил, не могут караться тюрьмой, «исправлять» же меня не нужно — меня исправила жизнь.

Так и был поставлен вопрос в беседах с гр. Менжинским, Артузовым и Пиляром: либо расстреливайте, либо дайте возможность работать; я был против вас, теперь я с вами; быть серединка-на-половинку, ни «за», ни «против», т.е. сидеть в тюрьме или сделаться обывателем не могу.

Мне сказали, что мне верят, что я вскоре буду помилован и что мне дадут возможность работать. Я ждал помилования в ноябре, потом в

январе, потом в феврале, потом в апреле.

Итак, вопреки всем беседам и всякому вероятно третьий исход оказался возможным. Я сижу и буду сидеть в тюрьме — сидеть, когда в искренности моей едва ли остается сомнение и когда я хочу одного: эту искренность доказать на деле.

Я не знаю, какой в этом смысл. Я не знаю, кому от этого может быть польза. Я помню наш разговор в августе месяце. Вы были правы: недостаточно разочароваться в белых или зеленых, надо еще понять и оценить красных. С тех пор прошло немало времени. Я многое передумал в тюрьме и, мне не стыдно сказать, многому научился. Я обращаюсь к Вам, гражданин Дзержинский. Если Вы верите мне, освободите меня и дайте работу, все равно какую, пусть самую подчиненную. Может быть, и я пригожусь. Ведь когда-то и я был подпольщиком и боролся за революцию. Если же Вы мне не верите, то скажите мне это, прошу Вас, прямо и ясно, чтобы я в точности знал свое положение».

Председатель ГПУ даже не счел нужным отвечать на это письмо. Он лишь попросил чекистов доходчивее объяснить гражданину Савинкову, что не только у большевиков существует непреложность наказания за преступление, так что о свободе он заговорил явно рано.

Надо сказать, что в тот день у Савинкова было прекрасное настроение. Даже отказ Дзержинского выпустить его на свободу не омрачил бывшего лидера «Союза защиты Родины и свободы». Он попросил чекистов отвезти его на прогулку в Царицынский парк. Подышал свежим весенним воздухом, развлекая охранников рассказами о своей героической борьбе с царским режимом. Даже выпил немного коньяку.

Поздним вечером его привели в кабинет Пиляра. Тут он должен был дожждаться конвоя, который отвел бы его в тюремную камеру. Было душно, поэтому открыли окно. Подоконник был низким — всего 30 сантиметров от пола. Савинков расхаживал по кабинету, поворачивая всегда у этого окна. Согласно официальной версии, он даже посмотрел вниз один раз. Еще раз приблизился к окну. И вдруг резко прыгнул. Никто из чекистов даже не успел подбежать...

Медицинская экспертиза установила, что он умер мгновенно. На следующий день в советских газетах появилось официальное сообщение о смерти бывшего эсеровского боевика: «Седьмого мая Борис Савинков покончил с собой самоубийством. В этот же день утром Савинков обратился к товарищу Дзержинскому с письмом относительно своего освобождения.

Получив от администрации тюрьмы предварительный ответ о малой

вероятности пересмотра приговора Верховного суда, Б. Савинков, воспользовавшись отсутствием оконной решетки в комнате, где он находился по возвращении с прогулки, выбросился из окна пятого этажа во двор и разбился насмерть.

Вызванные врачи в присутствии помощника прокурора республики констатировали моментальную смерть».

Не остались в стороне и эмигрантские газеты. Знаменитый фельетонист Яблоновский, известный всем своим острым языком, писал: «Драма Савинкова рисуется мне в самом простом, даже простеньком виде: обещали свободу. Несомненно, обещали. Надули. Нагло, жульнически надули. Человек не стерпел и выбросился в окно. Туда ему и дорога».

Глава 9. Самоубийство или убийство?

В Советском Союзе никогда не подвергалось сомнению: Савинков покончил с собой. Всем желающим были доступны слова Дзержинского: «Он остался верен себе. Мутно жил и так же мутно умер». Эмиграция сильно сомневалась, что легендарный боевик сам, добровольно распрощался с жизнью. Дескать, времена Каляева и Сазонова канули в Лету. Хотя со временем все согласились, что самоубийство — логичный итог всей деятельности Савинкова, в которой театральности всегда хватало с избытком.

Шли годы. Александр Исаевич Солженицын выпустил свой легендарный «Архипелаг ГУЛАГ», где и появились новые подтверждения версии убийства Савинкова: «Ульрих в «Правде» даже объяснялся и извинялся, почему Савинкова помиловали. Ну, да ведь за семь лет какая ж и крепкая стала Советская власть!— неужели она боится какого-то Савинкова/(Вот на двадцатом году послабеет, уж там не взыщите, будем сотнями тысяч стрелять.)

Так после первой загадки возвращения был бы второю загадкой бессмертный этот приговор, если бы в мае 1925 года не покрыт был третью загадкой: Савинков в мрачном настроении выбросился из неогражденного окна во внутренний двор Лубянки, и гэпушники, ангелы-хранители, просто не успели подхватить и спасти его крупное тяжелое тело. Однако оправдательный документ на всякий случай (чтобы не было неприятностей по службе) Савинков им оставил, разумно и связно объяснил, зачем покончил с собой, — и так верно, и так в духе и слоге Савинкова письмо было составлено, что даже сын умершего Лев Борисович вполне верил и всем подтверждал в Париже, что никто не мог написать этого письма, кроме отца, что кончил с собою отец в сознании политического банкротства.

И мы-то, мы, дурачье, лубянские поздние арестанты, доверчиво попугайничали, что железные сетки надлубянскими лестничными пролетами натянуты с тех пор, как бросился тут Савинков. Так покоряемся красивой легенде, что забываем: ведь опыт же тюремщиков международен! Ведь сетки также в американских тюрьмах были уже в начале века — а как же советской технике отставать ?

В 1937 году, умирая в колымском лагере, бывший чекист Артур Прюбель рассказал кому-то из окружающих, что он был в числе тех

четырех, кто выбросил Савинкова из окна пятого этажа в лубянский двор!»

Давайте еще раз вернемся в тот день.

Итак: утром 7 мая 1925 года Савинков пишет письмо Дзержинскому с требованием: или расстреляйте, или дайте работать. Примерно в 20.00 три не последних сотрудника ОГПУ, Сперанский, Пузицкий и Сыроежкин, поехали с Савинковым в царицынский парк. Нд прогулку. Вернулись на Лубянку спустя три часа. Зашли в кабинет № 192, который находился на пятом этаже. Занимал его заместитель руководителя контрразведки Пи-ляр. Стали ждать конвойных, которые должны были доставить Савинкова в камеру. Бывший террорист расхаживал по кабинету, рассказывал о вологодской ссылке. Чекисты сидели: Сперанский — на диванчике, Сыроежкин — за столом. Пузицкий в тот момент вышел из комнаты. Окно было распахнуто. Душно было в тот вечер, в воздухе пахло грозой. И тут Савинков ни с того ни с сего одним прыжком достиг окна и прыгнул головой вниз...

В конце 90-х годов внезапно нашелся еще один очевидец. Борис Гудзь, близкий друг Григория Сыроежкина. Он был в тот вечер в соседней комнате. Ветеран службы внешней разведки достаточно подробно описал все внеслужебные разговоры на Лубянке по поводу поступка Савинкова. И убежден: это было роковое стечение обстоятельств: *«Савинкова как раз привезли из ресторана. Конечно, был он выпивши. Черт его знает, почему вдруг взыграли алкогольные градусы? Думаю, именно они обострили давнюю обиду. После того как ему заменили расстрел на десять лет тюрьмы, Борис Савинков затосковал. Он-то надеялся на полную реабилитацию. Более того, в письме Дзержинскому добивался, чтобы его выпустили и дали особо важную работу.*

Не сочтите за анекдот, но однажды на допросе у Артузова (было это уже после приговора суда) Борис Викторович сказал: «Если предложите мне выполнять какую-то работу, я готов. Однако поймите меня правильно, Артур Христианович, пойти на вашу должность начальника контрразведки будет для меня маловато, нужно что-то другое».

Савинков был незаурядным человеком и очень высоко ценил себя. А тут неволя. Конечно, тяжело. И это, несмотря на комфортные условия содержания. А жил Савинков во внутренней тюрьме Лубянки в камере, больше похожей на гостиничный номер. Там были ковры, мягкая мебель. К нему некоторое время даже допускали жену на ночь. Зачастую обедать и ужинать возили в лучшие московские рестораны, а порой и за город —

подышать свежим воздухом. ЧКОН был нужен.

Савинков возбужден: «Когда же в конце концов решат со мной ? Любо пускай расстреляют, либо дадут мне работу». Черт его знает, может, действительно разыграли какие-то алкогольные градусы ? Ходит, ходит, и вдруг раз — резко из окна вниз головой. Недаром же был террористом. Навыки-то еще те. Григорий, хоть и произошло все внезапно, успел схватить его за ноги. Сильный был человек. Ноу Сыроежкина одна рука чуть слабее: в молодости был неплохим борцом и в схватке на ковре сломал руку. Удерживал, и тут его потянуло вниз, вместе с Савинковым. Тот килограммов 80 весил. Как можно удержать человека, который уже наклонился туда ? Сыроежкину кричат: отпусти, полетишь за ним. Не удержал. И Савинков полетел с пятого этажа... Разбился сразу и насмерть. Остальные рассказы будто чекисты его сбросили сами или сначала убили, а потом выбросили из окна — ложны. Гриша сделал все, что только мог. Очень все получилось неожиданно. Он, Савинков, был все-таки личностью. Но на следующий день вся эта оперативная группа шестого отделения — в шоковом состоянии. Упустили Савинкова! Мы же понимали, какой это удар. Заподозрят, будто его сбросили. Ну зачем было его сбрасывать, когда могли приговорить к расстрелу ? Не расстреляли, дали десять лет, так зачем его уничтожать таким путем ? И мы, конечно, получили нагоняй от начальства».

Действительно, роковая череда случайных ошибок, от которых никто не застрахован. Дело в том, что через пятый этаж было гораздо удобнее увести именитого пленника во внутреннюю тюрьму. Именно поэтому Савинкова и привели. Интересна и история с кабинетом № 192. В нем был очень низкий подоконник. До вселения в этот дом ВЧК его вообще не было. Был балкончик, который кому-то потребовалось снять.

Однако верится во все это с трудом. Савинков был, если можно так сказать, верным паладином культа смерти. Но собственную смерть никогда не торопил и жизнь свою берег. Дьявол всегда кроется в деталях. А именно их почему-то упорно не хотят принимать во внимание. Начать хотя бы с сущего пустяка: проверить метеосводки. Действительно ли в тот день в Москве была такая страшная духота, что была необходимость держать окно распахнутым ? Напомню, что была уже почти полночь, а в мае в столице не всегда так уж и жарко.

Было бы неплохо также узнать высоту подоконника в том самом кабинете. Савинков никогда физкультурой не занимался, в последние годы и вовсе вел диванный образ жизни. Вот и остается вопрос: как мог уже

немолодой и невысокий Савинков без разбега и подготовки перепрыгнуть подоконник одним прыжком. Больше того, каким это образом Сыроежкину, который сидел за столом, удалось в доли секунды выскочить из-за него и успеть схватить Савинкова за ноги?

И потом, с каких это пор царицынский парк стал рестораном?

После гибели Савинкова было немедленно проведено служебное расследование. Оно еще больше запутало дело. Показания свидетелей разнятся по принципиальным вопросам. К примеру: кто и где сидел? Где находился Савинков? В документах ОГПУ написано: ходил по комнате, подходил к окну А вот у следователя почему-то отмечено: сидел за круглым столом напротив одного из чекистов. Сыроежкин якобы успел схватить его за ноги. Замечательно. Остался только один вопрос: а почему он сам не упоминает о таком немаловажном факте в своих показаниях? Да и вообще вся палитра красок в этом деле страдает исключительной несовместимостью. Человек предается сладостным воспоминаниям о юности, а потом, словно заправский олимпиец, «берет высоту» и падает с пятого этажа...

Я склоняюсь к мысли, что Савинкова убили. Давайте рассуждать логично. Он был враг. Его раскаяние на суде никого и ни в чем не убеждало по определению. Больше того, оно предназначалось только русской эмиграции. Ей требовалось внушить, что даже такие лютые ненавистники большевизма могут осознать свои ошибки. Савинкова пора выводить из игры. Можно было бы поступить по сценарию с Рейли, но повторяться профессионалы считают ниже своего достоинства. Долго искали выход из создавшегося положения и все-таки нашли...

Его нельзя было взять и расстрелять, как рядового боевика. Ведь суд помиловал Савинкова в обмен на его признание советской власти. Это очевидный момент. Даже продолжение следствия по «вновь открывшимся обстоятельствам» подрывало бы репутацию суда, и без того тогда крайне низкую, в глазах мирового сообщества. Не говоря уже про попытку поставить Савинкова к стенке. Еще более очевидный момент, что Савинкова нельзя было пристрелить, как Сиднея Рейли (о нем я подробно расскажу во второй части этой книги). Он был нужен, чтобы продемонстрировать все тому же мировому сообществу, что вакханалия красного террора сменилась цивилизованным судопроизводством. Его не случайно водили по ресторанам и театрам. Все должны были видеть: советская власть умеет не только безжалостно карать, но и великодушно миловать. Ему ведь разрешали даже писать письма за границу. «5 мая 1925 года. Внутренняя тюрьма. Москва.

Милая моя Танечка и милый мой Алешенька, вы меня очень порадовали своими карточками. Я так и знал, что у меня очень красивая дочка и очень умный внук. Последнее я заключаю по «как искры» глазенкам и по серьезному и достойному выражению лица... Через три месяца Алешенька будет ходить, а через шесть — говорить. Тогда, Танечка, и настанет самое очаровательное время. Когда ты была такая, как Алешенька, я сидел в тюрьме. И теперь то же самое. Кому что. Но Алешеньке про тюрьму ничего не говори, а поцелуй его в глазки и скажи на ушко, что старый хрен дедушка его очень любит и хочет, чтобы он вырос большой-пребольшой, умный-преумный и сильный-пресильный... Ваш отец и дед Б. Савинков».

Но это не отменяло необходимости ликвидировать Савинкова. Выход мог бы только один: самоубийство. Эмиграция, равно как и мировое сообщество, зная импульсивность бывшего террориста, охотно в это бы поверила. Что, собственно, и произошло.

Да и Григорий Сыроежкин, собственноручно добивший Сиднея Рейли, как-то не очень смахивает на человека, готового спасти лютого врага большевизма. Вот убить его — другой разговор. Поэтому склонен думать, что он не вытаскивал Савинкова за ноги из окна, а, наоборот, выталкивал его...

*Когда принесут мой гроб, Пес домашний залает, Жена поцелует в лоб,
А потом меня закопают. Глухо стукнет земля, Сомкнётся желтая
глина, И не станет того господина, Который называл себя Я...*

Такой еще в начале века виделась Савинкову собственная смерть. Эти стихи очень понравились его соратникам по Боевой организации. Вот только жизнь внесла свои коррективы...

ЧАСТЬ II

«ТРЕСТ». ПОХИЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА КУТЕПОВА

*Лишь дотла наш корень истребя,
Грозные отцы твои и деды
Сами отказались от себя,
И тогда поднялся ты, последыш.
Вырос ты без тюрем и без стен,
Чей кирпич свинцом исковыряли,
В наше ж время не сдавались в плен,
Потому что в плен тогда не брали/*

А. Несмелов

Глава 1. Монархисты в эмиграции

В начале двадцатых годов прошлого века Берлин по праву оспаривал с Парижем неофициальный титул столицы русского зарубежья. Именно здесь обосновался центр Высшего монархического совета, который возглавлял бывший депутат Государственной думы, один из лидеров «Союза русского народа» Николай Евгеньевич Марков. Убежденный сторонник монархии, идейный националист, люто ненавидевший кадетов, он был одним из тех, кто лично предал Николая Второго. Да-да, никакой ошибки в этом утверждении нет. Дело в том, что все «черносотенцы» присягнули на верность лично государю императору еще в

1907 году. По самым скромным подсчетам, членами союзов были около 500 000 человек. Это больше, чем было на тот момент во всех остальных политических партиях России, вместе взятых. При этом верные защитники монархии палец о палец не ударили, чтобы спасти империю в дни Февральской революции. Марков Второй, к примеру, вовсе сбежал из Петербурга в Москву в одном пальто. Да, потом он развил бурную деятельность. Собирал деньги на спасение царской семьи. Не собрал и обвинил во всем отравленную ядом мирового еврейства русскую буржуазию. Был участником белой борьбы на северо-западе России, сформировал там «Союз верных». Ничего путного из этого не вышло, и Марков Второй обвинил во всех бедах предателей-февралистов, которые полностью продались мировой закулисе. Требовал отдать под суд Петра Николаевича Врангеля за его девиз «Левая политика правыми руками» и назначить на его место себя. Не удалось, после чего выяснилось, что Врангель — такой же наймит «темных сил», как и генерал Корнилов. Вот образец риторики Николая Евгеньевича, опубликованный в третьем номере вестника Высшего монархического совета «Двуглавый орел» от 1 марта 1921 года: *«Вместе со всеми русскими людьми мы горячо сочувствовали и посильно помогли генералу Врангелю, вместе со всеми глубоко скорбели мы о постигшем его поражении. Мы признаем, что выдающаяся энергия, самообладание и незаурядная распорядительность военных властей совершили все возможное для уменьшения размеров бедствия внезапной эвакуации Крыма. Не для того, чтобы обвинять сраженного военачальника, а исключительно для указания истинных причин печального исхода белого дела печатаются эти строки. При всей разности характеров и политической обстановки все выступавшие против*

большевиков белые генералы пали в силу одних и тех же роковых причин. Всею душою революционер, генерал Корнилов пытался восстановить старую воинскую дисциплину и, воссоздав армию, укрепить ту революцию, которая именно развал воинской и гражданской дисциплины положила в свое основание. Сам первый нарушитель воинской дисциплины, клятвопреступник и мятежник, генерал Корнилов искренне воображал, что он вправе и в силе требовать от солдат исполнения долга присяги и повиновения. И Корнилов, и Алексеев, и Каледин, и вся эта плеяда революционных генералов неуклонно терпели поражение в своих попытках восстановить царское войско, не восстанавливая самого Царя. Эти несчастные военные интеллигенты так и сгибли, не уразумев, что в России не только войско, но и все государство, весь уклад общественной и социальной жизни держался непрерываемым авторитетом царской власти. Колчак и Деникин не были столь безнадежно привержены революции и, по-видимому, понимали необходимость для России монархии. Но если и понимали, то свое понимание в жизнь не претворяли, фактически шли все теми же корниловскими путями, объявляли себя сторонниками Учредительного собрания и демократами и самую власть свою обосновывали на санкции «законного» революционного правительства. Хотя в глазах русского народа санкция правительства товарищей из бывших каторжников не имела решительно никакого значения, однако даже такой незаурядный человек, как адмирал Колчак, до последних дней своей жизни изо всех сил тянулся, чтобы угодить праздничноболтающей кучке государственных неучей и доказать никчемной сибирской «общественности», что он совсем не монархист, а, наоборот, добрый народоволец и демократ. Сменивший Деникина генерал Врангель, стал вначале на почти верный путь, сурово и правдиво обличил он всю ложь и пагубу политики своего предшественника, открыто и смело провозгласил он первый и третий члены символа спасения России: Вера и Народ. Но на втором члене триединого символа генерал Врангель споткнулся, он не решился исполнить прямой долг свой, он не объявил себя верным слугой монархии, он скрыл монархическое начало в двусмысленном заявлении о Хозяине, которого народ сам себе выберет. Одним в Хозяине грезился Царь, другим — президент, третьим — диктатор на белом коне. Не найдя в себе мужества, чтобы сказать народу всю правду и во всеуслышание объявить, что без Царя России нет спасения, генерал Врангель стал на скользкий путь посулов, уступок завоевателям революции и заискивания у виновников российского развала. Неустранимое противоречие внутреннего монархического стремления и доказательства

показного «демократизма» лишило Врангеля той силы народного доверия, без которого невозможно было победить большевиков. Ни гуманный демократизм, ни рукоплескание революционной общественности, ни восторги Бурцева, ни полная обещаний словесность благородной Франции, ничто не помогло — генерал Врангель не мог устоять перед напором большевиков, ибо не был поддержан Русским народом. Конечно, народ глубоко ненавидел большевиков и, конечно, всеми силами пошел бы за Врангелем, если бы только мог поверить в прочность его дела. Но народ не мог поверить в прочность Белого дела Врангеля, ибо не было главного условия для успеха: за генералом Врангелем не было Русского Царя...»

Вообще двадцатые годы в русском зарубежье прошли под знаком ренессанса монархической идеи, которая заметно поблекла за годы Гражданской войны. Легитимисты, свято соблюдавшие установленный Павлом Первым закон о престолонаследии, сделали ставку на великого князя Кирилла Владимировича, который объявил себя местоблюстителем царского престола за рубежом и вскоре был провозглашен императором всероссийским. Однако большинство монархистов никогда не простили контрадмиралу Кириллу Владимировичу измену. Многим была памятна история, когда он 1 марта 1917 года пришел к зданию Государственной думы с красным бантом и предоставил офицеров и матросов своего гвардейского экипажа в распоряжение революционной власти, вынудившей императора Николая Второго отречься от престола. Да и с тем самым законом о престолонаследии не совсем все гладко выходило. Достаточно сказать, что сам великий князь нарушил статьи № 183 и № 185, не забывая о том, что его отец также нарушил статью № 185 этого закона. В довершение всего были нарушены и церковные законы, в частности статья №64.

Поэтому взоры большинства монархистов были обращены к великому князю Николаю Николаевичу, бывшему верховному главнокомандующему русскими армиями. Бывшие политики рухнувшей империи много раз обращались к нему с просьбами возглавить национальное антибольшевистское движение. Но Николай Николаевич решительно и бесповоротно отказывался. Он был убежден, что после всех потрясений революционных лет члены императорской семьи должны быть в стороне от политической деятельности. Но его продолжали уговаривать. Из России постоянно доходили слухи о подпольном монархическом движении, которое крепнет с каждым днем и готовит свержение правительства Ленина. Но необходим был авторитетный и популярный лидер. Им мог быть только великий князь Николай Николаевич.

Русский общевоинский союз, созданный генералом Врангелем из остатков белых армий, также надеялся, что именно Николай Николаевич будет вождем всей антибольшевистской эмиграции. Уговаривать его было поручено генералу от инфантерии Александру Павловичу Кутепову.

Мало кто из руководителей добровольческой армии получил такую известность. Его образ, конечно исключительно отрицательный, был отражен в десятках советских кинофильмов. Ни один человек в Гражданскую войну не заслужил столь противоречивых оценок собственных соратников: хам и военная бездарность, с одной стороны, железная личность и офицер исключительной храбрости — с другой. Последний командир лейб-гвардии его величества Преображенского полка полковник Кутепов 24 декабря 1917 года вступил в ряды Добровольческой армии и был назначен начальником гарнизона Таганрога. Он сформировал офицерский отряд всего из 200 человек и в течение целого месяца, в морозы и стужу, стоя бессменно на позициях, отбивался от большевиков. «Горсть побеждала тысячи», — как писали тогда газеты. Генерал Деникин, вернувшийся однажды после объезда Таганрогского района, делился впечатлениями: *«Там бьются под начальством Кутепова такие молодцы, что если бы у нас было 30 тысяч таких людей, мы бы с ними сейчас же отвоевали у большевиков всю Россию».*

В ночь на 9 февраля 1918 года Добровольческая армия выступила в Ледяной поход. Уходила, как писал генерал Алексеев, чтобы зажечь светоч среди охватившей Россию тьмы. Полковник Кутепов был назначен командиром третьей роты офицерского полка под командованием генерала Маркова. Их шутливо называли гвардейцами, ведь основу составляли офицеры элиты русской армии — Семеновского и Преображенского полков. Несмотря на ненависть к большевизму, марковцы никогда не забывали, что большая часть народа просто одурачена пропагандой, и по возможности старались избегать ненужного кровопролития. Однажды в одной из кубанских станиц, при отступлении большевиков, какой-то парень лет двадцати кинул винтовку и скрылся в хате. Добровольцы схватили его и повели на расстрел. Отец и мать бросились за ними, умоляя простить сына. На них не обращали внимания. Вдруг старики увидели идущего навстречу офицера с золотыми погонами. Сразу решили, что это начальник, и упали ему в ноги. «Ваше благородие, простите нашего сына. Из-за товарищей

погибает. Он шальный, а душа в нем добрая. Простите Христа ради» Полковник Кутепов пристально посмотрел на стариков и сказал: «Отпустите этого болвана». Но так было далеко не всегда. Уже в эмиграции Кутепов вспоминал, как приказал расстрелять одного из попавших в плен красноармейцев. *«Привели ко мне парня. Был он на фронте в германскую войну и вернулся в свой городишко большевиком. Проходу не давал отцу и матери, ругал их буржуями. Выкопал во дворе яму и спихнул туда отца, забросал его землей по горло, стал допрашивать, где запрятаны деньги, и тыкал солдатским сапожищем в лицо своего отца. Даже мать не заступилась за такого сына...»*

Произведенный Деникиным в генералы, Кутепов со своей дивизией взял Новороссийск и на некоторое время остался в городе генерал-губернатором. В Советском Союзе было принято обвинять Александра Павловича в жесточайших репрессиях против пролетариата, его даже называли «березовым» генералом. Молва приписывала ему такое высказывание. Когда привели пойманного большевистского агитатора, Кутепов сказал своим офицерам: «Если бы здесь росла береза, я бы приказал его повесить. А так — придется расстреливать, можно прямо здесь». Но жестокость Кутепова сильно преувеличена. К примеру, в эмиграции считали, что зачастую генерал, наоборот, был мягок. Поводом для этих разговоров послужил такой случай. Начальник штаба новороссийского гарнизона полковник де Роберти был осужден за взятку. И хотя Кутепов за такие преступления расстреливал (с бюрократами по-другому не справиться, говорил генерал), в тот раз он ограничился лишь заключением чиновника в тюрьму. Когда же в Новороссийск вошли части Красной армии, де Роберти был немедленно освобожден, а потом долгие годы служил в иностранном отделе ОГПУ.

В конце января 1919 года Александр Павлович снова был вызван на фронт, где принял командование 1-м армейским корпусом. Именно под его руководством Добровольческая армия, не обладая численным превосходством, взяла Харьков, Курск и

Орел. Уже в эмиграции бывшие белые офицеры считали, что это стало возможным только благодаря действиям Кутепова. Его спокойствие и выдержка даже в самые тяжелые минуты были хорошо известны всем добровольцам. Но особенно отчетливо эти качества Александра Павловича проявились уже в Галлиполи, куда русская армия эвакуировалась из Крыма. Барон Врангель был изолирован французами. Поддержанием духа офицеров занимался генерал Кутепов. Было сделано главное — потерпевшая поражение армия продолжала верить в свою правду. Были

сохранены дух и воля к дальнейшему сопротивлению. Кто-то из бывших офицеров вспоминал уже в эмиграции: *«В один из самых страшных моментов нашей белой жизни, в момент, казалось бы, предельного провала, на пустынной и суровой земле, в далекой чужбине вновь завяли наши старые военные знамена. В «голом поле» день и ночь, непрерывной сменой молчаливых русских часовых совершалась литургия Великой России!»*

С самого утра, как рачительный хозяин, генерал Кутепов обходил своим неутомимым шагом весь городок и лагерь. Он всегда был тщательно одет, бодр и весел духом, словно окружающая обстановка самая обычная. Задерживался около тех, кто выполнял наиболее трудную и грязную работу. Со всеми здоровался. *«У меня руки грязные, Ваше Высокопревосходительство»*, — говорил кто-нибудь из офицеров. *«Руки грязнятся не от работы, — отвечал Александр Павлович и крепко пожимал руку.*

«Галлиполийское сидение» продолжалось до конца 1921 года, после чего части армии генерала Врангеля были переведены в Болгарию и Югославию. Покидая турецкий полуостров, Кутепов сказал: *«Уверен, что каждый из нас, вернувшись на Родину, будет с гордостью говорить: «Я был в Галлиполи».* Тогда все верили в продолжение борьбы с большевиками, ждали начала нового кубанского похода, не желали признавать краха белой идеи. Уже через несколько лет бывшие добровольцы, по меткому выраже-

нию генерала Деникина, оказались рассеяны по всему миру. Но даже в эмиграции они надеялись услышать хорошо знакомый им приказ Кутепова: *«Господа офицеры, вперед!»*

Многим был памятен такой случай. Однажды Кутепов узнал, что Пражский университет открывает свои двери для русских студентов-эмигрантов. Ему удалось отправить в Прагу своих гал-липолийцев. *«Помните, — говорил Александр Павлович, — вы сыны великой России, и вам на чужбине теперь более чем когда-либо, надо с достоинством нести русское имя и представитель-ство своей нации».* В домашней библиотеке Кутепова хранились диссертации всех его студентов. Они, часто навещавшие своего командира, спрашивали, что им делать после получения образования. *«Вам, молодым силам, придется строить Россию. Копите знания, вбирайте в себя все лучшее, что видите за границей, и не бойтесь никакого труда»*, — неизменно отвечал Александр Павлович.

Кутепову удалось невозможное. Весной 1923 года он уговорил великого князя. Для этого потребовались две встречи. Первая беседа, состоявшаяся в марте, была лапидарной. Николай Николаевич даже не пожелал говорить о своем возможном участии в антибольшевистской борьбе. Но твердый и решительный генерал от инфантерии добился второй аудиенции. Почти два часа он доказывал, что Николай Николаевич не может, не имеет права уклониться от своего долга перед Россией. И великий князь согласился: *«В течение первых дней, последовавших за его торжеством, большевизм пользовался известной популярностью среди масс, население ему верило, но это время уже прошло. Главные русские вопросы, я вас прошу особенно обратить внимание на мои слова, могут обсуждаться и разрешаться только на русской земле и в соответствии с желаниями русского народа. Сам русский народ должен разрешить свою судьбу и выбрать режим. Будущая организация России должна быть основана на законности, порядке и личной свободе. Я не претендент и не эмигрант в том смысле, который придали этим словам во время революции. Я гражданин и солдат, желающий только вернуться домой, чтобы помочь Родине и согражданам. Когда по воле Божьей восторжествует наше дело, сам русский народ решит, какая форма правления ему нужна...»*

Шестнадцать крупнейших эмигрантских организаций с восторгом встретили это известие. Строились планы, намечались руководители. Но прежде всего нужен был тот, кто возглавит тайную борьбу с большевиками. Выбор Николая Николаевича пал на Кутепова. Он вызвал генерала в Париж и предложил ему возглавить Боевую организацию. Александр Павлович был озадачен. Он прекрасно понимал, что к такой работе абсолютно не готов. Участник трех войн, он никогда не имел дело с контрразведкой. Кутепов долго колебался. И все же принял решение: он отдает себя в распоряжение великого князя. В тот же день Александр Павлович сообщил об этом генералу Врангелю.

Председатель Русского общевойскового союза себя иллюзиями не тешил. Он понимал, что, скорее всего, Боевая организация никакого грандиозного успеха не добьется, а люди погибнут. В худшем случае никаких успехов не будет вообще, ведь ЧК не дремлет и наверняка уже прорабатывает возможность внедрения в ряды кутегювцев нового Азефа. Не скрывая огорчения от решения своего друга и ближайшего помощника,

21 марта 1924 года Петр Николаевич Врангель отдал приказ об освобождении Кутепова от всех его обязанностей. В этом документе есть весьма интересный момент: *«Дорогой Александр Павлович! Ныне общее руководство национальным делом ведется уже не мною. Ты выходишь из моего непосредственного подчинения и не будешь руководить теми, кого неизменно водил в бой и закаливал их в Галлиполи»*. Иначе говоря, председатель РОВС показывал: ничего общего с Боевой организацией Кутепова его союз не имеет.

Врангель вообще всячески пытался оградить «Русский общевойинский союз» от политических интриг. Особенно от монархистов. Ведь распавшиеся на легитимистов и сторонников Николая Николаевича группы постоянно апеллировали к армии. В этой ситуации главнокомандующий издал знаменитый приказ, запрещающий чинам РОВС вступать в политические организации: *«При существующей политической борьбе против армии, несомненно, некоторые политические группы сделают все возможное, чтобы извратить значение этого приказа и отыскать какой-то тайный смысл в нем, дабы бороться против его осуществления»*.

Ввиду этого считаю нужным указать следующее:

Образование Русского общевойинского союза венчает упорную четырехлетнюю работу по объединению русского зарубежного офицерства с русской армией и подготавливает возможность на случай необходимости под давлением общей политической обстановки принять русской армии новую форму бытия в виде воинских союзов, подчинения председателем отделов Русского общевойинского союза.

Это последнее соображение — дать возможность армии продолжить свое существование при всякой политической обстановке в виде воинского союза.

Никаких других целей образование Русского общевойинского союза» не преследует, что и надлежит иметь в виду в случае борьбы за проведение его в жизнь».

Этот приказ вызвал бурное недовольство всех «истинных» монархистов. И прежде всего — Маркова Второго. В письме к заместителю Врангеля генералу Миллеру он отмечал: *«Не подлежит сомнению, что выступление великого князя обуславливается его убеждением в том, что действительно народ как в России, так и за рубежом желает и просит великого князя спасти Россию. Отсюда логически вытекает, что без получения доказательств поддержки со стороны армии и общественности этих важнейших составных элементов народа, великий князь и не выступит. Значит, все благомыслящие люди должны влиять и*

на армию, и на общественность, вообще на всех, чтобы все другие поддерживали великого князя. Усматривать в сем недопустимую политику я никак не могу.

Сообщаемые Вами слова великого князя о том, что армия должна быть вне политики, я понимаю как выражение общего принципа, а не как запрещение военным людям выразить свою преданность и беззаветную готовность идти за своим природным вождем на спасение гибнущего отечества.

Я обращаюсь к Вам как к истинно русскому патриоту с горячей просьбой: употребить Ваше влияние на генерала барона Врангеля и убедить его не становиться из-за весьма спорных формальных побуждений против стихийного устремления русских сердец. Военная дисциплина только выиграет, если командир армии не только не воспрепятствует, но сам разрешит и посоветует частям заявить им преданность великому князю».

Глава 2. Якушев

Сотрудник народного комиссариата внешней торговли Александр Александрович Якушев в ноябре 1921 года был командирован в Швецию и Норвегию. Проездом через Ревель. Там он посетил своего бывшего ученика по Императорскому Александровскому лицезу Юрия Артамонова, которому привез письмо от тетки. Обрадованный присутствием на встрече представителя Врангеля в Эстонии Всеволода Щелгачева, Якушев сделал обстоятельный доклад о положении дел в России. В частности, о том, что в стране победившего пролетариата начала действовать тайная монархическая организация.

Артамонов, в недавнем прошлом вольноопределяющийся лейб-гвардии конного полка и офицер Северо-Западной армии генерала Юденича был ярким противником большевизма.

Участник кутеповской организации Сергей Войцеховский таким запомнил его: *«Он был красив той мягкой, женственной красотой, которой славились некоторые дворянские и купеческие семьи таких приволжских губерний, как Нижегородская и Ярославская, да он и был волжанином по матери, рожденной Пастуховой. Особенно хороши были глаза — синие, оттененные длинными ресницами. В обращении он был благовоспитанным петербуржцем. В Варшаве, где русскими эмигрантами были большей частью беженцы из южных и западных губерний, некоторые обороты его столичной речи привлекали внимание.*

Артамонов был евразийцем. Восприятие России, как особого мира, не европейского и не азиатского; признание идеи-правительницы необходимой основой успешной борьбы за освобождение от коммунизма и построение новой империи; провозглашение идеок-ратии наиболее прочным и разумным государственным строем; бытовое исповедничество как фундамент национальной жизни — все это казалось привлекательным и верным...»

Вся жизнь Артамонова была посвящена одному — борьбе с Советами. Поэтому в тот же день он написал письмо в Берлин своему бывшему однополчанину князю Ширинскому-Шихматову: *«Якушев — крупный специалист. Умен. Знает всех и вся. Наш единомышленник. Он то, что нам нужно. Он утверждает, что его мнение — мнение лучших людей России. Режим большевиков приведет к анархии, дальше без промежуточных инстанций к царю. Толчка можно ждать через три-четыре месяца. После*

падения большевиков специалисты станут у власти. Правительство будет создано не из эмигрантов, а из тех, кто в России. Якушев говорил, что лучшие люди России не только видятся между собой, в стране существует, действует контрреволюционная организация. В то же время впечатление об эмигрантах у него ужасное. «В будущем милости просим в Россию, но импортировать из-за границы правительство невозможно. Эмигранты не знают России. Им надо пожить, приспособиться к новым условиям. Монархическая организация из Москвы будет давать директивы организациям на Западе, а не наоборот». Зашел разговор о террористических актах. Якушев сказал: «Они не нужны. Нужно легальное возвращение эмигрантов в Россию. Как можно больше. Офицерам и замешанным в политике обождают. Интервенция иностранная и добровольческая нежелательна. Интервенция не встретит сочувствия». Якушев безусловно с нами. Умница. Человек с мировым кругозором. Мимоходом бросил мысль о «советской» монархии. По его мнению, большевизм выветривается. В Якушева можно лезть, как в словарь. На все дает точные ответы. Предлагает реальное установление связи между нами и москвичами. Имен не называл, но, видимо, это люди с авторитетом и там, и за границей...»

Ознакомившись с письмом, Ширинский-Шихматов немедленно отправился к председателю Высшего монархического совета Маркову Второму. Бывший депутат Государственной думы, «лик Петра Первого», как называли его современники, крайне заинтересовался гостем из Страны Советов. Он сразу предложил наладить отношения с Монархическим объединением Центральной России. Ведь оно, по словам Якушева, полностью отрицало демократию и республику, считая, что после гибели большевизма только царь спасет Родину. Марков Второй считал так же, о чем неустанно писал. В частности, все в том же журнале «Двуглавый орел»:

«Можно быть республиканцем, но исторические факты обязательны и для республиканцев. История не знает республиканской России, а знает лишь Россию-монархию, и тем, кому Россия монархическая ненавистна, им ненавистна вообще Россия, ненавистна живая, действительно бывшая Россия, им любя Россия будущего, Россия воображаемая, Россия мнимая. Какова будет эта воображаемая Россия и вообще будет ли она — я не знаю, но я знаю, что тысячу лет жила, росла и благоденствовала живая великая Россия, Россия-монархия. И вот эту живую, единственно бывшую в реальности Россию мы, монархисты, любим, ей мы преданы, по ней тоскуем. Нам скажут, что мы все же ошибаемся, но ведь эту «ошибку» в

течение целой тысячи лет совершал весь русский народ. Или, быть может, самое бытие России надо считать ошибкой?

Думаю, что русские монархисты поступили так, как повелевал им долг перед отечеством: ни единым словом, ни единым действием не помешали они Временному правительству вести войну до счастливого для России конца. И если война все же закончилась неслы-ханньтпозором и развалом, то это не была вина монархистов, это была вина тех, кто в разгаре мировой войны вовлек русский народ в преступную и безумную революцию. Не только российский обыватель, но вся стихия русского народа с каждым днем все более и более склоняется к этому понятию — монархия. Мы, русские монархисты, твердо убеждены, что как только «черносотенная мысль» (выражаемся словами Мирского) «действительно смастерит идеологический букварь социальной крестьянской монархии», так сразу падут цепи большевизма, и на месте всероссийских развалин снова воздвигнется величайшее в мире государство русского народа с царем во главе. Мы были и остаемся монархистами, ибо теперь, более чем когда-либо, убеждены, что если в России не будет монархии, то не будет и самой России».

Сразу после возвращения в Москву Якушев должен был ехать в командировку. В Сибирь. Сел на поезд, но вместо Иркутска оказался на Лубянке. К этому он не был готов. Еще меньше был готов к тому, что чекистам известно о нем практически все. И когда ему предложили самому написать все что он знает, с радостью и мгновенно согласился: «Я, Александр Александрович Якушев, потомственный дворянин, сын преподавателя кадетского корпуса, родился 7 августа 1876 года в городе Твери, окончил Императорский Александровский лицей, последняя моя должность —управляющий эксплуатационным департаментом управления водных путей Министерства путей сообщения в чине действительного статского советника.

После революции, с 1921 года, работал в качестве консультанта по водному хозяйству. В старой армии не служил, в белой тоже. Женат, имею троих детей.

Хотя я ни в какую партию не входил, но по убеждению — русский националист.

Я считаю монархию единственным строем, который может обеспечить могущество и величие России. Тем самым я являюсь противником советской власти, контрреволюционером. Однако я хотел бы знать, в чем меня теперь обвиняют. Все, что можно мне поставить в вину, относится к прошлому, и об этом прошлом я постараюсь рассказать

подробно и вполне откровенно.

В 1919 году, когда Северо-Западная армия генерала Юденича наступала на Петроград, мы были уверены, что советская власть доживает последние дни. Юденич занял окрестности Петрограда, генерал Миллер наступал на Вологду, поляки занимали Минск, корпус Кутепова занял Курск и Орел. Мы, я говорю о подпольных организациях в Петрограде, имели связь с Национальным центром в Москве и готовили мятеж в Петрограде, так же как наши единомышленники в Москве. Все это теперь имеет историческое значение, поскольку ВЧК удалось ликвидировать и нашу, и московскую организации. Мы были уверены в успехе, готовили вооруженное выступление и выработали строгие меры, чтобы обеспечить порядок в столице. Что это значит, надеюсь, понятно.

Мы надеялись справиться с рабочими, не дать им возможности лишит город воды и света, пытались связаться с теми офицерами, которые были мобилизованы в Красную армию. Чем это кончилось — известно.

Некоторое время я оставался в Петрограде. Когда начались аресты, я переехал в Москву, где меня меньше знали.

На этом, собственно, и кончилась моя активная деятельность. Из Москвы я предполагал пробраться на юг. Это мне не удалось. Мятеж Кронштадтской вольницы меня обнадежил, но ненадолго. Наступило время нэпа, которое я воспринял как крушение принципов большевизма. Я жил, ничего не делая, продавая фарфор и столовое серебро, которое вывез из Петрограда. Именно в это время произошла встреча с одним знакомым генералом, которого я хорошо знал по Петрограду. Он поинтересовался, что я делаю и как существую. Я объяснил ему свое положение.

— А вы, ваше превосходительство ? Он с удивлением посмотрел на меня:

— Я с ноября семнадцатого года работаю. Теперь в штабе Красной армии. Я думал, вам это известно. Мне кажется странным, что вы, с вашими знаниями, сидите без дела. На что вы надеетесь ?

Все устроилось неожиданно для меня. Рано утром ко мне явился некто в кожаной куртке и передал мне приглашение явиться к одному высокопоставленному лицу. Это приглашение имело характер приказа, и я уклонился от него. Тогда спустя неделю за мной пришли уже двое в кожаных куртках, посадили в автомобиль и доставили к этому лицу. Я был встречен милостиво, мне сказали, что известны мои заслуги, знания и организаторские способности, которые не могли получить должное развитие при царе.

Я сказал:

— Не знаю, откуда вам это известно.

— От многих видных специалистов, которые работают у нас.

Затем мне было сказано, что мои убеждения «русского националиста» тоже хорошо известны, и потому для меня не должны быть безразличны судьбы русской промышленности и хозяйства. Кончился этот разговор тем, что я согласился работать с большевиками. Я занял хорошее положение, как известно, был вхож в кабинеты видных деятелей ВСНХ, меня знали и знают Красин, Керженцев. Внешне все обстояло у меня благополучно, я составлял докладные записки и планы по водному хозяйству, в осуществление которых не верил.

Я был командирован в Швецию в начале ноября, а 22 ноября по возвращении в Москву был арестован. Убеждений моих я не менял и являюсь по-прежнему русским националистом и монархистом. Был им и после Февральской революции, когда на предложение князя Львова занять пост товарища министра путей сообщения ответил, что, как верноподданный его величества, Временного правительства не признаю.

Вы спрашивали меня о моем отношении к советской власти сегодня. Яне закрываю глаза на усилия большевиков восстановить то, что разрушено, но настоящий порядок наведет державный хозяин Земли Русской. На этом я кончаю мои показания. Никаких имен я не называл и не назову, о своей контрреволюционной деятельности я рассказал все, ничего не утаив».

Весьма интересный момент: справочник «Весь Петроград» за 1916 год, изданный Сувориным, содержит список правительственных учреждений. В нем упомянуты Управление водных путей и шоссейных дорог Министерства путей сообщения и возглавляющий это управление коллежский советник Якушев. В той же книге указывается, что он еще и был членом совета Императорского общества судоходства, совета Российской экспортной палаты и комиссии о новых железных дорогах.

План чекистов был прост: перевербовать Якушева, чтобы благодаря ему влиять на умы и настроения русских эмигрантов. Было совершенно очевидно, что монархическая организация Центральной России непременно заинтересует всех злостных врагов трудового народа. А значит, ее представитель сможет проникнуть в святая святых: планы по свержению большевиков. Ведь убежденному монархисту, которого многие знают еще по Петербургу, нельзя не поверить. Как нельзя будет поверить и в то, что он добровольно пойдет в услужение чекистам. Дзержинский был абсолютно прав. Все так и получилось. Тем паче что на руках уже были козырные

тузы. Сотрудники иностранного отдела ГПУ смогли перехватить в Эстонии письмо Артамонова Ширинскому-Ших-матову. (Хотя участник кутеповской организации Сергей Вой-цеховский в своих мемуарах «Трест» выразил сомнение, что чекистам действительно удалось сделать фотокопию с того письма.) А значит, Якушеву грозила высшая мера социальной защиты. Иначе говоря, расстрел. И, выбирая между стенкой и сотрудничеством с Лубянкой, он предпочел жизнь. Справедливости ради надо сказать, что так поступил не только он. Еще один видный участник монархической организации Центральной России Эдуард Стауниц свой выбор сделал значительно раньше. Впрочем, его биография настолько запутанна, что не исключено, что он и вовсе никогда не был идейным врагом большевиков, а все время играл роль. Давайте попробуем разобраться вместе.

Глава 3. Стауниц-Опперпут

До революции его звали Александр-Эдуард Оттович Упельниш. Или просто Эдуард Оттович. Иногда его фамилия звучала как Упелинц, Упенинц, Упелинец, Опперпут. Он откликался, если на улице кто-то звал его фажданин (товарищ, господин) Селянинов, Спекторский, Стауниц, Касаткин. И даже Ринг. В общем, человек с тысячью имен. Он родился в 1895 году. Латыш. Происходил из крестьян-середняков. Хорошо владел русским, хотя акцент и выдавал в нем прибалта. В 1915 году учился в Рижском политехническом институте. По крайней мере, в архиве этого учебного заведения есть сведения о том, что там постигал науку некто Фриц Упельниш. Тут вполне могут быть два вариан-

та. Первый: настоящее его имя все же Фриц, а не Александр-Эдуард. Второй: учился там его брат, а будущий герой «Треста» позаимствовал такой удобный факт биографии.

В 1915 году Упельниш (он же Упелинц, или Упенинц) учился в Алексеевском военном училище в Лефортове. Выпущен в звании подпоручика и отправлен на Кавказский фронт. (Тут есть два немаловажных момента. Во-первых, подпоручик — это чин, а не звание. А во-вторых, в 1915 году Алексеевское военное училище, как и остальные военные училища Российской империи, выпускало офицеров не подпоручиками, как в мирное время, а прапорщиками — после ускоренного курса военного времени. Почему Стауниц допустил в своих показаниях такие ошибки — трудно сказать.)

Как он воевал — точно не известно. По некоторым данным, принял участие в заговоре офицеров против советской власти в 1917 году и был арестован. Но не расстрелян, хотя подобное тогда случалось сплошь и рядом. В 1918 году добровольно пошел в Красную армию. Но попал не на фронт, а на усмирение крестьянских восстаний против рабоче-крестьянской власти. Впрочем, все эти факты пока документально не подтверждены. Но то, что жизнь Стауница-Опперпута (давайте так будем называть его в дальнейшем, чтобы окончательно не запутаться) была более чем насыщенной, совершенно точно. Он и сам писал об этом: *«Моя жизнь с 1915 по 1920 год складывалась так, что я вынужден был вести образ жизни, полный самых отчаянных приключений и острых ощущений. Непрерывная цепь приключений и опасностей в конце концов так расшатала мои нервы, что вести спокойный образ жизни я уже не мог.*

Как закоренелый морфинист не может жить без приемов этого яда, так и я не мог жить без острых ощущений или работы, которая бы истощала бы меня до обессиливания. Моей энергии в этих случаях удивлялись все, кому пришлось со мной сталкиваться».

В октябре 1920 года он оказывается в Смоленске, где становится помощником начальника штаба командующего войсками внутренней службы Западного фронта.

Следуя официальной версии, именно в этот момент и происходит перерождение красного командира в лютого врага советской власти. Виноваты в этом эсеры, которые смогли найти и использовать слабости Стауница. У любого человека таковые есть и наш герой не был исключением. Абсолютно во всех источниках его характеризуют как молодого, красивого, сильного, энергичного и храброго. В общем, классический герой. И, как любой герой, не лишен тщеславия. Вопрос лишь в степени этого самого тщеславия. Судя по всему, у Стауница она была превосходная. Наслаивалась она еще на его непостоянство и моментальную смену настроений.

На этом, равно как и на старой как мир любви человека к деньгам, и сыграли коварные враги рабоче-крестьянской власти. А Стауница эта игра увлекла. Адреналина ему явно не хватало в Смоленске, а тут такой шанс поиграть у самого себя на нервах. За первые месяцы 1921 года он минимум три раза нелегально переходит советско-польскую границу, ведет душевные разговоры с польской разведкой, делится секретной информацией, а взамен получает выход на организацию Савинкова. Сам вождь «Союза защиты Родины и свободы» принимает его и полностью доверяет. И есть чему доверять. Ведь Стауниц не просто польстился деньгами. Он, так сказать, становится идейным бойцом с Советами. И не только приносит полякам ценные данные о мощи Красной армии, но и предлагает Савинкову весьма оригинальные идеи, как извести большевизм под корень. Одну из его смелых идей даже стали воплощать в жизнь. Она и сейчас поражает воображение, а уж по тем-то временам и подавно: отравить цианистым калием продовольственные склады Красной армии. В одной из варшавских аптек было куплено два килограмма этого препарата, но дальше дело не пошло. Почему? История умалчивает.

Но эта локальная неудача не остановила Стауница. Проходит немного времени, и вот он уже становится фактически лидером всех боевиков «Союза защиты Родины и свободы» на советской территории. Правда, террористической деятельностью он лично не занимался. Ограничивался исключительно распространением газет, листовок и программы

савинковской организации, которые ему доставляли из Польши. Интересно, что в этот же момент он получает повышение по своей основной службе. Его делают начальником укрепрайона Минска. И этот факт говорит прежде всего о том, что Стауниц уже тогда работал на ГПУ. Ну не могли на такую ответственную должность поставить непроверенного человека!

Стауница тогда многие считали одним из самых видных са-винковцев. Еще бы: вождь лично благоволил ему и даже позволил принять участие в разработке программы «Союза защиты Родины и свободы». Скажем, Павловскому такой чести оказано не было, хотя Савинков постоянно говорил, что полковник — самый близкий и верный человек. А вот появившийся из ниоткуда Стауниц, не участвовавший в массовых убийствах коммунистов, а, напротив, служивший в Красной армии, некоторые свои соображения внес в основной документ организации. Больше того: он даже был кооптирован под фамилией Селянинов для участия в учредительном съезде «Союза» в Варшаве. Съезд состоялся и прошел с успехом. Выступления Савинкова публиковали многие эмигрантские газеты. Вот только Селянинов не произносил громких речей. 26 мая 1921 года он был арестован в Минске Государственным политическим управлением.

Узнав об аресте своего верного соратника, Савинков впал в ярость. Он словно бы чувствовал, что это будет иметь фатальные последствия для его организации. Полковнику Павловскому было поручено подготовить группу боевиков, чтобы совершить налет на тюрьму и отбить Стауница. Но было уже поздно. В тот самый момент он уже активно давал показания, ничего не скрывая. Обличал руководителей и рядовых членов «Союза защиты Родины и свободы», коварство польского правительства и подлые замыслы разведки. Данные Стауница были немедленно использованы ГПУ. Нарком иностранных дел Чичерин составил гневную ноту протеста польскому кабинету министров.

Тюремная баланда и постоянные допросы Стауницу категорически не нравились. Сравнивая их с нелегальными переходами границы, он находил свое нынешнее бытие скучным, омерзительным и недостойным его. И решил вырваться на свободу любой ценой. После одного из допросов, которые больше походили на светские беседы, Стауниц, переведенный к тому моменту уже на Лубянку, взялся за письмо товарищу Менжинскому: *«Сейчас у меня одно желание: самоотверженной работой на пользу советской власти загладить свой проступок. Это представилось бы мне возможным сделать, если бы я был отпущен в Варшаву. В месячный срок я сумел бы дать Вам возможность полностью ликвидировать все*

савинковские организации, польскую разведку, частично французскую разведку и представил бы ряд документов в подлинниках, обрисовывающих истинную политику Польши. Мои нервы требуют сильной реакции, я терплю невероятные муки и дохожу до отчаяния, когда готов разбить голову об стену или перерезать горло стеклом. Я уже дошел до галлюцинаций. Каждый лишний день моего здесь пребывания равносителен самой невероятной пытке. Еще раз умоляю решить мою судьбу скорее...»

Слова у Стауница никогда не расходились с делами. Он тут же взялся за перо и вскоре стал автором нашумевшей книги «Народный союз защиты Родины и свободы. Воспоминания». Стараниями ГПУ она вышла в Берлине в 1923 году. Но, к огорчению автора содержала несметное количество орфографических и стилистических ошибок. А ведь Стауниц весьма ответственно подошел к своей работе. Этот прокол позволил всей эмиграции несколько недель судачить, что в России вовсе не осталось грамотных людей. Судите сами: *«В саму основу новой организации была положена ими ложь, интрига и фальшь: они превратили ее в аппарат шпионажа против Советской России, для обслуживания разведывательных бюро иностранных держав. Они думали сделать ее устойчивой при помощи гнусного шантажа. Сейчас, когда второй Народный Союз Защиты Родины и Свободы умер, и будем надеяться, что умер окончательно, я, как единственное постороннее лицо, присутствовавшее при воскрешении его, и как член Всероссийского Комитета Союза, считаю своим долгом сорвать маски с могильщиков, представить их в истинном свете и поставить перед общественным судом бывших членов Союза и вообще русских людей».*

На первых же страницах автор делает весьма знаковое заявление: *«Мы выкинули знамя беспощадного террора против советской власти, расстреливали коммунистов, пускали под откос поезда с продовольствием, организовывали пожары. Если хозяйственный аппарат Советской России развалился, если плохо работает транспорт, в этом значительная доля нашей вины».* Конечно, боевики савинковской организации активно действовали на территории СССР. Да, убивали коммунистов и организовывали диверсии. Но Стауниц имел в виду совсем другое. По скромности душевной не упомянул, что речь-то идет о совершенно секретных документах, которые видели всего три человека: сам автор, то есть Стауниц, Савинков и Павловский. В мае 1927 года председателю Русского общевойскового союза генералу Кутепову удалось ознакомиться с ними. С удивлением он вчитывался в детали грандиозного плана химической и бактериологической войны против СССР, включавшего

отравление зерна, предназначенного на экспорт из СССР, доставку в дипломатическом багаже микробов холеры, оспы, тифа, чумы, сибирской язвы, а также боевых газов. Александр Павлович бережно сохранил этот уникальный документ.

В бытность свою видным участником «Союза защиты Родины и свободы», Стауниц четыре раза бывал в Польше. Интересно, что же он пишет об этом: *«Научастие в антисоветской борьбе меня толкал кроме общего оппозиционного настроения еще ряд мелких из моей личной жизни условий, которые для читателя большого интереса не представляют, почему я на них останавливаться не буду. Мне удалось попасть по делам службы в Гомель, где я служил подряд несколько лет и имел широкие знакомства среди бывшего офицерства и местной интеллигенции. Здесь удалось заложить прочную ячейку, которая потом, по воскрешении «Союза» развернулась в Западную областную организацию последней».* Прекрасное признание. Я никак не мог вспомнить, что же мне это напоминает. Долго мучался и все же вспомнил. Так же писал и Адольф Гитлер. Посвятив свою книгу «Майн кампф» всем погибшим участникам пивного путча, он предпочел не рассказывать об этом, ограничившись общими фразами: *«Не стану тут распространяться о деталях. Это не является задачей моей книги. Я остановлюсь подробно только на круге тех событий, которые общезначимы для всех народов и государств и которые имеют, таким образом, большое значение и для современности».* А ведь ничего более существенного в истории нацистской партии на тот момент не было...

Стауниц, сам того, видимо, не желая, открыл всей эмиграции некоторые ключевые моменты работы «Треста». Дело в том, что, рассказывая о своей деятельности в рамках «Союза защиты Родины и свободы», он указал, что всегда для конспиративных поездок за границу пользовался поездами, ссылаясь на суставный ревматизм и расширение вен на ногах. Так же поступал и Якушев, который в разговоре с Артузовым указывал, что купе международного класса гораздо более удобнее, чем нелегальный переход границы по болотам и лесам. Стауниц всегда пользовался законным отпуском для поездок в Варшаву. Так же впоследствии сделает и генерал Потапов, когда поедет в Сремке-Карловицы к Петру Николаевичу Врангелю.

Весьма характерна для всей истории ненависть к Савинкову, которая незримо присутствует в каждой строке книги нашего героя. Он договорился даже до того, что свой грандиозный план бактериологической войны против большевиков приписал лидеру «Союза защиты Родины и

свободы». И еще ехидно заметил при этом, что Савинков всегда был столь занят, что не мог уделять ему более пятнадцати минут. Однако для шестидесяти минут, которыми суммарно наградил вождь своего верного соратника из Советской России, Стауниц был весьма осведомлен о планах борьбы с Советами.

Интересный нюанс: книга вышла под фамилией Селянинов. (Имя и отчество были знаковые для Савинкова — Павел Иванович. Так великий террорист величал сам себя во время подготовки убийств Плеве и великого князя.) Именно под ней лидеры «Союза защиты Родины и свободы» знали Стауница. Чтобы они вовсе не сомневались, что именно он, автор, взялся немного рассказать и о себе самом. И самое главное: указывает детали и дает сигнал членам «Союза»: все кончено, вы обречены: *«Так как я вполне согласен, что каждый человек хуже всего знает самого себя, то на себе долго останавливаться не буду. Происхожу из крестьянской семьи. Детство и юность провел в суровых условиях. Офицер военного времени в чине поручика. В подпольных организациях до революции не работал. В антисоветских подпольных организациях принял участие в начале октября 1920 года. До начала 1921 года занимал ряд ответственных должностей в военных учреждениях и штабах Красной армии. В легкой степени страдаю общим недостатком русского офицерства, истрепавшего свои нервы в течение шести лет в опасностях и лишениях, — склонностью к авантюризму. По своим политическим убеждениям всегда примыкал к левому крылу эсеров. До 1921 года жил исключительно в России.*

Все виденное и слышанное за мое последнее пребывание в Варшаве давило меня зловещим кошмаром. Провал в ближайшем будущем неизбежен. Мне он был настолько ясен, настолько очевиден, настолько я его считал неизбежным, что в день своего отъезда из Варшавы я написал своей семье, проживающей в Риге, что я возвращаюсь в Советскую Россию, откуда, по всей вероятности, уже не вернусь и где погибну, а поэтому оставляю для пересылки через одну из прибалтийских миссий сувениры для брата и сестры, а также свои последние фотографические снимки.

Благоразумие подсказывало одно: бежать из грязи самому в Россию, уже не возвращаться и крикнуть западной организации: «Спасайся, кто может». Так и следовало сделать. Но я этого сделать не мог. Бросить на произвол судьбы организацию был не в силах. Я решил вернуться обратно в Россию, и возможно скорее или ликвидировать организацию безболезненно, или хотя бы оторваться от этой грязи, шантажа и шпионажа, пока еще гром не грянул. Я возвращался, но уже как жертва. Удар уже был нанесен.

Я чувствовал, что гроза вот-вот разразится. Моя уверенность в этом так далеко зашла, что я перед отъездом написал даже завещание. На следующий день в Минске при ликвидации Белорусской ЧК явочных квартир на одной из них я и был арестован. Западная организация провалилась одновременно повсеместно.

Я долго не мог объяснить, не мог открыть тех стимулов, которые побуждали бывшее офицерство действовать подобным образом, и возможно, что истинную причину этого открыл только потому, что я сам — бывший офицер, что я сам прошел тот тернистый путь, по которому пришлось идти бывшему офицерству начиная с 1914 года. Для этого требовалось невероятное напряжение нервов: их нервам так же нужна была опасность, как легким воздух. Нервы их требуют сейчас постоянной опасности, риска, напряжения, и многие офицеры только благодаря этой особой психологической болезни и попадают в подпольные организации.

К вам, бывшим офицерам, обращаюсь я, вышедший из вашей же среды, с призывом: будьте благоразумны, будьте осторожны, не доверяйте своей судьбы политическим проституткам — они передадут ее в руки настоящих проституток. Так было в «Союзе», так будет и с вами.

По не зависящим от меня причинам я не могу принять в разоблачении гг. Савинковых того участия, которое я хотел бы принять. С большими затруднениями, при содействии некоторых моих друзей, мне удастся выпустить настоящую брошюрку. Со своей стороны, я и мои друзья всегда будем готовы дать необходимые дополнительные справки».

Однако за справками никто не обратился. Да и сделать это было бы тяжело. Автор мемуаров, в которых он красочно описал пьяные дебоши членов савинковской организации в Варшаве, в этот момент сидел в тюрьме. Его использовали как «подсадную утку», чтобы разговорить известного питерского профессора Таганцева. В результате деятельности Стауница под расстрел попали 97 человек. В том числе поэт Николай Гумилев. По делу проходили также основоположник отечественной урологии Федоров, бывший министр юстиции Манухин, известный агроном Вырво, архитектор Леонтий Бенуа — брат Александра Бенуа, крупнейшего русского художника, сестра милосердия Голенище -ва-Кутузова и многие другие. Бывший участник кутеповской организации Сергей Войцеховский в своих воспоминаниях «Трест» приводит отрывок из статьи в парижской газете «Последние новости»: «В провалившейся в 1921 году организации покойного Савинкова он значился под фамилией Оппернута и под этим именем выступал вместе с Гнилорыбовым как

главный свидетель во время слушания дела «Союза защиты Родины и Свободы».

Позже Штауниц-Касаткин-Опперпут, кажется, под фамилией Савельева состоял в организации Таганцева, которую также предал.

По некоторым данным, Касаткин-Штауниц-Опперпут-Савельев в действительности латыш Упелинц, чекист, занимавшийся в 1918 году расстрелами офицеров в Петрограде и Кронштадте».

Сам Стауниц позднее будет все это отрицать. А вот другой факт он отрицать бы не смог, если бы кто-нибудь у него об этом спросил. Все члены его подпольной организации, в том числе и его невеста, были расстреляны ГПУ.

По официальной версии событий, которой пользовались все немногочисленные исследователи операций советской разведки против русской эмиграции, Стауниц в ожидании заслуженного им расстрела познакомился с еще одним героем этой истории — Якушевым, который, в свою очередь, также ждал расстрела. Но стенка таки не дождалась тогда обоих деятелей контрреволюции. 28 февраля 1922 года идеолог бактериологической войны, один из лидеров савинковского подполья, тщеславный и стремящийся к риску, мечтавший отравить всю Красную армию цианистым калием Эдуард Оттович Опперпут был взят на работу в контрразведку. В знаменитое Главное политическое управление. Ему поверили. Помогли остепениться. Он вскоре даже женился. Родилась дочь. Чекисты поставили для начала одно условие: фамилию нужно сменить. Больно на слуху она. Так он становится Стауницем, человеком № 2 в операции «Трест»...

Глава 4. Рождение «Треста»

Началом самой известной и успешной операции Государственного политического управления против русской эмиграции принято считать убийство видного большевика Вацлава Воровского в Лозанне 10 мая 1923 года. Он прибыл во главе советской делегации в Лозанну на международную конференцию по Ближнему Востоку, чтобы подписать и поныне действующую конвенцию о режиме судоходства в контролируемых Турцией черноморских проливах. Вечером Боровский ужинал в ресторане гостиницы «Сесиль» со своим помощником Максимом Дивиль-ковским и Иваном Аренсом, берлинским собкором агент-ства новостей РОСТА (сегодня это ИТАР-ТАСС — А.Г.), освещавшим работу конференции в советской печати. Увлечшись разговором, они не обратили внимания на молодого человека, подошедшего к ним от соседнего стола.

Судя по всему, Боровский так и не успел понять, что произошло. Вытащив из кармана брюк браунинг, неизвестный сразил его наповал первым же выстрелом в затылок. Еще две пули достались Аренсу — раненный в плечо и бедро, он вместе со столом обрушился на пол. Дивильковский, не имевший при себе никакого оружия, бросился на террориста. Тот выстрелил в упор в последний раз, ранив юношу в бок, протянул оружие подбежавшему метрдотелю и, улыбнувшись, сказал: «А теперь зовите полицию!»

Кто же убийцы? Стрелявшим был Морис Конради. Он родился в 1896 году в семье владельцев шоколадной фабрики и, по собственному признанию, ощущал себя полностью русским, никогда не вспоминая про швейцарские корни. В 1916 году, недоучившись на инженера в Петроградском технологическом институте, ушел добровольцем на фронт. За год дослужился до чина поручика. Командовал ротой.

После переворота в октябре 1917 года шоколадная фабрика Конради была национализирована. Дядю, тетю и старшего брата Мориса расстреляли во время красного террора. В приговоре было отмечено: агенты мировой буржуазии. Отец, взятый большевиками в заложники, умер от голода в тюремной больнице.

Сам Морис Конради служил в дроздовской дивизии. Это о нем пелось в марше «малиновых»:

Вперед поскачет Туркул славный,

За ним Конради и конвой.
Услышим вновь мы клин наш бранный,
Наш клич дроздовский боевой.
Смелей, дроздовцы удалые!
Вперед без страху! Снами Бог! Снами Бог!
Поможет нам, как в дни былые
Чудесной силою помог. Да, сам Бог!

Штабс-капитан Морис Конради прошел всю Гражданскую войну. С русской армией генерала Врангеля эвакуировался из Крыма в Галлиполи. Вместе с женой переехал потом в Швейцарию, где с помощью дальней родни устроился скромным клерком в один из торговых домов Цюриха. Там же к нему присоединились мать и четверо младших братьев и сестер, чудом выбравшихся из России, доказав свое швейцарское гражданство.

В марте 1923 года он уволился и отправился в Женеву, где встретился со старым другом и однополчанином — тридцатитрехлетним Аркадием Полуниным, работавшим в не признанной большевиками, российской миссии при Международном Красном Кресте. Конради заявил о своем желании «убить кого-нибудь из советских вождей, чтобы отомстить за семью». Полунин немедленно предложил устроить покушение в Германии на наркома иностранных дел Советской России Чичерина и посла в Англии Красина. Штабс-капитан, приехавший в Берлин 13 апреля 1923 года, не застал их в советском постпредстве и, огорченный неудачей, вернулся в Женеву. Там-то он и узнал из газет о прибытии большевистского наркома в Швейцарию. Его судьба была решена...

На следующий день после убийства Воровского был арестован Полунин. Он сразу признался, что был единственным сообщником Конради. Но советское руководство во всем обвинило швейцарские власти, заявив, что они потворствуют террористам и не могут обеспечить безопасность. В последовавшей долгой полемике «кто виноват?» точку поставили послы европейских держав, которые собрались на конференцию: «Ответственность за политическое преступление должна нести страна, на территории которой оно произошло».

Процесс по делу об убийстве Воровского начался в Лозанне 5 ноября 1923 года. Уже во вступительном слове ничуть не раскаявшийся Морис Конради заявил: *«Я верю, что с уничтожением каждого большевика человечество идет вперед по пути прогресса. Надеюсь, что моему примеру последуют другие смельчаки, проявив тем самым величие своих чувств!»*

Защищавшие Конради и Полунина известные швейцарские адвокаты Сидней Шопфер и Теодор Обер сумели превратить процесс в суд над большевизмом. За десять дней слушаний перед присяжными выступили около семидесяти свидетелей, вынужденных покинуть Россию, спасаясь от красного террора. Исход суда стал ясен после пятичасового выступления Обера. В конце речи он сказал: *«Ваш вердикт может способствовать освобождению великого народа, стонущего под рабским игом большевизма. Однако для него этот вердикт должен явиться безоговорочным приговором коммунизму. Иначе ночь, царящая сейчас в России, станет еще беспросветнее, а рабство русского народа — еще более тяжким: он будет им еще более подавлен, и повсюду будут сомневаться в самой возможности правды и справедливости.»*

Кончая, я повторю еще раз: Конради и Полунин совершили не убийство, а акт правосудия. Они по мере своих сил и жертвуя собою выполнили миссию, которую должна была выполнить Европа и которую она выполнить не посмела. Сэр Робертсон, моральный авторитет коего непререкаем, — живой свидетель большевизма— сказал: «Суд приближается, и если мы страдаем на Западе, оставаясь бездушными свидетелями большевистских преступлений, то наше страдание должно почитать весьма слабым наказанием за нашу недопустимую терпимость».

В то время как вы, господа присяжные, будете совещаться в этом отныне историческом зале, вокруг вас будет тесниться огромная, невидимая и молчаливая толпа — миллионы русских смертников... умерших от голода, миллионы страдальцев, умерших под пыткой, — мужчин, женщин, старых и молодых, врачи, сестры милосердия, горожане, крестьяне, рабочие, священники, распятые на кресте... Вы ясно почувствуете: души всей этой массы русских страдальцев на вашей совести.

Все они зывали и зывают о справедливости, но тщетно до сих пор. Никто им не ответил. Никто им не сказал слова утешения и правды. Но вы, вы им ответите!»

14 ноября 1923 года присяжные большинством в девять против пяти голосов признали Мориса Конради, действовавшего под давлением обстоятельств, вытекавших из его прошлого, и, стало быть, не подлежащим уголовному наказанию. Судья также обязал убийц возместить судебные издержки и ходатайствовал о высылке Полунина из страны за злоупотребление правом убежища и нарушение общественного порядка. Этот оправдательный приговор был с большим одобрением

встречен русской эмигрантской прессой. Парижские «Последние известия» писали 18 ноября 1923 года: «Преклонимся перед приговором присяжных. Самое распределение голосов показывает, что в совещательной комнате аргументы «за» и «против» боролись упорно, и если, в конце концов, победили первые, то тем больше значение для нас имеет решение совести. Чтобы вынести это решение, швейцарские судьи должны были перешагнуть через угрозу репрессий швейцарцам, оставшимся в России, через предубеждение обвинителя, что этим создается безнаказанность политических убийств на швейцарской территории, наконец, через бесспорный факт самого преступления, совершенного Конради и признанного присяжными единогласно. Оправдание Конради и Полунина не есть, конечно, оправдание Белого движения, как, быть может, постараются в противоположных целях представить дело обе стороны. Но это, несомненно, есть осуждение большевистского режима в том, что в нем является противоречием общечеловеческой этике и праву. Это есть осуждение системы насилия человека над человеком во имя классовой ненависти. Это есть признание, что к построенному на этом начале «государству общечеловеческие нормы закона и права неприменимы».

Совсем по-другому встретили решение суда в Советской России. По стране прокатились многотысячные митинги протеста. Трудящиеся требовали строго наказать убийц. В выражениях особо не стеснялись. Тут вам и «мерзкий куток эмиграции, возглавляемый монархической сволочью», и «отъявленные белогвар-дейско-эсеровские негодяи», и «мутная пена буржуазно-контрреволюционных кадетов». Точку поставила газета «Правда»: «Путь обычный: святые всегда набирались из разбойников и убийц. Неудивительно, что когда русской белогвардейщине, т.е. тем же разбойникам дворянам, понадобился в ударном порядке святой, его, по старым традициям, выбрали из среды убийц и грабителей. Выбор оказался удачным и даже весьма удачным. Стаж у Конради оказался великолепный. Школу хамства, пьянства и разврата он прошел в царской армии. А там по этим предметам нужно было знать на пять с плюсом. Школу грабежа и убийства Конради прошел у Колчака и Деникина. Убийство и грабеж в соединении с хамством, пьянством и развратом дали такой букет, что хоть сейчас без экзамена ступай в «равноапостольные». Кто мог лучше, чем он, подойти на амплу «героев» и «святых» у зарубежной белогвардейщины? И выбор, натурально, пал на него. Фашисты дали револьвер. Счет за него будет предъявлен русским монархистам, когда они получат новую субсидию от Антанты. История вынесет свой приговор не над Конради, а над его судьями, над страной, где

происходит этот знаменитый суд над всеми странами, где правит буржуазия. Пролетариат глубоко врежет в памяти своей приговор лозаннского суда, чтобы при случае не забыть, чтобы при случае его вспомнить.

Конечно, не столько те 9 присяжных, 9 подобранных судьей буржуазной совести, которые так ловко «разбили» свои голоса, что убийцы тов. Воровского уйти обласканными и поощренными. И даже не председатель суда, который с первого дня дал понять наемным убийцам, что они могут держать себя на суде, как дома, и угрожать новыми убийствами. И даже не прокурор, который так составил обвинительный акт, чтобы оправдать уличенных и скрытых преступников. И даже не следователь, который замел следы, ведущие к главным вдохновителям преступления, и посадил на скамью подсудимых одних исполнителей. Оправдала убийц тов. Воровского та международная шайка, которая выбрала место, время и обстановку убийства, которая застигла тов. Воровского в Лозанне, когда он мог не подозревать о вероломстве швейцарских властей, и, застигнув, пустила в него рукой Конради несколько пуль. Международные организаторы убийства тов. Воровского обеспечили оправдание физическим убийцам. Пусть трудящиеся всех стран запомнят этот главный урок лозаннского суда».

Чтобы уже не возвращаться к этой теме, коротко о судьбах Конради и Полунина после процесса. Дроздовский штабс-капитан надолго исчезнет из Европы, прослужит несколько лет во французском Иностранном легионе в Африке. Незадолго до присвоения ему офицерского звания сержант Конради ударит по лицу своего командира. Тот обозвал подчиненного «русской свиньей». И капитан гвардейской артиллерии, награжденный орденом Святого Георгия 4-й степени за подвиги на фронте Первой мировой войны, не сдержался. Конради изгоняют из легиона. Сведения о его дальнейшей судьбе крайне противоречивы, даже дата и причины смерти разнятся. Но, судя по всему, он был участником французского Сопротивления в годы Второй мировой войны и умер в 1946 году. Единственное, что точно известно: Морис Конради жил затворником, опасаясь мести чекистов. Место его захоронения неизвестно. А ведь о храбрости Мориса ходили легенды не только в дроздовской дивизии. Но до сих пор не удается найти фотографий штабс-капитана, сделанных на фронте или в эмиграции. Конради таким образом защищали от всесильной Лубянки. Ведь опасения его сослуживцев не были напрасными. Еще в 1923 году, выступая на митинге в Москве, председатель ГПУ Феликс Дзержинский заявил: «Мы доберемся до негодяев». Через десять лет при

странных обстоятельствах умрет Аркадий Полуниин. Умрет 23 февраля — в день рабоче-крестьянской Красной армии...

В иностранном отделе ГПУ было принято решение использовать удачную встречу Якушева с Артамоновым, и, коли он выразил желание сотрудничать с органами, приступить к серьезным действиям. На Лубянке хорошо понимали, что одного действительного статского советника явно недостаточно, чтобы эмиграция поверила в существование монархической организации Центральной России. Было принято решение, выражаясь современным языком, привлечь в ряды контрреволюционной организации политических тяжеловесов, хорошо известных всему русскому военному зарубежью. Так, главой МОЦР стал генерал-лейтенант русской императорской армии, профессор советской военной академии, автор научных трудов о Первой мировой войне Андрей Медардович Зайончковский. Его заместителем — генерального штаба генерал-лейтенант Николай Михайлович Потапов. Якушеву досталась должность главы политсовета и ответственного за переговоры с эмигрантскими организациями. А Стауниц ведал финансовой составляющей и по совместительству был секретарем: это именно он шифровал все письма за границу. Для пущей достоверности в «Трест» ввели и самых настоящих врагов рабоче-крестьянского государства: камергера Ртищева, балтийского барона Остен-Сакена, нефтепромышленника Мирзоева, тайного советника Путилова. Но русской эмиграции довелось увидеть только двух заговорщиков: Якушева и Потапова. Стауница решили от феха подальше за границу не отправлять. Тогда же МОЦР стал именоваться «Трест», как сказал бы Остап Бендер: для конспирации, гофмаршал.

Вот теперь можно было начинать играть по-крупному Якушев сообщил Артамонову, что на съезде монархической организации Центральной России было решено признать великого князя Николая Николаевича главой монархического движения, как местоблюстителя российского престола и верховного главнокомандующего белой рати: *«Из прилагаемого постановления вы убедитесь в том, что съезд состоялся, и велико было наше огорчение, когда мы так и не дождались вашего представителя. Что касается моего приезда, то я счастлив буду, если позволят обстоятельства, повидать вас всех, дорогие собратья.*

Теперь текст постановления нашего съезда — приведу только начало,

которое глубоко волнует: «Горестно было русскому сердцу пережить горькую весть о том, что великий князь Кирилл объявил о своих притязаниях на императорский российский престол. Болит сердце за наше общее дело. Мы здесь, пребывая в смертельной опасности, каждодневно готовы отдать наши жизни, сознавая, что только его высочество великий князь Николай Николаевич, местоблюститель престола, может спасти страждущую отчизну, став во главе белой рати как ее верховный главнокомандующий...»

Поздней осенью 1922 года, Якушев поехал за границу в служебную командировку. Ему необходимо было встретиться с членами Высшего монархического совета/Прежде всего с Марковым Вторым. Только заручившись его поддержкой, можно было внушить части эмиграции, что он — авторитетный представитель разветвленной подпольной организации, объединившей многих влиятельных заговорщиков в Советской России.

По дороге в Берлин к нему присоединились старый знакомый Юрий Артамонов и племянник генерала Врангеля Петр Арапов, входивший в модную тогда евразийскую организацию.

В своем отчете Артузову Якушев достаточно подробно описал переговоры с Высшим монархическим советом:

«В Берлине состоялась первая встреча с заправилами Высшего монархического совета. Она происходила в магазине ковров, мебели, бронзы и фарфора в первом часу ночи. В этом магазине полковник фон Баумгартен служит ночным сторожем.

Почему избрано такое странное место, как магазин, для конфиденциального совещания? Оказалось — из предосторожности. Квартира, где помещается Высший монархический совет, принадлежит Е.Г.Воронцовой, там же обитает бывший обер-прокурор Синода Рогович, болтун и рамолик, он стал бы подслушивать.

Я кое-что уже знал об этих господах, ночь до Берлина прошла в разговорах с Артамоновым и Араповым, которых по молодости лет не очень допускают в высшие сферы. Они недовольны и не без яду рассказывали мне, что делается в этих сферах, пополняя мою эрудицию.

Кирилловцы, сторонники Кирилла Владимировича, провалились окончательно. Высший монархический совет ставит на Николая Николаевича — «местоблюстителя престола». Кирилловцы его отвергают как претендента на трон. Он не прямой наследник и бездетен. Окружают Николая Николаевича титулованные особы, впавшие в маразм, и болтуны. Сохранил солидные средства принц Ольденбургский, он почетный председатель совета.

Сидя в золоченом кресле в стиле Людовика XV, я произнес пламенную речь, выразил верноподданнические чувства «Треста» по от-ношению к «блюстителю» престола и добавил, что подробнее изложу все в докладе, который пишу. По лицам этих господ понял, что экзамен выдержан, но ожидается приезд из Парижа Н.Е.Маркова, ближайшего советника Николая Николаевича. Он доверяет Маркову.

Марков прибыл в Берлин вместе со старым князем Ширинским-Шихматовым. Свидание состоялось на Лютцовштрассе, 63. Оба уставились на меня, когда я говорил о создании монархической партии внутри России, тесно связанной с Высшим монархическим советом за границей.

Однако Марков, желчный и глупый старик, прервал мою декларацию и спросил о настроениях Красной армии и какие именно части армии я считаю наиболее подготовленными к участию в перевороте. Чувствую, что старцы не разбираются в военных вопросах. У Маркова в руках шпатель с вопросами.

— Когда можно рассчитывать на переворот ?

— Придется подождать года два.

— Кто ваш верховный эмиссар ?

Отвечаю, какусловлено в Москве: «Генерал Зайончковский».

— Православный? Хорошо.

Обрадовались, что не входит Джунковский: «Ненадежный человек».

Марков торжественно сообщил, что был принят Николаем Николаевичем.

— Его высочество согласился возглавить монархическое движение, но ждет призыва из России, о существовании вашей организации знает.

Испускаю вздох облегчения. Почтительно высказываю желание увидеть кого-нибудь из императорской фамилии. Марков обещает свидание с великим князем Дмитрием Павловичем (Николай Николаевич никого не принимает). На этом кончается трехчасовая беседа.

Два дня мы обсуждали программу берлинского монархического съезда. Возник разговор о тактике «Треста». Козырял старыми черносотенными лозунгами. Никаких партий, кроме монархической. Восстановление самодержавной монархии. Земельная политика? Тут вскочил Николай Дмитриевич Тальберг — маленький, щуплый крикун: «Предлагаю конфисковать имение Родзянки как виновника революции». Его успокаивали: «Конфискуем». Я вношу проект: «Образование государственного земельного фонда, вся земля принадлежит государю, он жалуется землей дворянство, служилое сословие. Крестьянам — «синюю

бумажку» — купчую на землю, но, разумеется, за выкуп, за деньги. Переходим к тактике. Вопрос об интервенции: называют 50—60 тысяч белых и 3—4 тысячи иностранцев. Откуда начинать поход — с севера или с юга ?

Гершельман предлагает с Петрограда. Подготовить торжественную встречу в Московском Кремле. Монарх непременно из рода Романовых. Основные законы пересоставить до коронации.

В Берлине у меня продолжались переговоры с молодыми — Араповым и Артамоновым. Их настроения таковы, что явилась мысль о создании внутри Монархического совета оппозиционной партии из молодых. Арапов, конечно, убежденный монархист, но особой формации, участник так называемых евразийских сборников «На путях» и «Поход к Востоку». В лице его «Трест» приобрел сторонника и почитателя. Я убедил его, что мы готовим переворот не для того, чтобы отдать власть старцам, которые ничему не научились и ничего не забыли. Нам надо выработать программу и тактику на основе того, мол, чтобы Россия по своему географическому положению руководила Европой и Азией. И потому пути «Треста» совпадают с евразийским движением. Сказал и слегка испугался: неужели клюнут на такую непуху ? Представьте — клюнули.

Бросил мысль о вожде наподобие дуче Муссолини. Встретили с энтузиазмом. В общем, молодые — хороший материал для оппозиции старцам...»

Якушев превосходно справился с возложенной на него ролью лидера крупнейшей антибольшевистской организации, взгляды которой совершенно идентичны позиции Высшего монархического совета. Именно под влиянием его выступлений в журнале «Двуглавый орел» в №78 от 25 февраля 1923 года появилась знаковая статья о пользе сохранения Советов после свержения правительства Ленина: «Наша эмиграция должна теперь усвоить, что в местных Советах, очищенных от коммунистической и проти-вонародной накипи, находится истинная созидательная сила, способная воссоздать Россию. Эта вера в творчество истинно русских, народных, глубоко христианских Советов должна сделаться достоянием эмиграции. Кто не уверует в это, оторвется от подлинной, живой России».

Самое интересное, что статья эта появилась через две недели после публикации статьи... самого Якушева, в которой он достаточно подробно описывает будущее устройство России: царь и Советы. (Когда сегодня начинают убеждать, что этот лозунг ввел в оборот Александр Львович Казем-Бек в 1926 году, не могу сдержать ироничной улыбки. Все было

значительно раньше. Лидер «младороссов» просто позаимствовал модную идею, придуманную либо Артузовым, либо Пиляром.)

Марков Второй сдержал свое обещание: Якушеву удалось встретиться с великим князем Дмитрием Павловичем. Очарованный выступлением председателя политсовета монархической организации Центральной России, он вручил письмо лидерам «Треста», в котором одобрительно отзывался об их деятельности.

В августе 1923 года Якушев отправился в Берлин в очередную командировку. В этот раз он должен был встретиться с представителями русской армии генерала Врангеля. В частности, с генералами фон Лампе и Климовичем. Свидание с последним заставляло агента ГПУ изрядно нервничать. Ведь Евгений Константинович Климович, бывший начальник департамента полиции Российской империи, возглавлял контрразведку в штабе Врангеля. Якушев прекрасно понимал: одно неверное слово — и он будет раскрыт. Больше того — убит. А страх перед смертью издавна считался лучшим стимулятором для человека в критической ситуации.

7 августа встреча состоялась. На ней, кроме Якушева, фон Лампе и Климовича присутствовали известный политик Шульгин и консультант при военном представительстве Врангеля в Берлине Чебышев. Гость из Москвы с любопытством, которое он скрывал за своим полным благородного достоинства взглядом, рассматривал знаковых фигур для русской эмиграции. Потом он сделал двухчасовой доклад. Якушев говорил осторожно. Начал с экономических вопросов, подчеркнув, что новая экономическая политика большевиков способствует грядущему монархическому перевороту. Народ ждет монарха. И это главное. Осветил земельный вопрос. А вот по военным делам говорить отказался. Дескать, трудно ему человеку сугубо штатскому. Но скоро в Берлин приедет начальник штаба МОЦР, авторитетный военный, который сможет удовлетворить любопытство представителю Врангеля.

Едва Якушев закончил говорить, как встал Климович. Пристально глядя в глаза гостю, он попросил его ответить всего на один вопрос: каким образом столь многочисленной организации удастся избежать арестов? Агент ГПУ внутренне похолодел. Позднее, в своем отчете для Лубянки, он напишет, как примерно ответил на тот вопрос: *«Господа, неужели вы думаете, что Гражданская война, голод и возврат к нэпу не посеяли*

разочарование, неверие в революцию? Дальше, прошу не обижаться, но вы, господа, судите примерно, как в басне Крылова: сильнее кошки зверя нет. А кошка нас кое-чему научила, хотя бы конспирации. Мы имеем своих людей во всех звеньях советских учреждений и имеем возможность отводить удары. Наконец, господа, сидя здесь, в Берлине, трудно иметь представление, что делается в Москве, в России...»

У других участников встречи вопросов не возникло. Фон Лампе поблагодарил Якушева за интересный доклад и проводил его. Едва за гостем закрылась дверь, как встал Климович. Оглядел своих соратников и, чеканя слова, бросил: «Господа, это опасный человек. Он провокатор ГПУ». На него набросились с упреками: дескать, как можно так говорить о соратнике из Москвы. Климович сделал вид, что согласился, и лишь его глаза выдавали сокровенные мысли: от своих слов он не отказывался.

Для Якушева испытания не закончились. Дело в том, что о его визите к представителям барона Врангеля немедленно узнали лидеры Высшего монархического совета. Для них чины русской армии были лютыми врагами. Прежде всего генерал Климович, открыто называвший Маркова Второго перечницей. Подробности нелицеприятного, но крайне необходимого ГПУ для укрепления позиций «Треста» разговора с Марковым Якушев описал в своем отчете для Артузова:

«— Готовы ли вы к перевороту ?

— А вы готовы ? Назовите имя будущего хозяина Земли Русской ?

— Голубчик, вы должны понять...

— А мы назвали это имя на съезде МОЦР: его императорское высочество Николай Николаевич! Другого люди не знают и знать не хотят!

— Но единственная преграда — великий князь стар и бездетен. Неприемлем как претендент на престол с легитимной стороны. Существует закон о престолонаследии. Мы понимаем ваши чувства, но вы поступили неразумно...

— Поступили, как велит совесть! Николай Евгеньевич! Не великие князья Кирилл и Дмитрий Павлович, а его императорское высочество Николай Николаевич! И вот вам наше последнее слово: если вы не поддержите нас — мы отойдем от вас, а на Европу нам...»

Внимательно изучив итоги встреч в Берлине, руководство иностранного отдела ГПУ приняло решение ввести в игру новое действующее лицо — генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Михайловича Потапова. Старый знакомый Якушева по Петербургу, он был прекрасно известен и штабу генерала Врангеля.

Он родился в 1871 году в Москве в семье чиновника. Окончил кадетский корпус, артиллерийское училище и Академию Генерального штаба. В годы Первой мировой войны служил в Главном управлении Генерального штаба на должности генерал-квартирмейстера. Опытнейший разведчик царской армии, он пользовался в Генштабе заслуженным авторитетом, и поэтому его решение сотрудничать с советской властью повлияло и на выбор многих его младших коллег. Правда, существуют сведения, что Потапов уже с июля 1917 года сотрудничал с Военной организацией Петербургского комитета РСДРП(б), и если это действительно так, то его решение признать большевиков выглядит вполне естественным. После октябрьского переворота Потапов занимал должность начальника Главного управления Генштаба, одновременно являясь помощником управляющего Военным министерством и управляющим делами Наркомвоена. В июне 1918 года он становится членом Высшего военного совета, спустя год — председателем Военного законодательного совета при РВСР. Таким образом, он не участвовал в Гражданской войне и не вызвал аллергии у штаба Врангеля. Но прежде чем отправляться к барону, Потапову поручили познакомиться с лидерами монархической организации Центральной России.

Он с интересом смотрел на заговорщиков. Особенно ему понравился доклад бывшего нефтепромышленника Мирзоева о финансах МОЦР: *«В конфиденциальном письме из Парижа мои родственники, Черныевы, пишут: «Вы, наверно, думаете, что мы располагаем прежними возможностями, и ошибаетесь. Подлец Гукасов продал свой нефтеналивной флот англичанам. На его счастье, флот находился в британских водах. Он как был, так и остался миллионер. Мы же не могли вывезти принадлежавшие нам нефтяные источники в Европу, как вам известно. Откуда же нам взять средства, чтобы помочь нашим друзьям?» Я не буду читать полностью письма, но ознакомлю вас с таким предложением: «Если бы вам удалось устроить хотя бы небольшое восстание на Северном Кавказе, то можно было бы здесь представить его как начало большого дела. И я уверен, что деньги бы тотчас нашлись. Мы знаем от генерала Улагая и его братьев, что на Кавказе найдутся люди, есть и хорошо спрятанное оружие — следовательно, МОЦР остается взять дело в свои руки...»*

Потапов достаточно жестко объяснил заговорщикам, что небольшое

восстание ничего не даст. У Красной армии достаточно сил, чтобы подавить его в кратчайшие сроки. Члены политсовета заметно погрустнели. Пришлось Якушеву их успокоить. Он сказал, что в ближайшее время вместе с Потаповым отправляется за границу, чтобы договориться о взаимодействии с «Русским общевоинским союзом», в который была преобразована русская армия генерала Врангеля.

19 октября 1923 года Потапов и Якушев нелегально отправились в Польшу. После достигнутых быстрых договоренностей в Варшаве (МОЦР признает независимость Польши, а польская разведка продолжает за это помогать боевым группам проникать на территорию СССР) бывший генерал-лейтенант бывшей русской императорской армии отправился в Югославию. В Сремски-Карловицы. В штаб к барону Врангелю.

Врангель принял Потапова и долго беседовал с ним. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба вспоминали былые дни и говорили о нуждах Белого движения в новой обстановке. И все же червь сомнения точил Петра Николаевича. Уже в самом конце встречи он спросил гостя из Советской России, как же ему удастся покинуть должность в Красной армии на столь длительный срок, чтобы путешествовать по Европе. Потапов тогда объяснил, что официально он сейчас в отпуске, на охоте в тайге. Барон поверил.

Уже потом, спустя годы, всех в эмиграции мучил вопрос: почему же Якушеву и Потапову верили? Попытался найти ответ и бывший участник операции «Трест» Сергей Войцеховский: *«Мы были молоды и воспитаны в традициях той России, для которой военный мундир был порукой чести. Мы не могли представить себе генералов Зайончковского или Потапова презренным орудием чекистов. Мы были до известной степени одурманены открывшейся перед нами возможностью легкой связи с Россией и благополучного оттуда возвращения.»*

Мы сознавали себя не бедными, бесправными эмигрантами, а звеньями мощного подпольного центра на русской земле. Мы были готовы на любую жертву, но по сравнению с чекистами были наивными детьми.

Теперь я знаю, что бывший генерал-лейтенант Потапов, называвший себя в «Тресте» Медведевым, был офицером Генерального штаба, прослужившим 12 лет в Черногории и вернувшимся в Россию за два с половиной года до Февральской революции, к которой он незамедлительно примкнул.

Теперь мне известно, что большевики назначили его в ноябре 1917 года первым советским начальником Генерального штаба, преемником отстраненного ими генерала Марушевского и что позже он по их

назначению был помощником управляющего Военным министерством большевика Подвойского.

Поэтому я теперь не понимаю, как могли его сверстники, бывшие начальники и сослуживцы, поверить в искренность его монархических взглядов. Но тогда Потапов был в моих глазах заслуженным офицером царской службы, поставившим на карту жизнь ради восстановления монархии».

«Трест» пользовался фантастическим успехом. Пожалуй, даже Артузов не ожидал, что все так легко получится. Генерал Кутепов даже решил больше не рисковать своими людьми напрасно и отправлять их в Россию по каналам Якушева. О лучшем на Лубянке и мечтать не могли. Особенно когда узнали, кого именно направляет Александр Павлович в Москву. Фамилия Захарченко-Шульц не была пустым звуком для иностранного отдела ГПУ, и там сделали все возможное, чтобы подготовить ей достойную встречу.

Глава 5. Русская Жанна д' Арк

Мария Лысова (это ее девичья фамилия) родилась 9 декабря 1893 года в семье действительного статского советника Владислава Герасимовича Лысова. Она очень рано потеряла свою мать, которая умерла вскоре после рождения дочери. Первые годы прошли в Пензе, в родительском имении. Образование она сначала получала дома, потом был Петербург. Знаменитый Смольный институт благородных девиц — лучшее в империи учебное заведение для девушек из дворянских семей. Воспитанницам давалось блестящее образование и прекрасное воспитание. Лучшие выпускницы вполне могли быть определены на службу во дворце. Мария Владиславовна Лысова окончила императорское воспитательное общество в 1911 году.

В двадцать лет она вышла замуж за офицера лейб-гвардии Семена Сергеевича Михно. Молодые поселились в доме №54 на Загородном проспекте, где на казенных квартирах проживали большинство офицеров. Но безмятежная жизнь полковой дамы одной из элитных частей императорской армии была относительно недолгой. Грянула Первая мировая война. В августе 1914 года начальник команды конных разведчиков штабс-капитан Михно отправляется на фронт. Через несколько месяцев, тяжело раненный в бою, он умрет на руках своей жены. Теперь Мария Владиславовна — вдова с только что родившимся ребенком.

Жизненная драма потрясла молодую женщину, но не сломила ее. Она приняла решение, которое многие назвали сумасбродством: добровольно пойти на фронт, чтобы заменить мужа в рядах родного полка. Надо сказать, что в русской императорской армии женщина в строю было исключительной ситуацией, почти невозможной в жизни со времен знаменитой на всю страну «кавалерист-девицы» корнета Дуровой. Это уже потом, в страшные дни краха России, женщины станут формировать ударные батальоны, стараясь своим примером увлечь мужчин. Но в 1914 году, в лучшем для себя случае, Мария Владиславовна могла рассчитывать на должность сестры милосердия. И вот тут-то она прибегает к помощи великой княжны Ольги Николаевны — старшей дочери Николая Второго. Еще в 1909 году государь назначил ее шефом 3-го гусарского Елисаветградского полка. Это было большой честью для армейского полка, и елисаветградцы гордились таким шефством. В полковом марше даже были такие слова:

Мы гусары не из фольги,
Всяк из нас литой булат,
Бережем мы имя Ольги,
Белый ментик и штандарт.
В поле брани, в поле чести
Имя Ольги — нам закон...

Во время войны Ольга Николаевна, как и другие августейшие дочери императора, находилась в Петрограде и самоотверженно ухаживала за ранеными, но связи со своим полком не теряла. К ней и обратилась молодая вдова с необычной просьбой. В результате Николай Второй приказал военному министру, генерал-адъютанту, генералу от кавалерии Сухомлинову сделать соответствующее распоряжение. Преодолев все многочисленные препятствия и формальности, Мария Владиславовна оставляет ребенка на попечение родных и в 1915 году вступает вольноопределяющимся в 3-й гусарский Елисаветградский ее Императорского Высочества великой княжны Ольги Николаевны полк.

С самого начала Первой мировой войны елисаветградские гусары участвовали в боях в Восточной Пруссии. Лето 1915 года застало их в Восточной Пруссии. Мария Владиславовна была зачислена в пятый эскадрон ротмистра Обуха под именем вольноопределяющегося Андрея Михно. Уже в эмиграции ее однополчанин штаб-ротмистр Архипов вспоминал: *«Она не дурно ездила верхом по-мужски, но, конечно, никогда не обучалась владению оружием и разведке: значит, с боевой точки зрения была бесполезна. Мало того, постоянное днем и ночью присутствие молодой женщины, переодетой гусаром, очень стесняло офицеров и солдат. Командир полка и не прочь был бы избавиться от такого добровольца, но ему подтвердили, что все сделано поличному желанию государя императора. Пришлось смириться со свершившимся фактом».*

Но Мария Михно сумела в кратчайшие сроки доказать всем скептикам, что ее прибытие на фронт — не блажь воспитанницы Смольного, которая воспользовалась протекцией великой княжны и самого государя императора. Кроме театрального переодевания ничего предосудительного в ней не было. Скромная, тактичная, она смело шла навстречу любой

опасности и этим увлекала других. Не только офицеры полка, но и солдаты, у которых женщины-добровольцы зачастую вызывали смех, уважали ее. Все тот же ротмистр Архипов вспоминал позднее: *«Следует упомянуть, что за период, проведенный в рядах полка, находясь постоянно в боевых делах, М.В. Михно обучилась всему, что требовалось от строевого гусара, и могла на равных соперничать с мужчинами, отличаясь бесстрашием, особенно в разведке».*

В ноябре 1915 года, вызвавшись добровольно проводником к команде разведчиков своей дивизии, ночью она вывела свой отряд в тыл немецкой роте. Большинство солдат противника было уничтожено, оставшиеся в живых взяты в плен. Во время другого рейда Мария Владиславовна, бывшая в сопровождении двоих солдат, наткнулась на немецкую заставу. Неприятель открыл огонь. Один из солдат был убит, другой ранен. Но она, сама раненая, под страшным огнем сумела вынести на руках своего истекавшего кровью однополчанина.

В 1916 году, в Добрудже, пятый эскадрон елисаветградских гусар под командой штабс-ротмистра фон Баумгартена занял одну болгарскую деревню. Въехав на коне в какой-то двор, уже произведенная в унтер-офицеры Мария Владиславовна неожиданно натолкнулась на болгарского пехотинца и стала на него столь неистово кричать, что солдат растерялся, бросил винтовку и поднял руки. Потом он был очень сконфужен, узнав, что был взят в плен женщиной. Пусть даже и награжденной двумя Георгиевскими крестами и медалями «За храбрость».

В конце 1916 года полк был отведен с фронта на отдых в Бессарабию. Здесь гусаров и застала Февральская революция, которая, однако, не оказала на чинов сколь-нибудь заметного влияния. Елисаветградцы были одной из очень немногих частей русской императорской армии, которым удалось до конца сохранить воинскую дисциплину и не поддаться на революционные настроения, царившие в стране. Только на Рождество 1918 года, надев парадную форму, так и не признавшие новой власти Ленина и Троцкого, гусары стали покидать полк. Командир полка, полковник Такаев, с несколькими штаб-офицерами пытался добраться до Добровольческой армии генерала Корнилова. Но по дороге «золотопогонники» были арестованы и расстреляны.

Большевистский переворот и полный развал фронта вынудили Мария

Владиславовну вернуться в родительское имение в Пензенскую губернию. В то время там пронесся ураган коммунистической вакханалии: обезумевшие от вседозволенности толпы «освобожденных трудящихся» грабили магазины, жгли усадьбы, бессмысленно и беспощадно убивали всех, кто не нравится. На привокзальной площади убили проезжавшего через Пензу капитана за то, что он не снял погоны. Раздев фронтовика догола, «революционеры» с хохотом таскали его труп по снегу Московской улицы. Старуху-помещицу Лукину вместе дочерью крестьяне на сельском сходе постановили убить и забили кольями. Убили и помещика Скрипкина, после чего затолкали его голый труп в бочку с квашеной капустой. Бывший первопоходник Роман Гуль в своей хронике «Конь рыжий» писал о тех днях: *«С отрядом какой-то отчаянной молодежи по Пензенскому уезду поспекала верхом вернувшаяся с фронта девица Мария Владиславовна Лысова, будущая известная белая террористка Захарченко-Шульц, поджогами мстя крестьянам за убийства помещиков и разгромы имений».*

Однако он ошибся. Действительно, Мария Владиславовна, вернувшись с фронта, начала создание партизанского отряда. Но ни одного офицера в нем не было. Как не было и рейдов по деревням. Отряд так никогда и не был сформирован, поэтому никаких карательных операций против большевиков проводить не мог по определению. Отчаявшись, она покидает Пензу. Тогда же узнает, что где-то ведет борьбу с коммунистами белая армия генерала Деникина. Совершенно случайно встретив своего бывшего друга, офицера пятнадцатого уланского Татарского полка Захарченко и выйдя весной 1918 года за него замуж, она уговаривает его пробраться на Кубань. Но прежде чем присоединиться к добровольцам, молодоженам пришлось даже побывать в Персии. Трудности никогда не останавливали эту женщину, и вскоре она оказывается на фронте. Дальше были тяжелое ранение в грудь, тиф, отмороженные руки и ноги. И новая драма. Под Каховской умер от заражения крови ее второй муж — командир второго кавалерийского полка полковник Захарченко.

После эвакуации русской армии барона Врангеля из Крыма Мария Владиславовна оказалась в Галлиполи. Но и на чужбине она не пала духом, одной из первых вступившей в Боевую организацию генерала Кутепова. Тогда же вышла замуж в третий раз. За своего друга детства штабс-капитана Георгия Радкевича, которого друзья называли Гогой.

Поход Захарченко и Радкевича в Советскую Россию предварялся переходом границы полковником Жуковским. Добравшись до Петрограда, он писал генералу Кутепову 20 сентября 1923 года: *«Стараюсь проникнуть в красное командование но это, оказывается, гораздо труднее, чем думал, ибо все запуганы и боятся взять на себя какую-нибудь роль. Предвижу много затруднений, но работать нужно и можно. Настроение почти сплошь против власти, но активным никто не решается быть. Имя великого князя Николая Николаевича пользуется большой любовью и уважением. Я прошел много деревень. Особенно чтут его старые солдаты. Многие красные начальники считают советскую власть прочной и не хотят себе представить власть, которая могла бы ее заменить. Мне кажется, необходимо будет произвести сильный толчок и своевременно выдвинуть имя великого князя — тогда успех будет. В общем, жалкое впечатление производят здесь наши русские — в полном порабощении, авто же время ничего не хотят делать. Мое положение тут очень тяжелое, ибо я беспомощен, что очень усложняет ведение дела, и трудно наладить вопрос к отправлению. В Кронштадт въезд был воспрещен, там был взрыв».*

В конце сентября 1923 года с документами на имя супругов Шульц Мария Захарченко и Георгий Радкевич нелегально перешли советско-эстонскую границу. Третьим участником опасной экспедиции стал эмиссар генерала Врангеля гардемарин Бурхановский. В дороге он отстал от боевиков Кутепова и застрял в болоте. Едва выбравшись, натолкнулся на пограничников. В завязавшейся перестрелке был убит.

12 октября 1923 года Захарченко писала генералу Кутепову: *«Прибыли в Петроград 9-го утром. В настоящее время там идут облавы, многие пойманы, город терроризирован. Выехали в три часа дня в Москву. Попали в воинский вагон, занятый матросами, комсомольцами. Впечатление от разговоров самое отрицательное. Эта молодежь ими воспитана и настроена сейчас воинственно».*

Добравшись до столицы, Захарченко сразу рассчитывала встретиться с Якушевым. Но он был в отъезде. Принял их Стауниц. С посланниками генерала Кутепова пришел познакомиться бывший камергер Ртищев, в тот момент бывший членом политсовета монархической организации Центральной России.

Наконец настал день знакомства с Якушевым. В тот вечер он был явно не в духе. Потребовал от эмиссаров Кутепова письменных полномочий. Дальнейший диалог он красочно описал в кабинете Артузова на Лубянке:

«— Несколько слов на клочке полотна и подпись генерала нас бы

вполне удовлетворили. Но на нет и суда нет.

— Разве пароля недостаточно? К чему эти предосторожности?

— То, что мы существуем, сударыня, объясняется именно такими, досаждающими вам предосторожностями. Мы отвечаем вдвойне — перед тем, кто вас послал, и перед нашей организацией. Начну с того, что вручу вам добротные сделанные документы: ваша фамилия теперь — Березовская, фамилия Георгия Николаевича — Карпов. Вам будет доставлена скромная, не бросающаяся в глаза одежда. Я еще не могу в точности сказать о той работе, очень важной, которую вам с мужем придется выполнять, — разумеется, она требует осторожности и сопряжена с опасностью. Дисциплина у нас железная. Отговорки и возражений не терпим. Мы работаем, действуем в очень опасной обстановке, все зависит от нашей организованности и умения конспирировать. Программа наша известна: царь всея Руси самодержец всероссийский; на престоле — Николай Николаевич. Никаких парламентов; земля государева. Тщательная подготовка смены власти; никаких скоропалительных решений; действовать только наверняка.

— А терроризм?

— Это не исключается, но так, чтобы не насторожить врага. Хотя терроризм сам по себе ничего не даст.

— Нет! Я не могу согласиться с вами!

— Пока мы решили не прибегать к террористическим актам.

— Запретить жертвенность, подвиг... Наши люди рвутся в Россию именно для этого!

— Чем это кончается, вам известно? Полковник Жуковский, гардемарин Бурхановский погибли. Не зная обстановки, местных условий, эти безумцы летят сюда и сгорают, как бабочки на огне, а мы ничего не можем сделать для них...»

Сотрудники иностранного отдела ГПУ понимали, что к ним пожаловали хоть и боевики, но отнюдь не рядовые. Значит, все должно быть на высшем уровне. Разведчику полагается иметь легенду. Лубянка снабдила такой и Захарченко с Радкевичем, чтобы они могли спокойно смотреть, как живет Советская Россия, и передавать в Париж достоверную информацию. Им сняли ларек на центральном рынке Москвы, превратив лучших людей Кутепова в мелких торговцев.

Первые переговоры с представителями монархической организации Центральной России произвели на Захарченко неизгладимое впечатление. В письме от 12 октября она докладывала генералу Кутепову:

«В Москве были приняты с большой заботливостью, помещены

временно на квартиру и обеспечены необходимыми документами. На этих днях нас отправляют на дачу, где пробудем недели две для ознакомления с местными условиями. После этого нас обещают устроить на службу вначале под Москвой с тем, чтобы по возможности перевести сюда. Впечатление от этой группы самое благоприятное: чувствуются большая спайка, сила и уверенность в себе. Несомненно, что у них имеются большие возможности, прочная связь с иностранцами, смелость в работе и умение держаться.

Мы склонны думать, что они получают крупные суммы от иностранных контрразведок, которые они обслуживают (Эстония, Польша, Финляндия, вероятно, также Франция), Тем объясняется их близость к этим миссиям, так я переписывала снимок письма Чичерина относительно Финляндии, которое предназначалось быть переданным финнам. Возможности получить сведения у них большие, и они сами говорят, что иностранные миссии перед ними заискивают: по-видимому, их люди имеются всюду, особенно в Красной армии,

В предыдущем письме послали Вам расположение броневых частей М.В. и П. В. О, на Западном фронте. Получили ли Вы и поняли ли то письмо? Еще о них: в разговорах проскальзывает идея сепаратизма и если не враждебности, то отчужденности от эмиграции. Они сами определяют, что допуск нас сюда есть первая уступка за границей. По-видимому, связь с командованием установлена не особенно давно, и работают они самостоятельно, считая себя связанными постольку, поскольку они того хотят. ВМС они иронизируют, но берут Маркова как яркую вывеску определенных идей. В то же время чувствуется у них желание иметь одно объединяющее лицо с известным именем, кажется, у них все молодо, и они сами это осознают. Как будто кого-то они ждут, иногда мне кажется, что это может быть и Климович.

Их организация называется М. О.Р., состоит в связи с ВМС и командованием. Тесная связь установлена с Климовичем во время его последней поездки. Имеет в своих рядах видных чинов Красной армии и большие денежные средства. Сносятся с заграницей с помощью дипломатических курьеров польского и эстонского, а также поездками своих членов легальными и нелегальными. В настоящее время устанавливают собственную телефонную линию в Фин -ляндию из Петрозаводска. Как показатель средств — ассигновано 60 тысяч золотом. Их лозунгом является великий князь Николай Николаевич — законность, порядок. Они говорят, что имеют тесную связь с великим князем и полномочия от него дать от его имени манифест в момент,

когда они найдут возможным. Сейчас они посылают двух членов за границу для переговоров, по-видимому, с французами и ВМС».

Захарченко и Радкевич сделали главное: подтвердили, что монархическая организация Центральной России — это реальность. И с ней необходимо считаться. Десятки писем из Москвы доказали Кутепову, что с Якушевым можно и нужно иметь дело. Боевой генерал, он, по собственному признанию, мало что понимал в работе контрразведки. Поэтому неудивительно, что он принимал за чистую монету любую информацию из Москвы. К примеру, письмо от 22 ноября 1923 года: «Есть распоряжение устроить меня на службу через имеющуюся оказию таможенного отдела. Этот отдел ГПУ, ведущий наблюдение за приграничной полосой и поступающей контрабандой, предложил на этих днях Всероссийскому инвалидному комитету (ВИКО) взять на себя организацию подставных лавок в Москве для поимки контрабандных товаров. Согласно плану таможенного управления, все завывающиилавками будут считаться агентами отдела по борьбе с контрабандой и в своей работе будут инструктироваться сотрудниками последнего.

Отдел по борьбе с контрабандой работает в теснейшем контакте с контрразведывательным отделом ГПУ. Многие из сотрудников отдела по борьбе с контрабандой являются и секретными сотрудниками контрразведывательного отдела при ГПУ. Удачей является поставить себя в такое положение, чтобы, заручившись доверием и знакомствами среди членов ГПУ, получить предложение сделаться их сотрудником в отделе контрразведки — сначала секретным, а потом и открытым, приняв которое использовать свое положение для целей МОЦР».

Глава 6. «Трест» набирает обороты

В двадцатых годах прошлого века огромной популярностью в эмиграции пользовалось движение евразийцев. Главным образом среди молодежи. Вчерашние чины белых армий пытались найти объяснение причинам национальной катастрофы и самое главное - ответить на извечный русский вопрос: что делать? Отличительная черта нашей интеллигенции — пытаться создать смесь несовместимых идей — сразу же сказалась на новом движении. Их программа, отрывки из которой я привожу в конце книги, представляла собой причудливый коктейль из преклонения перед Россией, гордость за принадлежность к Евразии как истока самых разных культур и уважение к большевистской революции, которая должна дать на выходе развитие самобытности страны. Преклоняясь перед великим русским философом Бердяевым, евразийцы с готовностью принимали его точку зрения на то, как должно развиваться их движение: *«Они видят, в отличие от «правых», что новый народный слой выдвинулся в первые ряды жизни и что его нельзя будет вытеснить. Евразийцы признают, что революция произошла и с ней нужно считаться. Пора перестать закрывать глаза на свершившееся. Ничто дореволюционное невозможно уже, возможно лишь пореволюционное. Евразийство по-своему пытается быть пореволюционным направлением, и в этом его несомненная заслуга и преимущество перед другими направлениями. Они реалистичнее других политических направлений и могут сыграть политическую роль. Да и нужно признать, что значение в политической жизни России будет иметь главным образом молодежь. Неуважение к человеческой мысли, к человеческому творчеству, неблагодарность к духовной работе предшествующих поколений, нежелание почитать даже великих своих людей есть русский грех, есть неблагородная черта в русском характере. Нигилизм остается в русской крови, он также проявляется «справа», как и «слева», так же возможен на религиозной почве, как и на почве материалистической. Русские ультраправославные люди так же легко готовы низвергнуть Пушкина, как низвергали его русские нигилисты. Русские люди с легкостью откажутся от Достоевского и разгромят Соловьева, предав поруганию его память. Сейчас иные готовы отречься от всей русской религиозной мысли XIX века, от самой русской мессианской идеи во имя исступленного и нигилистического утверждения русского православия и русского*

национализма. Но, быть может, всего нужнее для нас утверждать традицию и преемственность нашей духовной культуры, противодействуя нигилистическим и погромным инстинктам, преодолевая нашу татарщину, наш большевизм. Русским людям нужно прививать благородное почитание творческих усилий духа, уважение к мысли, любовь к человеческому качеству...»

Уже в первую свою поездку за границу в роли представителя мощной антисоветской организации Якушев обратил внимание на новое течение в эмиграции. Собственно, пройти мимо него он бы не смог. Артамонов и Арапов, которые сопровождали его в Берлине, были хотя и монархически настроены, но не скрывали своих симпатий к евразийцам. Вернувшись в Москву, Якушев тут же поделился своими наблюдениями с начальником иностранного отдела ГПУ Артузовым.

Тот тут же решил, что монархическая организация Центральной России просто не может существовать, не имея в своих рядах евразийцев. Начались поиски подходящего человека. Прежде всего он должен был быть интеллигентом, который бы разбирался в большинстве философских течений. Он должен был обладать хорошей риторикой, чтобы уметь убеждать своих оппонентов. Он должен был быть достаточно убедителен в своих антибольшевистских настроениях. После долгих раздумий выбор пал на Александра Лангового, сына известного в Москве профессора медицины. Разумеется, в жизни он был убежденным коммунистом. Одним из первых вступил в РККА, был награжден орденом Красного Знамени. Его сестра служила в ЧК, что, безусловно, было прекрасной рекомендацией для Артузова.

Весной 1924 года на переговоры с лидерами монархической организации Центральной России прибыл евразиец Мукалов. Прибыл, нелегально перейдя советско-эстонскую границу. Побывал в Москве и Харькове. Все ему очень понравилось. Особенно встречи с командирами воинских частей, которые примут участие в грядущем перевороте. Уезжал он уже восторженным поклонником Якушева.

А тот не дремал. Во время своей следующей поездки в Берлин он предложил отправиться в Москву и Арапову, чтобы лично провести переговоры с лидером евразийской фракции «Треста» Ланговым. Разумеется, тот с восторгом согласился. Уже вернувшись в Берлин, он рассказывал знакомым о первых минутах на Родине: «Границу перешли благополучно. Я отдохнул и на следующее утро сел в скорый поезд, идущий в Москву. Бумаги были в порядке. Бояться было нечего.

Пассажиров было немного. Я вышел в проход, остановился у окна и,

глядя на бегущий мимо лес, закурил. С другого конца в вагон вошли два железнодорожных чекиста и кондуктор. Это меня не взволновало. Обычная, подумал я, проверка документов и билетов, но они не остановились у первого купе, а направились в мою сторону.

Опасность показалась очевидной. Нужно было мгновенно принять решение. Рука сжала лежавший в кармане револьвер. Я мог застрелить одного, но был бы убит выстрелом другого. Можно было выбежать на площадку, открыть дверь и выпрыгнуть на ходу, но и это было бы верной гибелью. Собрав силу воли, я не дрогнул. Они подошли, и один из них укоризненно сказал: «Вы что, гражданин, забыли, что в проходе курить воспрещается?.. Три рубля штрафа!»

Переговоры прошли на ура. Да ведь иначе и быть не могло. Чекисты долго готовили этот вечер и предусмотрели все возможные неожиданности. Выступавшие в тот вечер дружно поддерживали идеи советской монархии и требовали воспитывать новые поколения в верности евразийскому учению. Арапов был восхищен. Огромное впечатление на него произвела и встреча с главой «Треста» генералом Зайончковским, который настоятельно советовал гостю уяснить главное: монархическая организация Центральной России — серьезная сила, с которой эмиграции необходимо считаться.

19 января 1925 года в Берлине открылся первый евразийский съезд. Ланговой представлял на нем «Трест». Прочитал достаточно подробный доклад и был введен в состав совета евразийцев.

Но на Лубянке прекрасно понимали: нельзя класть все яйца воднукорзину. Иначе говоря, не стоит делать ставку на евразийцев, ведь в руководстве «Русского общевоинского союза» и Высшего монархического совета таковых не было. А именно против этих двух организаций и создавался «Трест». В этой связи Якушеву поручили подкорректировать тональность своих выступлений. Резидент кутеповской организации в Польше Сергей Вой-цеховский писал в своих воспоминаниях: «Якушев говорил об евразийстве неохотно. Создавалось впечатление, что МОЦР терпит евразийское увлечение Цангового, но ему не сочувствует. Может быть, он понимал, насколько этот московский «евразиец» не похож на ревнителя «бытового исповедничества», но мне кажется, что отношение Якушева к этому эмигрантскому движению объяснялось не только опасением, что неудачная игра его товарища по провокации возбудит в эмигрантах подозрение, а заигрывание с евразийцами отразится неблагоприятно на советских агентах МОЦР.

Мне кажется, что идеализм первоначального евразийства и профессорская оторванность его создателей от повседневной жизни

раздражали Якушева помимо его воли. Он считал их «болтунами», чем-то вроде «вождей» Февральской революции, которых ненавидел».

Осенью 1924 года резко активизировалась Боевая организация Кутепова. Это вызывало тревогу в иностранном отделе ГПУ. Якушеву было поручено срочно выяснить: что следует ждать от военной эмиграции? Для этой цели он в компании генерала Потапова отправился в Париж на встречу с великим князем Николаем Николаевичем. На ней впервые «Трест» озвучил финансовую составляющую вооруженного восстания в Советской России. Генерал Потапов заявил тогда: цена вопроса — 25 миллионов долларов. Дайте нам эти деньги, и через полгода большевиков не будет. Но у великого князя таких средств не было. Не было и четверти необходимой суммы. Николай Николаевич посоветовал Якушеву обратиться по этому вопросу в Торгово-промышленный союз. Тот так и сделал.

Битых три часа он старательно убеждал их в необходимости восстановления монархии. А на это благое дело денег жалеть не следует. Безрезультатно. Якушева слушали, ему поддакивали, но денег не давали. Он даже предлагал взять займы у иностранных банков на выгодных для кредиторов условиях. Ну хотя бы десять миллионов. А там процесс пойдет, и все поймут, как горько они ошибались, не веря в силы монархической организации Центральной России. Но и это не помогло. Промышленники выслушали Якушева и уклонились от этого грандиозного плана.

Две подряд неудачи не остановили Якушева. Свой взор он обратил на бывшего премьер-министра Коковцева. Обеда с ним в ресторане, он произносил зажигательные речи о восстановлении монархии, коронации великого князя Николая Николаевича, о грядущем возмездии большевистским лидерам. И разумеется, о деньгах для нужд «Треста». Но и Коковцев ничем не мог. В довершение всего не состоялась и встреча с генералом Кутепо-вым, ради которой, собственно, Якушев и отправлялся в Париж.

Тщательно проанализировав итоги поездки, Артузов нашел единственное возможное в данной ситуации решение всех проблем: начать влиять на Кутепова посредством Захарченко-Шульц. Прежде всего — в финансовых вопросах. Для этого при каждом удобном случае ей напоминали, что деньги на восстановление монархии добываются с огромным трудом. Спасибо Стауницу, который завлек в финансовые

махинации нэпманов. А если бы его не было?

Однако Артузов просчитался. Мария Владиславовна, чтобы о ней потом не рассказывали в русском зарубежье, никогда политиком не была. И функционером тоже. Она, как и помощник Савинкова Павловский, была реальным человеком дела. То есть устроить террористический акт ей было легче, ближе и понятнее, нежели задумываться об источниках финансирования антибольшевистского движения или решениях стратегических вопросов. Она жаждала борьбы. А вместо этого была вынуждена докладывать Кутепову не о взорванных мостах или убитых комиссарах, а о взаимоотношениях монархической организации Центральной России с эмиграцией: *«Сегодня шифровал (Радкевич. — К.У.) им письмо на имя великого князя Николая Николаевича. Кроме фраз общего характера, ничего нет. По-видимому, нечто вроде выражения верноподданнических чувств, но форма слишком свободная и нам непривычная. Создается впечатление, что с великим князем связь есть. Содержание вкратце — выражение радости по поводу согласия великого князя возглавить освободительное движение; признание, что только его имя может объединить всех русских людей; предостережение от преждевременного выступления под давлением «легкомысленных, действующих из личной выгоды людей». Они выражают надежду от себя и от десятков тысяч людей, вверивших им свою судьбу что в нужный момент великий князь вынет свой меч и поведет их в последний и решительный бой».*

В такой ситуации Артузов решил играть ва-банк: поручил Якушеву предложить Захарченко съездить с ним в Париж на переговоры с Кутеповым. Таким образом, генерал сможет узнать всю информацию о «Тресте» от своего доверенного лица, и это поможет дальнейшему сотрудничеству.

Якушева долго готовили к встрече с легендарным генералом. Артузов лично подробно инструктировал секретного агента иностранного отдела ГПУ об обстановке в Русском общевоинском союзе и о различных течениях в эмиграции. Больше всего Лубянку беспокоила Боевая организация Кутепова. Было крайне сложно бороться с группами из трех офицеров-террористов, которые шли в СССР с великолепно подделанными документами.

В начале июля 1925 года Якушев и Захарченко прибыли в Париж. После недолгих переговоров Кутепов еще больше укрепился в доверии к монархической организации Центральной России. Он даже рассказал Якушеву о возможности получения крупного займа в США, ведь надежды

на Торгово-промышленный союз напрасны. Больших денег у них не было. А без средств никакая борьба невозможна. На тот момент времени Кутепов располагал лишь очень незначительными средствами, большая часть из которых была пожертвованиями и без того нищих русских эмигрантов.

Главным же итогом встречи стало согласие генерала стать представителем монархической организации Центральной России в Париже. Должность эта была больше номинальная, ведь Кутепов продолжал руководить своей Боевой организацией. Для него террор был самым действенным способом борьбы с большевиками. Якушев сделал попытку отговорить генерала и преуспел. Он отказался от запланированных убийств Дзержинского, Менжинского и Артузова.

Потом в эмиграции много спорили: как мог убежденный монархист Кутепов не раскусить лжемонархиста Якушева. А почему, собственно, лже? Александр Александрович был самым что ни на есть идейным сторонником монархии. О его убеждениях прекрасно знали на Лубянке и именно поэтому и сделали главным действующим лицом «Треста». Участник тех событий Сергей Войцеховский позднее напишет в своих воспоминаниях: *«Кутепов был человеком смелым и неосторожным. Но его доверие к «Тресту» не было безграничным. Он отклонил приглашение МОЦР съездить в Россию и «проверял» связанных с «Трестом» людей, но делал это — как мне пришлось убедиться — неумело и психологически неудачно»*. Но это уже была хорошая мина при плохой игре...

После переговоров с Кутеповым должна была состояться встреча с великим князем. Она прошла, и ее результаты весьма порадовали Лубянку. Артузов несколько раз с удовольствием перечитывал отчет Якушева: *«В Сантен-Сервон прибыли с Кутеповым в десятом часу утра. Встретил нас барон Сталь фон Голь-стейн и проводил прямо в гостиную. Николай Николаевич пополнял и опять смотрит бодрячком. Вспоминал наши прошлогодние беседы и тут же сообщил:*

— Доверяю только Александру Павловичу. Он — и никто другой!

Я рассказал о Маркове, о его плане уступки Бессарабии румынам и заявил, что мы на это идти не можем. Встречено с полным одобрением.

Доложил, чего достиг «Трест»: о затруднениях, мол, в связи с увольнением из-за военной реформы некоторых бывших офицеров мы потеряли связь со многими воинскими частями. Заговорили о Туркестане, о басмачестве: мол, «свет с Востока». Ответил: «Боюсь сепаратизма». Он убежден в своей популярности на Востоке: «Ну, магометане мне поверят». Рассказал о предстоящем приезде представителя американских деловых кругов и переговорах с ним о займе.

Показал ему новый червонец и предложил сыграть на понижении курса советских денег.

— А сколько надо для этого ?

— Миллион золотом.

Промолчал. Разговор о положении в России. Говорю:

— Нарастает недовольство. Народ стосковался по самодержавной власти.

— Как мыслится переворот ?

— Объявляется военная диктатура. Но не скоро. Позовем ваше высочество от нашего имени, от имени монархической организации Центральной России.

Он задыхается от волнения:

— А как же народ ?

— А народ не спросим. Ни Земского собора, ни Учредительного собрания. Позовем мы. Мы и есть народ.

Радостный хохот. Заходит разговор о декларации, которую «Верховный» опубликовал в американской печати. Критикую: неосторожно обещана амнистия всем служившим у большевиков, необдуманное решение земельного вопроса. «Верховный» вертится, гримасничает, признает, что допустил неосторожность, не согласовав с «Трестом»: поступил так, чтобы парализовать выступление Кирилла Владимировича.

О поляках: он должен сделать вид, что не знает о нашем договоре с поляками.

О евреях: «народный гнев», то есть погромы, организует Марков. Затем последует высочайшее повеление о прекращении насилий.

Беседа прервана для завтрака. Появилась супруга Николая Николаевича — Стана, Анастасия. Очень бодрая, южный тип лица, глаза — маслины, в волосах — седина. Чмокнула меня в лысину:

— Вы не знаете, как вы мне дороги. Я постоянно волнуюсь за вас.

После завтрака прощаемся. Отбываем с Кутеповым в Париж».

Позволю себе не согласиться с этим документом. Александр Павлович Кутепов не мог радостно хохотать при словах, что сотни невинных людей станут жертвами погромов. Хорошо знавший Кутепова генерал Петр Рысс вспоминал впоследствии: «С некоторыми общественными деятелями-евреями Александр Павлович виделся, и те, которые с ним беседовали, после первой же встречи поддавались обаянию той правдивости и честности, что были в Кутепове основой его природы. Помню, он хотел, чтобы познакомил его с одним видным евреем.

— Александр Павлович, евреи, вас не знающие, убеждены, что вы не только антисемит, но могли бы устроить и погром.

Он сидел подавленный. Потом улыбнулся.

— Да, конечно, в целях политической борьбы можно Бог знает что выдумать о противнике. Что вам сказать ? Когда мы покидали Ростов и начались попытки устроить погром, я приказал повесить зачинщиков. Вот и все, собственно.

В тех местах, где я стоял со своими частями, погромов не было. На то у меня две причины: армия или население, которые начинают громить евреев, перестают быть армией и мирным населением. А государство не может жить без элементарной дисциплины. И я расстреляю всякого, кто вздумал бы учинить еврейский или другой какой погром. Второе: евреи — такие же граждане России, как и другие. У них иная вера, какое мне до того дело ?»

Ладно, скажут мне, это свидетельство подчиненного Александра Павловича. Разумеется, он стремился показать Кутепова в самом выгодном свете. А вот как быть с таким свидетельством, принадлежащим одному из видных деятелей еврейского движения Г. Слиозбергу: «В его представлении, мне казалось, все элементы этого населения в совокупности представляли русский народ, который истари умел совмещать и индивидуальности национальные с общим российским гражданским состоянием, творимым общей любовью к России как таковой, и преданностью идее вели-кодержавия России и создавшейся при нем русской культуре, не уничтожавшей и не стремившейся уничтожить отдельные национальные культуры в их проявлениях, не противоречащих общерусской культуре.

По моему убеждению, А.П. Кутепов оценивал ту роль, которую евреи могут играть в обновленной России и в строительстве ее экономической жизни. Само собой разумеется, что в представлении Кутепова не могло быть места идее мести, идее насилий, идее еврейских погромов и т.п. печальных проявлений народной тьмы, сгущенной вследствие губительного, высасывающего дух большевицкого режима.

Легко понять то горестное чувство, которое охватило меня и моих единоверцев-единомышленников при известии о несчастье, постигшем Кутепова, память о котором лично я буду всегда сохранять».

Склонен думать, что Якушев вписал этот пассаж, хорошо зная отношение к евреям среди лидеров большевиков. Прежде всего у Ленина. Умышленно не разбираю сейчас родословную вождя, которая отношения к теме книги не имеет. (Интересующимся советую исследование Акима

Арутюнова «Ленин без ретуши». Там все подробно изложено.) Но несколько штрихов для правильного понимания слов Якушева набросать необходимо.

Ленин евреев высоко ценил и любил. Доказательства любой желающий найдет в достатке в полном собрании сочинений вождя. А вот о других народах России отзывался, мягко говоря, не совсем красиво. Вот лишь два коротких отрывка из писем Бер-зину и Горькому: «Русским дуракам раздайте работу: посылать сюда вырезки, а не случайные номера, как делали это идиоты до сих пор» и «Русский умник всегда еврей или человек с примесью еврейской крови». Все остальные именовались еще грубее: подонки женеvского болота, мерзавцы, свиньи, тупицы, проститутки, грязные натурашки и мещанские сволочи, паскуды, тупоу-мы, презренные дурачки... Отдельно не повезло чехам и немцам, которых Ленин объединил в «глупый народ». Не случайно Бердяев назвал его «почти гением грубости».

Из песни слов не выкинешь. Это было. Именно чтобы оправдать привязанности Ленина, и был запущен в оборот устойчивый миф о поголовном антисемитизме белых, которые, дай им волю, всех перевешают и перестреляют. Ревнителю этой чепухи умудрились записать в каратели даже генерала Штейфона, о котором речь еще пойдет в этой книге. В целом же участие евреев в Белом движении я достаточно подробно разобрал в своей книге «ОГПУ против РОВС». Повторяться не буду.

Глава 7. Гибель шпиона века

Возможно, он действительно был самым выдающимся агентом британской разведки. Прекрасно образованный, в совершенстве владевший семью языками. Любитель сколь ярких, столь и опасных операций. Непримиимый враг большевизма, участник многочисленных заговоров Сидней Джордж Рейли.

Зимой 1918 года, когда Добровольческая армия генерала Корнилова отправлялась в свой легендарный Ледяной поход, он прибыл в Мурманск. С паспортом на имя негодянта восточных стран месье Массино пробрался в Москву. Получил советские документы. И тут же принял активное участие в восстании левых эсеров. Правда, к убийству Мирбаха никакого отношения не имел. В тот момент он готовил убийство Ленина. Но заговор был раскрыт Ч К.

В конце ноября он проходил обвиняемым по знаменитому делу Локкарта, начальника британской миссии в Москве, который руководил заговором против большевиков. Самого Рейли в суде не было. Он до этого сбежал в Англию. Интересно, что почти в один день с ним предпочел покинуть Москву и Савинков. Они, кстати, были уже знакомы. Но близкими друзьями станут позднее, в 1922 году. Тогда они будут готовить покушение на наркома иностранных дел Чичерина, которого спасла от смерти только задержка советской делегации на приеме в Берлине. Естественно, что Рейли крайне интересовал чекистов. Они прекрасно понимали: сам он от борьбы с Советами не отступится.

В январе 1925 года иностранный отдел ГПУ поставил перед Якушевым задачу: завлечь Рейли на территорию СССР. Было понятно, что откликнуться легендарный шпион сможет только на приглашение хорошо известных ему людей. Таковые в распоряжение Москвы были. Лучше Захарченко-Шульц с этой миссии никто бы не справился. Якушев ненавязчиво посоветовал ей попытаться привлечь к работе «Треста» Рейли, чей опыт мог быть очень полезен. Конечно, Захарченко с радостью согласилась.

Вскоре он получил письмо от резидента британской разведки в прибалтийских странах Бойса, в котором ему сообщалось о деятельности в Москве тайной антибольшевистской организации, которая очень интересуется Лондон и Париж. И было бы неплохо, если бы Рейли взялся за это дело. Он с готовностью взялся за дело, ответив на письмо кратко: «За

себя скажу следующее: это дело для меня есть самое важное дело в жизни: я готов служить ему всем, чем только могу».

Границу было решено переходить в Финляндии. Обеспечивали безопасность операции Захарченко и Якушев. Но поездку в красную Москву должна была предварять встреча с генералом Кутеповым. Он приехал в Финляндию заранее, чтобы сначала узнать все новости по «Тресту» от Захарченко и обговорить линию поведения с Рейли. Однако тот не приехал. Ограничился телеграммой: *«Сожалею о задержке. Задержан окончательным завершением моих дел. Уверенно считаю, что буду готов к отъезду 15 августа. Выехать ли мне в Париж или непосредственно в Гельсингфорс ? Можете ли вы устроить собрание в конце месяца ?»* Кутепов принял решение перенести встречу в Париж.

Переговоры с Рейли состоялись и не принесли ощутимых результатов. Он не очень-то верил в возможности эмиграции. Но решил сам встретиться с представителем «Треста» и определить, на что они способны.

24 сентября Якушев перешел советско-финскую границу. На следующий день он уже приглашал Рейли лично съездить в Москву и убедиться в могуществе монархической организации Центральной России. Но тот был опытным разведчиком и хорошо понимал: соглашаться сразу на все условия в игре, где ставка — твоя собственная жизнь, — недопустимо. Поэтому он сообщил Якушеву, что пока принять его любезное приглашение не может, но через два-три месяца будет готов вернуться к рассмотрению этого вопроса.

Якушева такой вариант категорически не устраивал. На Лубянке ждали Рейли. Поэтому он тут же предложил план, отвергнуть который разведчик не мог. Иначе его обвинили бы в трусости: в субботу утром быть в Ленинграде, провести там день, вечером выехать в Москву. Пробыть там весь день, вечером вернуться в Ленинград и в понедельник уже быть снова в Финляндии. За эти два дня пройдут многочисленные переговоры с лидерами заговорщиков, Рейли получит всю необходимую ему информацию. Гарантируется полная безопасность. В тот же вечер он написал письмо жене: *«Я уезжаю сегодня вечером и возвращусь во вторник. Никакого риска. Если случайно буду арестован в России, это будет не более как по незначительному обвинению. Мои новые друзья настолько могущественны, что добьются моего освобождения».*

До границы Рейли провожал Радкевич. Помогал переходить сотрудник ИНО ГПУ Тойво Вякя, больше известный как Иван Петров. С документами на имя Штейнберга английский разведчик отправился в Ленинград в компании Якушева. В дороге рассказывал о Савинкове, которого он считал блестящим конспиратором. Сгубило же его то, убеждал Рейли, что он всегда плохо разбирался в людях и так и не нажил себе достойных помощников.

В колыбели революции все было готово к встрече дорогого гостя. Он провел переговоры с евразийцев Мукаловым и членом монархической организации Центральной России Старовым. Оба, разумеется, сотрудники ГПУ. Обсуждали грядущий переворот. Остались очень довольны друг другом.

Вечером в международном вагоне Якушев и Рейли отправились в Москву на заседание политсовета «Треста», в котором принимал участие и генерал Потапов. Гость сразу приступил к делу: предложил заговорщикам проникнуть в Коминтерн и добыть сведения о его деятельности. За это западные разведки хорошо заплатят. Да «Трест» может и сам прилично заработать, если начнет экспроприировать не деньги в сберегательных банках, а музейные ценности. Он даже указал в отдельной записке, что именно нужно брать:

«1. Офорты знаменитых голландских и французских мастеров, прежде всего — Рембрандта.

2. Гравюры французских и английских мастеров XVIII века с необрезанными краями. Миниатюры XVIII и начала XIX века.

3. Монеты античные, золотые, четкой чеканки.

4. Итальянские и фламандские примитивы.

5. Шедевры великих мастеров голландской, испанской, итальянской школ».

Ближе к вечеру Рейли напомнил собравшимся, что ему пора возвращаться в Ленинград. Попрощавшись с Якушевым и Потаповым, он сел в машину, в которой уже находился следователь ИНО-ГПУ Пузицкий.

Все уже давно было готово к аресту. Собственно, Рейли хотели доставить на Лубянку еще утром. Но он сразу заявил, что вечером должен отправить друзьям открытку из Москвы. Пришлось пересматривать первоначальный план, ведь для алиби Якушева это был весьма значимый момент. Как только открытка опустилась в почтовый ящик, Сидней Рейли был арестован. После короткого допроса его посадили в одиночную камеру.

Дело оставалось за малым: обеспечить алиби лидерам монархической организации Центральной России, чтобы даже тень подозрения в провале

разведчика на них не пала. В ночь на 29 сентября на фанице около деревни Ала-Кюль была инсценирована перестрелка между Рейли и пофаничниками из заставы, во время которой он и сопровождавшие его лица были якобы убиты. В тот же день Захарченко отправила в Москву телеграмму: «Посылка пропала. Ждем разъяснения». Мария Владиславовна этим не офаничилась, написав письмо и Якушеву: *«У меня в сознании образовался какой-то провал. У меня неотступное чувство, что Рейли предала и убила лично я. Я была ответственна за «окно».*

Эмиграция поверила, что гибель Рейли — не более чем роковая случайность. В Париже вообще были счастливы, что никто из лидеров монархической организации Центральной России не был арестован. Не случайно 8 октября Артамонов в письме отмечал: *«Происшествие, по-видимому, случайность. «Тресту» в целом опасность не угрожает. А это уже счастье, так же как и то, что Якушев не поехал провожать Рейли».*

7 октября 1925 года помощник начальника иностранного отдела ГПУ, один из лучших следователей Владимир Стырне провел первый допрос Сиднея Рейли. Знаменитый разведчик достаточно быстро понял, что надежды на спасение нет никакой. Сначала он предложил, чтобы его просто выслали из страны, как когда-то Л оккарта. Дескать, его близкий друг Уинстон Черчилль не оставит его в беде и сделает все, чтобы выволить Рейли с Лубянки. Стырне обворожительно улыбнулся и молча протянул ему газету «Известия», где сообщалось о гибели британского шпиона в перестрелке с советскими пограничниками. Рейли попросил закурить и начал подробно рассказывать про свою борьбу с большевиками:

«В армию поступил добровольцем в 1916 году, а до этого времени, сначала 1915 года, был в Нью-Йорке, где занимался военными поставками; между прочим, и для русского правительства. Поступив добровольцем в британскую армию, был назначен в авиационный корпус (с 1910 года занимался авиацией и могу считать себя одним из пионеров авиации в России; был одним из учредителей 1-го в России авиационного общества «Крылья»), где и прослужил до 1 января 1918 года, а с января перешел в секретную политическую службу, где и работал до 1921 года, после чего занялся своими частными делами финансового характера (займы, учреждения акционерных обществ). За время моей службы в авиационном корпусе я в России не был. В марте месяце 1918 года, служба на секретной

службе, я был командирован в Россию как член великобританской миссии в России для ознакомления в качестве эксперта с тогдашним положением (в то время я был в чине лейтенанта). Проехал я через Мурманск в Петроград, затем в Вологду, а впоследствии в Москву, где и пробыл до 11 сентября, большую часть времени находясь в разъездах между Москвой, Петроградом и Вологдой.

От пассивной разведывательной роли как я, так и остальная британская миссия постепенно перешли к более или менее активной борьбе с советской властью по следующим причинам.

Заключение Брест-Литовского мира на весьма выгодных условиях для Германии, естественно, вызывало опасение общих действий советской власти и немцев против союзных держав, к это-му нужно прибавить наличие многочисленных сведений (многие из которых впоследствии оказались вздорными) о продвижении немецких военнопленных из России в Германию и, наконец, раздражение, вызываемое разными притеснениями по отношению к союзным миссиям со стороны советской власти. Я считаю, что советское правительство в то время вело неправильную политику, по крайней мере по отношению к английской миссии, так как Локкар-т, вплоть до конца июня в своих донесениях британскому правительству советовал политику соглашения с советской властью. В то время, насколько я помню, Советское правительство было озабочено формированием регулярной армии, и Троцкий неоднократно по этому вопросу говорил с Локкартом и указывал ему на целесообразность сочувствия этому делу со стороны союзных правительств. Перелом начинается со времени приезда Мирбаха и его окончательного внедрения и постоянных уступок советской властью его требований (требований германскому правительству).

Смерть Мирбаха немедленно вызвала репрессии против нас. Мы предвидели, что за этим последует требование немцев, среди других их требований, высылки всех союзных миссий. Это и случилось. Сейчас же начались обыски в консульствах и аресты отдельных членов миссий, которые, впрочем, вскоре были освобождены. Также было издано распоряжение о запрещении союзным офицерам путешествовать. С этого момента и начинается моя активная борьба с советской властью, выразившаяся главным образом в военной и политической разведке, а также изысканий тех активных элементов, которые могли бы быть использованы в борьбе с Советским правительством. Для этой цели я перешел на подпольное (нелегальное) положение, получив ряд документов разных лиц например, одно время я был комиссаром по перевозке запасных

автомобильных частей во время эвакуации Петрограда, что мне давало возможность свободно двигаться между Москвой и Петроградом, даже в комиссарском вагоне. В это время я проживал главным образом в Москве, чуть ли не изо дня в день меняя квартиры. Кульминационным пунктом моей работы я считаю мои переговоры с полковником Берзиным, с которым я познакомился у Локкарта. Суть дела должна быть известна по процессу. В это время я передал патриарху Тихону крупную сумму денег, предназначенную для нужд духовенства, в то время находящегося в чрезвычайно бедственном положении. Я особенно подчеркиваю, что между мною и патриархом или каким-нибудь из его приближенных никогда не было разговоров о контрреволюционных делах и что моя работа и мои намерения патриарху и его людям были особенно не известны. Деньги были ему переданы из предоставленных мне ассигнований; в моем распоряжении были весьма крупные суммы, которые ввиду моего особого положения (полная финансовая независимость и исключительное доверие благодаря связям с высокопоставленными лицами) представлялись безотчетно. Эти-то деньги я и употреблял на начатую мною работу по противодействию советской власти.

Я считаю, что к процессу Локкарта были привлечены лица, ко мне не имевшие никакого отношения или в некоторых случаях лишь самое отдаленное; лица же, близко ко мне стоящие, немедленно по раскрытию заговора уехали на Украину.

Я назначаюсь политическим офицером на юг России и выезжаю в ставку Деникина, был в Крыму, на юго-востоке и в Одессе. В Одессе оставался до конца марта 1919 года и приказанием верховного комиссара Британии в Константинополе был командирован сделать доклад о положении деникинского фронта и политического положения на юге руководящим офицерам в Лондоне, а также представителям Англии на мирной конференции в Париже. В течение мирной конференции я служил связью по русским делам между разными отделами в Лондоне и Париже; в этот период я, между прочим, и познакомился в Б.В.Савинковым. Весь 1919-й и 1920 годы у меня были тесные сношения с разными представителями русской эмиграции разных партий (социалисты-революционеры в Праге, организация Савинкова, торгово-промышленные круги). В это время я проводил у английского правительства очень обширный финансовый план поддержки русских торгово-промышленных кругов во главе с Ярошинским и Барком. Все это время я состоял на секретной службе, и моя главная задача состояла в освещении русского вопроса руководящим сферам Англии.

В конце 1920 года я, сойдясь довольно близко с Савинковым, выехал в Варшаву, где он только организовал экспедицию в Белоруссию. Я участвовал в этой экспедиции. Я был и на территории Советской России. Получив приказание вернуться, я выехал в Лондон.

В 1921 году я продолжал деятельно поддерживать Савинкова, возил его несколько раз в Лондон, знакомил с руководящими сферами и находил для него всякую возможную поддержку.

Кажется, в этом году я его возил в Прагу, где познакомил его с руководящими сферами. В этом же году я устроил Савинкову тайный полет в Варшаву.

В 1922 году у меня был известный перелом в направлении борьбы—я совершенно разубедился во всех способах интервенции и склонялся к тому мнению, что наиболее целесообразный способ борьбы состоит в таком соглашении с советской властью, которое широко откроет двери России английской коммерческой и торговой предприимчивости. К этому моменту относится составленный мною проект образования огромного международного консорциума для восстановления русской валюты и промышленности, проект этот был принят некоторыми руководящими сферами, и во главе его встала компания «Маркони», точнее сказать, Годфри Айзакс, брат вице-короля Индии. Этот проект в течение долгого времени обсуждался с Красиным, но в конце концов был оставлен; тем не менее именно этот проект был взят почти целиком в основание предполагаемого международного консорциума во время Генуэзской конференции. Я хотел этим добиться мирной интервенции.

В 1923-м и 1924 годах мне пришлось посвятить очень много времени моим личным делам, в борьбе с советской властью я был менее деятелен, хотя писал много в газетах (английских) и поддерживал Савинкова, продолжал по русскому вопросу консультировать во влиятельных сферах в Англии, т.к. в эти годы часто ездил в Америку.

В 1925 году я все время провел в Нью-Йорке.

В конце сентября я нелегально перешел финскую границу и прибыл в Ленинград, а затем в Москву, где и был арестован».

Но Рейли не был бы самим собой, если бы не попытался найти выход из создавшегося положения. Для начала он решил тянуть время, отказываясь отвечать на вопросы чекистов или давая настолько уклончивые

ответы, что их даже перестали вносить в протокол. Терпение чекистов лопнуло, и к разведчику применили методы психологического давления. Так сказано в деле. Не берусь судить, что под этим подразумевалось, но склонен думать, что явно не экскурсии в Алмазный фонд. Наконец Рейли решился заговорить. Нет, он не сломался на допросах. Мотивы его поведения можно проследить в скупых строчках дневника, который он тайно вел, сидя в камере. Короткие клочки бумаги он прятал в одежде, постели, штукатурке. Позднее они будут обнаружены следователями ИНО ГПУ во время обыска в камере. Авторство Рейли бесспорно. Стиль полностью соответствует его письмам и дневниковым записям, которые он делал раньше.

Гораздо интереснее другое: что заставило Рейли вести тюремный дневник? Склонен думать, что он до последнего дня верил: английское правительство не поверит в то, что он убит при переходе границы, и попытается вырвать его из рук большевиков. Дневник должен был бы продемонстрировать всем, что Сидней Рейли и на легендарной Лубянке остался самим собой:

«Пятница, 30 октября 1925 года. Еще один допрос поздно днем. Переоделся в рабочую одежду. Вся личная одежда унесена. Сумел сохранить второе одеяло. Разбудили, велели взять пальто и фуражку. Комната внизу, около ванной. Все время нехорошее предчувствие от этой железной двери. Присутствующие в комнате: Стырне, его товарищ, тюремщик, молодой парень из Владимирской губернии, палач, возможно, кто-то еще. Стырне сообщил мне, что Коллегия ГПУ пересмотрела приговор и что если я не соглашусь сотрудничать, приговор будет приведен в исполнение немедленно. Сказал, что это не удивляет меня, что мое решение остается то же самое и что я готов умереть. Стырне спросил, не хочу ли я иметь время на размышление. Ответил, что это их дело. Дали один час. Приведен обратно в камеру молодым человеком и помощником надзирателя. Молился про себя за Питу, сделал небольшой узелок из своих вещей, выкурил несколько сигарет и спустя 15—20 минут сообщи/и, что готов. Палач, который был снаружи камеры, был послан объявить о моем решении. Держали в камере целый час. Приведен обратно в ту же комнату. Стырне, его товарищ и молодой парень. В соседней комнате палач и другие, все до зубов вооружены. Объявил опять о моем решении и попросил сделать письменное заявление в том духе, что я счастлив показать им, как англичанин и христианин понимает свой долг. Отказ. Попросил отослать вещи Пите. Они сказали, что о моей смерти никто не узнает. Затем начался длинный разговор-убеждение, как

обыкновенно. После 3/4 часа препираний разговор на повышенных тонах в течение 5 минут. Молчание, затем Стырне и его товарищ позвали палача и ушли. Держали в ожидании около 5 минут, в течение этого времени звуки заряжаемого оружия во внешней комнате и другие приготовления. Затем вывели к машине. Внутри палач, надзиратель, молодой парень, шофер и охранник. Короткая поездка до гаража. Во время поездки солдат схватил своей грязной рукой наручники и мое запястье. Дождь. Очень холодно. Бесконечное ожидание на гаражном дворе, в то время как палач вошел внутрь; охранники матерятся и рассказывают друг другу грязные анекдоты. Шофер что-то сказал о том, что сломался радиатор, бесцельно слоняется. Наконец завелся, короткий переезд и прибытие в ГПУ с севера. Стырне и его товарищ сообщили о том, что приговор отложен на 20 часов. Ужасная ночь. Кошмары.

Суббота, 31 октября 1925 года. В 8 часов поездка, я одет в форму ГПУ. Прогулка за город ночью. Прибытие в московское помещение. Отличные бутерброды. Чай. Ибрагим. Затем разговор наедине со Стырне — этот протокол, выражающий мое согласие. Ничего не знаю об агентах здесь ■ — цель моей поездки. Оценка Уинстона Черчилля и Спирса. Мое неожиданное решение в Выборге. Стырне отправился с протоколом к Дзержинскому, возвратился спустя полчаса. Сообщил — приговор остановлен. Возвращение в камеру, спал крепко 4 часа после веронала. К сожалению, надо рано утром вставать. Вызвали в 11. Форма, предосторожности, чтоб не увидели. Опять камера. Веронал не подействовал.

Воскресенье, 1 ноября 1925 года. Во время допроса много спрашивают, есть ли агенты в Коминтерне. Спросили, есть ли еще агенты в Петрограде.

Понедельник, 2 ноября 1925 года. Вызвали в 10 утра. Объяснил, почему агенты здесь невозможны, — никого со времен Дюкса. Вернулись к моей миссии в 1918 году. Доктор обеспокоен моим состоянием. Стырне надеется закончить в среду — сомневаюсь. Спал очень плохо всю ночь. Читал до 3 ночи. Чувствую большую слабость.

Вторник, 3 ноября 1925 года. Голоден весь день. Похороны Фрунзе. Вызван в 9 вечера. Шесть вопросов: работа немцев, наше сотрудничество: какие материалы мы имеем относительно СССР и Коминтерна, Китай. Агенты Дюкса. Веронал. Спал хорошо.

Среда, 4 ноября 1925 года. Очень слаб. Вызвали в 11 утра. Извинения Стырне. Дружественность. Работа до 5 — затем обед. Затем поездки, прогулка. Работа до 2 часов утра. Спал без веронала. Стырне дал

подписать предыдущий протокол. Начали со Скотленд-Ярда. Успокоился относительно своей смерти — вижу впереди большие развития».

Последняя фраза знаковая для всего этого дела. Очевидно, Сидней Рейл и уже смирился со своей смертью и вопрос для него стоял только в одном: сколько ему еще суждено жить? Он прекрасно понимал, что, наверное, уже недолго. Тем больше восхищения вызывает его поведение. Держаться с таким мужеством способен далеко не каждый. И то, что его в результате вынудили давать показания, вовсе не умаляет этого факта.

4 ноября 1925 года руководство иностранного отдела ГПУ пришло к выводу, что Рейли сказал все, что знал. Значит, с ним пора было кончать. Дольше затягивать не имело смысла. У Ар-тузова было опасение, что история с «гибелью» разведчика на советско-финской границе может раскрыться и тем самым повредить всему «Тресту». Этого допускать было нельзя. Григорий Федулеев, один из чекистов, казнивших Сиднея Рейли, в рапорте начальству подробно описал, как это происходило:

«Довожу до Вашего сведения что согласно полученному от Вас распоряжению, со двора ОШУ выехали совместно с № 73 товарищи. Дукис, Сыроежкин, Ибрагим и я ровно в 8 часов вечера 5 ноября 1925 года направились в Богородск (что находится за Сокольниками). Дорогой с № 73 очень оживленно разговаривали. Наместо приехали в 8 1/2—8 3/4 часа. Как было у словлено, чтобы шофер, когда подъехали к месту, продемонстрировал поломку машины, что им и было сделано. Когда машина остановилась, я спросил шофера, что случилось. Он ответил: что-то засорилось и стоим минут 5—10. Тогда я №73 предложил прогуляться. Вышедши из машины, я шел по правую, а Ибрагим полевую сторону № 73, а товарищ Сыроежкин шел с правой стороны, шагах в десяти от нас. Отойдя шагов 30—40 от машины, Ибрагим, отстав немного от нас, про-извел выстрел в № 73, каковой, глубоко вздохнув, повалился, не издав крика; ввиду того, что пульс еще бился, товарищ Сыроежкин произвел еще выстрел в грудь. Подождав немного, минут 10—15, когда окончательно перестал биться пульс, внесли его в машину и поехали прямо в санчасть, где уже ждали товарищ Кушнер и фотограф. Подъехав к санчасти, мы вчетвером •— я, Дукис, Ибрагим и санитар — внесли № 73 в указанное товарищем Кушнером помещение (санитару сказали, что этого человека задавило трамваем, да и лица не было видно, т.к. голова была в мешке) и положили на прозекторский стол, затем приступили к съемке. Сняли — в шинели по пояс, затем голого по пояс так, чтобы были видны раны, и голого во весь рост. После чего положили его в мешок и снесли в морг при санчасти, где положили в гроб и разошлись по

домам. *Всю операцию кончили в 11 часов вечера 5 ноября 1925 года. № 73 был взят из морга санчасти ОГПУ товарищем Дукисом и перевезен в приготовленную яму-могилу во дворе прогулок внутренней тюрьмы ОГПУ, положен был так, как он был, в мешке, так что закапывавшие его три красноармейца лица не видели».*

Глава 8. Саморазоблачение «Треста»

В этот самый момент в «Тресте» появляется новое действующее лицо, которое станет одним из знаковых в этой истории. Бывший член 4-й Государственной думы Василий Витальевич Шульгин. Тот самый, который принимал отречение Николая Второго. В годы Гражданской войны был на юге России. Возглавлял подпольную организацию «Азбука», действовавшую против большевиков с ведома главнокомандующего Добровольческой армией генерала Деникина. Шульгин был свидетелем и блистательных побед, и сокрушительных поражений белых армий. А главное — краха идеи добровольчества. Позднее он напишет в своих воспоминаниях:

«Красные — грабители, убийцы, насильники. Они бесчеловечны, они жестоки. Для них нет ничего священного. Они отвергли мораль, традиции, заповеди Господни. Они презирают русский народ. Они озверелые горожане, которые хотят бездельничать, грабить и убивать, но чтобы деревня кормила их. Они, чтобы жить, должны пить кровь и ненавидеть. И они истребляют «буржуев» сотнями тысяч. Ведь разве это люди? Это звери... Значит, белые, которые ведут войну с красными именно за то, что они красные, — совсем иные, совсем «обратные». Белые имеют Бога в сердце. Они обнажают голову перед святыней. И не только в своих собственных златоглавых храмах. Нет, везде, где есть Бог, белый преклонит душу, и, если в сердце врага увидит вдруг Бога, увидит святое, он поклонится святыне. Белые не могут кощунствовать: они носят Бога в сердце. Белые не презирают русский народ. Ведь, если его не любить, за что же умирать и так горько страдать? Не проще ли раствориться в остальном мире? Ведь свет широк. Но белые не уходят, они льют свою кровь за Россию. Белые не интернационалисты, они — русские.

Разве это люди? Это почти что святые.

«Почти что святые» и начали это белое дело... Но что из него вышло? Боже мой! «Белое дело» погибло. Начатое «почти святыми», оно попало в руки «почти бандитов».

В эмиграции жил в Югославии, в Сремски-Карловицах. Летом 1925 года стало известно, что он собирается ехать в Россию. По приглашению «Треста». Отговаривали его от этого Чебышев и сам Врангель. Но Шульгин был непреклонен. Он свято верил, что русский народ не может не противодействовать большевикам. А значит, монархическая организация

Центральной России действительно существует. Даже если все это провокация ГПУ, чекистам нет никакого резона арестовывать Шульгина. Не та он фигура.

Шульгина тянуло на родину. Дело не только в ностальгии, свойственной всей эмиграции. Он мечтал найти своего сына. В 1921 году он уже отправлялся в Крым. Тогда чудом не попал в руки ЧК. Узнав о «Тресте», понял: это подарок судьбы. После недолгих уговоров Якушев согласился на поездку Шульгина в Москву. Полную безопасность не гарантировали, но политику не было до этого ровным счетом никакого дела.

Поездка Шульгина в Советскую Россию была необходима и иностранному отделу ГПУ. После гибели Сиднея Рейли нужно было продемонстрировать всей эмиграции, что «Тресту» ничего не угрожает, а провал разведчика — роковая случайность.

В сентябре 1925 года Шульгин выехал из Югославии в Польшу. За несколько недель он отрастил бороду, обзавелся документами на имя Иосифа Карловича Шварца и в ночь на 23 декабря благополучно перешел границу.

По прибытии в Москву Шульгину были устроены встречи с лидерами монархической организации Центральной России. В «Послесловии» к своей книге «Три столицы» он писал: *«Сначала мы говорили с Федоровым вдвоем. Он получил письма из за-границы и возмущался эмигрантскими распрями. Затем разговор соскользнул на генерала Врангеля, к которому Федоров относился с большим уважением, но сокрушался, что барон Врангель под разными предлогами отказывается иметь с «Трестом» дело. И тут я принял деликатное поручение: если, даст Бог, я благополучно вернусь в эмиграцию, попытаюсь изменить точку зрения генерала Врангеля на «Трест» в благоприятную сторону. Должен сказать, что я с величайшим удовольствием и даже, можно сказать, с энтузиазмом принял его поручение».*

Встретился Шульгин и с резидентами генерала Кутепова. Его свидетельство — одно из важнейших в этой истории во многом потому, что было написано не под диктовку сотрудников иностранного отдела ГПУ: *«Мне приходилось вести откровенные беседы с Марией Владиславовной. Однажды она мне сказала: «Я ста-рею. Чувствую, что это мои последние силы. В «Трест» я вложила все свои силы, если это оборвется, я жить не буду».*

Чекистам удалось использовать поездку Шульгина по Советской России с максимальной пользой. Дзержинский посоветовал Якушеву

наекнуть дорогому гостю, что было бы неплохо тому, вернувшись в Югославию, написать книгу о своей поездке. Разумеется, бывший депутат Государственной думы с восторгом согласился. Уже потом он будет пересылать в Москву написанные части, которые будут с особым вниманием читать на Лубянке. В некоторые фрагменты даже вносили поправки. В результате Шульгин создал гимн Советской России, попутно доказав всем успешность «Треста». Ему охотно верили. Резидент Боевой организации Кутепова в Варшаве Сергей Войцеховский писал позднее: *«Бывшего члена Государственной думы Василия Витальевича Шульгина я знал с весны 1918 года. Внешне он не изменился, но в поведении появилось новое — осторожная, мягкая поступь; взвешенная речь; быстрый взгляд исподлобья. Я приписал это тревожному напряжению, естественному в каждом, кто готовился к переходу советской границы. После возвращения из России он побывал у меня и показался мне возбужденным поездкой и ее благополучным исходом. Организованность МОЦР и налаженность его действий произвели на него глубокое впечатление.*

Никаких подозрений рассказ Шульгина об его впечатлениях и встречах в России во мне тогда не вызвал. Более того, меня взволновало прикосновение к отечеству глазами человека, который тогда казался твердым и непримиримым противником большевиков».

А вот сына своего Шульгин так и не нашел. Были сведения, что тот находится в Виннице в больнице для душевнобольных.

Шульгин рассчитывал выехать туда, но это не входило в планы чекистов. Максимум, что удалось сделать: отправить туда человека с запиской. На этом поиски и закончились.

20 июля 1926 года умер Феликс Дзержинский. На посту главы ОГПУ его заменил ближайший помощник Вячеслав Рудольфович Менжинский. Дворянин, сын учителя, выпускник юридического факультета Петроградского университета, полиглот, знавший шестнадцать (!!!) языков. Последний — фарси — он выучил специально для того, чтобы в подлиннике читать Хайяма. И в то же время — профессиональный революционер. Член партии с 1902 года. В ленинском правительстве был народным комиссаром финансов. Потом — генеральным консулом в Берлине. А дальше была Лубянка. Он работал буквально на износ, по 20 часов в сутки. Впоследствии, в медицинском заключении о смерти,

напишут, что ежедневно он курил 60—75 папирос. Все это вкупе с бешеным темпом работы не могло не отразиться на здоровье. У него прогрессировала стенокардия. Периодически он даже не мог встать с дивана и принимал посетителей лежа. И при этом продолжал руководить сложнейшей операцией советской разведки — «Трестом».

А ведь к этому моменту «Трест» медленно, но верно выходил на финишную прямую. Все же прошло уже пять лет, как Якушев морочил голову всей эмиграции. В трясину «ничегонеделания» погрязла некогда боевая Захарченко-Шульц. Ее муж Радкевич, томимый ревностью жены к Стауницу, стал злоупотреблять спиртным. Все это наслаивалось на постоянные попытки генерала Кутепова реанимировать террор. Но на практике дальше разговоров дело не шло. А если и шло, то совсем не так, как бы хотелось Александру Павловичу.

Он сумел договориться с Якушевым, что отправит в Россию трех офицеров, которые проведут теракт. Они прибыли. Один из них, полковник Сусалин, заподозрил, что «Трест» — все же провокация ГПУ. Свои предположения он высказал чекисту Старо-ву. И бесследно исчез в тот же вечер. Захарченко потом сказали, что якобы его узнали на улице болгарские коммунисты. Она так ничего и не заподозрила.

В декабре 1926 года Якушев в очередной раз прибыл в Париж, на встречу с генералом Кутеповым. Согласно плану, разработанному Менжинским, нужно было завлечь легендарного белого вождя в Советскую Россию. И повод хороший придумали: заседание политсовета монархической организации Центральной России. Но Кутепов отказался.

Дальше были встречи с галлиполийцами, финансистами и, наконец, с великим князем Николаем Николаевичем. Якушев старательно рассказывал всем, с какими трудностями сталкивается «Трест», как не хватает смелых и решительных людей и как необходимы средства на борьбу с большевиками. А у великого князя он, помимо денег, попросил еще и портрет с собственноручной надписью. Для политсовета МОЦР. А заодно и обращение к Красной армии. И то, и другое он получил накануне отъезда в Советскую Россию из рук генерала Кутепова.

Прощались ненадолго. На конец марта 1927 года было запланировано военное совещание с лидерами «Треста» в Финляндии. Но Якушев на него не поехал. Вместо него отправился генерал Потапов. Менжинский рассудил так: штатскому человеку нечего там делать. И тогда же на Лубянке впервые задумались о том, что «Трест» пора закрывать. Все труднее становилось сдерживать Кутепова, который все настойчивее требовал террористических актов. Разоблачить монархическую организацию Центральной России было

поручено Стауницу. Справился он с этим блестяще.

Он признался Захарченко-Шульц, что является тайным агентом иностранного отдела ГПУ. Что Якушев, Потапов и все остальные водят эмиграцию за нос. Что нужно немедленно бежать из Советской России, чтобы предупредить генерала Кутепова.

Они так и поступили. 13 апреля 1927 года Стауниц и Захар-ченко перешли советско-финскую границу. Чуть позже покинули родину Радкевич, Каринский и Шорин. А спустя неделю в советских газетах появились сообщения о разгроме белогвардейского подполья, которым руководил великий князь Николай Николаевич. Но это было еще только начало...

9 мая 1927 года в рижской газете «Сегодня» на первой полосе была напечатана статья «Советский Азеф»: «Опперпунт — это в действительности Александр Оттович Уппелиньш, латыш из окрестностей Режицы, бывший агент ЧКи ГПУ, работавший под различными кличками — Опперпунт, Селянинов, Штауниц и др.

В 1921 году Опперпунт появился в Варшаве и вошел в организацию Савинкова. По делам этой организации он несколько раз переходил в СССР, где, как выяснилось впоследствии, сообщил чекистам все данные о деятельности организации. По доносам Оп-перпунта расстреляли очень много лиц не только в Москве и Петербурге, но и во многих городах. В своей провокаторской работе Опперпунт не остановился и перед тем, чтобы передать в руки красных палачей свою невесту и двух ее сестер. Все трое были расстреляны.

В 1922 году Опперпунт выпустил брошюру, в которой с самой циничной откровенностью сам рассказывал о своей провокационной работе.

После этого в течение долгого времени работа Опперпунта на ЧКи ГПУ шла в полной тишине, а затем весной этого года он появился в Гельсингфорсе и оттуда стал забрасывать многие зарубежные крупные газеты своими предложениями дать разоблачительный материал о деятельности ЧК.

В своих письмах в редакцию «Сегодня» Опперпунт рассказывает, что ГПУ предлагало ему одновременно 125 000 рублей золотом и ежемесячную пенсию в 1000 рублей при условии, чтобы он не приступал к своим разоблачениям».

А уже 17 мая в этой же газете был опубликован и ответ самого Стауница:

«Ночью 13 апреля я, Эдуард Опперпут, проживавший в Москве с марта 1922 года под фамилией Стауниц и состоявший с того же времени секретным сотрудником контрразведывательного отдела ГПУ, бежал из России, чтобы своими разоблачениями раскрыть всю систему работы ГПУ и тем принести посильную пользу русскому делу.

Немедленно по прибытии на иностранную территорию я не только открыл свое прошлое, но в тот же день установил связь с соответствующими представителями ряда иностранных государств, чтобы открыть работу ГПУ и заручиться их поддержкой для разгрома его агентур. ГПУ тотчас изъявило согласие на уплату мне единовременно 125 000 рублей золотом и пенсию 1000 рублей в месяц при условии, что я к разоблачениям не приступлю. Я дал на это мнимое согласие, дав гарантию соответствующим лицам, что все переведенные суммы будут мною передаваться организациям, ведущим активную борьбу с советским правительством. Двумя телеграммами ГПУ подтвердило высылку денег нарочным, однако они доставлены не были, и полагаю, что причиной этого были поступившие в ГПУ сообщения, что главные разоблачения мною уже сделаны.

Сообщение ГПУ о раскрытии в Москве крупной монархической организации — гнусная ложь, имеющая целью опорочить долженствующие появиться мои разоблачения. В данном сообщении я указывал, что «раскрытая» организация является характерной легендой (мнимой антисоветской организацией) КРО ОГПУ. Была создана она в январе 1922 года. Количество секретных сотрудников данной легенды превышает 50 человек. Основное назначение данной легенды было ввести в заблуждение иностранные штабы, вести борьбу с иностранным шпионажем и направлять деятельность антисоветских организаций в желательное для ГПУ русло.

В настоящее время свыше 40 линий КРО ОГПУ находятся под угрозой провала, и мною будет освещена вся система провокации ГПУ, коей опутаны все слои населения России и зарубежные антисоветские центры. Часть разоблачений уже мною передана в надежные руки, и лишь как только позволит обстановка, они появятся в русской печати».

Бывший секретный агент действительно написал больше тридцати статей о методах работы Государственного политического управления. Но в газетах были напечатаны не все. Основная же, можно сказать программная, статья о роли Якушева в «Тресте» вышла: «Обладая недурным пером,

крупными познаниями в вопросах монархической идеологии и в вопросах династических, он (Якушев. — А.Т.) почти в один присест набросал основы программы и тактики данной легенды. Директива ГПУ была короткая: отрицать террор и ориентироваться на великого князя Николая Николаевича и высший монархический Совет. Остальное в программе и тактике должно было соответствовать советской действительности. Программой и тактикой под «Монархическое Объединение Центральной России» был подведен прочный базис.

Поездкой Александра Александровича в Берлин и проведением через ВМС, тогдашний центр зарубежного национального движения, основных положений программы и тактики МОЦР последний приобрел для ГПУ настолько крупное значение, что по ГПУ стал именоваться «центральнойразработкой ОГПУ».

«Трест» свое назначение выполнил блестяще, и к настоящему моменту его реноме настолько высоко, что мои выступления с неопровержимыми данными в руках не в состоянии поколебать веру в него целого ряда иностранных штабов, и, выйди я в другую страну, я бы сейчас сидел в тюрьме, а процветание «Треста» продолжалось бы по-прежнему...»

Прав был Петр Николаевич Врангель, когда предупреждал Кутепова, что «Трест» — это провокация ГПУ. Но Александр Павлович в это не верил. Не хотел верить. И даже после разоблачений Стауница не стал извлекать уроки из поражений. Наоборот, он начал с утроенной энергией готовить террористические акты в Советской России. На роль боевиков в первую очередь планировались Захарченко-Шульци... Стауниц. Да-да, именно он каким-то образом сумел внушить доверие Кутепову и в одночасье стать одним из главных мстителей за «Трест». Будущий председатель РОВС фон Лампе записал в эти дни в своем дневнике: «Много подробностей говорил мне ПН (Врангель. — А.Т.) о провале всей «разведки» Кутепова в России.

Дело в том, что пресловутый Федоров-Якушев, который когда-то для свидания с Климовичем был у меня в Берлине в присутствии Шульгина и Чебышева, которых я пригласил к неудовольствию Климовича, который валял дурака и делал вид, что он случайно встречался с Федоровым, тогда как я знал, что последнего прислал из Ревеля Щелгачев специально для встречи с Климовичем, оказался самым настоящим провокатором и агентом ГПУ. В него уперлась вся разведка Кутепова, который вел ее с Федоровым и «Волковым», которые оба приезжали в Париж. Дело доходило до того, что Федоров был у ВКНН (великий князь Николай

Николаевич. — А. Г.), но обоих «гостей» в Париж Кутепов открыто провозжал на вокзал. «Волков» — это генерал Потапов, б. военный агент в Черногории... тоже провокатор.

Вся обстановка вызвала протест Климовича и самого ПНВ (Врангеля. —А. Г.). Но все принималось на конкуренцию генералов, и Кутепов продолжал свою плодотворную работу, причем к Кутепову приезжала некая Зверева (Захарченко. — А. Г.), которая была любовницей его агента в России Касаткина-Стауница-Опперпу-та и т.п. Последний, стоявший в России во главе дела Кутепова, оказался тоже агентом ГПУ. Потом он рассорился со своими господами, бежал в Финляндию, там не получил условленных денег от большевиков и начал разоблачать все дело в рижской газете «Се-годня». Перед отъездом он все же предупредил агентов Кутепова, и большинство из них бежало из России не через те пути, через которые пришли, и тем спаслись.

Поездка Шульгина, организованная тоже Федоровым, — сплошной фарс, поставленный самими агентами ГПУ, державшими его все время под угрозой и не пускавшими куда следовало. Словом, провал невероятно глубокий, и все дело Кутепова (Шульгин говорил о том, что у того еще остались связи в России, Гучков же подтверждает, что нет) рухнуло, как рухнули все деньги, которые на это были добыты/В том числе и очень крупная сумма, добытая П.Б. Струве...

Сам Кутепов делает вид, что ничего особенного не произошло и что это неизбежно связанное с его работой недоразумение.

ПН (Врангель. — А.Г.^ видимо, стремится добиться, чтобы Кутепов свою «работу» прекратил!

По словам ННЧ (Чебышева. — А.Пл АПК (Кутепов. — А.Г.^ старается даже и убийство Воровского, которое совершилось тогда, когда он совсем был далек от дела разведки, приписать себе. Быть может, это потому, что Конради и Полунин — офицеры его корпуса».

Глава 9. «Союз национальных террористов»

Кутепов хотел назначить Марию Захарченко главой только что созданного «Союза национальных террористов». Но она категорически отказалась. Сначала надо увлечь неофитов своим

примером непримиримой борьбы с Советами, а уже потом руководить. Она пойдет первой, даже если для этого ей придется нарушить все приказы Кутепова. Александр Павлович сдался.

Две недели Стауниц, Захарченко и Ларионов обсуждали планы предстоящих диверсий в Советской России. Наконец на стол Кутепову легли их совместные предложения:

«После нашего отъезда необходимо направить две-три группы по 4 человека для взрыва мостов. Взорвать мост одновременно на Волхове и Луге, чтобы отрезать Петроград и создать панику. После этого можно перейти к поджогам и к взрывам в учреждениях посредством заложенных ранее снарядов. Достать технические средства возможно. Старайтесь теперь же наладить заготовку бомб большой силы, небольших сосудов с газами и главное — культуры бацилл. Этим мы их, скорее всего, доконаем с наименьшими для нас потерями. А для народа появление в среде коммунистов чумы или холеры будет, конечно, истолковано как гнев Божий. О человечности говорить уже не приходится. Кроме того, надо организовать пиратство в море, отравление экспорта русских товаров.

В первую очередь надо организовать: 1) Производство документов: а) заготовка бланков по данным нами образцам; б) печатей, штемпелей; в) книжек с водяными знаками. 2) Разработка каждого акта по карте России и планам городов. Задание дается только старшему в группе, который сообщает остальным лишь в день перехода границы. 3) Каждый снабжается, кроме оружия (револьвер и ручные гранаты), капсюлем с цианистым калием, чтобы ни один не смел попадаться в руки живым. 4) Подыскание инструктора пиротехники: а) занятие подрывным делом и обращением с динамитом и газами и выработкой их с намеченными для отправки людьми; б) составление краткого наставления кустарного производства взрывчатых веществ и газов, изложенное в форме прокламаций, которые необходимо дать едущим, а также распространять внутри России. 5) Привлечение абсолютно проверенного бактериолога: а) оборудование своей лаборатории для разведения культур инфекционных болезней (чума, холера, тиф, сибирская

язва, can); б) снабжение уходящих бактериями для заражения коммунистических домов, общежитий войск ГПУ.

После первых ударов по живым целям центр тяжести должен быть перенесен на промышленность, транспорт, склады, порты и элеваторы, чтобы сорвать экспорт хлеба и тем подорвать базу советской валюты. Для уничтожения южных портов на каждый из них нужно не более 5—10 человек, причем это необходимо сделать одновременно, ибо после первых же выступлений в этом направлении охрана их будет значительно усилена. Сейчас же вообще никакой вооруженной охраны их нет. После первых же выступлений необходимо широко опубликовать и разослать всем хлебным биржам и крупным хлебно-фуражным фирмам сообщение «Союза национальных террористов», в котором они извещают, что все члены СНТ, находящиеся в России, не только будут сдавать советским ссыльным пунктам и элеваторам свой хлеб отравленным, но будут отравлять и хлеб, сдаваемый другими. Даже частичное отравление 3—4 пароходов, груженых советским хлебом, независимо от того, где это будет сделано, удержит все солидные фирмы от покупки советского хлеба. Конечно, о каждом случае отравления немедленно, весьма широко, должна быть извещена пресса, чтобы не имели случаи действительного отравления иностранцев. То же самое можно будет попытаться сделать с другими советскими экспортными съестными продуктами, например с сибирским маслом. При введении своих людей в грузчики, портовые и таможенные служащие это будет сделать нетрудно. Этим был бы нанесен Советам удар, почти равносильный блокаде. Помимо того, уничтожение элеваторов не только сильно удорожит хлеб, но и ухудшит его качество. На это нетрудно будет получить в достаточном количестве технические средства, вплоть до хорошо вооруженных моторных лодок. Если бы таковые были получены, то можно было бы развить и некоторое пиратство для потопления советских пароходов. Ведь сейчас имеются моторные лодки, более быстроходные, чем миноносцы. При наличии моторного судна можно было бы устроить потопление должествующего скоро возвращаться из Америки советского учебного парусника «Товарищ». При медленном его ходе настигнуть в открытом океане и потопить так, чтобы и следов не осталось, не так уже было бы трудно. А на нем ведь исключительно комсомольцы и коммунисты. Эффект получился бы потрясающий. Потопление советских нефтеналивных судов могло бы повлечь к нарушению контрактов на поставку нефтепродуктов и колоссальные неустойки. Здесь мы найдем широкую поддержку от нефтяных компаний. Когда американские

контрабандисты имеют свои подводные лодки и аэропланы, разве нам откажут в получении хороших моторных лодок, если мы докажем свое ?

Надо немедленно начать отправку в Россию различными способами агитационной литературы с призывом к террору и к самоорганизации террористических ячеек, выступающих от имени СНТ. Применительно к советским сокращениям организация могла бы сокращенно именоваться «Сент» или «Сенто», а члены — «Сен-токи» или «Сентисты».

Необходимо, чтобы отправляемые террористы при выступлениях всегда бросали записки, что покушение или акт сделан такой-то группой СНТ, постоянно меняя нумерацию, чтобы создать иллюзию мощи СНТ и сбить с толку ГПУ.

При выборе целей для таких террористических актов надо иметь в виду только те учреждения, где все без исключения служащие, а также посетители являются коммунистами. Таковы: все областные комитеты ВКП(б), все губернские комитеты ВКП(б), все партийные школы, войска ГПУ и органы ГПУ.

Некоторые сведения, которые могут облегчить работу на контрразведке:

1) Если кто-либо говорит, что он является представителем организации, насчитывающей свыше 100 членов, то он или преувеличивает мощь организации, или является представителем легенды. Если же говорится о сотнях и тысячах членов, то, безусловно, это легенда.

2) От каждого прибывшего следует требовать список главных руководителей и вообще всех членов организации, которых он знает, с указаниями их настоящих фамилий, имен, отчеств и адресов. Эти данные можно проверять через адресные столы.

3) Желательно иметь связь не с одной легендой, которая составляла бы военные материалы, чтобы сопоставлять получаемое из других мест, проверять последние.

4) Дезинформационное бюро Разведупра всячески уклоняется от дачи дислокации технических войск. Сведения, какие дивизии являются обыкновенного состава, какие усиленного, какая разница между теми и другими. Все эти сведения военному получат очень легко, и если он отказывается от дачи их, значит, он — сотрудник ПТУ...

5) Сведения ГПУ и Разведупра отличаются своей лаконичностью. Например, в случае переброски какой-либо дивизии обыкновенный информатор напишет об этом целые страницы... Дезинформационное же бюро ограничится только фиксированием самого факта переброски и изложит это в двух-трех фразах».

По плану Захарченко-Шульц были сформированы две боевые тройки. В первую, кроме нее, вошли Стауниц и Вознесенский. Они должны были совершить террористический акт в Москве, на Лубянке. Вторую, возглавляемую Ларионовым, дополнили Мономахов и Соловьев. Их целью стал Ленинград.

В ночь на 1 июня 1927 года обе группы благополучно перешли советско-финскую границу. Было условлено, что Ларионов начнет действовать после получения известий об удачном завершении акции в столице.

10 июня 1927 года советские газеты опубликовали правительственное сообщение о провале попытки белогвардейских террористов взорвать жилой дом № 3/6 по Малой Лубянке. А спустя почти месяц подробности неудачной диверсии раскрыл заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода в интервью газете «Правда»:

«Организаторы взрыва сделали все от них зависящее, чтобы придать взрыву максимальную разрушительную силу. Ими был установлен чрезвычайно мощный мелинитовый снаряд. На некотором расстоянии от него были расставлены в большом количестве зажигательные бомбы. Наконец, пол в доме по Малой Лубянке был обильно полит керосином. Если вся эта система пришла бы в действие, можно не сомневаться в том, что здание дома по М. Лубянке было бы разрушено. Взрыв был предотвращен в последний момент сотрудниками ОГПУ.

Опперпут, бежавший отдельно, едва не был задержан 18 июня на Яновском спиртоводочном заводе, где он показался подозрительным. При бегстве он отстреливался, ранил милиционера Лукина, рабочего Кравцова и крестьянина Якушенко. Опперпуту удалось бежать. Руководивший розыском в этом районе заместитель начальника особого отдела Белорусского округа товарищ Зирнис созвал к себе на помощь крестьян деревень Алтуховка, Черниково и Брюлевка Смоленской губернии. Тщательно и методически произведенное оцепление дало возможность обнаружить Опперпута, скрывавшегося в густом кустарнике. Он отстреливался из двух маузеров и был убит в перестрелке.

Остальные террористы двинулись в направлении на Витебск. Пробираясь по направлению к границе, Захарченко-Шульц и Вознесенский встретили по пути автомобиль, направлявшийся из Витебска в Смоленск. Беглецы остановили машину и, угрожая револьверами, приказали шоферам ехать в указанном ими направлении.

Шофер товарищ Гребенюк отказался вести машину и был сейчас же застрелен. Помощник шофера товарищ Голенков, раненный

белогвардейцами, все же нашел в себе силы, чтобы испортить машину. Тогда Захарченко-Шульц и ее спутник бросили автомобиль и опять скрылись в лесу. Снова удалось обнаружить следы беглецов в районе станции Дретунь. Опять-таки при активном содействии крестьян удалось организовать облаву. Пытаясь пробраться через оцепление, шпионы-террористы вышли лесом на хлебопекарню Н-ского полка. Здесь их увидела жена краскома того же полка товарища Ровнова. Оpozнав в них по приметам преследуемых шпионов, она стала призывать криком красноармейскую заставу. Захарченко-Шульц выстрелом ранила товарища Ровнову в ногу. В перестрелке с нашим кавалерийским разъездом оба белогвардейца покончили счеты с жизнью. Вознесенский был убит на месте, Шульц умерла от ран через несколько часов.

Найденные при убитых террористах вещи подвели итог всему. При них, кроме оружия и запаса патронов, оказались гранаты системы «Леман» (на подводе, которую террористы бросили во время преследования за Дорогобужем, найдены тоже в большом количестве взрывчатые вещества, тождественные с обнаруженными на Малой Лубянке), подложные паспорта, в которых мы с первого же взгляда узнали продукцию финской разведки, финские деньги и, наконец, царские золотые монеты, на которые, видимо, весьма рассчитывали беглецы, но которые отказались принимать советские крестьяне.

У убитого Опперпута были обнаружены дневник с его собственноручным описанием подготовки покушения на М. Лубянке и ряд других записей, ценных для дальнейшего расследования О ГПУ».

В 1930 году появились новые подробности. Их сообщил отказавшийся возвращаться в Советский Союз резидент И НО ОГПУ в Турции Агабеков: «Приехали сюда из-за границы три человека для связи со здешними контрреволюционерами. Из них, конечно, один наш. Все было предусмотрено. Мы подготовили фиктивных руководителей организации, конспиративные квартиры, явки и прочее, и вдруг крах! Приехавшие заграничные делегаты скрылись, и вместе с ними пропал наш агент. Вот уже два дня ищем их по Москве. Как сквозь землю провалились. А вчера ночью случайно обнаружилось в общежитии сотрудников ГПУ на Малой Лубянке, что весь пол у входа залит керосином, а в углу стоят два бидона и ящик динамита. Там же нашли подожженный, но потухший шнур. Видимо, все было подготовлено для взрыва, но фитиль потух раньше времени.

На следующий день в И НО ОГПУ поступил циркуляр, гласивший: «Всем сотрудникам ОГПУ. Означенных на фотографии лиц предлагается

при встрече арестовать и доставить в комендатуру ОГПУ. Указанные лица являются белогвардейцами, проникшими в СССР с целью совершения террористических актов. Приметы: первый — высокого роста, худощавый, ходит в кепке, на руке носит непромокаемый плащ. Второй — маленького роста, в кожаной тужурке, сапоги со шнурками. Приложение: две фотокарточки».

Какую же роль все-таки во всей этой истории играл Стауниц? На мой взгляд, можно говорить о трех версиях:

1. С самого начала Гражданской войны он был сотрудником ЧК. Его разоблачения деятельности советской контрразведки — лишь продолжение выполнения задания. В этом случае он сделал все, чтобы террористический акт в Москве сорвался. Все остальное в этой истории — еще более талантливая фальсификация ИНО ГПУ, чем в деле гибели Сиднея Рейли на границе. В эту версию вполне удачно вписывается и успех боевой группы Ларионова (о нем еще речь впереди). Жертвует единицами, мы спасаем тысячи. Во все времена это был негласный девиз разведок.

Остается вопрос: какова же его дальнейшая судьба? Его вполне могли действительно убить в 1927 году. Скажем, Захарченко-Шульц. Могли якобы «по ошибке» контрразведчики. Мавр сделал свое дело...

С другой стороны, Стауниц вполне мог остаться живым и попасть под нож сталинских чисток десять лет спустя, как все участники «Треста» с Лубянки. А мог и не попасть. И благополучно пережить и хрущевскую оттепель с брежневским застоєм под чужой фамилией. Коих у него было немало.

2. Условно назовем ее «официальной». То есть Стауниц — натура, склонная к измене. Сначала он офицер — за Веру, Царя и Отечество. Потом он красный командир — за трудовой народ и мировую революцию. Потом видный савенковец — за демократическую республику и за крестьян. Потом снова красный офицер. Больше того — тайный сотрудник иностранного отдела ГПУ. Потом белогвардеец, жизнь свою готовый отдать за свержения ненавистных советов. Это был последний поворот в его извилистой жизни.

Поверить в это сложно. Вообще вся биография Стауница больше напоминает хорошо написанный детектив, который держит читателя в неведении до последних страниц. У меня иной раз складывается мнение,

что кто-то специально вписал в жизнь живого человека все эти фантастические хитросплетения.

3. Когда чекисты приняли решение свертывать «Трест», вполне могли пойти и на нестандартный в данной ситуации ход — использовать Стауница «втемную». То есть спровоцировать его на очередную измену своим идеалам, если, конечно, в отношении этого человека вообще уместно говорить про идеалы. Сделать это было очень просто. Стауниц был кассиром «Треста». Именно через его руки проходили суммы на самую успешную операцию советской разведки. И суммы были немаленькие. Вполне допускаю, что Эдуард Оттович не забывал и о собственном материальном благополучии. Он моги переправлять валюту за границу, пользуясь доверием Захарченко, где она оседала на его банковском счету. Очевидно, что во время «Треста» лубянс-кое начальство смотрело на такие шалости сквозь пальцы. Но когда настало время спускать занавес, вполне могло и намекнуть Стауницу, что пора держать ответ за разворовывание народных средств. Он не мог не испугаться. Он должен был спасать свою драгоценную жизнь, за которую он столько раз шел на предательства под дулами пистолетов. Но Стауниц не мог не понимать, что эмиграция ему не поверит. Это в лучшем случае. В худшем — пристрелят как предателя. Но побег с Захарченко давал хоть мизерный, но шанс на продление жизни...

Ясно одно: человек по фамилии Стауниц бесследно исчез летом 1927 года. Он не мог не исчезнуть. Революция в первую очередь пожирает своих создателей. А «Трест» был своего рода революцией, по крайней мере с точки зрения истории разведок. Поэтому и расстрелянные спустя десять лет Сыроежкин, Федоров, Артузов и все остальные участники этой операции не могли при всем желании убежать от судьбы...

Резидент Боевой организации Кутепова в Варшаве Сергей Войцеховский в своих воспоминаниях «Трест» приводит весьма любопытную версию судьбы Стауница:

«Немцы в 1943 году раскрыли в Киеве советскую подпольную организацию. Ее начальником был не то капитан, не то майор государственной безопасности, нарочно оставленный в Киеве для этой работы. Его арестовали. Постепенно разматывали клубок. Установили с несомненной точностью, что человек, называвший себя в Киеве Коваленкой, побывавший в Варшаве как барон Мантейфель и

пользовавшийся, вероятно, и другими псевдонимами, был в действительности латышом, старым чекистом Александром Упперпунтом, которого все знают под фамилией Опперпунта.

— Что же немцы с ним сделали? Бискупский пожал плечами:

— Не знаю. Расстреляли, должно быть».

Версия интересная. Но не более того. Документально эти факты не подтверждены. Нет свидетельств в архивах ФСБ или гестапо. А значит, и принимать эту историю за правду пока не приходится.

Понятна позиция Войцеховского. Ему очень хотелось, чтобы Стауниц понес заслуженное наказание за свое предательство. И если отомстить ему не смогли кутеповские боевики (хотя и искали его достаточно долго), то пусть это будут хотя бы немцы...

Получив известие, что в Москве террористический акт сорвался, Ларионов принял решение начинать действовать. 2 июня из объявления в газете он узнал, что скоро состоится собрание в центральном партийном клубе. В списке возможных объектов для диверсии он значился под номером три. Предпочтительнее были только здания Северо-Западного областного и Ленинградского городского комитетов ВКП(б). Но Ларионов, внимательно изучивший возможные пути отхода от Смольного, пришел к выводу, что провести там диверсию будет крайне сложно. Поэтому он остановил свой выбор на партийном клубе.

Они были прекрасно вооружены. Гранаты, маузеры, браунинги, баллончики с газом. На случай неудачи у каждого была ампула цианистого калия. 6 июня, в 20 часов 50 минут, Ларионов, Мономахов и Соловьев подошли к зданию партийного клуба. Все дальнейшее он достаточно подробно описал в своих мемуарах «Боевая вылазка в СССР»:

«Ответный террор против коммунистической партии» — вот лозунг, наиболее действительный в борьбе с палачами. В ночных кошмарах им, убийцам, вора, садистам и растлителям духа народного, чудится грядущее возмездие. Хулители имени Бога на земле чувствуют, что час расплаты не может не прийти. Только действие — твердое, прямое, бьющее прямо в цель — способно положить конец бесчинствующей власти маньяков. И только жертва чистая и святая восстановит честь опозоренной и безмерно поруганной Родины.

И нет иных путей для тех, кто признает наш общий страшный долг

крови, залившей родную землю в бесчисленных подвалах. И нет иного действия, кроме боя, хотя бы для этого пришлось биться одному против всех.

Было восемь часов и три четверти. Белый вечер, сырой и теплый, висел над Ленинградом. Звонки трамваев, шарканье человеческих гусениц по панелям, стук собственного сердца — частый и тревожный — вот все, что воспринимало сознание. И еще одно воспринимало ясно и четко, что у подъезда партклуба стоит милиционер, что ворота в проходной двор в соседнем доме заперты на солидный висячий замок, и остается единственный путь бегства — в Кирпичный переулок.

Прошли перед «мильтоном». Он скосил на нас глаза и отвернулся. Выглянули на него из-за угла Кирпичного. О счастье! «Мильтон» неторопливым шагом побрел к Гороховой. Путь, значит — свободен!

— Смотрите, не отставать, — говорю я спутникам, чувствуя, как мой голос звучит отчаянием кавалерийской атаки.

Тяжелая дверь еле поддается. Я знаю наверное, что на этот раз — все будет...

В прихожей полумрак. Товарищ Брекс беседует о чем-то с маленьким черноватым евреем; они оба склонились над какими-то списками. Еврей в чем-то упрекает Брекс, и она, видимо, сильно смущена. Низкая лампа освещает их лица. Прямо перед нами лестница наверх, влево вешалка — мы здесь все знаем.

— Распишитесь, товарищи, и разденьтесь, — кидает торопливо Брекс, показывая на вешалку, и продолжает свое объяснение.

— Федоров, № партбилета 34, — вывожу я неровным почерком. Дима лепит кляксу», Сергей на сей раз не вынимает уже «партийного» билета.

Поднимаемся наверх, идем по коридору, видим в конце коридора зал с буфетной стойкой и далее — вход в коммунистическое общежитие.

Из-за стойки выходит какая-то сухощавая молодая женщина и идет нам навстречу. Я с портфелем подмышкой вежливо расшаркиваюсь:

— Доклад товарища Ширвиндта ?

— Дверь направо.

— Очень благодарен, товарищ.

Тяжелая, почти до потолка дубовая дверь. Как сейчас помню медную граненую ручку. Кругом роскошь дворца.

Нет ни страха, ни отчаяния, ни замирания сердца. Впечатление такое, точно я на обыкновенной, спокойной, неторопливой работе.

Дверь распахнута. Я одну-две секунды стою на пороге и осматриваю зал. Десятка три голов на звук открываемой двери повернулись в мою

сторону. Бородка товарища Ширвиндта а-ля Троцкий склонилась над бумагами. Столик президиума посреди комнаты. Вдоль стен —ряды лиц, слившихся в одно чудовище со многими глазами. На стене — Ильич и прочие «великие», шкафы с книгами. Вот все, что я увидел за эти одну-две секунды.

Закрываю за нами дверь.

Я говорю моим друзьям одно слово: «Можно», — и сжимаю тонкостенный баллон в руке.

Секунду Дмитрий и Сергей возьмется на полу над портфелями, спокойно и деловито снимая последние предохранители с гранат.

Распахиваю двери для отступления. Сергей размахивается и отскакивает за угол. Я отскакиваю вслед за ним. Бомба пропищала... и замолчала.

Еще секунда тишины, и вдруг страшный нечеловеческий крик:

— Аа-аа...Бомба...

Я, как автомат, кинул баллон в сторону буфета и общежития и побежал вниз по лестнице. На площадке мне ударило по ушам, по спине, по затылку звоном тысячи разбитых одним ударом стекол: это Дима метнул свою гранату

Сбегаю по лестнице.

По всему дому несутся дикие крики, шуршание бегущих ног и писк, такой писк — как если бы тысячи крыс и мышей попали под гигантский пресс.

В вестибюле с дико вытаращенными глазами подбегает ко мне товарищ Брекс:

— Товарищ, что случилось ? Что случилось ? — еле выдавливает она из себя.

— Взорвалась адская машина, бегите в милицию и в ГПУ— живо!— кричу на нее командным голосом.

Она выбегает за дверь и дико вопит на Мойку:

— Милиция!!! Милиция-а-а!

Сергея уже нет в вестибюле. Я ерошу волосы на голове — для выскакивания на улицу в качестве пострадавшего коммуниста, кепка смята и положена в карман, пальто, плащ бросаю в клубе. Жду Диму. Второй баллон в руке наготове.

Секунда... вторая... третья...

Медленно сходит Дима. Рука —у немного окровавленного лба; лицо, однако, непроницаемо-спокойно. Не торопясь, он подходит к вешалке, снимает свой плащ и одевает его в рукава...

— Ты с ума сошел... скорее... живо!—кричу ему и кидаю баллон через его голову на лестницу.

Звон разбитого стекла и струйки зеленого дымка поднимаются выше и выше — это смерть.

Наконец мы на улице. Направо к Кирпичному — одинокие фигуры, налево от Невского бежит народ кучей, а впереди, в шагах 30—40 от нас, милиционеры — два, три, четыре, сейчас уже не скажу.

В эту минуту все плавало в каком-то тумане. Уже не говорил, а кричал мой внутренний голос:

— Иди навстречу прямо к ним!

Я побежал навстречу милиции, размахивая руками. Дима побежал за мной. Какой-то человек выскочил за нами из двери клуба — весь осыпанный штукатуркой, как мукой, обогнал нас и кричал впереди:

— Ууу-уууу!

— Что вы здесь смотрите? — закричал я на советскую милицию, — там кидают бомбы, масса раненых, бегите скорее. Кареты «скорой помощи». Живо!

Лица милиционеров бледны и испуганны, они бегом устремились в партерный клуб.

Мы с Димой смешиваемся с толпой, где быстрым шагом, где бегом устремляемся через Невский на Морскую к арке Главного штаба. На Невском я замечаю рукоятку маузера, вылезшего у меня на животе из прорезов между пуговицами на френче. Запихивая маузер поглубже, достаю из кармана кепку и набавляю шаг.

Из-под арки Главного штаба, как ангел-хранитель, выплывает извозчик. Хорошая, крепкая лошадка — редкое исключение. У Ваньки открытое, добродушное лицо.

— На Круговой вокзал!

— Два с полтиной положите ?

— Бери три, только поезжай скорее...

Дима пьян от радости, возбуждения и удачи. Он заговаривает с извозчиком:

— Ты, братец, не коммунист ?

— Нет, что вы, господин, из нашего брата таких мало, крест на шею носим...

— Молодец, ты, извозчик, хороший человек.

Потом Дима машет рукой проходящим по тротуару барышням и что-то кричит им... Довольно сбивчиво рассказывает он мне, что с ним случилось после взрыва бомбы:

— Понимаешь, когда я бросил бомбу, я смотрел в дверь — как она взорвется. Ну дверь сорвало и ударило мне по башке, вот и кровь на лбу. Когда я очухался и пошел к лестнице, как какой-то длинно-волосый с портфелем под мышкой танцевал передо мной. Я ему крикнул: «Что ты, трам-тара-рам, болтаешься под ногами», — потом выхватил парабеллум и выстрелил ему в пузо... Длинноволосый схватился обеими руками за зад и медленно сел на пол, а я пошел дальше и увидел тебя в вестибюле.

Дима помолчал немного и сказал:

— А Сережка-то, верно, влип. Он ведь не знает города и вряд ли доберется до вокзала. Вот бедняга.

Но вот и Левашов. Только вышли в дождливый теплый мрак, из-под которого тускло мелькали станционные фонари, слышим за своей спиной знакомый голос:

— Это вы, черти/ Что же вы, трам-тара-рам, сговорились бежать на Кирпичный, а сами...

— Сережка/ — радостно закричал Дима.

Оказывается, Сергей сел в поезд уже на ходу. Во время его бегства случилась целая эпопея: когда кинутая им бомба не разорвалась, он выскочил на улицу и уже там услышал взрыв. Добежав до Кирпичного переулка, он свернул в него, шла суматоха, народ бежал на взрыв, какой-то дворник свистел и гнался одно время за Сергеем, но он успел замешаться в толпе на Невском и вскочил в трамвай. За 40 минут, оставшихся до поезда, он увидел, что ошибся трамваем, пересаживался на другие трамваи и наконец добрался до вокзала за полминуты до отхода поезда. Нечего было и думать брать билет. В поезде, во время контроля, с него потребовали штраф в размере двойной стоимости проезда. У бедного Сергея не хватило 50 копеек.

— Ну что же, гражданин, на следующей станции вам придется пройти со мной в железнодорожное ГПУ.

— Товарищ, — взмолился Сергей, — мне очень спешно, я еду к больной матери.

Контролер был неумолим. Вдруг сидевшая напротив Сергея старая еврейка сжалась и дала ему 50 копеек. Сергей, конечно, всеми святыми поклялся вернуть ей долг и взял ее адрес.

Какие-то силы решительно благоприятствовали нам. Ведь Сергей, не зная совсем города, спасся действительно чудом...»

Успех боевой тройки Ларионова был с восторгом встречен русской эмиграцией. Недостатка желающих мстить коммунистам в те дни не было. Новый глава «Союза национальных террористов» Георгий Радкевич немедленно взялся готовить следующих боевиков. В первую тройку вошли Александр Болмасов, ходивший к тому моменту в СССР уже восемь раз, и Александр Сольский. Вторую тройку возглавил лично Сергей Соловьев, который после взрыва ленинградского партклуба не желал почивать на лаврах.

В августе 1927 года обе группы перешли советско-финскую границу. И сразу же начались неприятности. Недалеко от села Шуя Шорин и Соловьев наткнулись на лесника, пытавшегося их задержать. Боевики пустили в ход оружие и убили лесника. Встревоженные власти приступили к поискам. И тут же попались Болмасов и Сольский, чья одежда очень походила под описание убийц лесника. Они даже не успели оказать сопротивление. Группу Соловьева нашли через четыре дня. В завязавшейся перестрелке боевики были убиты. Трое красноармейцев получили ранения.

Приблизительно в те же дни еще одна тройка боевиков перешла советско-латвийскую границу. Возглавлял ее мичман Николай Строевой, который до этого ходил в СССР четыре раза. Его соратник, бывший фельдфебель армии Юденича Василий Самойлов, два раза нелегально был на родине. Но накопленный опыт не помог. Буквально сразу же боевики были схвачены пограничниками.

В сентябре 1927 года в СССР был устроен показательный процесс над террористами. Боевики признавались в том, что они сторонники великого князя Николая Николаевича, убежденные враги большевиков, которые в борьбе с Советами опирались на помощь разведок Финляндии и Латвии. 24 сентября Военная коллегия Верховного суда СССР, заседавшая в Ленинграде, вынесла приговор по делу пятерых: *«Принимая во внимание, что за последнее время усилились попытки террористических актов и что необходимо решительными мерами пресечь террор и диверсионные акты и оградить от них трудящихся Союза, а также ввиду того, что обвиняемые Болмасов, Сольский, Строевой и Самойлов являются активными деятелями монархических организаций (Коллегия. — Примеч. рея.), приговорила: Болмасова, Сольского, Строевого и Самойлова расстрелять. Адеркаса лишить свободы на 10 лет, со строгой изоляцией, с поражением в правах на 5 лет. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».*

Интересно, что во время процесса еще трое неизвестных пытались нелегально перейти советско-финскую границу. Двое были убиты в перестрелке, одному удалось бежать обратно в Финляндию. В одном из

погибших Сольский опознал проводника, переводившего его и Болмасова через границу.

Для немногочисленной организации Кутепова эти неудачи были весьма чувствительными. Террор явно не удавался. Но извлекать уроки из поражений генерал не стал. В ночь на 4 июля 1928 года Радкевич и Мономахов перешли советско-финскую границу. Не найдя в столице чекистов, руководивших «Трестом», вечером 6 июля Радкевич бросил бомбу в бюро пропусков ОГПУ.

После взрыва боевики бежали. Чекисты обнаружили их недалеко от Подольска. Радкевич застрелился, как и его единственная любовь в жизни Мария Захарченко. Он никогда не верил в ее гибель и незадолго до похода в СССР написал письмо: *«Милая, дорогая моя Косинька! Я не верю в твою смерть, как о том сообщали. У меня нет внутреннего чувства разлуки с тобою навсегда. Мне кажется, что мы сейчас очень близко друг от друга, хотя и не можем видеться. Делаю эту попытку снести с Тобою. Ответь мне, когда и в каких городах мы с Тобою имели дело с эксрезешкой, которую, помнишь, я так называл, и подпишись одним из наших любимых имен, которое Ты так мило коверкала через о. Письмо отдай тому, кто принесет Тебе эту записку. Я ему заплатил за это всем, что у меня было. Думаю, что сделает. Не падай духом, голубка моя, может быть, еще и придется встретиться. Целую Тебя крепко-крепко. Любящий Тебя Твой Гога-Косинька».*

Глава 10. В мире самодельных иллюзий

Кутепов никак не хотел признать, что его стратегия борьбы с большевиками не приносит победы. Гибнут люди, один за другим. А Советы с каждым днем наращивают свою мощь. Попытка убийства одного из лидеров партии, Николая Бухарина, как нельзя более точно показывает всю глубину непонимания генералом ситуации. Боевик Бубнов, который должен был ликвидировать «любимца Ленина», по возвращении в Финляндию в июле 1928 года составил подробный рапорт Кутепову. Документ этот достаточно объемный, и я приведу лишь самые значимые отрывки. Это свидетельство как нельзя более точно показывает крах стратегии «Союза национальных террористов»:

«Я понял, что ни в одно из зданий, где происходят партийные собрания, даже нельзя думать попасть без партийного би-

лета. Все это время я искал случая приобрести хоть какой-нибудь партбилет, но безрезультатно. Просто мне не повезло, потому что достать его все же можно, хотя и нелегко. Способ, как это можно сделать, вы, вероятно, угадываете. С собой обратно я привез восемь комплектов настоящих документов, добытых разными способами в разное время, партбилета все же не достал. День за днем проходили то в бесплодных скитаниях по улицам, то в попытках следить за отдельными зданиями и учреждениями, то в поисках комнаты для себя лично. Каждая ночь, проведенная в лесу под дождем, немедленно отзывалась на выносливости и здоровье.

Несколько раз охрана, видимо, обращала внимание на наши назойливые аллюры, и приходилось сейчас же переносить наблюдение на другое место, начиная сначала. Да и какое наружное наблюдение можно производить только двумя лицами. Надо было осмотреть все, что представлялось возможным, и, найдя слабые пункты, бить туда. К тому же первые две недели я не хотел разменяться на какую-нибудь мелочь и изыскивал только способ, как бы встретить Бухарина или кого-либо из крупных. Здание Дома союзов на Большой Дмитровке охранялось чрезвычайными караулами от полка имени Дзержинского при ОГПУ. Торчать там поблизости, поджидая Крыленко (а он один только стоил, чтобы за ним поохотиться), было нельзя — сразу обращали внимание. Можно было наблюдать, замешавшись в толпу в Охотном Ряду, но тогда не успел бы подойти ближе, чтобы бросить бомбу, как на автомобиле они

исчезали и приезжали моментально.

Одиннадцатого июня товарищ Луначарский читал лекцию в Экспериментальном театре «о новом человеке». Билеты мы достали заранее и на лекции присутствовали. Сидели очень далеко, но можно было бы, подойдя ближе, бросить бомбу. Однако с первого же взгляда мне стало ясно, что при взрыве погибнет громадное количество людей, так как на лекции этого шута горохового хо-

дит в большинстве интеллигенция и так называемая мелкобуржуазная среда, а каждая из моих бомб содержит около 270 мелких осколков. Не то чтобы мне стало жаль публики, мягкостью я особой не отличаюсь, но боялся, что впечатление от такого акта получится как раз обратное тому, на которое мы рассчитывали. К тому же Толя — слишком ничтожная величина, хотя и подлая. Будь это Бухарин, Сталин или Менжинский — тогда другое дело. Стрелять из револьвера — было мало вероятности попасть издали, да и помешали бы целиться, охрана торчала все же солидная. На следующий день продолжали розыски Бухарина. В кое-какие учреждения (например, редакции газет) можно даже заходить, но попадаете как раз в те помещения, где он, конечно, не появляется. Все время приходится работать вслепую, и до тех пор, пока у нас не будет там осведомителей-наводчиков, это так и будет. Дело оказалось не так легковыполнимым, как я предполагал, нужна долгая, упорная и тщательная подготовка и гораздо больше людей.

Видя безуспешность своих попыток в этом направлении, я решил предпринять что-либо другое. Оставалось действовать снаружи, через окна. Три таких места были мною уже на всякий случай намечены. Пятнадцатого июня мы закончили все приготовления, произвели разведку. Объектом было здание МОПРа на Воронцовом Поле, где живут иностранные коммунисты, бежавшие в СССР. Предполагалось использовать автомобиль (я нашел способ добыть такой без шума в любое время), дабы сразу замести следы: я брал на себя заняться охраной, а Могилевич, вбежав во двор, должен был бросить все шесть бомб в разные окна одновременно, когда я начну стрелять сторожей. Но покушение не состоялось. Побывавшие под дождем в лесу капсюли, хотя и залитые парафином, не выдержали и отсырели.

Мы давно знали, что в ГПУ сидят не дураки, а энергичные и умные люди, пусть прохвосты, но тем не менее знающие свое дело, умеющие и нападать, и защищаться. Даже без поездки в Москву заранее можно было знать, что после прошлогоднего покушения меры охраны ими приняты.

Я да/гек от мысли признать невыполнимым проведение в жизнь белого террора, но, ознакомившись на месте с деталями и возможностями, я отдаю теперь себе ясный отчет, насколько трудно нам, при теперешнем положении вещей и при наших ограниченных возможностях, достигнуть положительных результатов, оправдывающих потери. Бросить бомбы в какое-либо собрание второсортных коммунистов, убить десяток-другой партийных марионеток, поджечь склад, взорвать мост — все это хотя и трудно, но выполнимо и при теперешних наших возможностях. Такого рода акты могут быть полезны лишь тогда, когда они будут следовать непрерывной цепью один за другим, появляться в разных частях СССР, пробудят активность самого населения, ни на минуту не давая противнику покоя.

На основании своего собственного опыта, а не из головы фантазии я категорически утверждаю, что такого террора нам не провести — не по силам — и вот почему. Прежде всего рассчитывать на массовое пробуждение активности в СССР нам не приходится. Хорошо мечтать о народном терроре, сидя за границей, а войдите в шкуру полуголодного, вечно борющегося за кусок хлеба забитого обывателя СССР, постоянно дрожащего перед гипнозом всемогущества ГПУ, с психологией, что сильнее кошки зверя нет. Общий вывод: помощи оттуда, пробуждения активности и самостоятельности самого населения нам ждать не приходится, надо рассчитывать на свои собственные средства. А это значит, что для каждого такого маленького акта, путем напряжения всех наших ресурсов, мы должны перевозить, перекидывать через границу, инструктировать, снабжать деньгами, оружием, техническими средствами, документами и т.д. минимум двухлиц, т.е. при расчете на многочисленность актов (а иначе овчинка не стоит выделки) — десятки лиц. Вряд ли нам это будет под силу.

Даже если отбросить в сторону финансовую сторону дела, то останется еще более важное дело — вопрос кадров. Желающих много, но подходят далеко не все. Людей, ни разу не бывавших там и незнакомых с условиями жизни, посылать прямо на террор — слишком рискованно, большинство погибнет, не дойдя до цели. Нельзя базироваться на петроградском взрыве — это был первый неожиданный для большевиков акт. Условия тогда были другие. Значит, надо всех этих лиц сначала подготовить.

Предположим, что и этот вопрос так или иначе разрешился. В первую минуту при совершении мелкого акта риск, конечно, будет значительно меньше, чем при покушении на какое-либо крупное лицо, где

100 процентов за гибель покушающегося. Но все же риск будет, ведь после акта людям, совершившим его, надлежит выбраться за границу из центра России. Они попадают в положение затравленного зверя. Против них будут все силы ГПУ, компартии, комсомола и Красной армии. На границах опять выложат цепи солдат и этим прервут возможность дальнейших посылок. При одиночном террористическом акте выскочить трудно, а при нескольких, одновременно произведенных, это станет и совсем невозможным, так как люди, спасающиеся в какой-либо район после взрыва, рискуют попасть как раз туда, где другая группа готовит свой взрыв. Итак, почти гарантировано, что при такой системе почти все люди, идущие туда, обратно не вернуться. Кадры надо все время пополнять и начинать всякий раз с азбуки. Опытных людей в запасе не будет. Каждый из выразивших желание идти на террор сознает, на что идет, и к смерти готов, но весь вопрос в том, целесообразна ли будет их гибель, принесет ли она пользу делу освобождения Родины.

Раньше я верил в осуществление такого систематического террора, теперь ясно вижу, что это невыполнимо, и на вопрос отвечаю: «нет, нецелесообразно». Разве стоит гибель нужных людей для дела, которое, как видно заранее, не даст желаемых результатов ?

Одиночными мелкими взрывами, поджогами и т.д. немногочисленными, и еще вопрос, всегда ли удачными, мы ГПУ не устроим, общественное мнение изволнуем, но к активности вряд ли кого вызовем. Вернее, ответный террор ГПУ придавит всякое проявление этой активности. Если бы мелкий террор шел снизу, от всей массы населения, тогда он был бы грозным для коммунистов, но ведь трагедия в том, что на это даже рассчитывать сейчас нельзя. Мое мнение, что такая игра не стоит свеч. Мы эту игру не в силах пронести в таком масштабе, когда она станет опасной для советской власти, и результаты не оправдают потерь».

Александр Павлович Кутепов тяжело переживал неудачи и гибель своих людей. После саморазоблачения «Треста» русская эмиграция стала терять веру, что с коммунизмом можно вообще бороться. Иссякали и без того небольшие средства, бывшие в распоряжении Кутепова. Но он не сдавался. Генерал не мог поверить, что на Родине все смирились с властью партии Ленина. Он еще не знал тогда самого главного: в тот момент на Лубянке было принято решение ликвидировать председателя Русского общевойскового союза. Резидент кутеповской организации в Польше Сергей Войцеховский писал спустя сорок лет:

«Кем был человек, ради которого чекисты пошли на риск этой

операции в столице иностранного государства ?

Он был прославленным белым военачальником, но Москва знала, что вооруженная борьба не возобновится на русской территории в существовавшей тогда внутренней и внешней обстановке.

Он был проницательным политиком и, как сказано в воспоминаниях князя СЕ. Трубецкого, «слишком трезвым практиком, чтобы придавать значение детально разработанным вне времени и пространства программам будущего государственного устройства России».

«Возрожденную Россию, — говорил он, — нужно строить, отнюдь не копируя старую, но и не обрывая исторической преемственности с лучшими традициями прошлого... Неизмеримо глубоки пережитые потрясения и социальные сдвиги».

Он был обаятельным и сильным. Это признавали даже люди, политически от него далекие. Так, например, еврейский общественный деятель Г.Б. Слиозберг написал в 1934 году: «Фигура Кутепова нам всем представлялась легендарной. Его огромный организаторский талант, его абсолютное умение влиять на массы армии, всеобщее к нему уважение офицерского состава — все это окружало имя Кутепова особым обаянием».

Коммунисты это понимали. Знали они и то, что, говоря о потрясениях и сдвигах, Кутепов не хотел быть их пассивным наблюдателем.

«Не будем, — сказал он в апреле 1929 года, — предаваться оптимистическому фатализму и ждать, что все совершится как-то само собой. Лишь в борьбе обретем мы свое отечество».

Чекисты не сомневались в том, что этот призыв к активности не был пустой фразой. Именно поэтому они решили Кутепова уничтожить...»

Глава 11. Похищение генерала Кутепова

26 января 1930 года, в воскресенье, Александр Павлович вышел из дома и направился пешком в русскую церковь. Потом он планировал зайти в Галлиполийское собрание. Семья Кутепова ждала его к завтраку, но генерал не пришел. Предположили, что он задержался. В три часа обеспокоенная жена послала денщика узнать о причине задержки генерала. Оказалось, что у галлиполийцев Кутепов в тот день не был. Полиция немедленно начала поиски генерала во всех больницах, моргах, полицейских участках.

Сразу нашлись и свидетели преступления. Один видел, как бешено сопротивлявшегося Кутепова заталкивали в машину.

Другой — как дрался Александр Павлович с похитителями, пока не накинули ему на лицо платок с хлороформом. Судя по всему, это и стало причиной смерти председателя «Русского общевойскового союза». У неоднократно раненого в боях генерала была отрицательная реакция на хлороформ, и даже его минимальная доза могла вызвать остановку сердца. Были и те, кто видел, как завернутое тело доставили на советский пароход «Спартак». Корабль немедленно взял курс в сторону Новороссийска.

Согласно данным, обнародованным ФСБ в середине 90-х годов, Александр Павлович Кутепов умер от сердечного приступа вскоре после того, как теплоход прошел Черноморские проливы в 100 милях от Новороссийска. Однако существует и еще одна версия, озвученная незадолго до смерти одним из старейших французских коммунистов Онелем. Его родной брат принимал участие в этой операции советской разведки. Именно он убил председателя «Русского общевойскового союза», когда тот попытался оказать сопротивление. Это противоречило замыслу Москвы. Пришлось везти труп генерала в парижский пригород Леваллуа-Перре, где жил Онель. В гараже его дома вырыли яму, которую потом залили раствором цемента. Проверить эту версию сегодня невозможно. Место, где находился этот гараж, застроено современными многоэтажными домами.

Французская полиция при всем своем желании не могла освободить Кутепова. По международным законам корабли являются частью государства, и вторжение на них может расцениваться как начало войны. А воевать с Советским Союзом, тем более из-за бывшего белогвардейского генерала, никто не хотел. Тем более что первое в мире государство рабочих

и крестьян достаточно четко выразило свое отношение к происходящему. 3 февраля 1930 года газета «Известия» посвятила половину первой полосы истории с похищением генерала Кутепова: *«Эта нелепая история в излюбленном, бульварном, детективном жанре специально инсценирована с провокационной целью. «Таинственное исчезновение» Кутепова послужило сигналом для неслыханной по разнузданности кампании, направленной против СССР и советского полпредства. «Исчезновение» Кутепова изображается как дело рук Чека», агенты которой якобы «похитили» Кутепова среди бела дня на улицах Парижа.*

Есть достоверные сведения, исходящие из кругов, имеющих отношение к правым элементам, что «виновниками исчезновения Кутепова являются сами белогвардейцы, а именно та часть русских белогвардейцев, которая добивалась отстранения Кутепова и замены его своим кандидатом.

Есть и прямые данные, указывающие на то, что Кутепов, отчаявшись в борьбе с этой частью белогвардейцев и не видя другого выхода, решил уйти с политической арены. Он 26 января выехал незаметно в одну из республик Южной Америки, взяв с собой солидную денежную сумму.

Продолжение французским правительством его тактики пассивности и потворства и косвенного поощрения хулиганской кампании науськивания на дипломатическое представительство Советского Союза невольно создает впечатление, что правительство поддается на провокацию русской белогвардейщины и следует ее указке.

Мы вынуждены были со всей серьезностью поставить перед правительством вопрос: предпочитает ли французское правительство сохранению дипломатических отношений с правительством Советского Союза сотрудничество с белогвардейской эмиграцией? Совершенно очевидно, что нормальные дипломатические отношения несовместимы с такими фактами».

В результате столь смелой операции иностранному отделу ОГПУ удалось не только на время нейтрализовать РОВС, но и сорвать заброску десанта на Кубань, который генерал намеревался возглавить лично. По некоторым данным, предполагалось участие до 4 тыс. офицеров. После похищения Кутепова обсуждение планов нового похода прекратилось.

Передать чувства, охватившие тогда русскую эмиграцию, я не возьмусь. Лучше Евгения Карловича Миллера об этом все равно не скажешь: «Русская эмиграция закипела негодованием, жаждою мести, желанием принести какие угодно жертвы, лишь бы вырвать генерала

Кутепова из рук преступников. Частное расследование в течение многих месяцев работало с полным напряжением сил в помощь официальному французскому следствию, и за все это время широкой рекой текли в комитет пожертвования со всех концов земли: и бедные, и богатые вносили свою лепту, ибо все поняли, кого они лишились; каждый лелеял надежду, что Кутепов жив, что его найдут, что он вернется к нам; не угасала и вера, что для французского правительства вопрос чести найти и покарать преступников, покусившихся на того, кому Франция оказала гостеприимство.

Увы, проходили дни, недели, месяцы... Наше расследование дало много ценных указаний французским властям, но... соображения «дипломатической неприкосновенности» ставили препятствия перед следствием.

Жестоко карает судьба русский народ, соблазненный большевиками. Велики его страдания и муки. Судьба безжалостно вырывает и из наших рядов всех тех, кому эмиграция верила и кому мог поверить русский народ. Не прошло и года со дня безвременной, в расцвете лет и сил кончины Врангеля, как скончался великий князь Николай Николаевич, а через год большевики похитили Кутепова...»

Во всей этой истории осталось, пожалуй, только одно темное пятно. До сих пор непонятно, почему же русская военная эмиграция не отомстила за похищение Кутепова? Париж тогда по праву назывался одним из самых русских городов мира. Первый отдел Русского общевойскового союза считался самым крупным и включал в себя полковые объединения всех полков белых армий. То есть разгромить, к примеру, консульство СССР и торговые представительства было проще простого. Но этого не произошло. Согласитесь, не очень-то это корреспондируется со всей историей русского зарубежья.

Могут лишь высказать свое предположение. Генералу Шатилову было важно не допустить эксцессов. Не потому, что в случае подобных акций всех участников немедленно бы выслали из Франции. Под угрозой было бы функционирование новой тайной организации, речь о которой пойдет в следующей части.

Французской полиции так и не удалось раскрыть это преступление. Только спустя много лет стали известны подробности. Операцию

проводила специальная группа ОГПУ, которой руководил Яков Серебрянский. 1 января 1930 года он выехал в Париж вместе со своими подчиненными — Турыжниковым и Эсме-Рачковским. Помогали им французские коммунисты. Именно они и затолкнули генерала Кутепова в машину...

После завершения операции Серебрянский приступил к созданию разветвленной агентурной сети по всей Европе. 200 человек регулярно передавали в Москву важнейшую информацию. В годы гражданской войны в Испании старший майор госбезопасности (генерал-майор) Серебрянский организовывал нелегальную поставку оружия республиканской армии. В сентябре 1936 года у французской фирмы «Девуатин» были куплены 12 новых военных самолетов якобы для нейтральной страны. Их немедленно перегнали в Барселону. За эту операцию 31 декабря 1936 года Яков Серебрянский был награжден орденом Ленина.

В его карьере был только один серьезный провал. Он не смог организовать похищение сына Троцкого Льва Седова. Но не потому, что вдруг стал толстовцем. В феврале 1938 года Седов внезапно умер от острого приступа аппендицита. За это Серебрянский заплатил сполна. Он был арестован по обвинению в шпионаже. Сидел в камере смертников. Но в августе 1941 года был освобожден.

Второй раз его арестовали по делу Берии, 8 октября 1953 года. Снова последовали обвинения в шпионаже. Сердце Серебрянского не выдержало. 30 марта 1956 года он умер прямо во время допроса.

В мае 1971 года его реабилитировали. А спустя четверть века возвратили сыну его награды — два ордена Ленина, два ордена Красной Звезды, два знака «Почетный чекист»...

В 1978 году неожиданно для всех появилось новое свидетельство по делу о похищении генерала Кутепова. Вышедший в Нью-Йорке «Новый журнал» напечатал статью доктора Зернова, жившего в то время в Париже и знавшего лично многих лидеров Белого движения. Автор обвинил в работе на советскую разведку генерала Штейфона. Заявление произвело эффект разорвавшейся бомбы.

Борис Александрович Штейфон родился в 1881 году в Харькове в семье крещеного еврея. (Немного забегая вперед: в 1942 году вошедших в город нацистов интересовало, подпадает ли генерал вермахта под действие

Нюрнбергских расовых законов. Исследованием метрических книг было установлено, что подпадает, поскольку отцом Бориса Александровича был еврей-цеховой, а матерью — дочь православного диакона. Однако на карьере командира Русского корпуса этот факт не отразился.)

Участник русско-японской и Первой мировой войн. Награжден орденами Святой Анны 3-й и 4-й степеней, Святого Станислава 2-й и 3-й степеней и Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба.

После большевистского переворота вернулся в родной Харьков. Обладая большим авторитетом среди военных, сумел собрать и объединить местных офицеров, организовать и возглавить первое белогвардейское подполье, названное впоследствии его именем — «Центр полковника Штейфона». Накануне восстания Петлюры и занятия Харькова запорожцами Борис Александрович отправил на юг последнюю группу в 800 человек и с большим риском для жизни прибыл в штаб Добровольческой армии в Екатеринодаре...

В дальнейшем был командиром Белозерского пехотного полка, участвовал в Бредовском походе комендантом галлиполийского лагеря. В эмиграции жил в Сербии, занимался научной и преподавательской деятельностью, опубликовал ряд работ по истории военного искусства, получил звание профессора. Накануне Второй мировой войны он считался известнейшим в эмиграции публицистом, историком и военным теоретиком. В одной из своих книг пророчески писал: *«Россия уже пережила небывалые потрясения, а ко времени своего возрождения переживет их еще больше. И когда наша Родина приступит к своему устройству, она будет так бедна, что уже не сможет позволить себе роскоши ошибаться. Поэтому мы должны всегда помнить ошибки прошлого, дабы избежать их повторения в будущем».*

В годы Второй мировой войны возглавил Русский корпус на Балканах. Скоропостижно скончался 30 апреля 1945 года.

И вот этого человека обвинили в предательстве. Какие же факты были на руках у Зернова?

Якобы в начале января 1930 года Штейфон тайно прибыл в Париж из России, чтобы найти деньги на функционирование мощной антибольшевистской организации, деятельность которой на Родине широко развивается. Генерал просил сестру Зернова указать ему лиц, могущих сделать крупные пожертвования и помочь ему организовать с ними встречи. Желая помочь Штейфону, та обратилась к хорошо знакомому ей СВ. Рахманинову, дававшему тогда концерты в Европе. Тот, желая

содействовать борьбе с большевиками, обещал материальную помощь, и встреча была назначена на первую половину февраля.

26 января должен был состояться бал Московского землячества. Штейфон идти на него не собирался. Однако накануне решил все-таки проведать русских парижан. Ему зарезервировали столик, но на балу он так и не появился. А спустя несколько часов пришло шокирующее известие: пропал Александр Павлович Кутепов.

Вот и первая неточность Зернова. Со слов генерала Миллера известно, что по просьбе французских властей, в целях облегчения следствия, исчезновение главы РОВС хранилось в тайне. И только к вечеру второго дня, в понедельник вечером, по Парижу поползли слухи, а уже во вторник ужасная весть облетела все русское зарубежье. И сдается мне, что автор разоблачений узнал о похищении Кутепова непосредственно от самого Штейфона. Но Зернов тут же делает поправку на то, что спустя столько лет ему, уже пожилому человеку, трудно вспомнить все детали. Но все самое интересное только начинается. *«На следующий день, в понедельник, Штейфон зашел к нам. Конечно, разговор сразу коснулся похищения Кутепова. Генерал рассказал, что он собирался быть на балу, но утром зашел к генеральше Кутеповой, заговорился с ней, а потом, когда она начала беспокоиться запозданием мужа, он стал ее успокаивать, уверенный, что генерал где-то задержался, и, таким образом, провел у нее большую часть дня. Вместо того чтобы поднять тревогу и немедленно известить кого следует об отсутствии Александра Павловича, Штейфон успокаивал обеспокоенную и страшно взволнованную ужасным предчувствием жену генерала».*

А вот этого быть уже не могло вовсе. И вот почему: если бы здесь шла речь о похищении генерала Миллера, то тогда, действительно, можно было бы с полным правом упрекнуть кого-нибудь в «медлительности», ибо до его исчезновения был уже трагический прецедент похищением генерала Кутепова. В данном же случае, хотя все и знали тогда о ненависти большевиков к руководителю «Русского общевойскового союза», но именно такого рода преступление совершалось ими впервые. Это первое. То, что Штейфону удавалось успокаивать жену Кутепова, ни в коем случае не может быть поставлено ему в упрек. Наоборот. То же самое пытался бы делать любой порядочный и благовоспитанный человек, а тем более начальник штаба ее мужа и его близкий друг. Это, стало быть, второе.

Но Зернову до этого дела не было. И он, словно заправский прокурор, вынес вердикт: *«Теперь, через 48 лет, можно ли ответить на вопрос: кто был предатель? Кого встретил Кутепов около 11 часов утра 26 января*

1930 года на углу улицы Севр и бульвара Инвалидов ? Мы знаем только одно, что Штейфон в это же время был там, совсем близко, в двух шагах; не он ли провел Кутепова по бульвару Инвалидов до улицы Удино?

Через несколько дней Штейфон позвонил моей сестре по телефону и сообщил, что возвращается в Югославию. Встреча с Рахманиновым отменена. Его отъезд показался нам странным. Мы обратились к генералу Шатилову, одному из главных деятелей Русского общевойскового союза. Он заверил нас, что генерал Штейфон никогда в Россию не ездил. Мы обратились к Бурцеву, ведшему от себя расследование по делу Кутепова. Он заявил нам, что, по его данным, Штейфон является одним из участников похищения».

Давайте разбираться. Тут должно быть что-то одно: или генерал Штейфон провел большую часть этого рокового утра и дня у жены Александра Павловича, или же, встретив генерала Кутепова на углу улицы Севр, по бульвару Инвалидов провел его до улицы Удино, где его и похитили. Одновременно это делать не под силу никому.

То, что Штейфон был в то утро в доме у Кутепова, подтверждал денщик генерала Федор, соответственно, заталкивать Александра Павловича в машину Борис Александрович не мог.

Работая над этой книгой, специально перечитал воспоминания свыше ста человек, лично знавших Штейфона или служивших с ним. И ни у кого, повторяю, ни у кого не встретил даже косвенных подтверждений этой невероятной версии. А ведь у генерала были недоброжелатели, и немало! Да что там говорить, если и сам Зернов в конце своей разоблачительной статьи признался: «Во всех сообщениях о похищении Кутепова имя Штейфона не упоминается». На этом можно и поставить точку, если бы не одно но. Спустя три года в Париже вышла книга «Генерал умрет в полночь» о похищениях Кутепова и Миллера. Автор — дочь генерала Деникина Мария Антоновна. Ее исследование до сих пор пользуется огромной популярностью не только во Франции, но и в современной России. В своей книге «ОГПУ против РОВС» я позволил себе раскритиковать Деникину-Грей за многочисленные ошибки. За что и был отдельно бит многочисленными оппонентами. Дескать, Деникина жила в то время, общалась с очевидцами событий, и ее выводам вполне можно доверять. И вот совсем недавно я получил письмо от председателя объединения лейб-гвардии Казачьего Е.В. полка Владимира Николаевича Грекова: «Неудачный труд Марины Грей-Деникиной очень сильно поддерживает обвинения против генерала Штейфона и страстно поносит генерала Шатилова». Но опять же без доказательств. Все на

уровне «одна гражданка видела»...

Правоту моих доводов подтвердил и известный специалист по Белому движению, кандидат исторических наук Василий Жанович Цветков. В письме он отмечал: «Вероятность того, что генерал Штейфон был причастен к советской разведке равна, по всем имеющимся о нем сведениям, 0,0 %. Почему же возникла «легенда»? 1. Пресловутые конспирологически-параноидальные теории, коих, увы, не чужда была часть эмиграции, особенно в 1940—1970-е гг. Плоды их наши искатели «жидомасонского» следа обсуждают до сих пор. Раз Штейфон из семьи крещеных евреев — значит, как говорится, «все ясно». 2. Нескрываемые монархические симпатии Штейфона, неоднократно высказываемые, очень тесное сотрудничество с графом Келлером (на период пребывания графа в Харькове), сведения о причастности к тайной (она действительно была, это вряд ли «догадка» покойного Бортневского) монархической группе в Добровольческой армии (в нее входили помимо него Кутепов и Витковский), имевшей выходы на кисловодские центры правых (Союз РНО Безака, Нечволодова и Батюшина и др.). Деникин и Романовский знали о ней и особых симпатий не испытывали (к тому же контрразведка в своих донесениях не скупилась на преувеличения их влияния в армии). Для Штейфона Деникин — классический либерал со всеми достоинствами, но и с не меньшими недостатками. Отсюда, очевидно, негативное отношение дочери Деникина к Штейфону. Плюс к тому определенное германофильство, что в Добровольческой армии не «приветствовалось». 3. Штейфон, насколько известно его поведение и оценки, всегда был «одиночкой». Он никому не доверял на 100%, всегда продумывал несколько вариантов того или иного своего решения. Поэтому со стороны мог казаться «недостаточно искренним». «Водки не пил», «матом не ругался», поэтому и был «не свой». Очень хорошая подготовка в Генштабе, опыт разведки и контрразведки (еще по Кавказскому фронту в штабе Юденича) — «слишком умный». Прекрасное знакомство с организацией подполья (Харьковский центр под его руководством пережил и большевиков, и гетмана, и Петлюру). Но в Ледяном походе не участвовал — значит, тоже вроде как не принадлежит к «элите». Даже строевая должность командира Белозерского полка многими воспринималась как стремление к «самоутверждению». Но при всем при этом в своих воспоминаниях предельно корректен и сдержан. Никогда не выносит категорических вердиктов (даже в отношении, например, Май-Маевского, на котором только ленивый «не оттоптался» в качестве примера, «почему белые проиграли» [причем и левые, и правые]). Интригами не занимался, а

предпочитал «держаться в стороне». Но при всем при этом категорическое неприятие большевизма, ни малейшего даже намека на «сменовеховство» и «возвращенство». Категорическая неприязнь, например, «успехов социализма в годы первых пятилеток». А, следуя классической теории «вербовки» (см., например, С.С. Турло, И. П. Залдат «Шпионаж»), агентов нужно искать среди сомневающих и колеблющихся. После Болгарии от активной работы в РОВСе он отошел, жил в СХС, в Париж приезжал крайне редко, кутеповские надежды на «сотрудничество с Тухачевским» откровенно не поддерживал и неоднократно указывал Кутепову на его элементарную безграмотность в разведке и конспирации. При всем при этом его отношение к Кутепову — очень почтительное...»

У Александра Павловича был единственный сын Павел. В архиве Московского патриархата Русской православной церкви хранится личное дело Павла Александровича, который долгое время работал в отделе внешних церковных сношений. Из него следует, что в 1943 году он был отчислен из учебного заведения за антифашистские настроения, вошел в связь с югославским партизанским движением. Это не совсем так. В то время Павел Кутепов уже не учился. Он был в рядах Русского корпуса на Балканах. Сохранилось безупречное свидетельство о поведении Кутепова-младшего, которое было опубликовано в журнале «Наши вести» в марте 1980 года: «Командир Корпуса объяснил мне, что мне поручается доставить румынским властям в Бухаресте лицо, подложной фамилией записавшееся в Русский Корпус и теперь, по политическим мотивам, затребованное через германских военных властей румынским правительством. Задача весьма ответственная, а в помощь мне, и в распоряжение вербовочного штаба в столице Румынии, командировается Павлик Кутепов.

Когда командиру Корпуса доложили, что машина подана, генерал Штейфон поднялся, подошел к Павлику, перекрестил и поцеловал его, а затем, попрощавшись со мной, просил меня беречь Павлика, на которого он перенес свою любовь к его отцу — своему начальнику и другу со времени еще галлиполийского сидения.

Эту поездку я никогда не забуду! Были моменты, когда я просто не знал, кого мне охранять больше — нашего политического подопечного или

же... Кутепова. Павел в течение всего этого пути нес такую политически опасную ахинею, что мне приходилось неоднократно его останавливать. Но ничего не помогало.

Чего только не наслышался я тогда от Кутепова: что, мол, отец его вовсе не похищен красными, «как это утверждают белые зубры», а принял предложение советского правительства, самого Сталина и отправился в СССР командовать армией, причем под личиной советского маршала.

Должен здесь сказать, что тогда я не знал о том, что, как об этом писал «Часовой», в кадетском корпусе была «большевицкая ячейка», членом которой был и Кутепов. Потому-то для меня и была такой жуткой неожиданностью вся та пробольшевицкая, просоветская галиматья, какую всю дорогу нес этот, произведший на меня впечатление полоумного мой однокашник-кадет...».

Бывший корпусник оказался почти прав. Павел Кутепов действительно добровольно перешел линию фронта и недолго служил переводчиком в советской армии. С Московской патриархией начал сотрудничать с октября 1960 года. Спустя семь лет был назначен главным редактором Бюро переводов и информации.

Награжден орденами Святого Равноапостольного князя Владимира II и III степеней, орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени.

Скончался он 27 декабря 1983 года. Погребен на Бабушкинском кладбище Москвы. В эмигрантском журнале «Кадетская переключка» потом появился некролог, в котором вице-фельдфебель 24-го выпуска Николаев, в частности, писал: «Слюбовью вспоминаю довоенные годы, когда многие из его одноклассников приходили по воскресениям в милый дом Кутеповых, где Лидия Давыдовна угощала нас наем с вкусным домашним печеньем. Павлик всегда был хорошим другом, скромным человеком. Он никогда не пользовался именем отца для корыстных целей. Спи спокойно народной земле, которая не всегда была тебе ласковой матерью».

ЧАСТЬ III

ОТВЕТНЫЙ УДАР. СОЗДАНИЕ «ВНУТРЕННЕЙ ЛИНИИ»

*Никогда примирения плесень
Не заржавит призыва во мне,
Не забуду победных я песен,
Потому что в любимой стране,
Задыхаясь в темничных оградах,
Я прочел, я не мог не прочесть,
Даже в детских прощающих взглядах
Грозовую, недетскую месть*

И. Савин

Глава 1. Идеология тайной организации

1 сентября 1924 года, согласно приказу генерала Врангеля, армия была преобразована в Русский общевоинский союз. Соответственно, части, которые находились в Болгарии перешли в подчинение начальника III отдела РОВС генералу Федору Федоровичу Абрамову. В годы Гражданской войны он был начальником Первой Донской конной дивизии, потом инспектором кавалерии Донской армии. Уже в Крыму, на последнем этапе белой борьбы, принял командование над Донским корпусом. Вместе с ним он и эвакуировался в лагерь Чаталджа, находившийся в Турции. Переехав потом в Болгарию, как и все, ожидал возобновления борьбы с большевиками. Вместо этого получил приказ барона Врангеля возглавить отдел РОВС. Он располагался в просторном доме № 17 по улице Оборище в Софии. Все было хорошо, вот только здание было очень уж старым и жило единственной надеждой на скорый капитальный ремонт. Но средств для этого у чинов русской армии не было, да и привыкли они в Гал-липоли к спартанской обстановке. Поэтому и переносили треснувшую штукатурку на удивление спокойно. Благо улица была тихая, перед домом сад, пусть и заросший, но напоминающий о русской поляне.

Обстановка в доме вовсе не походила на штаб армии: деревянные столы с видневшимися чернильными пятнами, хромые стулья, простые крестьянские скамейки для посетителей. Посреди этого оазиса аскетизма, как назвал управление РОВС один из марковских офицеров, располагался кабинет начальника канцелярии капитана Клавдия Александровича Фосса. Именно он и войдет в историю всей русской эмиграции как создатель и идеолог «Внутренний линии», вступить в которую можно было добровольно, а вот выйти из нее было невозможно. Только смерть освобождала «линейца» от верности.

Кто же он был, этот капитан Фосс? В годы Гражданской войны — чин артиллерийской бригады Дроздовской дивизии. Участник похода «Яссы-Дон», что было весьма значимым для любого чина русской армии. Владел пятью языками: русским, болгарским, французским, немецким, английским. Был глубоко верующим человеком. Очень скромный, он никогда не позволял себе повысить голос. И все же этих качеств было явно недостаточно, чтобы Абрамов назначил именно его начальником канцелярии, если рядом были заслуженные генералы-дроздовцы Манштейн и Туркул. Сказалась любовь Клавдия Александровича к

конспирации. Он быстрее многих понял и принял изменившиеся методы борьбы с большевизмом и с огромным энтузиазмом отдался новому делу. Для начала, создал тайную организацию «Долг Родине», куда и взялся вербовать верных Белому движению офицеров. Структура ее в целом повторяла Союз национальных террористов генерала Кутепова: тайные тройки, начальники которых знали лишь своего командира и двух подчиненных. Всем вступавшим гарантировали, что скоро им представится возможность бороться с оружием в руках против коммунистов.

Однако далеко не все стремились вступить в новую организацию. Многих офицеров смущало, что не было приказа генерала Абрамова. Хотя Фосс и говорил постоянно, что действует согласно указаниям Федора Федоровича. Одним из первых откликнулся на призыв капитан Корниловского артиллерийского дивизиона Николай Дмитриевич Закржевский, ставший со временем одним из лидеров «Внутренней линии».

Как раз в этот момент, выполняя распоряжение Врангеля, генерал Шатилов взялся за организацию переселения чинов армии из Болгарии и Сербии во Францию. Разумеется, проводилось это по линии Русского общевойскового союза. Ответственным в Софии был назначен капитан Фосс. Воспользовавшись тем, что паспорта оформлял его близкий друг капитан Арнольди, Клавдий Александрович сделал все от него зависящее, чтобы в Париж в первую очередь попали завербованные им члены «Долга Родины».

Для чего они были нужны во Франции, из которой до России дольше добираться, нежели из Болгарии? Дело в том, что именно в тот момент генерал Кутепов и заговорил о том, что РОВС нужна контрразведка. Ведь члены Национального Союза Террористов были, в сущности, боевиками-смертниками, и на роль Джеймсов Бондов явно не тянули. Воспользовавшись столь удобным случаем, Фосс доложил Шатилову о проделанной им работе, а тот, в свою очередь, довел эту информацию до Кутепова.

После получения одобрения от бывшего командира 1-го армейского корпуса, Фосс с утроенной энергией взялся за работу, постепенно превращая «Долг Родине» во «Внутреннюю линию» — секретную организацию в РОВСе. Генерального штаба генералы Шатилов и Абрамов давали советы и руководящие указания, вырабатывая инструкции и положения, направлявшие деятельность организации. Структура ее окончательно сложилась в 1927 году.

Сразу стоит оговориться. Документов по «Внутренней линии» доступно крайне мало. Можно сказать, что таковых в историческом обороте почти и нет, хотя в архиве Колумбийского архива их хранится достаточно много. Те, что случайно просочились за рамки организации, — следствие «Русской войны в Париже» в 1937 году. К примеру, «Обязанности линейцев», составленные Шатиловым и Фоссом. Уже по этому катехизису можно судить о том, насколько все было серьезно:

« 1. Хранить в абсолютной тайне от друзей, родственников, знакомых, равно как и врагов, самый факт своего пребывания в организации, имена чинов организации, с которыми он связан, задания организации, как выполненные, так и выполняемые, и вообще все, что имеет хоть малейшее, хотя бы и косвенное отношение к организации и ее работе.

2. Быть точным и аккуратным в соблюдении часов и дней явок, дисциплинированным и исполнительным в работе, ему порученной.

3. Не иметь никаких тайн от своего начальника по связи, который для него является представителем центра.

4. Аккуратно и точно давать донесения об исполнении данных ему поручений, избегая тщательно неверного и тенденциозного освещения фактов, им сообщаемых. Все должно соответствовать

действительности, хотя бы и неприятной как для организации, так и для него лично.

5. Помнить, что организация и ее работа являются для него главной осью его политической жизни, и его состояние и работа в других политических, экономических, культурных и т.д. организациях должна быть известна центру и подчинена его указаниям.

6. Не пытаться узнавать больше того, что ему сообщается по работе и с чем он знакомится в порядке работы. Избегать всяких вопросов, не имеющих непосредственного отношения к данным ему поручениям. В этом отношении необходимо подавлять всякое проявление любопытства.

7. Помнить прежде всего, что организация оставляет за собой право проверки каждого чина в видах возможно большей страховки своей работы и излишних потерь и провалов. Каждый удобный случай проверки чина немедленно используется организацией, хотя бы поведение такового ранее не давало поводов к сомнениям. Это необходимо для центра как

средство детально ознакомиться с качествами своих членов.

8. Избегать хранения при себе важных документов. Все распоряжения в письменной форме, получаемые по связи, по миновании надобности аккуратно возвращать обратно тем же путем.

9. Немедленно сообщать в центр о всех упущениях, промахах, предосудительном или подозрительном поведении чинов организации, которых чин знает, давая, однако, беспристрастное освещение фактов и руководствуясь исключительно пользой дела.

Дальнейшие меры принадлежат лишь центру.

10. Взаимоотношения между чинами организации очерчиваются исключительно работой последней. Этот принцип положен в основу отношения центра к чинам организации.

11. Работа каждого чина протекает под руководством центра - организации. Распоряжения последнего обязательны и не подлежат никакой критике со стороны данного чина или группы таковых.

12. Работа чина организации не подлежит абсолютно никакой оплате, ибо она является следствием его бескорыстной готовности включиться в ряды бойцов за освобождение Родины».

Но и это еще не все! Отдельная часть этой инструкции была посвящена вербовке новых членов в организацию. Требовалось тщательно выяснить политические убеждения кандидата, его характер, моральный облик, знания, способности, исполнительность и дисциплинированность. Болтунов и любивших выпить во «Внутреннюю линию» не принимали. Только после того, как изучались все личные качества, вербовщик мог приступать к своей непосредственной работе.

Ставя перед собой главную цель — непримиримую борьбу с большевизмом, — идеологи тайного ордена уделили особое внимание работе в среде русской эмиграции. Это было впервые. До момента создания «Внутренней линии» лидеры белых армий были уверены, что вся русская эмиграция живет лишь одной ненавистью к коммунизму. «Сменовехство» заставило Шатилова обратить самое пристальное внимание на возможную пятую колонну: «Организация напряженно следит за существующими политическими организациями, а также за общим настроением широких масс эмиграции, борясь с упадком духа и апатией. Наличие широко раскинутой и скрытой сети чинов организации дает воз-можность в

значительной степени влиять на эти настроения. Все эти условия делают работу организации самой разнообразной по своему характеру и направлению, а обстановка данного момента и его насущного требования неизбежно влияет на вид работы каждого чина организации».

Не забыл Шатилов и про боевую работу. Она сводилась к «проведению мер воздействия на отдельных лиц, на группы или учреждения

деня враждебного лагеря, а также в исполнении приговора относительно лиц, вошедших в организацию с целью провокации, разведки или предательства. Чины организации, берущие на себя этот вид работы, подвергаются тщательной проверке в смысле их способностей, физических и психических, а также специальному курсу подготовки. Боевик должен знать, что боевое задание он получает тогда, когда найдет нужным организация, а отнюдь не в зависимости от его желания или личных обстоятельств».

И наконец, главное — разведывательная работа. Обратите внимание на важнейший нюанс: она удивительным образом похожа на методы ОГПУ. Но из этого вовсе не следует, что Шатилов был завербован Лубянкой. Скорее всего, и чекисты, и идеологи «Внутренней линии» решили не изобретать велосипед, а взять за основу контрразведку Русской императорской армии. Итак, ее цели:

« 1. Проникновение в чужие организации с целью внутреннего наблюдения за жизнью и работой таковых. Чины, работающие в чужих организациях, кроме дачи центру вышеупомянутых сведений, проводят линии поведения в них согласно директивам центра, т. е. или укрепляют своей работой таковые, если работа чуждой организации полезна национальному делу, или, наоборот, разрушают ее в случае вредной работы таковой.

2. Наружное наблюдение за отдельными лицами, организациями или учреждениями, интересующими почему-либо центр, в целях выяснения их работы, связей и мест явок.

3. Вхождение в связь с отдельными лицами, организациями или учреждениями, интересующими почему-либо центр, с целью их освещения, дачи сведений об их работе, связях и образе жизни.

4. Информирование центра обо всех фактах, имеющих какое-либо отношение к работе организации.

5. Создание легенд с целью уловления в сферу влияния организации лиц, враждебных национальному движению, или же с целью

помешать развитию организаций и союзов, деятельность которых и рост вредно отражаются на настроениях эмигрантских масс в смысле

отрыва их от активных национальных образований.

6. Исполнение различных задач Центра осведомительно-разведывательного характера».

Венчал этот документ и вовсе удивительный пункт: *«Каждый чин организации обязан дать подписку в том, что он ознакомился с содержанием этой инструкции».* Иначе говоря, подпись под таким документом была равносильно обручению со смертью. Ничего подобного русская эмиграция не видела ни до, ни после. Поэтому даже после опубликования в 1937 году этого документа большинство в него не поверило, сочтя происками Лубянки...

Благодаря стараниям Шатилова две тайные организации в составе Русского общевойскового союза, а именно «Внутренняя линия» и Союз национальных террористов, фактически слились в одну. Во-первых, большинство боевиков к тому моменту уже погибли во время хождений в СССР. А во-вторых, главным связующим звеном между «кутеповцами» и «шати-ловцами» выступил бывший капитан Марковской артиллерийской бригады, участник диверсии в Ленинграде в 1927 году Виктор Ларионов.

Именно капитану пришла в голову идея тайных псевдонимов для всех руководителей «Внутренней линии». Так, Шатилова в переписке называли «115», «Павлов», «Хрущев». Ларионов именовался «Белая идея», а Закржевский — «Дмитриев». Генерал Миллер стал «Арсеньев». Генерал Эрдели, который был активным противником тайной организации, — «Непосредственным», а Русский общевойсковой союз — «ВР» (по всей видимости, сокращенное от фамилии Врангель).

Именно Ларионов сформировал идеологию «Внутренней линии»: *«Все должны знать, что организация уже спаяна кровью павших бойцов-добровольцев и замученных и убиенных чинов организации. Имена Сокольского, Болмасова, Радковича, Захарченко-Шульц, Коверды, Мономахова, Сусанина, Титова, Трофимова, Никитникова, а также многих и многих, назвать которых еще не пришло время, ia святая жертвенная кровь зовут на подвиг и самоотречение.*

Соответственно обстановке изменилась и форма борьбы, приняв характер революционной работы по расшатыванию устоев власти III интернационала и нанесение ударов по его работникам и организациям. Неизбежно необходимым явилось и создание нового органа осуществления

этой революционной борьбы и создания кадров борцов-националистов, приспособленных и опытных в действиях в этой новой обстановке. Этот орган революционной борьбы есть наша организация, по своей идеологической сущности являющаяся проявлением той национально-волевой идеи, которая лежит в основе Белого национального движения, с которой она связана неразрывно историческими и кровными связями.

Она продолжает белую борьбу, начатую на полях битв в России, она является авангардом армии борцов-националистов и реальным претворением в жизнь в современной обстановке зарубежного существования, непримиримости к поработившей Россию власти III интернационала, активности и жертвенности в борьбе за освобождение Отчизны и торжества национальных идеалов. Разбросанная по всем частям света, по всем государствам, включая СССР, она представляет собой невидимый, но сильный, организованный аппарат с одним центральным управлением и суровой дисциплиной. По своей структуре организация является конспиративной, т.е. ее работа не должна быть известной как для врага, так и для окружающей эмигрантской массы. Только при соблюдении этих условий возможно бороться с таким умелым и опытным противником, каковым является О ГПУ с его агентурой и разветвлениями, построенными тоже на принципе максимальной конспиративности. Находясь в состоянии непрерывной борьбы и опасности, организация требует от своих чинов максимального напряжения и жертвенности, и самое пребывание в организации уже говорит о готовности на таковые со стороны каждого чина ее.

Требования организации высоки и меры часто жестоки, но обстановка такова, что сентиментальности нет места. Организация имеет одну главную цель — освобождение Родины — и во имя этой цели не щадит ни врага, ни себя. Этой же главной целью определено отношение ее к своим чинам. Поэтому производятся тщательный отбор и проверка при принятии новых чинов, последняя повторяется при наличии обстоятельств, позволяющих лишний раз познакомиться с качествами данной группы чинов или одного из таковых. Чинам, состоящим уже в организации, последняя дает все то, что необходимо для умелого выполнения получаемых заданий. С этой целью производятся групповые или единоличные занятия с прохождением теоретического и практического материала, необходимого для чина при практическом выполнении возлагаемых на него заданий».

Ларионов, выражаясь фигурально, выстрелил в десятку. Сам, будучи ярым сторонником активной борьбы, он сыграл на надеждах и чаяниях

молодых поручиков и штабс-капитанов. Причастность к тайному элитному ордену внутри РОВС добавляла адреналин в кровь, принадлежность к избранным и самым проверенным наполняла гордостью сердца. А уж недостатка в офицерах, мечтавших пожертвовать собой ради Родины, тогда не было.

Глава 2. Что же такое «Внутренняя линия»

Когда капитан Фосс начал создавать контрразведку РОВС, у абсолютного большинства чинов крупнейшей эмигрантской организации уже было четкое понимание, что приказ Петра Николаевича Врангеля «Армия вне политики» был ошибочным. Это — если говорить мягко. Вся история Белого движения с позицией неопределенности была попыткой отстранения боевых офицеров от влияния на судьбу России. Легендарные слова генерала Кутепова, что армия возьмет Москву, а потом возьмет под козырек, в начале 20-х годов уже не устраивали молодых поручиков и штабс-капитанов. Больше того: вызывали у них, которые пожертвовали всем, неприятные вопросы, на которые они никогда не получали ответов. В этой связи чины русской армии не могли не заострить внимания на главном: цели и методы борьбы должны быть кардинальным образом пересмотрены, чтобы не повторять в дальнейшем тех же роковых ошибок. А это значит, что на повестку дня был вынесен вопрос о руководстве Русского общевоинского союза.

Безусловно, сознание необходимости глубоких перемен в руководстве РОВС было присуще высшему командному составу русской армии. А оно всегда руководствовалось прежде всего своими убеждениями. Младшее и среднее офицерство такими масштабными проблемами не озадачивалось, прекрасно понимая, что их мнение мало кого интересует. Почему же они не могли просто выйти из Русского общевоинского союза и пойти своим путем? Кое-кто вышел, включая и генералов, но ничего существенного добиться не смог. Если, конечно, не считать таковыми постоянные призывы к действиям. Хотя, безусловно, были и исключения из правил.

Думаю, что многим знакома книга или, по крайней мере, фильм «В августе 44-го». Там советские контрразведчики обезвреживают матерого диверсанта Мищенко. Так вот, этот человек существовал в действительности. Из донских казаков Сальско-го округа. Поклялся на шашке убитого большевиками отца бороться до последней капли крови. Окончил лагерь спецподготовки в Болгарии. В годы Второй мировой войны служил в Абвере, основал школу разведчиков и диверсантов и руководил ею до 1944 года. Более 50 раз ходил за линию фронта. В конце 1944 года организовал истребительную группу, которая, переодевшись в форму Красной армии, наводила панику в советских прифронтовых тылах, уничтожая высших советских командиров. Мищенко лично уничтожил

более сорока советских контрразведчиков. Сам был ранен семь раз.

После окончания войны избежал выдачи, недолгое время жил в Северной Африке. Потом переехал в Испанию. Женился на местной аристократке. Умер в 60-х годах.

Но была ли «Внутренняя линия» контрразведкой в классическом понимании? Безусловно, нет! Ведь контрразведка — это организация, которая в первую очередь занимается противодействием разведке противника. Но в нашем случае вопрос стоял прежде всего о власти в Русском общевойсковом союзе. Иначе говоря, «Внутренняя линия» была организацией политической. Толковый словарь русского языка дает такое определение политики: «система мероприятий, направленных на захват, удержание и использование власти в определенных целях». Значит, в нашем случае мы можем четко сформулировать основные задачи «Внутренней линии»: завоевание, удержание и использование власти. Но не только в Русском общевойсковом союзе. Речь шла о России.

Согласитесь, что это не под силу ни одной разведке или контрразведке с их четко офаниченными целями и ресурсами. Не стоит также забывать, что «Внутренняя линия» собиралась реал-лизовывать свои далеко идущие планы с помощью военной методики и организации. Подобную структуру можно было вырастить незаметно только под вывеской контрразведки.

Сегодня мы можем с полным основанием называть тайный орден внутри Русского общевойскового союза военно-политической организацией. Вернее даже, политико-военной, основная цель которой сводилась к свержению большевизма и восстановлению Единой, Великой и Неделимой России.

Политической организацией «Внутренняя линия» была по своим целям. А военной — по организационно-методическому обеспечению. В этом и состоит ее кардинальное отличие от любой контрразведки. При этом, прикрываясь этой вывеской, «Внутренняя линия» могла спокойно функционировать в рамках Русского общевойскового союза.

Обратите внимание на удивительную идентичность основных документов карающего меча большевистской партии ОГПУ и «Внутренней линии». Это ведь был вообще единственный случай в мировой истории, когда политический орган государственного управления назывался своим собственным именем, соответствующим выполняемым задачам — Государственное ПОЛИТИЧЕСКОЕ (ни много ни мало!) Управление.

Пожалуй, первым из вождей Белого движения понял и принял сущность подобной методологии управления генерал Алексеев. Не случайно он дал название контрразведке «Военно-политический отдел

Добровольческой армии». Михаил Васильевич смотрел далеко вперед и понимал, что нужно делать в условиях русской смуты.

Прекрасно понимал значение подобной структуры и Антон Иванович Деникин. Не случайно при первом же удобном случае он расформировал этот самый «Военно-политический отдел». У него уже было государство в виде Вооруженных сил юга России, которое и занималось вопросами власти в освобожденных от большевиков областях. А иметь государство в государстве Деникину было совсем не нужно. И без этого забот хватало.

Глава 3. Деятельность «Внутренней линии»

Главные задачи «Внутренней линии» сформулировала сама жизнь. Чины русской армии генерала Врангеля жили мыслью о продолжении борьбы с большевизмом. Но лозунг «Кубанский поход продолжается» претерпел некоторые изменения. В 30-х годах он звучал уже как «Хоть с чертом, но против коммунистов». Соответственно, тайная организация в составе Русского общевоинского союза занималась прежде всего разведывательной работой против СССР. Чины «Внутренней линии» проводили отбор, вербовку и подготовку агентов из числа бывших русских офицеров и перебежчиков для ведения диверсионной деятельности на территории Страны Советов, а также создание опорных пунктов антибольшевистского подполья. Во взаимодействии с генеральными штабами Польши, Румынии, Франции и Финляндии создавались «окна» на границе, через которые в СССР забрасывались группы подготовленных в специальных лагерях разведчиков.

К примеру, в Румынии руководил деятельностью «Внутренней линии» мичман Сергей Сергеевич Аксаков. Его подчиненный Владимир Бутков вспоминал спустя полвека: *«Мне посчастливилось встретиться, близко познакомиться и даже сдружиться с Аксаковым в Болгарии в 1938 году, когда он вернулся в Софию из своего четвертого похода в подъяремную Россию. Вырвался он оттуда просто чудом и привез с собой жену—балерину Одесского театра, бывшую «комсомолку». Она его спасла в Одессе, когда он был «обложен» агентами НКВД, когда жизнь его буквально висела на волоске. Будущая жена его у себя укрывала. Их поход из Одессы достоин сюжета самого фантастического фильма...*

В Болгарии он сразу же включился в активную деятельность боевых групп, отобранных для революционной борьбы с Советами. Авторитет Аксакова был на очень большой высоте. Его уважали и любили и с захватывающим интересом слушали его казавшиеся нам невероятными похождения и действия.

На занятиях да и в частной своей жизни он не отличался многословием. Говорил только по существу дела, выбирая точные определения и рисуя ситуацию объективно, критически. Он никогда не «летал в облаках», но требовал предельной дисциплины и выработки сурового, мужественного характера, необходимых для той борьбы, к которой готовились его слушатели. Он очень умело сочетал трезвую

действительность с идейной «белогвардейской» основой, постоянно приводя сотни примеров из жизни и деятельности генерала Кутепова, своей и своих друзей боевиков-кутеповцев, геройски погибших или еще с нами живущих.

Жил Аксаков очень скромно, вращался только в своей «белой» среде. В его квартире висели портреты с национальными трехцветными ленточками его друзей, погибших в борьбе за Россию. Он был «традиционером», выполнял все воинские формальности и очень любил русскую зарубежную молодежь. А главное — был верующим православным христианином. В Софии его всегда можно было встретить в соборе Святого Александра Невского на всенощных, которые он очень любил. Он их выстаивал с начала и до конца, и стоял всегда в правом притворе огромного храма, в полумраке...»

Во время Второй мировой войны служил в Абвере в чине оберлейтенанта. По линии РОА генерала Власова был произведен в чин лейтенанта флота. Своим участием в борьбе с большевизмом очень гордился и неустанно призывал соратников не складывать оружия: «Во время войны я служил в германской армии, побывал на Восточном фронте. Был в Одессе, Николаеве, Севастополе, по всему Крыму, в Ростове и под Новороссийском. Повидал много интересного и поучительного. Узнал и немцев, и подъяремный русский народ. Вероятно, многих будет шокировать наличие «Коллаборанта». Впрочем, времена подходят такие, что придется выбирать между коммунизмом и «Коллаборантством», нынче, быть может, с Америкой. Мы это все знали еще тогда, почему и шли к немцам на службу, не строя никаких иллюзий, как теперь пойдут на службу к американцам. Наша главная задача — всячески бороться с «помутнением мозгов», в какой бы форме и от каких причин оно ни появлялось. Надо, чтобы все наши поняли, что, например, все прошлые заслуги адмирала Кедрова не могут ни оправдать, ни извинить его бесславного конца. Мы должны верить, что в среде нашей нет изменников и подлецов, и мы можем только жалеть, а не оправдывать и превозносить людей, околпаченных на старости лет большевиками. Тридцать с лишним лет захлебывается в крови русский народ. Уже пять лет рассеялись как дым всякие «ялтинские увлечения», и большевизм раскрыл свой звериный лик. Даже тупоголовые иностранцы с их готтентотской моралью начинают понимать, что мир окончательно разделится на два лагеря и идет последняя борьба на жизнь и на смерть. Сатанинская власть беспощадного террора и рабства не скрывает своего намерения поглотить весь мир с его христианской культурой и всеми достижениями

права и справедливости. Уже прошло время, когда можно было прятать голову под крыло и оставаться нейтральным и «вне политики». И вот на фоне всего этого встречаются опять какие-то рассуждения о высоком чувстве патриотизма в связи с советской властью. Между двух стульев теперь сидеть нельзя. Каждый должен честно определить свою линию и стать направо или налево. Это надо было сделать тридцать лет тому назад, а теперь уже нельзя этого не сделать...»

Разумеется, при такой идеологии чины «Внутренней линии» не могли не принять самого деятельного участия во Второй мировой войне. Уже спустя неделю после начала нападения Гитлера на СССР в Румынию прибыл капитан Фосс с двумя десятками молодых людей, прошедших специальную подготовку в лагерях тайной организации. Об одном из этих лагерей — болгарском — спустя годы вспоминал начальник Русского общевойскового союза капитан Владимир Бутков: «Военно-училищные курсы при III отделе РОВСа несли с 1938 по 1940 год караульную службу в принадлежащем отделу особняке на улице Оборище, 17, чтобы проходить на практике гарнизонную службу. Этот особняк стоял в глубине небольшого сада и был обнесен высокой стеной. Во всех четырех углах и при выходе стояли часовые из числа слушателей курсов. При них были разводящий и начальник караула.

Во дворе при особняке III отдела слушатели унтер-офицерских и военно-училищных курсов проходили на практике ружейные приемы. В подвалах особняка находилось около сорока русских трехлинейных винтовок, стояли ящики с патронами, имелись два легких пулемета Льюиса и один станковый пулемет «максим».

Слушатели разбирали и собирали их, из винтовок стреляли в летних лагерях.

Занятия в роте производились трижды в неделю. Приходя в помещение Галлиполийского собрания или помещения НОРР (Национальная организация русских разведчиков. — Примеч. ред.), чины роты надевали форму —русские зеленые рубахи с высоким воротником и шифровкой на погонах в виде литер «АК» — «Александр Кутепов».

Следует отметить, что никого из русских скаутов в Кутепов-ской роте не было. Небольшая группа русских скаутов в Болгарии считала себя «антимилитаристами» и в военные организации не вступала. Это были в большинстве своем дети либералов, руководителей Земгора и др.

По линии болгарской полиции капитан Браунер обеспечивал невмешательство полицейских органов в военную работу III отдела РОВСа, а капитан Фосс доставал деньги для обеспечения пребывания

боевиков в лагерях, покрывая расходы на питание, обмундирование и поездки».

В Бухаресте капитан Фосс и его воспитанники задержались ненадолго. При первой же возможности группа отправилась в Россию. Присоединился к ним и Аксаков. В задачи чинов «Внутренней линии» входила организация административных мероприятий на освобожденных от Красной армии территориях. Один из участников группы капитана Фосса Павел Бутков напишет спустя полвека в своих воспоминаниях: «Мы должны были отправляться в Винницу, где находилась главная квартира фюрера и где формировались украинские соединения. Мы должны были разобраться в этих украинских делах, так как немцы совсем в них запутались. Клавдий Александрович Фосс был в восторге от этого задания, так как он считал, что наша правда об украинцах-галичанам взяла верх и немцы думают, что они ошиблись в том, что делали ставку на них. В то время многие офицеры немецкой армии были за создание русского правительства в Киеве, но потом нацисты со своим фюрером решили иначе и стали делать ставку на украинцев-галичан, которые массами пошли к ним и создали даже дивизии эсэсовцев. На Украине они были самыми ближайшими помощниками немецкой администрации и ее исполнителями. Эти безумные нацисты со своим фюрером хотели все себе подчинить — и всю Россию, и особенно Украину. С большим подъемом мы готовились к отъезду в Винницу. Ехали мы на нескольких машинах и увидели еще много интересных мест юга России. По пути мы разговаривали с местными жителями, которые, узнав, что мы русские-белые, с большим интересом и откровенно с нами разговаривали. Никто почти не высказывал своих симпатий к галичанам, которых считали совершенно чужими и продажными шкурами. Винница — старинный город, который стоит на обоих берегах довольно большой реки Буг. Нам был предоставлен очень хороший особняк, который стоял на крутом берегу Буга. Там с нами разместился и наш немецкий начальник, который был близок к некоторым высокопоставленным офицерам главной квартиры в Виннице, что было очень важно для нашей работы там. На меня была возложена обязанность собирать информацию о знаменитых винницких расстрелах; информация эта отправлялась болгарскому военному министерству. В этом особняке у нас была специальная прислуга, которая следила за чистотой в доме; была большая кухня с поваром, который вкусно готовил. В этом доме совершенно все было для барской жизни. Прекрасные спальни с великолепным постельным бельем, уборные в идеальном порядке, общий зал с прекрасными люстрами и огромным столом, где мы все собирались во время наших обедов и ели вкусные блюда

с лучшими винами и свежими фруктами. У всех у нас были свои задания, и мы были очень заняты в течение всего дня. Мы старались развязать узел, который в Виннице сплетался с различными группировками украинских самостийников. Там были бендеровцы, петлюровцы, махновцы, и все имели свои политические и стратегические намерения относительно «устройства самостийной Украины». Мой друг мичман Сергей Сергеевич Аксаков набрел на самую для нас интересную «подпольную» организацию украинцев, которых всюду в местной администрации было полно. Все, кто был связан с этой подпольной украинской организацией, были сняты с работы и, ввиду того что большинство было из галичан, высланы из Винницы. После этого немцы перестали так доверять украинцам, и их самостийные формирования и школы в Виннице были закрыты. Когда мы только прибыли в Винницу, капитан Фосс сказал, что под Винницей на кирпичном заводе сидят несколько высших генералов-военнопленных Красной армии и среди них генерал Власов, с которым капитан Фосс хотел связаться. Но тогда Власов никого, особенно русских эмигрантов, не хотел видеть. Позже приехал из Берлина капитан немецкой армии, также бывший русский и белый офицер Штрик-Штрикфельд, который работал при главном командовании немецкой армии и ОКВ. С ним генерал Власов несколько раз беседовал и согласился ехать под Берлин, чтобы начать работать с немцами и организовывать части РОА». Надо сказать, что руководство Русского общевойскового союза быстро поняло, какого монстра взрастила в своих недрах. Известно, что «Внутреннюю линию» пытались распустить четыре раза! Дважды это приказывал генерал Миллер, по одному разу — генералы Витковский и Архангельский. Но ничего это не дало. Как писала в свое время жена генерала Деникина, «организация с годами выродилась в подпольный и очень страшный организм со множеством щупальцев в разных странах и обществах российского рассеяния».

В 1991 году рухнул Советский Союз. Коммунистическая идеология перестала быть государственной. Совсем чуть-чуть не дожили до воплощения своей самой заветной мечты мичман Аксаков и капитан Фосс. А официального приказа о прекращении деятельности «Внутренней линии» как не было, так и нет. Да что там приказ, если до сих пор неизвестны даже большинство чинов тайного ордена внутри Русского общевойскового союза. «Линейцы» унесли большинство своих тайн в могилы. Даже сегодня, спустя 70 лет, автору не удалось получить для публикации групповую фотографию контрразведчиков в Болгарии. «Преждевременно!» Получив такой ответ, я даже не удивился. Русские

эмигранты второй волны уверены: организация существует до сих пор...

Самое горькое заключается в том, что сбылись пророческие слова полковника Месснера: *«Не виню никого. Виню всех. Никто и все виноваты в том, что наши полковые колонны имеют только «голову» и не имеют «хвоста». Голова седая, а хвоста нет. «Не то важно, что эмиграция существует, важно то, что она вымирает», — сказал однажды Сталин. Мы вымираем, это значительный, важный факт. Но мы еще существуем — это тоже факт важный и значительный, потому что мы храним в душах своих дух России, дух белой борьбы, дух нашего доблестного войска.*

Если не случится чуда, если Россия не освободится в самом скором времени, то некому будет донести до России то чудо, которое мы бережем. А донести надо. Мы окажемся дезертирами корниловского долга. Но есть другая возможность не стать дезертирами долга, ибо если у знамени часовые сменяются один за другим, непрерывной чередой, то караул у духа, у корниловского духа, могут нести не только люди, но и души в строю там, на небе...»

Они не оставили воспоминания. Как говорили сами: «Мы боремся за Россию. А писать историю не наша забота». А ведь история та была интереснейшая!

ЧАСТЬ IV

«ПЛАН ДУГЛАСА». ПОХИЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА МИЛЛЕРА

*И в каждом доме, в каждой комнате,
Где люди русские живут,
Пускай звучит печально: помните
Погибших подвиг, жизнь и труд.
Уйти от омута нелепого,
От этой будничной тоски,
Погибнуть гибелью Кутепова
От злобной вражеской руки.*

М. Колосова

Глава 1. Роковой день

Ровно в 9.00 22 сентября 1937 председатель Русского общевойскового союза вышел из своего дома. Он был само спокойствие. Жена Евгения Карловича не заметила на лице мужа никаких признаков озабоченности. Он должен был заехать на Восточный вокзал, чтобы купить билеты до Белграда для невестки и внучки. Никто и никогда в семье Миллера не знал распорядок его рабочего дня. 22 сентября не стало исключением из правила.

Согласно показаниям генерала Кусонского в суде, почти в 11.00 Евгений Карлович вошел в управление РОВСа. Он сразу же зашел в кабинет начальника канцелярии и сказал, что хотел бы с ним переговорить. Спустя час Кусонский услышал от него: *«Уменя сегодня много беготни. Сейчас я должен ехать на свидание и на завтрак. Может быть, после этого я вернусь в управление. Не сочтите меня, Павел Алексеевич, за сумасшедшего. Но я оставлю на всякий случай записку, которую прошу не вскрывать»*.

Кусонский удивился. За все годы знакомства с Миллером он никогда слышал от него таких речей. Поэтому он просто ответил: *«За сумасшедшего вас не считаю. Записку, конечно, не вскрою и завтра утром верну вам ее нераспечатанной»*.

В четверть первого Миллер вышел из управления Русского общевойскового союза. Он не оставил на столе бумаг, как обычно делал, когда рассчитывал вернуться. Однако и не взял с собой портфеля и бумажника, в котором были железнодорожные плацкарты и немного денег. Осталось в кабинете и пальто.

К странной просьбе Евгения Карловича Кусонский отнесся на редкость равнодушно. Вернувшись в свой кабинет, он положил записку в ящик стола, никому о ней не сказав. В 14.45 он ушел домой завтракать. Генерал даже не подумал позвонить в РОВС и узнать, вернулся ли Миллер.

В 20.00 должна была состояться традиционная встреча Общества северян, возглавлял которое председатель Русского общевойскового союза. Странное отсутствие Евгения Карловича заставило сотрудника управления поручика Асмолова позвонить ему домой. Супруга генерала, едва скрывая охватившее ее тут же беспокойство, ответила, что к обеду генерал не приехал и вообще не сообщил семье, что сегодня задержится по делам.

Спустя час жена Миллера сама перезвонила в управление РОВСа и

попросила известить полицию. Асмолов немедленно отправил курьера с запиской к Кусонскому, прося его как можно быстрее приехать на работу. Вскоре выяснилось, что в тот день Миллера никто нигде не видел. Тут же перезвонил взволнованный адмирал Кедров, которому о таинственном исчезновении Евгения Карловича сообщила его жена. Узнав, что Кусонский уже в дороге, первый заместитель председателя РОВСа заявил, что вскоре приедет.

В 23.00 Кусонский приехал в управление. Пройдя в свой кабинет, он достал записку Миллера. Аккуратно вскрыл конверт, достал лист бумаги и прочитал: *«У меня сегодня в 12.30 нас дня рандеву с генералом Скоблиным на углу Жасмен ирю Раффе, и он должен взять меня на свидание с немецким офицером, военным агентом в Прибалтийских странах полковником Штроманом и Вернером, состоящим здесь при посольстве. Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устроено по инициативе Скоблина. Может быть, это ловушка, на всякий случай оставляю эту записку. Генерал Миллер»*. Закончив читать, Кусонский, согласно армейской привычке, пометил на конверте: вскрыт в 23 часа.

Спустя пять минут в кабинет быстрым шагом вошел адмирал Кедров. Кусонский не стал дожидаться вопросов и предпочел не вдаваться в долгие объяснения. Он молча протянул записку Миллера. Кедров погрузился в чтение. С каждым прочитанным словом на его лице отражалась все большая степень удивления, которая граничила с растерянностью. Однако оба эти чувства достаточно быстро уступили место негодованию. Возмущенный до глубины души нерадивостью Кусонского, адмирал высказал ему все, что он думает по поводу такой непростительной оплошности, не особенно выбирая выражения.

Руководители Русского общевойскового союза решили известить полицию об исчезновении генерала Миллера. Но буквально тут же передумали. Кедров задумчиво сказал: *«А что если генерал Евгений Карлович лежит где-нибудь за городом раненный в автомобильной катастрофе и не имеет возможности дать знать? Ведь Скоблин должен знать об этом свидании и может дать нам необходимые указания»*.

У этого решения было вполне логичное объяснение. Отнеся эту записку в полицию, лидеры РОВСа сразу бы подтвердили утверждения некоторых французских газет об их тесных связях с Третьим рейхом. Этого ни Кедрову, ни Кусонскому не хотелось. Поэтому они решили так: прошло уже и так почти полдня, поэтому еще один потерянный час принципиально ситуацию не изменит. Пока же пошлем за Скоблиным. Знать бы, правда, где он сейчас.

Между тем поднятый среди ночи адъютант Корниловского ударного полка штабс-капитан Григуль сообщил, что Скоблин и Плевицкая сегодня решили остановиться в отеле «Паке». Будить генерала вызвался полковник Мацылев. О записке Миллера он ничего в тот момент еще не знал. Сев в первое же попавшееся такси, он помчался в гостиницу. Постучал в дверь номера. Услышав недовольный голос Скоблина, он сообщил ему, что пропал генерал Миллер и Николая Владимировича срочно просят приехать в управление Русского общевойскового союза. Спустя пять минут начальник корниловцев, в коричневом костюме, без шляпы, с черным, переброшенным на руку пальто, уже ловил такси. По дороге Мацылев рассказал ему немного, что сам знал о таинственном исчезновении председателя РОВСа. Скоблин спокойно слушал, иногда перебивая, чтобы осведомиться о некоторых подробностях.

Приехали в управление. Поднялись по темной лестнице и вошли: первым Скоблин, за ним Мацылев. Пройдя в кабинет Кусонского, генерал закрыл за собой дверь. Полковник остался в приемной. Все дальнейшие диалоги участников событий приводятся по их собственным (за исключением, разумеется, Скоблина) показаниям следствию:

— *Что случилось?*

— *Видите ли, Николай Владимирович, мы обеспокоены отсутствием известий о генерале Миллере. Он исчез бесследно. Но, прежде чем идти в полицию, мы хотели бы выяснить, что вы знаете о нем. Когда вы сегодня видели Евгения Карловича ?*

— *Сегодня не видел. Видел его вчера, когда заходил в управление.*

— *Но нам известно, что сегодня у вас было с ним свидание.*

— *Ничего подобного.*

— *Но нам известны даже время и место свидания: половина первого, угол Жасмен и Раффе.*

— *Не знаю таких улиц. В половине первого ? В это время мы с женой завтракали в ресторане Сердечного. Потом, в 4 часа, с Трошиным поехали благодарить генерала Деникина за внимание к корниловцам. В 5 часов заехали к генералу Миллеру.*

— *Подумайте хорошенько!*

— *Нечего мне думать! Говорю же вам, что с ним сегодня мы не встречались.*

— *Тогда поедem в полицию и известим ее об исчезновении Евгения Карловича».*

Скоблин не имел ничего против этого. Вместе с Кедровым он вышел из кабинета Кусонского. За ними, надевая на ходу пальто, последовал сам

начальник канцелярии Русского общевойскового союза. И тут случилась очередная неожиданная промашка Кусонского. Вместо того чтобы немедленно ехать в полицию, он обратился к адмиралу Кедрову: «Михаил Александрович, можно вас на минуточку?» С этими словами он увлек его обратно в кабинет, словно желая обсудить подробности разговора со Скоблиным. Начальник корниловцев не стал их ждать и спокойно вышел на улицу. Когда же из здания управления РОВС -вышли наконец Кедров, Кусонский и Мацылев, они с удивлением увидели, что Скоблина нигде нет. «Святой Боже, он сбежал!» — только и смог вымолвить адмирал. Двое его попутчиков не смогли сказать даже этого, настолько были ошарашены всем происходящим.

Все это не может не удивлять. На суде Мацылев и Кедров дружно утверждали, что поведение Скоблина внушало им опасения много лет. Почему же тот роковой день они вели себя, как влюбленные гимназисты на ночной прогулке в парке, которые часов не наблюдают и на окружающих внимания не обращают?

Первым пришел в себя Мацылев. Он совершенно справедливо заметил, что, видимо, не все знает, и выразил сожаление, что от него скрыли важные детали. Кусонский, переглянувшись с Кедровым, молча протянул ему записку Миллера. При свете уличного фонаря полковник начал внимательно читать. С каждым предложением в его памяти всплывали все многочисленные подозрения, вызванные странным поведением Скоблина в последние годы. Дочитав до конца, он был уже убежден в виновности главного корниловца. Оставалось решить главный вопрос: куда он мог деться? В этот момент Кусонский высказал предположение, что Скоблин отправился предупредить жену о таинственном исчезновении Евгения Карловича Миллера. Офицеры решили немедленно ехать в гостиницу.

Через двадцать минут Мацылев, настойчиво постучав в дверь, распахнул ее. В номере тускло светила электрическая лампочка, на кровати лежала полуодетая взволнованная Плевицкая.

— *Что случилось ? Где Коля ? Где Евгений Карлович ? Вы должны мне все сказать! Вы увезли моего мужа ? Что вы с ним сделали ? Вы его в чем-то подозреваете? Скажите мне, ведь он человек самолюбивый, он может застрелиться.*

— Надежда Васильевна, я приехал к вам потому, что надеялся застать его здесь. Неожиданно для нас он выбежал из управления и куда-то исчез. Ничего больше сказать не могу, не знаю. Я спешу.

Внизу в такси меня ожидают Кедров и Кусонский. Мы едем в полицию, чтобы заявить об исчезновении генерала Миллера.

Окончательно убедившись, что помимо председателя Русского общевойскового союза теперь куда-то пропал еще и начальник корниловцев, трое офицеров отправились в полицию. Полусонные полицейские вообще долго не могли понять, чего от них хотят эти странные русские. На часах было 3 часа 15 минут.

Кусонский вспомнил, что у Скоблина был личный автомобиль — объект гордости хозяина и жгучей зависти большинства эмигрантов, едва сводящих концы с концами. Закончив дела в полиции, все трое отправились в гараж. К их огромному удивлению, машина с номером «1988 ОУ5» оказалась на месте. Охранник сказал, что владелец сегодня не появлялся.

Глава 2. Следствие французской полиции

В 5 часов 15 минут утра 23 сентября два полицейских инспектора произвели первый допрос Надежды Васильевны Плевицкой. Французским языком она не владела, поэтому в качестве переводчика был приглашен полковник Мацьлев. Удалось буквально по минутам воспроизвести, что делала певица накануне и чем был занят в это время ее муж.

Согласно ее показаниям, в тот момент, когда неизвестные похищали председателя Русского общевойскового союза, они завтракали в русском ресторане. После этого Скоблин отвез Плевицкую в магазин модной одежды «Каролина», где она заказала новые платья. Пока шла примерка, Николай Владимирович сидел в машине, ведь он терпеть не мог магазинов. Закончив с покупками, они отправились на вокзал, провожать в Брюссель приезжавшую на юбилей полка дочь генерала Корнилова.

Полицейских ее показания вроде бы удовлетворили, однако они решили на всякий случай отвезти ее к следователю, которому и было поручено расследование таинственного исчезновения лидера русской военной эмиграции. На новом допросе Плевицкая с еще большей тщательностью описала весь предыдущий день. Таким образом, в дело генерала Миллера был вложен первый документ, который гласил: Плевицкая и Скоблин вышли из отеля ровно в 12 часов. Через 20 минут он пришел в гараж и взял свой автомобиль. В 12 часов 25 минут они приехали в ресторан, вышли из него в 12 часов 50 минут. В магазине «Каролина» они были в 12 часов 55 минут. Провели в нем 40 минут и уже в 14.00 приехали на вокзал.

Следователь немедленно взялся проверять показания Плевицкой. И сразу же стали выявляться нестыковки с версией певицы. Хозяин гостиницы показал, что Скоблин с супругой вышли из номера в 11 часов. Служащий гаража уверял, что машину забирали в 11.20. Официант, посудомойка и лакей ресторана, не сговариваясь, заявили, что генерал с певицей появились в 11 часов 25 минут. Запомнили они это лишь потому, что обычно Скоблин и Плевицкая занимали свой любимый столик. А в тот день почему-то присели к бару и заказали два бутерброда с икрой. Объясняя столь необычное для них поведение, генерал сказал, что они очень торопятся.

Владелец магазина модной одежды «Каролина» Эпштейн показал, что Плевицкая пришла к нему одна в 11 часов 55 минут. Примеряя платья, она

говорила, что муж ждет ее на улице в машине. Эпштейн предложил ей пригласить Скоблина, но Плевицкая ответила, что это не нужно, зашла она всего на несколько минут. Однако несколько минут превратились в 1 час 35 минут, проведенные ею в магазине. Оформив заказ на платье за 2700 франков, она оставила задаток, пообещав уже в ближайшие дни приехать и расплатиться полностью. Пять минут спустя после ее ухода из магазина в «Каролину» вошел Скоблин.

Следователь тут же пришел к выводу, что, коли так, значит, и на вокзал Скоблин и Плевицкая приехали отдельно друг от друга. До сих пор непонятно, на основании чего был сделан вывод, что Плевицкая приехала туда на такси ровно на пять минут раньше Скоблина.

В результате у него получилось, что в промежутке между 11 часами 55 минутами и 13 часами 35 минутами генерала никто не видел и создать ему алиби не может. А это означает, что он вполне мог бы участвовать в похищении председателя Русского общевойскового союза Евгения Карловича Миллера. В ту же минуту следователь решил, что Скоблин явно передал своего «пленника» в руки немецкой разведки.

Эмиграция в предательство Скоблина не поверила. Широкую известность получили слова бывшего начальника штаба Корниловской дивизии полковника Месснера: *«Уважение, созданное на поле боя, уважение солдата к храброму солдату не может легко исчезнуть, и поэтому я не могу поверить в то, что генерал Скоблин как агент большевиков увез генерала Миллера. Чтобы поверить этому чудовищному обвинению нужно нечто большее, чем порою явно фантастические сообщения французских газет и неясные обстоятельства, могущие оказаться просто случайным сцеплением обстоятельств»*

Я не потому не верю в предательство генерала Скоблина, что оно невозможно, — на свете все возможно, — а потому, что оно противоречит моему представлению о Скоблине. Я его, очень смелого, немного легкомысленного, считаю способным украсть человека, но только ради ему близкой политической цели, а не по заданию большевиков».

Тщательно сравнив показания Плевицкой и свидетелей, полиция окончательно убедилась: ей было что скрывать. Судя по всему, она заранее подготовилась и именно поэтому так четко отвечала на вопросы и не путалась во времени и деталях. Этот вывод позволил следователю утверждать, что Скоблин специально уговорил дочь генерала Корнилова возвратиться в Брюссель именно 22 сентября, поездом, который отходил в 14 часов 15 минут. Его присутствие на вокзале должно было бы лучше доказать: в момент похищения председателя Русского общевойскового

союза Евгения Карловича Миллера Николай Владимирович Скоблин был совершенно в другом месте.

После допроса Плевицкая отправилась в Общество галли-полийцев. Ей надо было поговорить обо всем с адъютантом Скоблина, капитаном Григулем. Подробности их беседы неизвестны, но, по всей видимости, ничего особенно значимого сказано не было. Судить об этом позволяют показания корниловца в суде, где он честно и откровенно рассказал обо всем, что знал. Тем более он и так оказал следствию неоценимую помощь.

Дело в том, что именно Григуль был тем человеком, который сопровождал Плевицкую на допрос. Это его дочери певица передала в полиции на хранение некоторые вещи, в числе которых оказалась и записная книжка Скоблина. Девочка совсем забыла об этом и лишь через три дня рассказала отцу. Разумеется, Григуль узнал много раз виденный им блокнот генерала. Он решил немедленно сдать его в полицию.

Следствие было счастливо получить в свои руки такую весомую улику. Тем более что на одном из листов обнаружили весьма подозрительную надпись: *«Особо секретным денежным письмом. Шифр: пользоваться Евангелием от Иоанна, глава XI. Числитель означает стих, знаменатель — букву. При химическом способе: двухпроцентный раствор серной кислоты. Писать между строк белым пером. Проявлять утюгом. Письмо зашифровывается: милостивый государь без многоуважаемый».*

Следователь немедленно решил, что все это явно неспроста. В своем рапорте он, в частности, написал: *«Если бы часы, указанные мадам Скоблиной, были проверены не сразу же на следующий день, а спустя несколько недель после похищения, то свидетели не смогли бы показать столь точно. Не будь письма, оставленного генералом Миллером, представленное алиби оказалось бы неоспоримым, и в отношении Скоблиных нельзя было бы высказать какое бы то ни было подозрение».*

В результате было принято решение арестовать певицу. Своим адвокатом она решила взять Филоненко, чем, мягко говоря, шокировала всю русскую эмиграцию. Дело в том, что сей служитель Фемиды прославился в 1917 году, когда принял участие в Корниловском мятеже. Выступая потом в суде, он заявил: *«Я очень уважаю Лавра Георгиевича, но его нужно расстрелять. И я буду первым, кто отнесет цветы на его могилу».* Надо ли говорить, что все чины легендарного ударного полка питали после этого к Филоненко «особо трепетные чувства». И Скоблин не был исключением...

1 октября 1937 года в парижском дворце правосудия Надежду Плевицкую подвергли первому, по-настоящему серьезному допросу. Следователь, выражаясь фигурально, решил сразу зайти с козырных карт: пригласил присутствовать при этом жену и сына похищенного генерала Миллера. Их встреча с Плевицкой была весьма драматичной, о чем можно судить даже по беспристрастной стенограмме:

«Миллер: Вы же знаете, что случилось. Вы обязаны помочь найти наших мужей.

Плевицкая: Но я ничего не знаю, я ни в чем не виновата.

Миллер: Умоляю вас, скажите всю правду, все, что вы знаете.

Плевицкая: Но я в самом деле ничего не знаю! Как вы могли поверить этим подлым слухам ?

Следователь: Скажите, а почему вы не пришли к мадам Миллер, узнав о постигшем ее горе? Ведь эта семья была вам не чужой.

Плевицкая: Не знаю. Об этом совсем не думала».

В этот момент следователь вытащил из ящика стола записную книжку Скоблина. Это был сильнейший психологический удар. Плевицкая немигающим взором смотрела на нее несколько, показавшихся ей целой вечностью-, секунд. Она с тревогой ждала вопроса. И он последовал, но вовсе не тот, к которому она морально успела подготовиться: *«Скажитеу что означает эта запись в блокноте вашего мужа: «Передать Е. К. о свидании в 12 ч. 30 м. 3 Пб7гри ?»*

Даже Плевицкая, будучи совершенно не подкованной в юриспруденции, сразу поняла: оправдаться будет почти невозможно. Но и молчать было нельзя. Молчание могло быть расценено как признание вины. А этого допускать нельзя. Поэтому, едва отдышавшись, певица смогла выговорить лишь: *«Ничего не знаю, ничего не понимаю».*

Следователь, казалось, только этого ждал. Пристально глядя в глаза Плевицкой, он чеканил слова, как шаг на параде: *«Все ясно. Ваш муж заманил генерала Миллера на свидание. Он главный виновник похищения. А вы — его сообщница».*

Оставшиеся вопросы, самым главным из которых был финансовый, сути уже не меняли. Плевицкая вдруг отчетливо поняла, что выбраться из этого капкана будет очень сложно, если вообще возможно. Ни одному ее слову следователь не верил. Вдова Миллера всем своим видом показывала, что считает именно Скоблина главным виновником похищения

председателя Русского общевойскового союза. Друзья мужа заняли странную выжидательную позицию. Она осталась одна против всех. Русская эмиграция словно мстила ей за годы триумфа...

Похищение Миллера и таинственное исчезновение Скоблина дало журналистам всего мира прекрасный шанс проявить себя. Каждый уважающий себя автор считал своим долгом выдвинуть версию, обставив ее умопомрачительными деталями, каждая из которых словно выходила из-под пера минимум Эдгара По. Начало было положено французскими газетами. Организатором похищения председателя Русского общевойскового союза четко называли НКВД, пусть даже авторы и не могли расшифровать эту странную аббревиатуру. Прокоммунистические издания, напротив, уверяли всех, что это дело рук гестапо. Эмигрантская печать ежедневно выдавала одно разоблачение за другим, благо многочисленные выступления членов НТС и примкнувшего к ним Тур-кула давали прекрасную пищу для размышлений.

Не остались в стороне и советские журналисты. К примеру, газета «Известия» в своей передовице писала: *«Фашистские газеты объявили: «Генерал Миллер похищен представителем Советского Союза Скоблиным. Его погрузили на советский пароход и повезли в Ленинград». Действительно, как могут обойтись жители Ленинграда без генерала Миллера? Второе, удешевленное, издание дела Кутепова состряпано».*

Корреспондент «ТАСС» передавал из Парижа: *«Все отчетливее выясняются связи Скоблина с гитлеровским гестапо и звериная злоба и ненависть, которые питал Скоблин к Советскому Союзу. Ряд газет приводит заявление директора одного из парижских банков, который сообщил, что Скоблин располагал крупными средствами и часто менял в банке иностранную валюту. Из заявления банкира вытекает, что источником средств Скоблина являлась гитлеровская Германия».*

Вести следствие в такой ситуации сложно. Каждый твой шаг будет рассматриваться сотнями глаз, каждый из которых мнит себя гением сыска и норовит лезть с советами. Но работа есть работа. В первые же дни после похищения председателя Русского общевойскового союза полиция потрудились на славу. Были произведены обыски в квартире Миллера, управлении РОВСа, обществе галлиполийцев, в помещении Русского национального союза участников войны и Русского исторического союза. С

особой тщательностью изымались документы из квартир Трошина, Савина, Григуля. И разумеется, Скоблина. В результате в деле скопилась груда бумаг на непонятном для французов языке. Пришлось нанять целую группу переводчиков, которая с утра до вечера несколько месяцев подряд только и делала, что готовила материалы для следствия. А поскольку никто не мог сказать точно, что именно надо искать, пришлось переводить все.

Пока переводчики трудились не покладая рук, полиция начала внимательно изучать показания свидетелей и уже готовые документы на французском. Их разочарованию не было предела. Достаточно быстро выяснилось, что толку от этого никакого нет. Единственным достижением можно было считать то, что в похищении Миллера не обвинили весь Русский общевоинский союз. Эта версия была выдвинута с самого начала, но в процессе следователи пришли к мнению, что подобный макиавеллизм несчастным эмигрантам не под силу.

Следом за ней была отброшена в сторону теория, что Миллера похитили фашисты. Сначала долго выясняли, какие именно: португальские, испанские, германские или итальянские. Потом пришли к выводу, что единственная ниточка, которая связывала это дело с какой-либо фашистской партией, это Туркул, запятнавший себя постоянными поездками в Берлин. И сидеть бы главному дроздовцу на скамье подсудимых, если бы в дело не вмешалась газета «Правда». Ее передовица убедила следствие, что они пошли по ложному следу:

«Исчезновение генерала Миллера было проведено с целью поставить во главе белой эмиграции более подходящего для Гитлера человека, что, несомненно, в интересах той части белой эмиграции, которая связана с фашистской Германией. «Попюлер» передает далее небезынтересные сведения о положении внутри Российского общевоинского союза». Миллер, по словам газеты, не проявлял того рвения и горячности в отношении службы Гитлеру и генералу Франко, которых хотели бы от него некоторые из главарей РОВСа. Миллер будто бы отказался обратиться с воззванием к чинам РОВСа, вступить в войска испанских мятежников. Некий генерал, которого газета обозначает буквой «Г», недавно тайно отправился в Германию. В Германии «Т» тесно связан с белогвардейским генералом Глазена-пом. По возвращении из Германии «Т» имел встречу с Миллером. После этой встречи Миллер говорил некоторым из своих друзей, что он испытывает тревогу за свою дальнейшую судьбу».

Разумеется, аббревиатуру «Т» все расшифровали правильно — Туркул. Но это была сущая чепуха. Во-первых, после их предыдущего свидания, закончившегося выходом Антона Васильевича из РОВСа, никаких

предпосылок для новых радостных встреч не было. Во-вторых, если Миллер кому и высказывал свою тревогу, так это Кусонскому. Было это всего один раз, в тот роковой день. И фамилия Туркул нигде не фигурировала. В-третьих, широкую известность получила одна из статей генерала в партийной газете «Сигнал»: *«Мы приветствуем добровольцев, борющихся в армии Франко, но ни один член союза не имеет права выезжать туда без моего ведома и разрешения»*. Поэтому следствие, еще раз внимательно изучив все имеющиеся в деле данные, пришло к выводу, что главного дроздовца им подставляют. Таким образом, он навсегда был вычеркнут из списка подозреваемых.

В результате следствие окончательно остановилось на той единственно верной версии, о которой с самого начала говорило большинство чинов РОВСа: Евгений Карлович Миллер похищен агентами Лубянки. В дело был подшит первый существенный документ: *«Действительно, большевики всегда недобрым оком взирали на белые русские организации, представлявшие собой антикоммунистические ядра, которые, в особом случае, могли бы образовать отряды для сотрудничества с националистами всех стран, где могли бы вспыхнуть революционные волнения, вызванные коммунистической пропагандой. Также они всегда пытались разваливать или уничтожать такие группировки, в частности РОВС, как наиболее мощную, к тому же по своей структуре военизированную»*.

Не подлежит отрицанию то, что около генерала Миллера должны были находиться крупные агенты ГПУ. Действительно, ничто не доказывает того, что Скоблин был единственным и даже самым важным. Генерал Миллер находился в сети, расставленной большевиками. Очевидно, что его похищение, бесспорно, является делом рук ГПУ, которое благодаря количеству своих агентов, введенных в Русский общеинский союз и в ближайшее окружение его председателя, не имело особых трудностей для завлечения его в ловушку».

Следствие медленно, но верно двигалось к завершению. Были по нескольку раз допрошены жена и сын генерала Миллера. Шатилов, Кедров, Кусонский, Мацылев, Трошин, Григуль, Туркул, Павлов, Семенов и многие другие были единодушны: о деятельности Скоблина Плевацкая знала все.

Певица все отрицала. После первоначального шока к ней вернулась уверенность. Внешне она была самым спокойствием, стоически отбиваясь от обвинений и четко придерживаясь своей линии поведения: она ни в чем не виновата. О деятельности мужа ничего не знает. В его причастность к похищению председателя Русского общевойскового союза не верит. Где он сейчас — не знает. Лишь 1 марта 1938 года она неожиданно для всех ответила следователю: *«Пока я была в модном доме «Каролина», возможно, мой муж мог отлучиться. Но если он уезжал, то не знаю куда.»*

— *Если ваш муж нагнал вас тотчас по выходе из модного дома, то вы должны были перейти улицу, чтобы сесть в автомобиль ?»* — немедленно ухватился за ниточку следователь.

— *Когда я вышла, мужа не было. На Северный вокзал я поехала в такси одна. Минут через десять на своей машине приехал мой муж.*

— *Однако раньше вы почему-то говорили, что в моторе вашей машины была какая-то неисправность, и именно это послужило задержкой отъезда от магазина. Когда же вы говорите правду: тогда или сейчас? Я отвечаю за вас. Вы снова лжете! Вы знали, где был ваш муж и что он делал! Вы ему помогли, вы — соучастница преступления!*

— *Нет, клянусь! Я ничего не знаю, ничего!*

В кабинете наступила тягостная тишина, которую нарушал лишь плач Плевицкой. Наконец она взяла себя в руки и заявила, что хотела бы переговорить с глазу на глаз с женой генерала Миллера. Следователь не возражал, предоставив им 10 минут.

«— *Наталья Николаевна, неужели вы думаете, что я способна на предательство ? Ведь я так любила Евгения Карловича, он такой милый, хороший. Помогите мне выйти из тюрьмы. На свободе я разыщу Колю и узнаю, что случилось с Евгением Карловичем.*

— *А как вы можете это сделать ?*

— *Я поеду в Россию, куда, как говорят, бежал мой муж.*

— *Да и я думаю, что он там.*

— *Я разыщу его. У него остались два брата. Они у большевиков. Я узнаю, где ваш муж. Вы не верите мне! Я не пала так низко, как*

вы думаете/Пусть меня накажет Бог, если я лгу вам. Знаете что, я готова ехать в Россию в сопровождении французского инспектора. Я тоже несчастна, ничего не знаю о муже. Я его ненавижу! Он меня обманул и предал, как предал других. Я в тюрьме, а он счастлив в России. Вы такая чистая и благородная, я вас всегда любила , вами восхищалась. Помогите мне уехать. Клянусь, я разыщу наших мужей...»

Поняв, что Миллер перетащить на свою сторону не удастся,

Плевицкая потеряла к ней всякий интерес. Воспользовавшись тем, что в кабинет вошел следователь, она снова изобразила на лице высшую степень безразличия и приготовилась и дальше играть свою роль. Не дожидаясь новых вопросов, она глубоко вздохнула и произнесла: *«Никакого алиби для мужа я не подготавливала. Ничего не знаю...»*

Глава 3. Суд над Плевицкой

9 сентября 1938 года дело было передано в суд. Спустя почти три месяца, 5 декабря, состоялось первое заседание. Плевицкая, в черном шелковом платье, с гладко зачесанными и стянутыми черным шелком волосами, в черных лайковых перчатках и в туфлях черной замши, с переброшенной на левую руку котиковой шубкой, совершенно спокойно взирала на собравшихся. Она словно бы вышла на столь привычную ей эстраду, и, казалось, если бы не декорации, она сейчас исполнит «И будет Россия опять».

Ровно в 13.00 раздался гонг: встать, суд идет! Началось чтение обвинительного акта: «26 января 1930 года генерал Кутепов, председатель Русского общевойскового союза, исчез при таинственных обстоятельствах. Бывший русский офицер стал жертвой похищения, все поиски обнаружить его след остались безрезультат-

ными; виновники не были раскрыты. 22 сентября 1937 года, в свою очередь, исчез его преемник, председатель РОВСа генерал Миллер.

Полное согласие проявлялось между обоими обвиняемыми как в повседневной совместной жизни, так и в действиях, которыми были отмечены подготовка и проведение покушения, жертвой которого стал генерал Миллер».

Допрос Плевицкой:

— Ваше имя? — Надежда.

— Профессия?

— Певица. Замужем, детей нет. Под судом не состояла. До эвакуации с белой армией всю жизнь провела в России, за границу не выезжала.

— Если вы были с белыми армиями, как вы объясните афиши концертов в Курске «наша красная матушка»?

— Это ложь. Я красной матерью никогда не была. Это могла быть жена Ленина или Троцкого. Я тогда была молодой женщиной, и никто не смел меня так называть. Я была при красных, как многие русские женщины, которые остались.

— Вы ничего не знали о подготовке покушения на генерала Миллера?

— Клянусь, ничего не знала!

— Вам известны обстоятельства исчезновения генерала Миллера. Ради его жены, сына и брата скажите, где он. Поймите, еще есть время. А после допроса будет поздно. Я уверен, что вы знаете, где Миллер и

Скоблин.

— Суду французскому я могу смотреть в глаза с чистой совестью. Господь Бог — мой свидетель. Он видит, что я невиновна.

— Эксперты установили, что вы и ваш муж жили не по средствам. Значит, деньги поступали к вам из тайных источников ?

— Я никогда счетами не занималась. Считать я не умела. Все хозяйственные дела вел муж.

— Вы получали деньги от господина Эйтингтона. Кто он такой ?

— Очень хороший друг, ученый-психиатр. А его жена — бывшая артистка Московского Художественного театра.

— Вы были в интимных отношениях с Эйтингтоном ?

— Я никогда не продавалась. Подарки получала. А если муж одалживал деньги, то этого я не знаю.

— Как же так ? Ведь вы сами говорили на допросах, что Эйтингтон одевал вас с головы до ног ?

— Нет. Так я сказала случайно. Подарки от мадам Эйтингтон получали и другие, например Жаров с женой.

— Русских нравов я не знаю, но все-таки странно, что жену генерала одевал человек со стороны.

— Своей женской чести я не марала и никогда не получала дары ни за какие интимные дела. Кто знает Эйтингтона, никогда не поверит, что тут были какие-то пикантные происшествия.

— Когда полковник Мацьлев вернулся без вашего мужа, почему у вас возникла мысль, что его в чем-то заподозрили ? Разве вы не говорили того, что, заподозренный, ваш муж мог не снести оскорбления, покончить с собой ?

— Нет, я этого не говорила! Я не думала, что моего мужа могли в чем-то подозревать.

— Когда вы узнали об исчезновении генерала Миллера ?

— Узнала от полковника Мацьлева тогда, когда он приехал ночью спрашивать, не вернулся ли Николай Владимирович.

— Вспомните точно, что вы тогда сказали. Какими были ваши первые слова ?

— Ну, как я могу вспомнить ? Я страшно испугалась, начала спрашивать: «Где мой муж? Что вы сделали с ним ?» Потом, когда полковник Мацьлев сказал, что с ним приехали адмирал Кедров и генерал Кусонский и они ждут на улице, я высунулась в окно и крикнула, что Николай Владимирович, может быть, у Миллера или в Галлиполийском собрании. А они мне сказали: «Когда Николай Владимирович вернется,

пришлите его в полицейский комиссариат. Мы все сейчас туда едем».

— Считаете ли вы вашего мужа виновным в похищении генерала Миллера ?

— Не знаю. Раз он мог бросить меня, значит, правда, случилось что-то невероятное. Я не могу допустить, что он виноват, считала его порядочным, честным человеком. Нет, невозможно допустить. Но записка генерала Миллера и то, что он меня бросил, — против него.

— Умоляем вас, скажите правду!

— Не знаю. Я правду говорю. Я ничего, ровно ничего не знала. Допрос Кусонского:

— Как боевой русский генерал вы совершили ряд стратегических ошибок! Ваш начальник ушел на тайное свидание. Неужели записка, переданная с такими словами, не встревожила вас? Но есть другая ошибка, более серьезная; записка Миллера раскрыла вам Скоблина. Доказательство его лжи было в ваших руках. Если бы вы проявили больше сообразительности и проворства, то Скоблин сидел бы тут, рядом с женой! Ошибка, непростительная для доблестного генерала! Зачем вы задержали адмирала Кедрова? Не для того ли, чтобы дать Скоблину возможность бежать?

— Прошло четырнадцать месяцев, и всех подробностей припомнить не могу.

Допрос Шатилова:

— Считаете ли вы чету Скоблиных виновными?

— В этом нет никаких сомнений. Плевицкая знала все, что делал ее муж. Она была его злым гением. Ее влияние сказывалось решительно во всем: и в политике, и в полковых делах. Скоблин был прирожденным интриганом, он разжигал недовольство против генерала Миллера, обвиняя его в бездеятельности. Несомненно, он и в этом деле выполнял волю жены. Они оба — агенты ГПУ.

— Как относился генерал Миллер к Франции ?

— Он любил Францию как вторую родину. В 1934 году он хотел уйти на покой с поста председателя РОВСа, но генералы убедили его остаться.

— После похищения генерала Кутепова Плевицкая ежедневно посещала мадам Кутепову и была в курсе расследования этого дела. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Да, она не покидала мадам Кутепову.

— Бывала она одна у мадам Кутеповой ?

— Нет, не одна. Бывали и другие дамы. А Плевицкую я заставлял там каждый раз, когда приходил к генеральше.

Антон Иванович Деникин вызвали в суд для свидетельских показаний. Его допрос был подробно описан 10 декабря 1938 года в парижской газете «Последние новости», выходившей под редакцией профессора Милюкова; «Появление генерала Деникина вызывает сенсацию. С любопытством поднимаются головы, чтобы разглядеть бывшего Главнокомандующего Вооруженными силами юга России. Генерал медленной поступью проходит через зал и занимает свидетельское место. Свое показание он дает по-русски, через переводчика, короткими и точными фразами. Достоинство, с которым он держится, прямота и ясность ответов производят большое впечатление на суд. На обычный вопрос о том, состоит ли свидетель в родстве или свойстве с обвиняемой, генерал отвечает: «Бог спас!»

— Знали ли вы Скоблина ?

— Знал его по Добровольческой армии, которой я командовал.

— Знали ли вы его в Париже ?

— Изредка встречался с ним на собраниях воинских организаций.

— Знали ли вы Плевицкую ?

— Нет. Даже не бывал на ее концертах. Незадолго до похищения генерала Миллера Скоблин познакомил меня с нею на банкете корниловцев.

— Был ли у вас с визитом Скоблин 22 сентября ?

— Скоблин, полковник Трошин и капитан Григуль приезжали благодарить меня за участие в банкете корниловцев. В это время генерал Миллер был уже похищен.

— Не предлагал ли вам Скоблин съездить в его автомобиле в Брюссель на праздник корниловцев ?

— Он предлагал поездку автомобилем два раза и раньше. А это было его третье предложение.

— Почему вы отказались ?

— Я всегда, вернее с 1927года, подозревал его в большевизан-стве.

— Вы опасались его или ее ?

— Не доверял обоим.

— Вы убеждены, что Скоблин был советским агентом, но доказательств не имеете ?

— Да.

— Знаете ли точно, что Плевицкая была сообщницей в похищении генерала Миллера ?

— Нет.

— Думаете ли, что она знала заранее о преступлении ?

— Убежден. Показания Савина:

— Почему бежал Скоблин ?

— Скоблин не бежал, а «его бежали». Яне верю в бегство Скоблина. До моего отъезда в Испанию генерал Миллер и генерал Скоблин продолжали сотрудничать в секретной работе. Мне показали записку генерала Миллера. Яне узнаю его подписи. У меня есть много писем Евгения Карловича. Миллер не мог оставить такой записки».

Савин стал фактически последним допрошенным свидетелем. Надобности в новых показаниях судьи уже не испытывали. Все было понятно. Сохранилось безупречное свидетельство известного литератора русского зарубежья Нины Берберовой, которой удалось весьма точно описать атмосферу в стенах суда:

«Плевицкая одета монашкой, она подпирает щеку кулаком и объясняет переводчику, что «охти мне, трудненько нонче да заприпомнить, что-то говорили об этом деле, только где уж мне, бабе, было понять-то их, образованных грамотеев».

На самом деле она вполне сносно говорит по-французски, но играет роль. А где же сам Скоблин ? Говорят, он давно расстрелян в России. И от этого ужас и скука, как два камня, ложатся на меня.

В перерыве бегу вниз, в кафе. Репортер коммунистической газеты уверяет двух молодых адвокаток, что генерала Миллера вообще никто не похищал, что он просто сбежал от старой жены с молодой любовницей. Старый русский журналист повторяет в десятый раз: «Во что она превратилась, Боже мой! Я помню ее в кокошнике, в сарафане, с бусами. Чаровница!.. «Как полосыньку я жала, золоты снопы вязала...»

Собравшиеся в зале эмигранты увидели похудевшую, бледную, с выступающими скулами, с запавшими щеками, всю в черном женщину. Поникая поза, размеренные жесты. Участники процесса с чувством презрения и сочувствия одновременно смотрели на то умоляющую, то кидющуюся из стороны в сторону, растрепанную, кричащую, рыдающую, обезумевшую от страха женщину.

Сидевшие в зале считали, что Плевицкая избегает или не смеет смотреть на толпу русских людей, потому что чувствует их враждебность и свое одиночество. Все — против одной. Одна — против всех».

Выступление обвинителя:

«Плевицкая была подстрекательницей своего мужа. Это как раз то, о чем говорили нам свидетели. И я хочу собрать, словно в букет, те выражения, которые они высказали у барьера. Один из них сказал: она — двигательная сила своего мужа. Другой: она носила генеральские лампасы.

Третий: Скоблина звали «генерал Плевиц-кий». И последнее: она была его злым гением. Вышедшая из рядов Красной армии, она вернулась в ГПУ, чьим двойным агентом была.

Вот, господа присяжные, моральный портрет этой женщины с глазами, временами полными слез, сознающей ужасную ответственность, играющей комедию простодушной наивности и старающейся отвечать с непонимающим видом на все неприятные вопросы: «Я ничего не знаю!»

Сегодня нужно уже платить! Есть еще время сказать правду. Что вы сделали с генералом Миллером? Не видите ли вы его живым в ваших снах? Говорите! Как тягостно это молчание!

Будем уважать страдания русских эмигрантов, восхищаться их верой, их идеалами. И все это предала эта женщина! Над всем этим она надсмехалась! И если мы должны сдерживать наш гнев, мы можем выразить ей все наше презрение, ибо это предательство, платное предательство. Соучастница преступления, предавшая дружбу. Судите ее, господа присяжные, без ненависти, конечно, но и без пощады. Да свершится французское правосудие!»

Зал находился под сильным впечатлением этого выступления. Жена генерала Миллера украдкой вытирала слезы. Закрыв лицо руками, на скамье застыла Плевицкая. Все ждали, какой будет вынесен приговор.

«Какую роль сыграл генерал Кусонский в этом деле? Не был ли он сообщником? И не выдал ли он Скоблина на расправу, удержав Кедрова? В таком деле возможны все догадки. А в материалах следствия нет ни одного документа, обвиняющего в том, что они были советскими агентами.

Чьим агентом был Скоблин? По жене — советским или, по Тур-кулу, — немецким? Генерал Миллер не найден ни живым, ни мертвым. В его смерти сомнений нет. Нет и доказательств. Вот почему можно привлечь Скоблина к суду только по обвинению в насильственном лишении свободы, а Плевицкую — в сообщничестве. Кто руководил Скоблиным — Советы, или гестапо, или личные цели, все это не имеет значения. Важно, что против обвиняемых собраны достаточные улики. Плевицкая помогала Скоблину в похищении генерала Миллера, ее соучастие предельно ясно и доказано. В ее деле нет смягчающих вину обстоятельств. Поэтому не поддавайтесь чувству сострадания, в данном случае неуместному. Я требую для обвиняемой бессрочной каторги!

Приговор должен быть примерным! Пусть те, кто толкнул эту женщину на преступление, знают, что рука французского правосудия умеет карать беспощадно!»

Суд поставил перед присяжными семь вопросов:

Был ли 22 сентября 1937 года на французской территории похищен и лишен свободы человек?

Длилось ли лишение свободы больше одного месяца ?

Была ли Плевицкая сообщницей в этом преступлении ?

Было ли совершено 22 сентября 1937 года на французской территории насилие над генералом Миллером ?

Если было, то не с обдуманым ли заранее намерением ?

Если было, то не с завлечением ли в западню ?

Была ли Плевицкая сообщницей преступников ?

Когда присяжные закончили совещание, старшина, положив руку на сердце, ответил «да» на все вопросы, поставленные судом. Смягчающих обстоятельств найдено не было.

Приговор был оглашен в тот же день: 20 лет каторжных работ, еще 10 лет после этого осужденной запрещается ступать на землю Франции.

Плевицкая вздрогнула. В зале — изумление. Такого вердикта не ожидал никто.

Прокурор, закрывая суд, торжественно произнес: «Суд предостерегает этим приговором иностранцев, совершающих преступление на французской земле».

Никаких шансов смягчить приговор не было априори. Адвокат Филоненко сразу сказал: тут не помогут ни письма в газеты, ни обращение к президенту республики. Безусловно, оставался маленький повод для кассационной жалобы — один из присяжных не назвал своей профессии. Но надеяться на пересмотр приговора было верхом наивности.

Журнал «Русские записки» писал в те дни: «Судоговорение в процессе Плевицкой и закончивший его неожиданно суровый приговор выросли в большое событие в жизни русской эмиграции. Обозревателю приходится на нем остановиться не только в связи с судьбой, постигшей подсудимую, и со степенью ее ответственности, сколько в связи с тем, что было названо «климатом» зала суда.

Впечатление присутствовавших на процессе — о личности подсудимой по временам как бы вовсе забывали. Находишь на скамье подсудимых сам Скоблин, его жена могла бы сойти на роль свидетельницы или, в худшем случае, соучастницы; самая возможность предания ее суду — а на суде возможность ее обвинения — подвергалась сомнению и была предметом оживленных споров.

Судили, в сущности, тех, кто стоял за Плевицкой, — и шансы осуждения довольно равномерно распределились между двумя

противоположными направлениями. Выбор был поставлен резко обеими сторонами: советская власть или русская эмиграция? Роль парижских агентов советской власти, особенно после буквального повторения трагедии с генералом Кутеповым, представлялась как бы априори — бесспорной не только для русской эмиграции в целом, у которой нет другого мнения.

Но в пользу этого предположения говорили объективные факты, представшие в ярком освещении перед присяжными. Во-первых, бегство Скоблина в связи с запиской, оставленной генералом Миллером, подлинность которой так неудачно оспаривала противная сторона. Не менее трудно было оспаривать искусственность алиби, которое пыталась отстоять для своего мужа Плевицкая: тут на нее легла главная тень.

Плевицкая платила тут за тех, кто по тем или иным причинам остался вне пределов досягаемости суда. И защита Плевицкой оказалась делом чрезвычайно трудным. Принуждены же были ведь и защитники признать допустимость гипотезы о советской причастности к делу, лишив себя тем самым возможности защищать сколько-нибудь ясно и убедительно противоположную позицию.

Но Шевицкая пострадала и за другое обстоятельство — к удивлению, особенно подчеркнутое той же защитой. Она была «иностранка», на нее пала ответственность за преступление, совершенное при участии эмигранта во Франции — и преступление не первое. «Надо положить этому конец!», — внушал присяжным прокурор. Для него это было яснее, чем всякие другие гипотезы относительно виновников преступления. Надо показать пример!

Надо, к сожалению, признать, что и неудачная позиция, выбранная защитой, и самый состав вызванных свидетелей давали присяжным обильные иллюстрации этого тезиса. Достоинство эмиграции было поддержано частью этих свидетелей, но, увы, далеко не всеми».

В мае 1940 года в управление полиции пришел священник. Он был лапидарен: Плевицкая умирает и хотела бы исповедоваться в присутствии полицейского. Отказать ей в этом было невозможно. Ее исповедь, если это, конечно, можно так назвать, была аккуратно записана и подшита к делу о похищении председателя Русского общевойскового союза генерала

Миллера:

«Я люблю генерала Скоблина. Он моя самая большая любовь. Жизнь мою отдала бы за него. Три года не вижу его, умираю от тоски по нему. Его нет, нет, нет, ничего не знаю о нем, и это убивает меня. Я скоро умру. Не знаю, где он находится, как, поклявшись, сказала вашим судьям. Но вам одному, миленький мой, хочу открыться, чтобы вы знали, что я утаивала от суда до сих пор.

Мой дорогой муж генерал Скоблин был очень честолюбив. Вы знаете, был он властным человеком. Его власть на себе знаю. Чуть что спрашивала о его делах, так он сразу начинал орать на меня. И была я ему покорна, никогда не перечила.

Верьте мне, крест святой, верно служил он генералу Кутепову. Несколько лет верен он был и генералу Миллеру. А потом, как пришел Гитлер к власти в 1933 году, так с Колей приключились перемены. Стал он тогда насмехаться над Миллером и захотел занять его место, возглавив РОВС. А врагом Миллера стал он в 1936 году. Тогда правительство Народного фронта захотело подружиться с СССР. Наперекор Миллеру Коля мой ратовал за союз белых русских с немецкими вождями, он-то надеялся, что силой восстановят царский строй в России.

Тогда же он рассказывал о встречах и разговорах с советскими деятелями. И идеям СССР стал сочувствовать. Ну тут и я поняла, что Коля изменил генералу Миллеру. А Коля жил на деньги от моих концертов. Я купила ему автомобиль и дом в Озуар-ля-Фер-рьер. Когда исчез генерал Миллер, в тот страшный день 22 сентября 1937 года, были мы вместе в Париже. Чудилось мне, что муж мой в опасности. Не спалось ему сперва, едва забылся к 11 часам. А потом, вздрогнув, словно душил его кошмар, весь в поту, он пробудился. Я нежно обняла его, приласкала. Он плакал, говоря: «Прости меня, Надюша, я несчастный человек. Я — предатель». И стал мне рассказывать: «Я обманул Миллера, сказав, что везу его на политическое свидание. Я отвез его в Сен-Клу, в указанный мне дом, а там он попал в руки врагов. Миллер спокойно сидел в моей машине. Мы вошли в указанную мне виллу. Нас приняли трое мужчин, хорошо говоривших по-русски и по-немецки. Генерала Миллера провели в соседнюю комнату, а я остался в передней. Прошло минут десять, мне предложили уйти. Я спросил: «Могу ли повидать генерала Миллера?» Меня ввели в небольшой салон. Миллер лежал на диване. Он не шевелился.» Что вы с ним сделали?» — спросил я. «Он спит, ваше превосходительство, мы сделали ему укол», — ответил по-французски один из этой тройки».

Я рассказала вам всю правду. И больше ничего не знаю».

5 октября 1940 года Надежда Плевицкая тихо скончалась в Центральной тюрьме города Ренн. Французские газеты сухо и коротко сообщили о конце «певицы на службе ГПУ». В бурных событиях Второй мировой войны ее смерть не привлекла к себе ровным счетом никакого внимания. О ней все забыли. Или предпочли забыть, вспоминая только ее песню «Занесло тебя снегом, Россия» без указания автора. Одна из русских газет, публикуя некролог, предпочла вовсе не вспоминать про похищение председателя Русского общевойскового союза: *«Душа народа, голос расы, песня нации — так можно было бы описать Надежду Плевицкую, когда она стояла и пела о венном страдании и горе. Ее дикция была безупречна, исполнение — без малейшего призвука безвкусицы и «пересола». Все на грани несравненного мастерства».*

Интересно, что в конце 80-х годов, тогда, еще в Советском Союзе, появилась новая версия смерти «курского соловья». Ввел ее в оборот Гелий Рябов, тот самый, который написал в свое время сценарий для фильма «Рожденная революцией». Он утверждал, что Плевицкую казнили немцы. Привязали ее к двум танкам и разорвали. Версию подхватили. Особенно усердствовал известный домыслитель истории Белого движения Черкасов-Георгиевский. На все просьбы предоставить документы он отвечал гробовым молчанием, которое зачастую превращалось в потоки неприкрытого хамства. Действительно, куда проще обвинить всех в богоборчестве и масонстве!

В телефонном разговоре с одним из потомков русских эмигрантов первой волны я попросил его прокомментировать эту версию. Он был лапидарен: «Чепуха, дорогой Армен!» И в тот же день выслал отрывки статей из парижских газет, благодаря которым можно утверждать: Рябов и Черкасов-Георгиевский в погоне за сенсацией ввели всех в заблуждение.

22 июня 1941 года Германия напала на СССР. Был нанесен удар небывалой дерзости, стремительности и силы. Уже в первые же недели кадровая Советская армия фактически перестала существовать. Спустя всего шесть дней немецкие танковые дивизии прошли Минск. Блицкриг застал врасплох белорусское управление НКВД, которое не успело вывезти или уничтожить архив.

Изучая захваченные документы, немцы заинтересовались личным делом агента советской разведки в Париже, некоего Третьякова. Гестапо

достаточно быстро нашло во французской столице человека с такой фамилией. Его подвергли многочисленным допросам, но он упорно отрицал свою связь с Лубянкой. Сотрудники гестапо вынуждены были признать свою ошибку: арестованный ими офицер русской императорской гвардии, человек безупречной репутации, никакого отношения к НКВД не имел. Значит, был и другой Третьяков. Его нашли летом 1942 года.

Бывший министр правительства Керенского, участник Ясского совещания Сергей Николаевич Третьяков. Блестяще образованный, владевший иностранными языками, отличный оратор, он всегда требовал уважения к себе. А ведь эмигрантская жизнь была нелегкой. Семья Третьяковых, у которого были две дочери и сын, нуждалась в деньгах. Французские банки посчитали его кредитоспособным и дали ему займы несколько сот тысяч франков. И свою кредитоспособность он оправдал, сумев продать Рябушинским национализированную большевиками Костромскую мануфактуру.

Сделка была покрыта туманом. Полученные сто тысяч долларов, сумма по тем временам немалая, позволили Третьякову расплатиться с банками и на несколько лет обеспечить семье безбедное существование.

Но шли годы, средства исчерпались, и настала острая нужда. Пришлось покинуть просторную и удобную квартиру и поселиться в дешевом отеле. Жена торговала парфюмерией, одна из дочерей мастерила дамские шляпки. Сам Третьяков поступил на службу в журнал «Иллюстрированная Россия». Разъезжая по Парижу в метро, он собирал подписку и заказы на объявления.

В то время он опустил, сильно пил. Однажды он покушался на самоубийство, приняв большую дозу веронала. И умер бы, если бы в критическую минуту не пришла его дочь, вызвавшая «скорую помощь».

В своих разъездах Третьяков нередко бывал у Кириллова, бывшего деятеля Союза городов в Сибири. Тут он случайно встретился со старым знакомым, инженером Огороковым, во время Гражданской войны возглавлявшим Министерство торговли. Он не скрывал своих связей с большевиками. По всей видимости, эта встреча и стала роковой для Третьякова.

В 1934 году он снял сразу три квартиры в доме № 29 на рю дю Колизе. Две из них были на третьем этаже, одна из них — как раз над помещением управления РОВСа. В третьей квартире на четвертом этаже поселился он сам с семьей. Генерал Миллер в этот момент как раз искал более дешевое помещение. Третьяков и предложил председателю Русского общевойскового союза квартиру на третьем этаже. Цена оказалась подходящей, и в декабре

1934 года управление переехало туда.

После похищения генерала Миллера и переноса центра РОВСа в Брюссель в этой квартире находилось управление I отдела во главе с генералом Витковским. 12 июня 1942 года он был вызван на допрос в гестапо. Немцев интересовало, что может рассказать Витковский о Третьякове. Тот ответил, что знает его как деятеля Торгово-промышленного союза и хозяина квартиры, которую снимает РОВС.

Спустя пять дней начальник канцелярии отдела полковник Мацылев сообщил по телефону Витковскому, что в управление приехали немецкие офицеры и хотят его срочно видеть. Генерал поспешил в Русский общевойсковой союз. Пригласив в свой кабинет сотрудников тайной полиции, он услышал шокирующее его известие: утром был проведен обыск у Третьякова, который сознался в том, что он агент НКВД. Немцы попросили разрешения осмотреть кабинет Витковского. Тот, разумеется, не возражал. Вскоре был обнаружен микрофон, спрятанный под плинтусом около камина, напротив письменного стола. Отмикрофонатянул-ся провод к приемному устройству в квартире Третьякова. При дальнейшем осмотре выявились следы более ранней проводки и установки микрофонов в бывшем кабинете генерала Миллера.

На следствии выяснились удивительные подробности. Рабочие коммунисты из французского министерства почт, телеграфов и телефонов провели прямой провод из управления Русского общевойскового союза в здание советского полпредства. Сидя в своем кабинете, резидент НКВД в Париже годами подслушивал разговоры лидеров военной эмиграции. Вот лишь три его шифровки в Москву, опубликованные спустя 60 лет:

«9 января 1936 года. 10.55. Миллер читает начальнику канцелярии РОВСа Кусонскому письмо, написанное им генералу Дитерихсу. В письме подчеркивается, что во Франции сознают, что лишь соглашение Франции и Германии может дать мир Западной Европе, и никакие франко-советские пакты не устроят Германию. Миллер далее пишет о польско-германском соглашении, направленном против России, в которое он искренне верит. Он считает также, что Франция никогда не будет воевать с Германией из-за России...»

«24 января 1936 года. 11.15. Миллер в своем кабинете заслушивает сообщение руководителя информационного отдела РОВСа Трубецкого. По сведениям последнего, в Румынии в ближайшее время произойдет изменение ее внешней политики от профранцузской к прогерманской. Румыно-польско-германское соглашение, направленное против СССР, не за горами. Отношения между большевиками и румынским правительством

должны скоро осложниться...»

«4 сентября 1936года. 16.30. В беседе с Миллером Трубецкой полностью поддержал позицию Кутепова, направленную на активизацию террористической деятельности РОВСа на территории СССР. По мнению Трубецкого, такая боевая работа, которую РОВС проводил в последние годы руководства Кутепова, была свое-временна и совершенно необходима. Соглашаясь с Миллером в том, что в настоящее время в основную задачу активной работы РОВСа не входит индивидуальный террор хотя бы по той простой причине, что средства РОВСа истощились, Трубецкой тем не менее напомнил Миллеру, что за последние четыре года РОВС посылал своих людей в Россию с исключительной целью проведения террористических актов. Он подчеркнул, что генерал Абрамов и капитан Фосс неоднократно направляли своих людей в СССР с единственной целью убийства...»

Разумеется, в ходе допросов затронули и похищение Миллера. Третьяков сказал, что, кроме него, на Москву работал и генерал Кусонский. Педантичные немцы внесли эти показания в протокол, но большого значения им не предали. Бывший начальник канцелярии РОВСа был к тому времени уже мертв.

Был ли Николай Владимирович Скоблин в действительности агентом советской разведки? Все имеющиеся отношение к этому делу факты я подробно разбирал в книге «ОГПУ против РОВСа: тайная война в Париже. 1924—1939 гг.». Никаких новых свидетельств или документов с тех пор так и не появилось. Но появилась критика. И не просто критика, а переполненная безудержной злобы. Один из известных в Интернете новостных сайтов поместил такую рецензию: *«Книга повествует о деятельности одной из главнейших белогвардейских организаций — Русского общевойскового союза, объединявшего в своих рядах эмигрантов с ярко выраженным антисемитским мировоззрением. Книга, воспевающая, по сути, пособников Гитлера и откровенных антисемитов, призывавших бороться «с иудео-большевизмом» всеми средствами, может обернуться грандиозным скандалом».*

Я не знаю, где автор вычитал, что РОВС был откровенно антисемитской организацией. Не берусь также судить, с каких это пор я стал неофашистом, если до этого ультраправые утверждали, что А.

Гаспарян — ставленник мировой закулисы. Но одно можно точно сказать: Роман Светлов не удосужился даже краем глаза взглянуть на книгу, которую он рецензировал. Иначе бы увидел главу про участие евреев в Белом движении. Не говоря уже о том, что события, описанные в книге «ОГПУ против РОВС», случились задолго до 22 июня 1941 года.

Критики же самой версии как-то не случилось. Деятельные читатели нашли некоторые неточности и с готовностью провозгласили: ложь! Вот, к примеру, я написал, что Штейфон был генерал-майором вермахта. А в другом источнике указывается, что он был генерал-майором русской службы. На основании этого был сделан прекрасный вывод, что доктрина Гаспаряна опровергнута. Позвольте, но разве от того, какой армии был генерал-майором Борис Александрович, что-то меняется в деле о великом советском разведчике Скоблине?

Вообще критические замечания расстроили. Я вправе был ожидать большего. Было даже обидно, что оппоненты бездумно

повторяют чепуху, которую не то что проверить не смогли, но даже и обдумать не удосужились:

«Гаспарян негодует: «Почему искажают должность Скоблина в РОВСе?» Да у большевиков во всех исследованиях с тонным названием должностей белогвардейцев всегда была путаница».

Замечательно! Однако тут не учитывается весьма важный момент. Помимо дела Скоблина, существуют еще дела Эфрона, Чанышева, «Синдиката-2», «Треста»... Везде, повторяю, везде полный порядок. И только в случае с Николаем Владимировичем по никому не ведомой причине сотрудники НКВД проявили исключительно ротозейство. И вместо того, чтобы скрыть его и не позориться, напротив, с радостью всем продемонстрировали.

«Письмо о согласии Скоблина работать на советскую разведку написано в старой орфографии. Поэтому подлинное».

Браво! Если бы оно было написано вовсе без «ятей», тут и говорить было бы не о чем. Довод, что это не может быть современной фальшивкой, потому как старую орфографию никто нынче не знает, смешон. На моем сайте в Интернете есть минимум десять человек, которые прекрасно пишут по правилам дореволюционной грамматики. Для этого не надо быть выпускником филологического факультета. Достаточно прочитать любой учебник, кои не являются библиографической редкостью. Это первое. Всякий, кто утверждает, что письмо подлинное, мог бы и сравнить подписи Скоблина. Оригинальный росчерк не так давно был опубликован известным коллекционером А.И. Рудиченко. Это второе.

«Скоблин наверняка давал показания о «Внутренней линии», только их почему-то не публикуют».

Я ждал этого! Есть такой известный журнал «Родина». Учредили его администрация президента и правительство РФ. Соответственно, можно считать его фактически официальным рупором государства в исторических вопросах. Так вот, в сентябрьском номере за 2006 год есть статья кандидата исторических наук Алексея Кулешова. Название звучное «На внутренней линии». И там, в самом же начале, главное: *«В конце Великой Отечественной войны в архиве управления гестапо города Берлина советской контрразведкой была обнаружена схема секретной организации, существовавшей в недрах Белого движения. Называлась она «Внутренняя линия» и имела свои филиалы более чем в 17 странах мира. До наших дней не умолкают споры о ее роли в громких политических скандалах и заговорах...»* То есть только из этой схемы (надо сказать весьма путаной) в Москве узнали о «Внутренней линии». А о чем же тогда рассказывал ее бывший начальник генерал Скоблин???

«Как можно отрицать предательство Скоблина, если в известной книге Свиткова «Внутренняя линия — язва на теле русской эмиграции, написано»: *«Скоблин был религиозным человеком, и его главной мыслью всегда был возврат к Святой Руси и ее восстановлению. Для этой цели у него не было никаких оградительных начал, и он считал себя вправе делать все. Гражданская война еще продолжалась, когда Дзержинский направил к белым с целью осведомления известную певицу Н.В. Плевицкую, которая была замужем за бывшим офицером артиллерии, служившим в Красной армии. Скоблин был всегда против уничтожения пленных, и ему с трудом удалось вырвать из рук контрразведки чету Плевицких. Он увлекся новой знакомою. Она уговорила его поступить на службу ЧК. Планы Скоблиных были такие: он будет давать большевикам сведения, а они ему будут платить хорошие деньги. Он же в душе останется антибольшевиком, ну а когда белые вернутся на Родину, тогда они всем им покажут. Тщеславие Скоблина и нужда в деньгах привели его в столь запутанное положение, что выпутаться из него было трудно. Мистически уверенный, что на нем лежит Божий выбор для восстановления Святой Руси, он становится двойным агентом...»*

Все это очень хорошо. И даже интересно. Но только не соответствует действительности. О том, что Скоблин был религиозным человеком и обладал главной мыслью, нет свидетельств. Близко знавшие его люди об этом не вспоминали. И в письмах его подобные тезисы не содержались. Второй муж Плевицкой не был поручиком артиллерии. «Курский соловей»

не была в руках контрразведки белых. Ее сразу доставили в штаб 2-го Корнилов-ского ударного полка, и полковник Пашкевич был с ней очень любезен. Скоблин к этому делу вообще никакого отношения не имел. И это не Скоблин увлекся новой знакомой, а Плевицкая увлеклась им после гибели Пашкевича. Скоблин не был против уничтожения пленных, о чем свидетельствует доброволец Димитрий Лехович. Можно было продолжать и дальше, но нужно ли?

«В книге мало ссылок на архивы, поэтому научной ее считать нельзя. И что вообще комментировать эту ложь?»

Все правильно. Если не вдаваться в детали. Во-первых, в архиве ФСБ «дела Скоблина» больше нет. Нынче оно почему-то в ГРУ. Доступа к нему нет. И сильно сомневаюсь, что когда-нибудь будет. Как говорят сами сотрудники архива ГРУ, «оно закрыто». Всем, кому интересна эта тема, посоветовали читать Мле-чина. Во-вторых, если все, что я привел в книге «ОГПУ против РОВСа», — ложь, значит нужно признать, что десятки исследований по этой теме являются ложью. И эту макулатуру нужно сжечь. Ценность тех свидетельств и тезисов, которые я привел, в том и заключается, что они основаны на открытых источниках. Это все не я ввел в исторический оборот. Я лишь только структуризировал их и снабдил комментариями. В-третьих, тезис про архивы замечателен. Однако авторы, видимо, не знают, что в современной России есть два превосходных грифа - «Особая папка» и «Выдаче не подлежат». И это спустя 70 лет после «русской войны в Париже». И после этого меня же упрекают в том, что я этим не пользуюсь! И это не говоря уж о том, что архив Главного разведывательного управления Генерального штаба закрыт для любопытных. На моей памяти туда допустили только израильского историка Городецкого, который по-русски читает по слогам. И только для того, чтобы разоблачить Виктора Суворова!

«Автор не знает о той масштабной военно-педагогической деятельности, которая велась в РОВСе под руководством Миллера».

В русском зарубежье функционировали[^] высшие военные курсы профессора Головина. Задумывались они еще бароном Врангелем в 1921 году. А открылись лишь спустя шесть лет, 22 марта 1927 года, вступительной лекцией Головина «Военная наука: ее подразделения, методы исследования и изучения». Евгений Карлович Миллер на них не преподавал, в отличие от Павла Николаевича Шатилова. Существовали курсы до немецкой оккупации Парижа в 1940 году. Лекции прослушало свыше 400 офицеров, из которых 82 получили высшее военное образование и были награждены академическим знаком.

Действительно, размах широкий. Только к Русскому общевойсковому союзу прямого отношения деятельность высших курсов Головина отношения не имела. Как не имели отношения и «Офицерская школа усовершенствований знаний», которая действовала в Париже в помещении «Общества галлиполийцев». А русские военно-учебные курсы в Ницце действовали под эгидой Союза младороссов.

Примерно такая же ситуация и с кадетскими корпусами. К примеру, финансирование Русским общевойсковым союзом Крымского кадетского корпуса уже в середине 20-х годов носило чисто символический характер. Донской кадетский корпус был расформирован, остатки учащихся влиты в Первый русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус.

Деятельность Корниловского военного училища была свернута еще в 1927 году. Николаевское инженерное училище прекратило существование в 1924 году. Спустя год стал историей Морской корпус в Бизерте. В Харбине последний выпуск был в 1928 году. И так далее.

Где же тут масштабная деятельность, да еще и под руководством Евгения Карловича?

«Автор не знает даже школьного курса истории. Дата Октябрьского переворота и считалась датой рождения Советского государства. Поэтому уместно говорить именно о 20-летию СССР».

Хорошо. Но как быть в этом случае с мириадами свидетельств, что 7 ноября 1937 года отмечали именно 20-летие Октябрьской революции? Именно к этому дню в столице приурочили открытие «говорящих часов» и рубиновых звезд над Кремлем. Об этом писала газета «Правда». А «Комсомольская правда» напечатала интервью Куприна, которого пригласили на военный парад на Красную площадь. Так вот, в газете черным по белому написано: парад в честь 20-летия Великого Октября. А как быть с торжественным докладом товарища Молотова? Вот что он, в частности, говорил: *«Также трудящиеся капиталистических стран и колоний переживают в эти дни радостное чувство по случаю победы Октябрьской революции. И вот двадцать лет, как мы идем своею новою дорогою, идем к коммунизму, сознавая, что на нашу долю выпало счастье проложить верный путь к светлой жизни всего человечества. Это поднимает сознание масс нашей страны и сплачивает трудящихся...»*

Могу также напомнить про сотни открытых к этому празднику школ, библиотек и детских садов, десятки поставленных по всей стране спектаклей. И все это приурочивалось именно к юбилею революции. Не говоря уже о том, что был снят документальный фильм: «1917—1937.

Празднование двадцатой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в СССР». Фильм этот я видел еще в школе, в которой, как выясняется, учился плохо. Готов бесплатно показать его всем, кто учился хорошо. Равно как и фильм «Ленин в Октябре». Режиссер Чихаил Ромм вспоминал спустя годы: *«Премьера состоялась 6 ноября 1937г., в Большом театре. Присутствовало все Политбюро во главе с генсеком. После просмотра он начал аплодировать стоя, и весь зал, естественно, тоже. Назавтра, 7 ноября, фильм уже показывали в столичных кинотеатрах «Ударник», «Центральный» и еще в Огородах»*. А реклама того фильма гласила: «К 20летию Великого Октября». И ни слова про 20-летие СССР. Потому что отмечали его 30 декабря 1942 года. Всесоюзный староста товарищ Калинин выступал с докладом по этому поводу. Он так и назывался: «К 20-летию образования СССР (1922—1942)». Опубликован был 31 декабря того же 1942 года.

Все остальные опровержения из той же серии. Несерьезно все это. Ограничусь лишь еще одним, чтобы показать всю глубину критического анализа теории: «Книга изначально бездарна, автор ходит в церковь безблагодатной Московской Патриархии».

Оставим в стороне вопросы церковных юрисдикции. Не секрет, что большинство тех, кто сегодня интересуется Белым движением, принадлежат к Русской православной церкви за рубежом. После подписания акта о каноническом общении они предпочли уйти в катакомбные церкви, которые во многом сегодня являются откровенными сектами. В одной из них, к примеру, канонизировали Гитлера и возносят молитвы святому Ата-ульфю, вождю германскому. Я мог бы скромно поинтересоваться, какая из поместных церквей признает этих «истинно православных христиан». Но не буду. Хотя бы потому, что подобная постановка фразы критиков уже свидетельствует о моей правоте. Еще древние римляне знали, что как только в споре в сенате кто-то переходит на личности и утверждает, что оппонент — дурак, то ему сразу же засчитывали поражение. Потому как этим отмечалось, что все аргументы исчерпаны. И вот когда про меня сегодня пишут всякие гадости — я торжествую. Это — свидетельство победы.

Глава 4. Судьба генерала Миллера

Для похищения Миллера была сформирована оперативная группа, которую возглавил заместитель начальника иностранного отдела Сергей Шпигельглас. В нее вошли Георгий Косенко, Вениамин Гражуль и Михаил Григорьев. Шпигельглас был опытным разведчиком, неоднократно выполнявшим за рубежом ответственные задания ГПУ. Он был мастер обставлять все так, чтобы комар носа не подточил. Тем более это была уже вторая попытка.

Первоначально похищение генерала Миллера планировалось на декабрь 1936 года. Именно тогда во Францию и приехали два сотрудника советской разведки, которым предстояло стать теми германскими офицерами. Но в последний момент последовал приказ из Москвы: «Отложить проведение операции». В сентябре 1937 года никаких препятствий для начала «Русской войны в Париже» уже не существовало.

На следующий день после похищения председателя Русского общевойскового союза полицейский комиссар из Гавра сообщил своему начальству, что советский пароход «Мария Ульянова» в эту ночь снялся с якоря и вышел в море при весьма загадочных обстоятельствах. Как только на корабль погрузили какой-то большой деревянный ящик, привезенный из Парижа, так сразу же начали отдавать швартовы.

В среду, 22 сентября, как показал чиновник порта Оливье Колан, он был на пароходе «Мария Ульянова» и беседовал с капитаном по административным делам. Неожиданно во время беседы в каюту вошел кто-то из команды и взволнованно начал говорить капитану по-русски. Капитан немедленно извинился перед Коланом, заявив, что он вынужден прекратить разговор, так как из Москвы пришла «весьма важная» радиограмма и он немедленно снимается с якоря и идет в Ленинград.

Когда Колан спускался по трапу с «Марии Ульяновой», он увидел, что на набережную к мосту, где грузили товар на пароход, подъехал серый грузовик с дипломатическим номером. Через 25 минут этот грузовик исчез.

Другие служащие порта, в свою очередь, видели «дипломатический грузовик». Более того, в нем заметили вице-консула СССР Козлова, представителя Совторга и еще двух неизвестных. Они быстро сгрузили какой-то деревянный ящик, затем неизвестные поднялись на пароход, а грузовик уехал с пристани. Деревянный ящик был длиной 6—7 футов и шириной 3 фута, обитый железом.

Грузовик был зарегистрирован 13 августа 1937 года, то есть почти за месяц до похищения генерала Миллера, на имя советского посла в Париже Владимира Потемкина.

В тот же вечер премьер-министр Франции Даладье вызвал к себе Потемкина, рассказал ему о полицейском расследовании по делу похищения генерала Миллера, о том, какие серьезные подозрения падают на советское посольство, и, чтобы как-то успокоить французское общественное мнение, предложил послу отдать приказ о возвращении «Марии Ульяновой». В противном случае угрожал выслать эсминец на перехват. В ответ он услышал, что французская сторона будет нести всю ответственность за задержание иностранного судна в международных водах, и предупредил, что Миллера на судне все равно не найдут. Французы отступились, вероятно, осознав, что живьем свою добычу чекисты не отдадут.

Председатель Русского общевойскового союза генерал Миллер 29 сентября 1937 года после первого допроса во внутренней тюрьме на Лубянке передал следователю торопливо написанное карандашом письмо жене. Видимо, еще не до конца понимая всю тяжесть своего положения, Евгений Карлович просил переправить записку в Париж. Конечно, никуда письмо отправлено не было, его аккуратно подшили к делу белогвардейского лидера. Это послание 70-летнего генерала сохранилось в архивах и было впервые опубликовано спустя полвека после его гибели: *«Дорогая Тата! Крепко тебя целую, не могу тебе написать, где я, но после довольно продолжительного путешествия, закончившегося сегодня утром, хочу написать тебе, что я жив и здоров и физически чувствую себя хорошо. Обращаются со мной очень хорошо, кормят отлично, проездом видел знакомые места. Как и что со мной случилось, что я так неожиданно для самого себя уехал, даже не предупредив тебя о более или менее возможном продолжительном отсутствии, Бог даст когда-нибудь расскажу, пока же прошу тебя поскольку возможно взять себя в руки, успокоиться, и будем жить надеждой, что наша разлука когда-нибудь кончится.*

Я надеюсь, что смогу указать адрес, по которому можешь дать сведения о здоровье моем, детей, внуков. Крепко тебя, мою дорогую, целую и молю Бога, чтобы вся эта эпопея закончилась благополучно».

Сидел Миллер в одиночной камере № 110 и в первые дни никак не мог сориентироваться. Мысленно он все еще был в Париже, беспокоился об оставленных делах, писал инструкции своему заместителю по Русскому общевойсковому союзу генералу Кусонскому: *«Дорогой Павел Алексеевич! Писать Вам о том, что и как произошло тогда, во вторник, как и где я нахожусь сейчас, я, конечно, не могу, ибо такого содержания письмо, несомненно, не было бы Вам послано. Совершенно я не знаю, что и как произошло в Париже после того, как я «выбыл из строя». Хочу же написать Вам только по вопросам частного и личного характера, касающимся других лиц, совершенно не причастных ни к какой политике...»*

Евгений Карлович словно не верил, что оказался на знаменитой Лубянке, что допрашивают его чекисты. Об этом красноречиво говорят его показания:

*«Если условия жизни и работы населения улучшатся, ожидать в России перелома путем народного взрыва нельзя, и тогда непред-
решающая эмиграция, согласная идти по воле народа, должна быть осведомлена об этом русскими людьми (не г.г. Эррио и другими иностранцами, которым никто не верит), к которым она может иметь полное доверие.*

Такими лицами сейчас, находящимися в СССР, являются ген. Кутепов и я, мнения которых для чинов РОВСа и для других офицерских и общественных организаций, несомненно, авторитетны, — в разных кругах одно или другое имя.

Если бы нам дана была возможность лично убедиться объездом обоим вместе хотя части страны в том, что население не враждебно к власти, что положение его улучшается, что оно довольно установившимся порядком в области экономической и общегосударственно-административной; и что оно не стремится в массе к перемене власти и общегосударственного порядка, одним словом, что существующее положение отвечает «воле народа», то наш долг был бы об этом сообщить эмиграции, дабы открыть новую эру возвращения русских людей в Россию, население которой получило, наконец, такое правительство и такое государственное устройство, которое его удовлетворяет и соответствует улучшению его благосостояния.

Но нужны, по крайней мере, два голоса — Кутепова и мой,- чтобы эмиграция хотя бы непредубежденно поверила или, по крайней мере, прислушалась и задумалась бы о дальнейшем.

А там уже будет зависеть от Советского правительства — дать желающим возможность вернуться, послать своих «ходоков» и вообще

поставить возвращающихся в такие условия жизни, чтобы они не противоречили бы нашим заявлениям. Тогда вопрос о русской эмиграции ликвидируется сам собой в течение нескольких лет, а вопрос о необходимости борьбы и взаимоуничтожения русских людей отпадет для большинства эмиграции тотчас же в самое ближайшее время.

Будучи лично знаком с председателем Международного офиса по беженцам при Лиге Наций доктором Хансоном, я мог бы обратиться и к его содействию для облегчения разрешения этого вопроса, стоящего непосредственно в его компетенции».

27 декабря 1937 года посмотреть на похищенного лидера белой эмиграции пришел сам Николай Ежов. То, что это всемогущий народный комиссар внутренних дел СССР, генерал узнал только в самом конце их свидания. Евгений Карлович снова повторил просьбы сообщить о своей судьбе жене, вернуть часы и предоставить бумагу для написания воспоминаний. При этом весьма скупно генерал рассказывал о том, чего добивались от него следователи:

«Никакой непосредственной связи с организацией повстанческих движений я не имел и вообще за эти 7 лет бытности председателем РОВСа слышал всего о двух крупных повстанческих движениях — в Восточной Сибири и на Северном Кавказе, когда — точно не помню.

Больше всего о своей работе в СССР как чисто террористического характера по мелким коммунистам (что невозможно было проверить), так и вредительского, особенно на железных дорогах, и даже повстанческого характера громко провозглашало на собраниях и печатало в своей газете Братство русской правды. Что оно делало на самом деле — я не знаю. Многих из нас, и военных, и гражданских эмигрантов, удивляло, как могло Братство так открыто похваляться своими антибольшевистскими подвигами в газете, издаваемой в Берлине, в период самого действенного существования Рапальского договора, и потому к работе и заявлениям Братства очень многие относились скептически. В частности, чинам РОВСа было воспрещено вступать членами в Братство. В 1933 году Братство закончило свое существование.

Ведется ли какая-нибудь повстанческая работа в Национально-трудовом союзе нового поколения, я не знаю, так как время переноса центра союза из Парижа в Белград совпало с началом более «активной» деятельности союза, отношения между НТСНПи РОВС сильно испортились, и кончилось тем, что в начале 1936 г. мне пришлось воспретить членам РОВСа входить и в этот союз, как бы ничем идеологически от РОВСа и не отличающийся.

Новый Белградский центр — председатель Байдалаков — стал работать под сильным влиянием Георгиевского, статьи которого, печатающиеся в союзной газете «За Россию», достаточно ярко указывают на любовь к красивой фразе. Скрываются ли за этими словами какие-либо достоинства — я решительно не знаю. Причиной порчи взаимоотношений было стремление говорунов из НТСНП хаять РОВС за то, что мы «ничего не делаем», а потому — «идите в наш союз», где работа кипит, т.е. переманивали чинов РОВСа к себе.

Я предвижу опять упреки, что я ничего сенсационного не сказал о деятельности РОВСа: да, потому что ничего такого не было. Я враг всяких бессмысленных авантур, и за время моего пребывания в эмиграции и у других не видел еще ни одной, из которой вышел толк. Я поставил задачей по мере моих сил и возможностей выполнить завет генерала Врангеля. Его последние слова были: «Берегите армию! Боже, спаси Россию!»

Кому суждено спасти Россию и вывести ее опять на ее исторический путь Великой Державы при условии благоденствия ее многочисленных народов и в первую очередь Русского народа — вами ли, намыли или нам всем вместе общими усилиями — это один Господь Бог знает. Но беречь армию был мой первый долг, сохранить нашу великую организацию, несмотря на разбросанность по всему свету; сохранить наши воинские взаимоотношения, несмотря на то, что прапорщик занимает место инженера, а старший капитан или полковник у него же работает простым рабочим; сохранить дисциплину, несмотря на то, что основное правило дисциплинарного устава — «не оставлять проступка подчиненного без взыскания» — отошло, и единственным наказанием в руках начальника осталось право исключения из воинской организации, из РОВСа, который является Русской армией, всякий начальник должен стараться сохранить ее в возможно полном составе, а не распылить; уберечь наших воинских чинов от морального падения, несмотря на бесконечно тяжелые условия материальной жизни, взаимной поддержкой в трудные минуты; дать отцам и матерям возможность воспитать детей русскими, несмотря на слишком частую необходимость посылать их в развращающие их французские школы; беречь армию и сохранить ее и ее сыновей для России — вот моя задача, которой я посвящал все свои силы».

Для чекистов такие данные не представляли никакой ценности. По воспоминаниям доктора Ландовского, участника доставки генерала из Франции в СССР, в ответ на советы дать ложные показания и тем купить

себе спасение Миллер тогда ответил: *«Я врать не буду. Так как большевики мне ненавистны, я, как царский генерал, не позволю себе играть на руку этой банде убийц»*. В конце марта 1938 года Евгений Карлович обратился к Ежову с повторной просьбой разрешить ему бывать в церкви. Для него, воспитанного в православии, отлучение от церкви было нестерпимее тюремного заточения. Генерал даже готов был перевязать лицо повязкой, чтобы во время службы его никто не узнал, но ответа на свою просьбу так и не дождался. Спустя месяц он написал письмо митрополиту московскому:

«Москва. 16 апреля 1938 года.

Его Высокопреосвященству Владыке Сергию, Митрополиту Московскому. Ваше Высокопреосвященство! С разрешения Народного Комиссара Внутренних Дел обращаюсь к Вам с нижеследующей просьбой.

Будучи длительно изолирован от внешнего мира, я особенно болезненно ощущаю невозможность посещения церкви. Условия, при которых я покинул свой дом, не позволили мне взять с собой даже Евангелие, чтение которого, особенно в настоящие дни, было бы для меня большим утешением. Поэтому примите милостиво мою покорнейшую просьбу и подарите мне Евангелие на русском языке.

Был бы глубоко благодарен, если бы Вы нашли возможность подарить мне также «Историю церкви», хотя бы один из учебников, которым пользуются воспитанники семинарий или духовной академии.

Все мое время я посвящаю чтению книг, получаемых из местной библиотеки, но был бы счастлив, если бы мог часть времени из немногих оставшихся мне лет (мне 71-й год) посвятить возобновлению и расширению моих познаний Библии и Житий Святых. Эти две книги я решаюсь просить у Вас, высокочтимый Владыко, во временное пользование на 2—3 месяца, а по прочтении обязуюсь их Вам возвратить.

Препоручаю себя святым молитвам Вашим, прошу Вас, глубокочтимый Владыко, верить чувствам искренней благодарности моей.

Вашего Преосвященства покорный слуга раб Божий Евгений».

На всех допросах Миллер твердо держался такой позиции: ни он сам, ни возглавляемый им Русский общевойсковой союз не имели никакого отношения к антисоветским восстаниям внутри страны. Пожалуй, Евгений Карлович был одним из немногих, кто в сталинских тюрьмах не предал ни одного из своих соратников и ничего конкретного так и не сказал. Сравните сами русского генерала с Тухачевским, Дыбенко, Думенко и всеми остальными, которые готовы были дать любые показания, лишь бы сохранить свою жизнь. Вместо признаний в антисоветской деятельности

Миллер предпочитал писать письма наркому внутренних дел Николаю Ежову. Последнее датировано 27 июля 1938 года.

«Народному комиссару внутренних дел Союза ССР и Генеральному комиссару государственной безопасности Ежову.

На этих днях минуло 10 месяцев с того злополучного дня, когда, предательски завлеченный в чужую квартиру, я был схвачен злоумышленниками в предместье Парижа, где я проживал как политический эмигрант по французскому документу, под покровительством французских законов и попечением Нансеновского офиса при Лиге Наций, членом коей состоит СССР.

Я ни одного дня не был гражданином СССР и никогда моя нога не ступала на территорию СССР. Будучи тотчас связан — рот, глаза, руки и ноги — и захлороформирован, я в бессознательном состоянии был отвезен на советский пароход, где очнулся лишь 44 часа спустя — на полпути между Францией и Ленинградом.

Таким образом, для моей семьи я исчез внезапно и бесследно 22 сентября прошлого года. Моя семья состоит из жены 67 лет и трех детей, 38—41 годов. Хотя в первые дни по прибытии в Москву я еще очень плохо соображал под влиянием исключительно сильной дозы хлороформа, мне все же ясно представлялось, какой удар, какое потрясение, какое беспокойство должно было вызвать мое исчезновение у моей жены и детей. Что я был похищен агентами советской власти, в этом, конечно, никаких сомнений у моей жены быть не могло: пример Кутепова был слишком памятен, да и все эти 7 1/2 лет со дня вступления моего в должность председателя РОВСа сколько раз возникали эти опасения и разговоры, причем положение пленников советской власти всегда рисовалось в самых ужасных красках, что ныне должно было вызвать у жены моей худшие опасения за мою дальнейшую судьбу.

Первое движение мое поэтому по прибытии в тюрьму было — дать знать моей жене, что я жив и здоров и пока что физически благополучен. Краткое письмо моей жене с этим известием я передал в начале октября допрашивавшему меня следователю. Не получив его обещания послать письмо по назначению, я в начале ноября передал начальнику тюрьмы при особом заявлении маленькую записку аналогичного содержания без подписи и без указания, где именно я нахожусь, прося добавить к моей записке какой-нибудь промежуточный адрес, по которому моя жена могла бы мне ответить о состоянии здоровья своего, детей и внуков.

Не получив никакого отклика на это заявление от 4-го ноября (как и на другие заявления от того же числа касательно похищенных у меня

денег, принадлежащих другим лицам), я в личной беседе с Вами просил Вас настойчиво связать меня с моей женой, дабы ее успокоить относительно условий моего существования и самому получить сведения о ней и детях.

28 декабря в дополнение к личному разговору, а затем в конце марта и в апреле и моим заявлениям к Вам, я к Вам обращался вновь с этой просьбой, но никакого ответа не получил.

Прошло 10 месяцев, и я ничего не знаю о моей семье, и семья моя, видимо, ничего не знает обо мне.

Я вполне понимаю, что усердие не по разуму Ваших агентов, решившихся похитить меня с нарушением всех международных законов и поставивших Вас перед «совершившимся фактом», поставило Вас и все Советское правительство в затруднительное положение и в необходимость впредь, до нахождения приличного выхода из создавшейся обстановки, скрывать мое нахождение в СССР, но все же я не могу не обратиться к Вашему чувству человечности: за что Вы заставляете так жестоко страдать совершенно невинных людей — моя жена и дети никогда никакого участия в политике не принимали. Особенно же меня беспокоит состояние здоровья моей жены, всю жизнь страдавшей большой нервностью, выражавшейся в болезненных приступах при всяком волнении и беспокойстве. Моя жена по матери своей — родная внучка жены А.С. Пушкина, урожденной Гончаровой, бывшей вторым браком за Ланским, и унаследовала, как и ее мать, и сестры, большую нервность, свойственную семье Гончаровых... Меня берет ужас от неизвестности, как отразилось на ней мое исчезновение. 41 год мы прожили вместе!

Никогда, ни в какие эпохи самой жестокой реакции ни Радищев, ни Герцен, ни Ленин, с историей которых я ознакомился по их сочинениям, изданным Институтом Ленина и Академией, не бывали лишены сношений со своими родными. Неужели же советская власть, обещавшая установить режим свободы и неприкосновенности личности с воспрещением сажать кого-либо в тюрьму без суда, захочет сделать из меня средневекового Шильонского узника или второе издание «Железной маски» времен Людовика XIV— и все это только ради сохранения моего инкогнито ?

Убедительно прошу Вас посмотреть на мою просьбу в данном случае с точки зрения человечности и прекратить те нравственные мучения мои, кои с каждым днем становятся невыносимее. 10 месяцев я живу под гнетом мысли, что я, может быть, стал невольным убийцей своей жены и все это вследствие своей неосторожной доверчивости к гнусному предателю, а когда-то герою Гражданской войны в Добровольческой

армии...

Надеюсь, что Вы найдете время ответить и на другие вопросы и просьбы, содержащиеся в моих заявлениях и письмах. Надеюсь также, что Вы отнесетесь благожелательно ко всему вышеизложенному, я — Ваш пленник — буду ждать с понятным нетерпением Вашего решения и приближающегося годового срока моего заключения».

И это письмо осталось без ответа.

Судьбу белого генерала Миллера окончательно и бесповоротно решил новый нарком внутренних дел Лаврентий Берия. Это было сделано в экстренном порядке, за несколько часов. Повезли расстреливать генерала Миллера 11 мая 1939 года. По правилу, применявшемуся к особо секретным смертникам, генерала доставили в Московский крематорий. Бывший корнет лейб-гвардии Гусарского полка Его Императорского Величества Евгений Миллер стоял прямо, смотря на расстрельную команду из-под седых бровей. Незадолго до казни, на одном из допросов, он сказал: *«Яне покончу жизнь самоубийством прежде всего потому, что мне это запрещает моя религия. Смерть будет моей последней службой Родине и царю. Я докажу всему миру и моим солдатам, что есть честь и доблесть в русской груди. Подло я не умру».*

Дело, заведенное на него в НКВД, было после расстрела уничтожено, но несколько документов уцелели: письма Миллера и его последние допросы случайно попали в другую папку. Это и сохранило их для истории. Интересно, что в документах дела белогвардейского генерала Миллера Евгений Карлович фигурирует как «Иванов». На бланке Народного комиссариата внутренних дел предписывалось начальнику внутренней тюрьмы «выдать арестованного Иванова Петра Васильевича, содержащегося под номером 110, коменданту НКВД товарищу Блохину чтобы немедленно привести в исполнение приговор Военной коллегии Верховного суда СССР над осужденным к расстрелу по закону от 1 декабря 1934 года».

Расстреляли председателя Русского Общевоинского союза 11 мая 1939 года в московском крематории. Через несколько часов в дело генерала был вложен последний документ: *«Приговор в отношении сего Иванова, осужденного Военной коллегией Верховного суда СССР, приведен в исполнение в 23 часа 5 минут и в 23 часа 30 минут сожжжен в крематории в присутствии коменданта НКВД Блохина и начальника внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД Миронова».*

Почему Евгения Карловича расстреляли именно в этот день, а не двумя месяцами раньше или полгода спустя? Ответ становится очевиден,

если вспомнить, что происходило в Советском Союзе. 4 мая наркома по иностранным делам Литвинова, который был известен как сторонник сближения СССР с Англией и Францией и создания антигитлеровского альянса, сменил на этом посту Молотов. Это означало, что путь к пакту открыт. И если до этого еще можно было бы рассуждать, что и Миллер для чего-нибудь пригодится, то после назначения нового главы внешнеполитического ведомства такая возможность даже теоретически переставала существовать. Это и решило судьбу председателя Русского общевойскового союза.

Документы датированы 11 мая 1939 года. Они написаны одной и той же рукой, одними и теми же чернилами. Только бланки отличаются. Можно с большой долей вероятности утверждать, что ближе к вечеру (по утрам советские учреждения не работали) народный комиссар внутренних дел Лаврентий Берия, получив срочные указания от Сталина или Молотова (никто другой не мог решить судьбу Миллера), вызвал Ульриха, и тут же дежурным секретарем были написаны две бумаги. Одну подписал Ульрих теми же секретарскими зелеными чернилами. Берия красным карандашом поставил подпись на другой. Дальше был вызван комендант...

Долгие годы о судьбе Евгения Карловича ничего не было известно. Только после распада Советского Союза и открытия архивов стали появляться подробности гибели председателя Русского общевойскового союза. 11 сентября 1996 года Архиерейский Собор Русской православной церкви за рубежом издал циркулярный указ о совершении панихиды по генералу Миллеру во всех храмах в тот же день или в ближайшее воскресенье:

«Циркулярно. Архиерейский Синод Русской православной церкви за границей. 27 апр./Юмая 1996г. Номер 50.

Всем епархиальным преосвященным и настоятелям церквей, непосредственно председателю синода подчиненным.

Указ

Слушали обращение председателя Русского общевойскового союза, поручика В. В. Гранитова относительно генералов А. П. Ку-тепова и Е.К. Миллера, похищенных большевицкими агентами в Париже. По документам некоторых рассекреченных архивов КГБ установлены данные об их смерти. Преосвященный Архиепископ Серафим, Брюссельский и Западноевропейский недавно обратил внимание на то, что церковное отпевание генералов не было совершено.

Председатель РОВСа просит благословения для совершения отпевания нашей Церковью генералов Кутепова и Миллера. Постановили:

Совершить отпевание мученически скончавшихся генералов Александра П. Кутепова и Евгения К. Миллера в Синодальном соборе в Нью-Йорке, во время предстоящего Архиерейского Собора, вечером, в день Усекновения главы Св. Иоанна Предтечи, 29 авг./ 11 сент. 1996г.

Председатель Архиерейского Синода Митрополит Виталий.

Заместитель секретаря Архиерейского Синода Епископ Илларион».

Этот указ был опубликован в Санкт-Петербургском церковно-общественном журнале прихожан РПЦЗ «Возвращение». В комментариях к нему отмечалось:

«Души их во благих водворятся. И память их в род и род», — такими, воспеваемыми по традиции, псаломскими торжественными стихами завершает Святая Церковь величественное чинопоследование панихиды. Это напрямую относится к стойким борцам за освобождение России, доблестным белым вождям, замученным большевиками: генералу от инфантерии Александру Павловичу Кутепову и Генерального штаба генерал-лейтенанту Евгению Карловичу Миллеру, возглавлявшим Русский общевоинский союз в годы наивысшей его активности и опасности для коммунистического режима в России (1928—1930— 1937гг.). Надеждою на «весенний поход», то есть продолжение вооруженной борьбы с Советами освящен период первого из них на этом посту.

Сменивший его генерал Миллер одобрил участие белых русских воинов в военных действиях во всех уголках земли, где только шла вооруженная борьба с коммунистами. В частности, поддержка Каудильо Франко в гражданской войне в Испании была объявлена им продолжением священной белой борьбы. В это время и тайная война ОГПУ против РОВСа достигла своего апогея, жертвами которой явились нагло похищенные советскими агентами генералы».

Участники похищения председателя Русского общевоинского союза Шпигельглас, Косенко и Григорьев в 1938 году были арестованы, в 1940 году расстреляны, а в 1956 году реабилитированы. Гражуль продолжал работать в разведке. Умер он в 1956 году.

ЧАСТЬ V

ОПЕРАЦИИ ВНЕ ПЛАНА «ТРЕСТ»

*Эй, держись-ка покрепче с разбитой ногой. Был ты
храбрый в Ростове, в Успенке! Красный час твой пробил
под эмблемы дугой:*

— К стенке!

Ну а ты, что корону хранил на плечах,

И тебя мы по нашей расценке

Пустим в полный расход, но без блеска в речах...

— К стенке!

Я. Сагацкий

Глава 1. Убийство генерала Дутова

Александр Ильич Дутов таким запомнился современникам: *«Это любопытная физиономия: средний рост, бритый, круглая фи-гура, волосы острижены под гребенку, хитрые живые глаза, умеет держать себя, прозорливый ум»*. Злые языки говорили, что казачий атаман не допускал употребления своей фамилии в родительном падеже. Дескать, ему слышалось, что говорят про атамана дутого. Но это не более чем легенда. Он стал известен на всю Россию в августе 1917 года, во время Корниловского мятежа. Керенский тогда требовал от Дутова подписать правительственный указ, в котором Лавр Георгиевич обвинялся в измене Родине. Атаман Оренбургского казачьего войска вышел из кабинета, презрительно бросив: *«Можете послать меня на виселицу, но такой бумаги не подпишу. Если нужно, я готов умереть за них»*. От слов Дутов немедленно перешел к делу. Именно его полк защищал ставку генерала Деникина, усмирал большевистских агитаторов в Смоленске и охранял последнего главнокомандующего русской армией Духонина. Выпускник Академии Генерального штаба, председатель Совета Союза казачьих войск России Александр Ильич Дутов открыто называл большевиков немецкими шпионами и требовал судить их по законам военного времени.

27 октября 1917 года, через два дня после большевистского переворота, Дутов издал указ по Оренбургскому казачьему войску: *«Впредь до восстановления полномочий Временного правительства и телеграфной связи принимаю на себя всю полноту исполнительной государственной власти»*. Город и губерния были объявлены на военном положении. Созданный Комитет спасения родины, в который вошли представители всех партий за исключением большевиков и кадетов, назначил Дутова начальником вооруженных сил края. Исполняя свои полномочия, он стал инициатором ареста некоторых членов Оренбургского совета рабочих депутатов, готовивших восстание. На обвинения в стремлении узурпировать власть Дутов с горестью отвечал: *«Все время приходится быть под угрозой большевиков, получать от них смертельные приговоры, жить в штабе, не видя неделями семьи. Хороша власть!»* Руководители большевиков быстро осознали, какую опасность для них представляло оренбургское казачество. 25 ноября появилось обращение Совнаркома к населению о борьбе с атаманом Дутовым. Южный Урал оказался на осадном положении. Александр Ильич был объявлен вне закона. Всем,

перешедшим на сторону советской власти, гарантировалась амнистия. 18 января 1918 года под натиском 8-тысячной красногвардейской армии Дутов был вынужден оставить Оренбург. Он шел впереди своего немногочисленного отряда с образом святого Александра Невского, который был с атаманом во всех боях, с войсковыми знаменами и регалиями. В Верхнеуральске был созван чрезвычайный казачий круг. Выступая на нем, Александр Ильич трижды отказывался от своего поста, ссылаясь на то, что его переизбрание вызовет озлобление у большевиков. Давали о себе знать и прежние ранения. *«Уменя перебита шея, треснут череп, и никуда не годятся плечо и рука»,* — говорил Дутов. Но круг не принял отставку и поручил атаману формирование партизанских отрядов для продолжения вооруженной борьбы. В своем обращении к казакам Александр Ильич писал: *«Русь великая, слышишь ли ты набат? Очнись, родная, и ударь в своем старом Кремле-Москве во все колокола, и твой набат будет слышен повсюду. Сбрось, великий народ, ярмо чужеземное, немецкое. И сольются звуки вечевых казачьих колоколов с твоим Кремлевским перезвоном, и Русь православная будет целой и нераздельной».*

Анализируя внутривластную обстановку, Дутов и позже не раз писал и говорил о необходимости твердой власти, которая выведет страну из кризиса. Он призывал сплотиться вокруг той партии, которая спасет Родину и за которой пойдут все остальные политические силы. Между тем положение большевиков в районе Оренбурга ухудшалось. 1 июля 1918 года они начали отступать, и спустя два дня Дутов занял город. После беспощадного террора, господствовавшего в крае за время советской власти, казачьи части были встречены городским населением почти с небывалым восторгом и воодушевлением. 12 июля специальной декларацией Дутов объявил территорию Оренбургского войска «особой областью государства Российского», то есть казачьей автономией. Вскоре он направился в Самару — столицу Комитета членов Учредительного собрания, где вошел в его состав и был назначен главноуполномоченным на территории Оренбургской губернии и Тургайской области. Тем самым эсеровское правительство, выступавшее за федеративное устройство страны, признало легитимность казачьей автономии. Интересно, что по своим политическим взглядам Дутов принадлежал скорее к либеральному лагерю и самарский кабинет министров не сильно жаловал, даже несмотря на присвоенное ему звание генерал-майора. Но ради свержения большевиков готов был на компромиссы: *«Я не знаю, кто мы: революционеры или контрреволюционеры, куда мы идем — влево или*

вправо. Одно знаю, что мы идем честным путем к спасению Родины. Мне жизнь не дорога, и ее не буду щадить, пока в России будут большевики. Все зло заключалось в том, что у нас не было общегосударственной твердой власти, это и привело нас к разрухе».

18 ноября 1918 года в результате переворота в Омске к власти пришел Колчак, ставший Верховным правителем и главнокомандующим всеми вооруженными силами России. Одним из первых вошел в его подчинение атаман Дутов, Он хотел своим примером показать, как должен поступить каждый честный офицер. Однако лидер антибольшевистского сопротивления в Забайкалье генерал Семенов сразу же заявил, что на посту Верховного правителя приемлет только Деникина или Дутова. Но Александр Ильич никогда всерьез не собирался заниматься политикой, считая себя недостаточно для этого способным.

Сохранилось расписание ежедневной работы Дутова. Рабочий день начинался в 8 утра и продолжался не менее 12 часов, практически без перерыва. Атаман был доступен для простых людей — любой мог прийти к нему со своими вопросами или проблемами. Независимость, прямота, трезвый образ жизни, постоянная забота о рядовых, пресечение грубого обращения с нижними чинами — все это обеспечило прочный авторитет Дутова среди казаков.

Генерал Дутов не был идеальным человеком, не выделялся особыми способностями, но при этом проявил качества, позво-

лившие ему создать практически из ничего собственную вполне боеспособную армию и повести беспощадную борьбу с большевиками. Современники так описывали Александра Ильича: *«Усталость, утомление разлиты в его нертах. Морщины вокруг губ наметились глубже и резне. Только глаза — нервные и блестящие — по-прежнему горят железной волей и удачью. Он — выразитель надежд сотен тысяч поверивших ему людей».* Сохранилось и еще одно свидетельство о Дутове, правда, прямо противоположное. Барон Будберг однажды высказался о нем, как о человеке, везде сующем свой нос. Ничего удивительного в подобной характеристике нет. Во-первых, помощник Колчака так отзывался обо всех без исключения лидерах белой борьбы в Сибири, а во-вторых, для многих именно генерал Дутов был символом всего антибольшевистского сопротивления. Не случайно казаки Оренбургского войска писали своему атаману: *«Вы необходимы, Ваше имя на устах у всех, Вы своим присутствием еще более вдохновите нас на борьбу».* Ведь те, кто должен был возглавлять борьбу с Третьим интернационалом, занимались «бумажной политикой», как называли это современники.

Осень 1919 года считается самым страшным периодом в истории Гражданской войны в России. Ожесточение охватило всю страну и не могло не отразиться на действиях атамана. По свидетельству современника, Дутов так объяснял собственную жестокость и террор: «Когда на карту ставится существование целого огромного государства, я не остановлюсь и перед расстрелами. Это не месть, а лишь крайнее средство воздействия, и тут для меня все равны». Интересно, что в то же самое время в правительстве Колчака царила твердая уверенность, что дни большевизма сочтены и Дутов совершенно напрасно отдает под трибунал провинившихся офицеров. Дескать, есть дела и поважнее, к примеру, организация системы управления в стране и подготовка Всероссийского представительного собрания. Нельзя не упо-

мянуть и знаменитые переговоры о будущем территориальном устройстве государства с казахскими и башкирскими автономистами. Предполагалось разделить страну на округа. Атаману предстояло руководить Южно-Уральским краем, в который, кроме Оренбуржья, включались Башкирия, а также западная и северная части современного Казахстана. Дутов направил на имя адмирала Колчака записку со своими предложениями о порядке взаимоотношений с национальными окраинами. Этот документ свидетельствует о глубоком знании атаманом истории региона, особенностей национальной культуры и способов их использования в политике центральной власти. Сам же генерал по этому поводу лишь скромно заметил: *«Я люблю Россию, в частности свой Оренбургский край, в этом вся моя платформа. Если бы большевики и анархисты нашли действительный путь спасения и возрождения страны, я был бы в их рядах; мне дорога Родина, и патриоты, к какой бы партии они ни принадлежали, меня поймут, как и я их».*

Однако руководить Южно-Уральским краем генералу не довелось. 12 сентября 1919 года Верховный правитель России адмирал Колчак назначил Дутова командующим разгромленной красными Оренбургской армией, которая безостановочно отступала по голой, безлюдной степи, испытывая недостаток продовольствия. Одному из своих офицеров атаман тогда сказал: *«Россия умирает. Мы присутствуем при ее последнем вздохе».* Уже в эмиграции уцелевшие достаточно точно назвали то время «голодным». Резали и ели лошадей. У местного населения покупали продукты, фураж, одежду, сани, но и этого не хватало для многотысячной людской массы. Тяжелобольных оставляли умирать в населенных пунктах, погибших не успевали хоронить и обременяли этим печальным обрядом местных жителей. В армии свирепствовал тиф, который к середине октября выкосил

почти половину личного состава. По самым примерным подсчетам, во время «голодного похода» погибло свыше 10 тысяч человек. В своем последнем приказе по армии Дутов писал: *«Все те трудности, лишения и разные невзгоды, которые претерпели войска, не поддаются описаниям. Лишь беспристрастная история и благодарное потомство по достоинству оценят боевую службу, труд и лишения истинно русских людей, преданных сынов своей Родины, которые ради спасения своей Отчизны самоотверженно встречают всякие мучения и терзания».*

В марте 1920 года частям Дутова пришлось покинуть родину и отступить в Китай через ледниковый перевал, расположенный на высоте 5800 метров. Обессилевшие люди и кони шли без запаса еды и фуража, следуя по горным карнизам, случалось, срывались в пропасть. Самого атамана перед границей спустили на канате с отвесной скалы почти без сознания. Отряд был интернирован в Суйдине и расположился в казармах русского консульства. Дутов не терял надежды возобновить борьбу с большевиками и пытался объединить под своим началом всех бывших белых воинов. За деятельностью генерала с тревогой следили в Москве. Лидеров Третьего интернационала пугало наличие значительных организованных и закаленных годами борьбы антибольшевистских сил вблизи границ Советской России. Было принято решение ликвидировать Дутова. Выполнение этой щекотливой миссии возложили на Реввоенсовет Туркестанского фронта. Под видом единомышленника к атаману проник советский агент Махмуд Хаджаиров. 6 февраля 1921 года он застрелил Дутова в его квартире. Два казака из охраны генерала получили смертельные ранения. *«Если суждено быть убитым, то никакие караулы не помогут»*, — любил повторять атаман. Так и вышло. Подпоручик Серафим Рождественский писал в своих воспоминаниях:

«Вечером шестого февраля группа Чанышева подошла к крепости.

— Пакет для его превосходительства, — сказал Махмуду показывая конверт с сургучными печатями.

— Жди здесь, позову дежурного, примет!— ответил часовой.

— Велено вручить лично в руки, видишь ? — показал он дутовцу подчеркнутые двумя жирными чертами слова: «Совершенно секретно» и «Вручитьлично».

И, не дожидаясь, пока казак будет раздумывать, отодвинул его плечом и спокойно, как будто каждый деньходи/и по этой дорожке, зашагал к дому, стоящему в глубине двора, почти у самой крепостной стены. Разговор с охранником у дома был примерно таким же. Только тот доверительно добавил: «Кажись, их превосходительство уже почивают...»

Атаман Дутов полулежал на тахте, о чем-то вполголоса говорил с адъютантом, который разбирал на столике бумаги. Кроме того, Махмуд успел заметить только поблескивающие в свете лампы иконы. Лихо козырнув, Махмуд протянул пакет. Адъютант вскрыл его и подал атаману. Дутов стал читать вслух: «Господин атаман, хватит нам ждать. Пора начинать. Я все сделал. Ждем только первого выстрела». И вдруг метнул исподлобья острый, изучающий взгляд на гонца. Тот стоял, как изваяние. Атаман стал читать дальше: «Сожалею, что не смог приехать лично...»

— А где Чаны шее ? — так же резко вскинув голову, спросил Дутов.

— Он ушиб ногу и сам приехать не может, — спокойно ответил Махмуд. — Он ждет вашу милость у себя в доме!

— Это что еще за новости ? — выкрикнул атаман.

Это были его последние слова. Махмуд понял, что вариант похищения атамана Дутова отпадает. Выхватив наган, он выстрелил в упор. В то же мгновение на него бросился адъютант. Еще выстрел — и адъютант свалился к ногам Махмуда. Махмуд выстрелил еще раз в Дутова, свалившегося с тахты. И тут же бросился бежать.

В те дни советская граница в Семиречье была приведена в боевую готовность. В Джаркенте и в других пограничных городах были введены комендантский час и особое положение. Советские комиссары серьезно опасались нападения белых из-за границы. Боялись, что дутовцы и другие белые начнут мстить за убийство атамана Дутова. Но этого не случилось — некому было заменить атамана Дутова».

Атамана похоронили на небольшом кладбище. Но через несколько дней эмиграцию облетела шокирующая весть: ночью могила генерала была разрыта, а тело обезглавлено. Как писали газеты, убийцы должны были предоставить доказательства исполнения приказа. Только спустя 70 лет стали известны подробности смерти генерала. 8 февраля 1921 года Хаджаиров телеграфировал в Москву: «Руководивший операцией зашел в квартиру Дутова, подал ему письмо и, воспользовавшись моментом, двумя выстрелами убил. Наши сегодня благополучно вернулись в Джаркент». На бланке сохранилась и пометка, куда именно следует передать депешу: Центральный Комитет Российской коммунистической партии большевиков.

Глава 2. Похищение генерала Анненкова

Современник так описал встречу с генералом Борисом Владимировичем Анненковым: *«На меня глядел молодец из какой-нибудь купеческой лавки в лихо заломленном на затылок картузе. Большая челка, точно у китайских леди, закрывала пол-лба. Я никак не мог поверить, что это и есть потомок декабриста, известный своей храбростью»*. В годы Первой мировой войны Анненков командовал партизанским отрядом, который занимался диверсионной деятельностью в тылу противника. Его солдаты и офицеры носили на левом рукаве нашивку — черно-красный угол с черепом и надписью «С нами Бог». Позже советские историки стали называть Анненкова первым фашистом и даже договорились до того, что войска СС, дескать, специально переняли девиз его партизанского отряда. Ничего общего с реальностью это не имеет. «Адамова голова» — древнехристианский символ и означает «воскрешение после смерти». Что до преторианской гвардии Гитлера, то слова «С нами Бог» использовались немецкой армией задолго до фюрера. Тем более не походил Анненков на тех деклассированных элементов, которые составили основу нацистской партии. Потомок известного декабриста, дворянин, он был прекрасно образован и в совершенстве знал французский, немецкий, китайский и тюркские языки. Убежденный монархист, атаман Анненков не принял большевистского переворота и тут же был объявлен вне закона.

В январе 1918 года Анненков перешел к вооруженной борьбе с большевиками. Возглавив отряд из 24 верных присяге казаков, он начал с того, что совершил дерзкий налет на Омский собор, отбив у Советов народных комиссаров знамена Ермака и 300-летия Дома Романовых, которые коммунисты хотели сжечь. Очевидцы потом вспоминали: *«Стоя на санях с императорским штандартом в руках, Анненков помчался по льду Иртыша и без особого труда скрылся от погони»*. Уже через месяц его отряд насчитывал свыше 100 человек. С образованием Временного сибирского правительства анненковцы были включены в состав Восточной армии и приняли участие в боях против красноармейских частей Блюхера и Каширина. На этом этапе Гражданской войны белые, сохранившие воинскую дисциплину, добились превосходства над плохо обученными формированиями Третьего интернационала. После взятия Анненковым Уральска и Троицка по рекомендации казачьего круга ему было присвоено звание полковника. Лидеры Добровольческих армий понимали, что для

победы над большевизмом необходимо провести мобилизацию.

Однако крестьянство не хотело воевать, уклонялось от призыва, в ряде мест вспыхивали восстания. Информатор Сибирского правительства докладывал, что «агитация антигосударственного направления возрастает, переловить главарей невозможно ввиду отсутствия реальной силы». На подавление волнений отправили партизан Анненкова. Советские историки потом с негодованием писали, что его казаки сжигали целые деревни. Однако истина находится посередине: большинство из приписываемых Анненкову преступлений совершили отряды красноармейцев, выполняя распоряжения Москвы о красном терроре. Но и генерал не уступал коммунистам в жестокости, о чем и признался в своих воспоминаниях: *«Я дал следственной комиссии директивы установить активных участников восстания. Действовал военно-полевой суд, выносивший много приговоров. Расстреливали. Но так поступали относительно мужчин, оказывавших сопротивление, хотя случались эксцессы. Предотвратить это не было возможности».*

Не стоит думать, что Анненков только и делал, что безжалостно отправлял всех на виселицу. Уже в эмиграции его офицеры вспоминали довольно примечательный случай: при сдаче в плен 5-го Советского полка один из бойцов, Иван Дупляков, сказал: «Я много перебрал на мушку вашего брата, теперь можете брать и меня». Решение атамана тогда удивило всех. Он зачислил пленного красноармейца в свой личный конвой. А подчиненным Анненков позднее так объяснил свой поступок: *«Я рассчитывал на чисто психологическое воздействие: он боролся против нас и не ожидал к себе снисхождения. Мужество надо уважать».* Анненков в тот период был одним из самых популярных вождей белых армий в Сибири. Многим импонировало в атамане то, что Борис Владимирович презирал азартные игры, не курил и не пил, не был замешан в скандальных любовных похождениях. Один из современников даже назвал его «фундаментом, на котором возродится русская армия». Борис Владимирович стремился установить в своих частях своеобразную военную демократию, основы которой закладывались им еще со времен Первой мировой. Железная дисциплина сочеталась в войсках с особым духом товарищества, позволявшим бойцам, независимо от звания, называть друг друга «братьями» и обращаться на «ты». Офицером можно было стать, только пройдя все ступени, начиная с рядового. Все это не привлекало кадровых военных, многие из которых уезжали из анненковских частей, отказываясь служить под началом своих бывших подчиненных. «Старых генералов я считал хламом», — любил повторять атаман. Он выдвигал

молодежь, ссылаясь на печальный опыт мировой войны. В своих мемуарах Анненков отмечал: *«Особое значение я придавая поддержанию правильных взаимоотношений в отряде. Дело в том, что многие офицеры царской армии были далеки от солдат, не вникали в их нужды, проявляли высокомерие и грубость. Поэтому у меня проводилась кадровая политика с учетом прошлых уроков».*

В дивизии Анненкова было запрещено употребление спиртного. Замеченные в пристрастии к алкоголю надолго в рядах «черных гусаров» не задерживались. О нравах, царивших у партизан, уже тогда рассказывали легенды. *«Штаба и свиты у атамана нет, — писала одна из сибирских газет в середине 1919 года, — только печатная машинка и вестовые. За сквернословие на третий раз изгонялись. Образцовая дисциплина, преобладают интеллигентная молодежь, казаки и киргизы»,*— говорилось в статье. Порядок в своих партизанских частях Анненков поддерживал, опираясь на военно-полевой суд, состоявший из офицеров, и специальную комиссию, действовавшую на основе дореволюционных законов и приказов штаба Верховного главнокомандующего. Стоит также сказать, что Борис Владимирович пошел, пожалуй, дальше всех вождей белых армий. Он лично внес изменения в молитву «Спаси, Господи», чтобы она больше подходила для борьбы с большевиками. В новом варианте она начиналась словами: *«Благослови достояние твое, победы нашему отряду на супротивника даруя».* Никто не возражал. Его казаки вообще считали своего атамана наместником Бога, с гордостью говорили: *«Господь — на небе, атаман — на земле»* и называли себя воинами Христовыми.

Как и большинство лидеров белой борьбы в Сибири, Анненков не признавал над собой начальников, и прежде всего адмирала Колчака. Хотя официально поддержал Александра Васильевича одним из первых: *«Омск. Верховному правителю России адмиралу Колчаку. Ваше высокопревосходительство! Ваше назначение Верховным правителем, в руках которого сосредоточивается вся полнота государственной власти, дало мне с первого же момента глубокую уверенность в том, что наконец настал тот час, когда наша измученная, истерзанная внутренними и внешними врагами Родина вновь подыметя и пойдет по пути возрождения и станет такой же великой, какой и была. Я как атаман партизан, добровольно собравшихся отдать жизнь свою в любой час за нашу Родину, приветствую Ваше назначение и заверяю своим словом Атамана, что всемои силы и помыслы будут направлены к тому, чтобы вы уверенно и твердо могли бы опереться на нас, и мы готовы каждую минуту, по первому Вашему приказу, исполнить наш святой долг перед*

Отчизной. С нами Бог. Атаман Анненков».

Противостояние с Колчаком дошло до того, что атаман отказался от присвоенного ему Верховным правителем России звания генерала, указав в ответной телеграмме, что ему и чина полковника вполне достаточно. Уговоры офицеров на Анненкова не действовали. Только спустя несколько месяцев он появился перед своим конвоем в новых погонах. Пожалуй, ни о ком из лидеров белых армий большевики не распустили столько лживых слухов, как об атамане Борисе Владимировиче Анненкове. Один из историков даже договорился до того, что тот, убежденный монархист, оказывается, презирал священников и церковь посещал неохотно. Почему при этом на знамени его партизанского отряда было написано «С нами Бог», не объяснялось. И все-таки каким же запомнился своим современникам генерал Анненков? *«Среднего роста, физически развит, может заставить играть каждый свой мускул, обладает большой силой воли, умеет гипнотизировать. Любит посещать солдатские вечеринки, где сам пляшет и учит этому казаков, подпевает, хотя голосом не обладает».* Стоит подчеркнуть, что за годы советской власти боевой генерал вообще трансформировался в карателя, который перевешал половину Сибири. А вот в эмиграции об Анненкове отзывались как о человеке, до последнего вздоха сохранившем чувство ненависти и безразличности к власти убийц, грабителей и палачей народа.

В освобожденных от большевиков районах Сибири Анненков устанавливал свои порядки. Он полностью запретил продажу спиртных напитков. Виновные в их изготовлении и продаже предавались военно-полевому суду. Китайские подданные, привозившие алкоголь, высылались с конфискацией товара. Атаман распорядился также арестовывать на 14 суток пьяных и налагать на них штраф в размере 1 тысячи рублей. Эти средства распределялись следующим образом: 500 рублей — в лазарет, 300 — в бюджет района, 200 — в пользу поимщика. Но главным для Анненкова все же оставалась борьба с Третьим интернационалом, для которой к тому времени уже не было сил. Красноармейская разведка докладывала в Реввоенсовет республики, что в партизанских сотнях нет орудий и пулеметов, патронов на человека не более пяти. 29 февраля 1920 года большевики предложили атаману добровольно сдать оружие, однако анненковцы категорически отказались. Генерал в сопровождении 4 тысяч бойцов и отступавшего населения ушел за границу, объявив специальным приказом о прекращении вооруженной борьбы и праве каждого солдата и офицера самостоятельно определить свою дальнейшую судьбу. В Китае белые воины оказались в сложном положении. Они выполнили главное

требование властей — сдали оружие. Взамен ежедневно получали лишь по 300 граммов хлеба. Голодающие казаки были вынуждены есть своих лошадей. Многие не выдерживали, уходили из отряда с обещанием вернуться, если будет объявлено о продолжении борьбы с Третьим интернационалом. К июлю 1920 года осталось только 670 самых стойких бойцов. Но среди них не было самого Анненкова, впрочем, по вполне уважительной причине. Он отбывал тюремное заключение. Официально — по обвинению в подготовке вооруженного восстания. На самом деле — от генерала требовали передать китайскому правительству «золото Колчака», к которому Анненков не имел никакого отношения. В своих мемуарах он писал: *«Китайцев неотступно преследовала мысль о наличии у меня крупных ценностей, и они рассчитывали путем моего заключения вынудить меня к передаче этих денег им. Но я действительно не имел при себе больших ценностей. Переходя границу, у меня были лишь обесцененные колчаковские деньги».*

Лишь в результате неоднократных обращений бывшего начальника штаба его дивизии полковника Денисова к властям, а также к посланникам стран Антанты в Китае Анненков в феврале 1924 года был освобожден. Он решил полностью отойти от участия в эмигрантском движении и уехать в Канаду, но не смог найти средств на визу. Практически сразу 35-летний генерал стал получать многочисленные настойчивые предложения включиться в деятельность антисоветских организаций. Однако казачий атаман предпочел уклониться от активной борьбы. 10 апреля 1926 года неожиданно для всех Анненков со своими ближайшими сподвижниками был отправлен китайцами через Монголию в Советскую Россию. Известно, что большевики в это время добивались передачи им ряда руководителей Белого движения, в том числе генерала. 20 апреля газета «Новая шанхайская жизнь» опубликовала письмо Бориса Владимировича в ЦИК СССР «с искренней и чистосердечной просьбой о прощении» и помиловании если не его самого, то менее виновных бывших его соратников. Кроме того, атаман выступил с обращением к своим сторонникам прекратить борьбу с большевистской властью: *«Строгий анализ своих прошлых поступков и действий привел меня к выводу что Гражданская война и борьба с Советами были глубоким заблуждением, ибо то, что сделала советская власть после того, как окончила борьбу на всех фронтах, говорит, что она твердо и неуклонно ведет народ к достижению намеченных идеалов».* Решение Анненкова вызвало бурю негодования и возмущения в белоэмигрантской печати. А между тем обстоятельства, вследствие которых атаман был отправлен в СССР, до сих

пор остаются неясными. К примеру, газета «Шанхайская заря» 25 апреля 1926 года писала, что генерал был арестован китайским командованием по распоряжению советского военного руководства, так как отказался перейти на сторону большевиков. Подругой версии, он вместе с начальником штаба полковником Денисовым был захвачен в гостинице известным красным командиром Примаковым. В качестве доказательства приводилось все то же письмо Анненкова о признании им советской власти. Действительно, непохоже, чтобы этот документ принадлежал перу генерала. Уж слишком часто в нем повторяется слово «Родина» в отношении Советской России. А ведь атаман постоянно подчеркивал, что у Третьего интернационала не может быть родины и сам он никогда не признает «вавилонскую башню» большевизма. Открытый процесс над Анненковым и Денисовым состоялся в Семипалатинске летом 1927 года. Вердикт всем был ясен еще до первого заседания. Вряд ли сам генерал тешил себя иллюзиями. Вот лишь короткий отрывок из показаний свидетелей обвинения:

«В июле-августе 1918 года в Лепсинском уезде Семиреченской области появлялся белый отряд, пришедший со стороны Сибири и прославивший «силу русского оружия» рубкой голов и порками мирного населения. Отсутствие сопротивления давало возможность пьяной, разнузданной банде офицеров и присоединившимся к ним казакам безнаказанно пороть и рубить мирных жителей, насилловать женщин и даже малолетних девочек, грабить их имущество. Горе тому, кто пытался не то что защитить, а лишь только высказать свое неудовольствие по поводу грабежей и насилий. Его сразу объявляли большевиком и в лучшем случае поролы плетью, а то и рубили, да не просто рубили, а истязали. Отрубят ногу, руку, разрежут живот.

Всех больных и раненых, находившихся в лепсинском лазарете, зверски изрубили... Больной тифом старый партиз, незадолго перед этим приехавший из Перми, был жестоко избит, затем ему распорол живот и выбросили в огород, где он умер через сутки.

В городе Сергиополе расстреляно, изрублено и повешено 800 человек. Сожжено село Троицкое, где анненковцами забито насмерть 100 мужчин, 13 женщин, 7 грудных детей. В селе Никольском выпорото 300 человек, расстреляно 30 и пятеро повешено. В селе Знаменка, что в 45 верстах от Семипалатинска, вырезано почти все население, здесь у женщин отрезали груди. В селе Колпаковка изрублено, расстреляно и повешено 733 человека, в поселке Подгорном — 200. Сожжены села Болгарское, Константиновка, Некрасовка. В селе Покатиловка изрублена половина жителей. В Карабулаке Учараль-ской волости уничтожены все мужчины. По словам

свидетеля Тур-чинова, трупы не зарывались, и собаки до такой степени откармливались и привыкли к человеческому мясу, что, зверея, бросались на живых людей. Возле китайской границы в урочище Ан-Агач было насчитано 900 трупов, а за озером Ала-Куль — 600. Все они являлись бывшими воинами анненковских полчищ и уничтожены своими за нежелание оставаться под властью атамана».

25 августа генерал был расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда.

Пожалуй, наряду с бароном Унгерном генерал Анненков — самая противоречивая фигура Белого воинства. Широкою известность получило открытое письмо бывшего полковника Генерального штаба Колесникова: *«Внимательно прочтите мемуары этой канальи с челкой, и вы увидите, в какое он геройство ставит свое неподчинение адмиралу Колчаку. Человеку, которого знала вся страна, кто был овеян славой, о ком рассказывали легенды, чье имя было на устах каждого».* Однако по числу сложенных о нем легенд Анненков намного опередил Верховного правителя России. Расскажу лишь самую популярную: уходя со своим войском в Китай, генерал приказал артиллеристам блеснуть напоследок мастерством. Фейерверкеры так точно укладывали в степи снаряд за снарядом, что на земле возникла угрожающая надпись: «мы вернемся». Анненков сдержал свое слово. Он вернулся на Родину, но совсем не так, как ему хотелось...

Глава 3. Тайна генерала Монкевица

О нем до сих пор мало что известно. Лишь общие сведения, маленькая тележка достоверных фактов и целый вагон туманных слухов. А между тем именно он стал первой жертвой незримой войны в Париже между советской разведкой и русской эмиграцией.

Николай Августович Монкевиц родился 22 ноября 1869 года в небогатой дворянской семье в Польше. Окончил второй кадетский корпус, Павловское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду. Военную службу начал проходить в должности помощника старшего адъютанта Варшавского военного округа.

31 октября 1910 года на него были возложены обязанности заведования военно-статистическим делопроизводством части первого обер-квартирмейстера, а с 1 июня 1914 года — особым делопроизводством Главного управления Генерального штаба. С этого момента в его руках фактически сосредоточилась вся разведывательная и контрразведывательная работа в русской императорской армии.

Во время Первой мировой войны был в действующей армии. Начальник штаба 30-го корпуса, командир 71-й пехотной дивизии. Стал георгиевским кавалером. Казалось бы, в час суровых испытаний место профессионала такого уровня явно не в окопах. Но это только на первый взгляд. Ставка Верховного главнокомандующего предоставила возможность контрразведчикам работать по их собственному усмотрению, без общего руководства. А коли так, то и генералитет не обращал на них никакого внимания. В результате в штатах контрразведывательных отделений не предусматривалось должностей следователей, а гражданские и даже военные юристы не имели в большинстве своем опыта раскрытия шпионских дел, работы с агентурными материалами, сводками наружного наблюдения, перлюстрированной корреспонденцией, не обладали знаниями о деятельности иностранных разведок.

Да и к самому Монкевицу многие относились более чем прохладно. Граф Игнатьев писал в своих мемуарах: *«Тонкий был человек Николай Августович: он был со мной всегда очаровательно любезен, но прочитать его мысли было тем более трудно, что он мог их хорошо скрывать за своей невероятной косоглазостью. Невозможно было угадать, в какую точку он смотрел. Помощником себе он взял Оскара Карловича Энкеля, тоже умевшего скрывать свои мысли. Оба они держались обособленно от*

остальных коллег, совершенно не считались с их мнением и своим обращением со мной ясно давали понять, что они являются хотя и косвенными, но единственными непосредственными начальниками военных агентов.

Они держали себя европейцами, людьми, хорошо знакомыми с заграничными порядками, и вместо плохой штабной столовой всегда приглашали запросто позавтракать в «Отель де Франс» на Большой Морской — там по крайней мере ни вызовы начальства, ни вопросы посетителей не могли помешать интимной беседе.

Много таинственного и необъяснимого, в особенности в русских делах, оставила после себя мировая война, и первые загадочные совпадения обстоятельств начались для меня именно в это памятное утро 24 июля. Чем, например, можно объяснить, что во главе самого ответственного секретного дела — разведки — оказались офицеры с такими нерусскими именами, как Монкевиц, по отчеству Августович, и Энкель, по имени Оскар?»

После большевистского переворота Совет солдатских депутатов предложил Монкевицу возглавить 4-ю армию. Убежденный монархист, генерал-лейтенант отказался и был освобожден от занимаемой должности. До июня 1918 года он был в распоряжении бывшего командующего Румынским фронтом генерала Щербачева, где пытался не допустить разграбления имущества русской императорской армии провозглашенным украинским правительством Центральной рады. В результате на него было совершено покушение, после неудачи которого самостийниками был отдан приказ об аресте Николая Августовича. Эти события вынудили его эмигрировать в Западную Европу.

Тогда же он вступил в монархическую тайную организацию «Союз верных», которую возглавлял бывший депутат Государственной думы Марков Второй. Кроме одного из бывших лидеров «Союза русского народа» в нее входили генерал-лейтенант Арсеньев, полковники Гершельман, Хомутов; князь Долгоруков, бывшие депутаты Государственной думы Дерюгин и Лавриновский. Интересный момент: структура «Союза» очень напоминала масонскую. Руководящим органом был «Тайный верх», который кроме самого Маркова Второго составляли князь Ширинский-Шихматов, сенатор Римский-Корсаков, генералы Краснов и Гурко. Членство в «Союзе» имело две степени: «латники» и «воины». Полноту сходства с масонами дополняло еще и то, что «Союз верных» никогда не выступал открыто, предпочитая влиять на политику через своих членов. А что же предлагал-то «Союз верных». Рецепт был

прост — беспощадная борьба с мировым еврейством, которое спонсировало русских революционеров: «С падением царского самодержавия пала монархия, а затем разрушилось и все Российское государство. Это великое падение произошло по той причине, что правящий слой русского народа, развращенный вредными лжеучениями либерализма и рационализма, постепенно утратил здоровое чутье государственного самосохранения, перестал понимать, что Россия неотделима от православия и самодержавия, и помог врагам России затемнить народный рассудок и обманом завлечь народ на гибельный путь разрушения основ своего государства и оплевания святынь своего духа.

Темная сила одолела великую православную Россию не в открытой борьбе, а воровским образом прокравшись к источникам русского просвещения и русской культуры.

Только отравив эти источники духом сатанинского отрицания и мятежного своеволия, только полонив печатное русское слово, а через то и русскую мысль, только став господином российского «общественного мнения» и властным распорядителем репутаций государственных и общественных деятелей России,—только тогда раскрыла свои адские карты эта чудовищная, человекоубийственная, темная сила и вонзила нож в сердце своей связанной порукам и ногам несчастной жертвы».

В этой организации Монкевиц пробыл недолго. В середине 1919 года он становится начальником миссии в Париже Вооруженных сил юга России. В сферу его деятельности, в частности, входили вопросы материальной помощи офицерам, эвакуированным из Латвии. Тогда же Монкевиц написал книгу «Крушение русской армии», в которой подробно изложил причины революции.

Поражение Белого движения в Гражданской войне отразилось на взглядах генерала. Он стал ярким противником интервенции, считая, что это будет направлено не для блага России, а для выгоды Антанты. Монкевиц убеждал всех, что основную ставку в борьбе с большевиками необходимо делать на агитацию в Красной армии, которая и должна будет совершить переворот в стране. При этом он был помощником Кутепова в Боевой организации. Как у него это увязывалось со взглядами — судить не возьмусь.

В эмиграции Монкевиц вместе с дочерью и сыном был во Франции. Жил по соседству с генералом Деникиным. По вечерам они часто встречались, пили чай, обсуждали Гражданскую войну и положение дел в Советской России. Так было и в тот роковой ноябрьский день 1926 года. Монкевиц пришел в гости и, что называется, засиделся. Выглядел он

озабоченным: был кое-как одет, рукава пиджака ему были явно коротковаты, и он старательно пытался придать им должный вид. Не получалось. От этого он нервничал еще больше. Часы давно пробили полночь, а генерал все не собирался уходить. Тактичные хозяева молчали. Наконец во втором часу ночи он попрощался с Антоном Ивановичем. Вышел на улицу и исчез. Навсегда.

Утром к Деникиным прибежала встревоженная дочь Монке-вица и спросила, где ее отец. Антон Иванович рассказал все подробности вечера. Но он не знал, куда ушел от них генерал. Дочь немедленно позвонила в полицию. Деникин знал, что дома у заместителя Кутепова по Боевой организации наверняка хранились важные документы. Он попросил дочь Монкевица принести их к нему домой. Там они были в сохранности. Так и поступили. Деникин тщательно осмотрел документы. По ним нельзя было установить причину внезапного исчезновения генерала. Но они давали ответы на более важные вопросы. Сам Антон Иванович вспоминал спустя несколько лет: *«В несколько очередей принесли пять или шесть чемоданов и свалили в нашей столовой. Жена понесла на почту мою телеграмму Кутепову о происшествии и с просьбой немедленно приехать и «взять свои вещи».* Только через два дня приехал полковник Зайцев (ближайший помощник Кутепова по конспиративной работе) и в два или три приема увез бумаги. Я через него вторично пригласил Кутепова к себе для беседы.

Дело в том, что, желая припрятать от возможного обыска французской полиции хотя бы наиболее важное, мы с женой целые сутки перебирали бумаги. Кроме общей текущей и не очень интересной переписки в делах находилась и вся переписка с «Трестом» — тайным якобы сообществом в России, возглавляемым Якушевым (имел 3 псевдонима), работавшим с Кутеповым.

Просмотрев это, я пришел в полный ужас, до того ясна была, в глаза била большевистская провокация. Письма «оттуда» были полны несдержанной лести по отношению к Кутепову: *«Вы, и только Вы, спасете Россию, только Ваше имя пользуется у нас популярностью, которая растет и ширится»* и т.д. Про великого князя Николая Николаевича «Трест» говорил сдержанно, даже свысока; про генерала Врангеля — иронически. Описывали, как росло неимоверно число их соучастников, ширилась деятельность «Треста»; в каком-то неназванном пункте состоялся будто тайный съезд членов в несколько сот человек, на котором Кутепов был единогласно избран не то почетным членом, не то почетным председателем... Повторно просили денег и, паче всего, осведомления.

К сожалению, веря в истинный антибольшевизм «Треста», Кутепов посылал ему периодически осведомления об эмигрантских делах, организациях и их взаимоотношениях довольно подробно и откровенно. Между прочим, в переписке имелся срочный запрос «оттуда»: что означает приезд в Париж на марковский праздник генерала Деникина и связанные с этим чествования? И копия ответа Кутепова, что политического значения этот факт не имеет, что добровольцы приветствовали своего бывшего Главнокомандующего, и только. Вообще «Трест» проявлял большое любопытство, и, увы, оно очень неосторожно удовлетворялось... Я не могу и сейчас сказать всего, что прочел в этой жуткой переписке...»

Деникин вместе с Кутеповым пытались найти объяснение таинственному исчезновению генерала. Но этого им сделать не удалось. Записка, оставленная Монкевицем — «Во избежание лишних расходов на погребение, прошу моего тела не разыскивать», — еще больше запутала дело. В эмиграции долго ходили слухи, что генерал, крупный агент ОГПУ, инсценировал самоубийство, чтобы скрыть бегство в Советский Союз. Однако никаких документальных подтверждений этого заявления до сих пор найти не удалось. Может быть, потому, что особо и не искали. Никому не нужно было. Эмиграция доверяла мнению председателя Русского общевойскового союза генерала Врангеля. 15 ноября 1926 года он писал генералу Барбовичу: «В области «работы» генерала Кутепова — крупный скандал. За последнее время целым рядом лиц получены сведения, весьма неблагоприятные для ближайшего помощника генерала Кутепова — генерала Монкевица. Недавно в управлении генерала Хольмсена были получены документы, подтверждающие преступную связь этого генерала с большевиками. Предупрежденный сам генерал Кутепов, однако, этому отказался верить. На днях Монкевиц исчез, оставив записку, что, запутавшись в деньгах, кончает жизнь самоубийством. Однако есть все основания думать, что это симуляция. Труп нигде не найден, а следы генерала Монкевица следует, видимо, искать в России...»

Глава 4. Выбор капитана Эфрона

Ранним утром 10 октября 1939 года на Лубянке начали допрашивать арестованного за несколько часов до этого тайного сотрудника НКВД Андреева. Лейтенант госбезопасности Кузнецов к тому моменту знал только, что человек, сидящий напротив, бежал из Франции два года назад. Его подозревали в причастности к убийству Игнатия Рейса, советского агента, посмеявшегося обвинить товарища Сталина в многочисленных преступлениях против революции. Внимательно изучив небольшое на тот момент дело подследственного, он узнал, что тот принимал участие в боях юнкеров в Москве в ноябре 1917 года. Потом уехал на юг, где вступил в Добровольческую армию. После краха Белого движения эмигрировал, активно участвовал в террористической деятельности против СССР.

В ночь ареста Андрееву выдали анкету. Он заполнил ее сам. «*Фамилия — Андреев-Эфрон. Имя и отчество — Сергей Яковлевич, год и место рождения — 1893, 26 сентября, Москва. Последнее место службы и должность или род занятий — был на учете в НКВД. В царской армии был прапорщиком. После того как большевики одержали победу в Москве, я поехал на Юг и вступил добровольно офицером в армию Деникина и был там до Врангеля включительно. Никаких штатных должностей я не занимал и в течение месяца болтался при штабе Алексева. Точную дату вспомнить не могу, но помню, что это было во время первого Корниловского похода. С армией Врангеля бежал сначала в Галлиполи, а затем в Прагу. В Галлиполи голодал и жил месяцев пять в палатке. Единственно, чем я занимался, это вел группу по французскому языку из трех человек. В Константинополе я выдержал испытания, которые сдавал профессорской группе. Меня приняли на стипендию в Прагу. Я был организатором «Демократического союза студентов», который вышел из белых организаций и занимал по отношению к белым военным кругам враждебную позицию. Редактировал издаваемый в Праге журнал под названием «Своими путями»...*»

Читая потом подобные ответы, у следователя должно было сложиться впечатление о невзрачном белогвардейце, полном неудачнике, который так и не смог заслужить даже чина подпоручика, хотя некоторые его ровесники уже тогда минимум полковниками были. А могла и жалость проснуться к этому гнилому интеллигенту, который, вместо того чтобы радоваться революционным преобразованиям, голодал на чужбине, уча французскому

языку таких же заблудших овец. Однако жизнь Сергея Яковлевича вместила в себя много больше этих скупых и не совсем правдивых строчек биографии.

Эфрон был в Белом движении с первого и до последнего дня. И оставался верен своим идеалам, о чем вспоминал позднее Роман Гуль: *«Эфрон весь был еще охвачен белой идеей, он служил не помню уж в каком полку, в Добровольческой армии, кажется, в чине поручика. Разговор двух бывших добровольцев был довольно странный. Я в белой идее давно разочаровался и говорил о том, что все было неправильно зачато, вожди армии не сумели сделать ее народной, и потому белые и проиграла. Теперь я был сторонником замирения России. Он, наоборот, никакого замирения не хотел, говорил, что белая армия спасла честь России, против чего я не возражал: сам участвовал в спасении чести. Но конечной целью войны должно было быть ведь не спасение чести, а — победа. Ее не было. Эфрон возражал очень страстно, как истый рыцарь Белой идеи...»*

Однако до сих пор о добровольчестве Эфрона если и вспоминают, то исключительно в связи с Мариной Цветаевой. Многим, наверное, знакомы ее легендарные строки, в основе которых как раз жизнь мужа — прапорщика офицерского генерала Марковского полка:

Кто уцелел — умрет, кто мертв — воспрянет, И вот потомки, вспомнив старину:

— Где были вы ? — Вопрос как громом грянет, Ответ как громом грянет: — На Дону!

— Что делали ?—Да принимали муки, Потом устали и легли на сон.

И в словаре задумчивые внуки

За словом: «долг» напишут слово: «Дон»

В эмиграции Сергей Эфрон, как и большинство участников Белого движения, начал писать мемуары о русской смуте. Но завершить книгу он так и не сумел. Даже судьба рукописи сегодня неизвестна. Сохранились лишь две главы: «Октябрь» (о боях в Москве) и «Декабрь» (первые дни Добровольческой армии). Но именно неопубликованные фрагменты его мемуаров о наступлении русской армии генерала Врангеля в Северной Таврии в мае 1920 года легли в основу поэмы Цветаевой «Перекоп». Да, вы не ошиблись. Именно о наступлении, а не об обороне осенью того же года, как принято судить в современной России. Сама Цветаева называла Перекоп майским и горько сетовала, что не может ничего написать про последний этап белого сопротивления: *«дневника, крохотной даже не тетради, а стопочки бумаги, уже не было».*

О борьбе Сергея Эфрона с большевиками есть несколько

безукоризненных свидетельств. Это и его письма, не так давно опубликованные. И фотография в форме офицера Марковского полка. Жаль, что не все обратили внимание на погоны. Черно-белые, с одним просветом, без звездочек. Это значит, что принадлежат они капитану. Но самое главное свидетельство оставил сам Эфрон, написавший в свое время статью «О добровольчестве»:

«Добровольчество. «Добрая воля к смерти» (слова поэта), тысячи и тысячи могил, оставшихся там, позади, в России, тысячи изувеченных инвалидов, рассеянных по всему миру, цепь подвигов и подвижничеств и «белогвардейщина», контрразведки, погромы, расстрелы, сожженные деревни, грабежи, мародерства, взятки, пьянство, кокаин... Где же правда? Кто же они или, вернее, кем были — героями-подвижниками или разбойниками-душегубами? Одни называют их «Георгиями», другие — «Жоржиками».

Я был добровольцем с первого дня, и если бы чудо перенесло меня снова в октябрь 17-го года, я бы и с теперешним моим опытом снова стал добровольцем. Позвольте же мне, добровольцу, на вопрос «Где правда?» — дать попытку ответа.

Мой ответ: «Георгий» продвинул Добровольческую до Орла, «Жоржик» разбил, разложил и оттянул ее до Крыма и дальше, «Георгий» похоронен в русских степях и полях, «положив душу свою за други своя», «Жоржик» жив? здравствует, политиканствует, проповедует злобу и мщение, источает хулу, брань и бешеную слюну, стреляет в Милюкова, убивает Набокова, кричит на всех перекрестках о долге, любви к Родине, национализме. Первый — лик добровольчества, второй — образина его.

Но не все добровольцы «не-Жоржики» убиты. Тысячи и тысячи их рассеяны по рудникам Болгарии, по полям Сербии, по всем просторам земным не только Европы, но и Африки, Азии, Америки. Многие, может быть большинство из них, после Гражданской войны научившись умирать, разучились жить, потеряли вкус к жизни. Святое дело, которому служил, провалилось; жизнь, которую отдавал, осталась; Родина, ради которой шел на подвиг, отвернулась и отвергла. И вот вместо жизни — прозябание, вместо надежды и веры — равнодушие.

Что делать и в чем дело ?

Должен оговориться: я делю добровольчество на «Георгия» и на «Жоржика». Но отсюда не следует, что каждый данный доброволец является либо тем, либо другим. Два начала перемешались, переплелись. Часто бывает невозможно установить, где кончается один и начинается другой.

И первейший наш долг, долг и перед Родиной, и перед теми, кто похоронен тысячами в России, и перед самими нами, — освободиться наконец, в себе и вовне, от этого тупого, злого, бездарного «Жоржика»...»

21 сентября 1918 года в Екатеринодаре Антон Иванович Деникин издал приказ, по которому устанавливался знак первого кубанского похода в воздаяние воинской доблести и отменного мужества, проявленных участниками и понесенных ими беспримерных трудов и лишений. Среди награжденных был и Сергей Яковлевич Эфрон. Он получил орден первой степени (им награждались участники боев) за номером 2693. Как и любой первопоходник, гордился им. Он писал в те дни Максимилиану Волошину: *«Только что вернулся из армии, с которой совершил фантастический 1000-верстный поход. Я жив и даже не ранен — это невероятная удача, потому что от ядра корниловской армии почти ничего не осталось. Не осталось и одной десятой тех, с которыми я вышел из Ростова. Нам пришлось около 700 верст пройти пешком по такой грязи, о какой не имел до сего времени понятия. Переходы приходится делать громадные — до 65 верст в сутки. И все это я делал, и как делал!»*

Но почему же не носил заслуженный им орден? Ведь на фотографии его в форме Марковского полка никаких знаков отличия нет. Некоторые историки склонны думать, что Эфрон потерял свой знак первопоходника. Это не так. Существует фотография Марины Цветаевой с сыном, сделана во Франции в 1935 году. На левой стороне безрукавки сына виден меч в терновом венце.

Я слышал еще одну версию: Эфрон не носил орден из скромности. Рассуждать об этом могут лишь те, кто никогда не удосуживался прочитать хотя бы одну статью Сергея Яковлевича: *«За родину, против большевиков!»* — было начертано на нашем знаме-

ни, и за это знамя тысячи и тысячи положили душу свою, и «имена их, Господи, ты един веси!»

О завтрашнем дне мы не думали. Всякое оформление, уточнение казались профанацией. И потом, можно ли было думать о будущем благоустройстве дома, когда все усилия были направлены на преодоление крышки гробовой. С этим знаменем было легко умирать — и добровольцы это доказали, — но победить было трудно».

Тут и скрывается разгадка тайны ордена за Кубанский поход. Капитан Марковского полка не был типажом Пастернака и дни поражений от побед научился отличать. Именно поэтому и не носил меч в терновом венце. Но это не мешало ему гордиться своим прошлым.

Возникает законный вопрос: каким же образом идейный доброволец

Сергей Эфрон становится сотрудником иностранного отдела ОГПУ. Чем можно объяснить такой поступок? Бывший советский разведчик Кирилл Хенкин был убежден — чекисты сыграли на патриотизме марковского офицера: *«Сотрудники парижской резидентуры ОГПУ, а затем и НКВД уверяли вчерашних бойцов белогвардейских армий, иных противников большевиков, что, проиграв на полях сражений схватку с пролетариатом, они просто обязаны помочь покинутой ими Отчизне. На чем ловили агентуру для советской разведки? На чувстве вины дворян-интеллигентов перед многострадальным народом, которому они должны были помочь подняться еще в Октябре, вместо того чтобы бороться против него. Если бы они сразу пошли служить пролетарской России, а не сражаться против нее, все было бы совершенно иначе! Эфрон и Цветаева жили в страшной нищете. Понятно, что как поэтесса Марина Ивановна ни черта, простите, не зарабатывала. Она выступала на каких-то вечерах, где читала свои стихи, получала за это крохи. Но без меценатской помощи литератор-эмигрант в то время прожить не мог.*

И вдруг среди этой чудовищной нищеты у ее мужа, который формально трудится всего лишь корректором в типографии и прежде регулярно приносил в дом то, что на старорусском называется «получка», причем весьма скромная, с какого-то момента заводятся немалые деньги. Марина Ивановна наверняка понимала, что ее муж делает что-то не совсем то».

Эфрон спокойно агитировал бывших чинов белых армий вернуться на Родину. Выполнял и другие незначительные задания Лубянки. Вплоть до 1937 года. Резидент советской разведки во Франции Игнатий Рейс отказался возвращаться в СССР, хорошо понимая, что ему светит расстрел. Он внимательно следил за началом великой чистки и не тешил себя иллюзиями: его близкое знакомство со многими видными троцкистами — гарантия смертного приговора. 17 июля 1937 года он передал в посольство письмо в ЦК ВКП(б): *«Я не поднимал голоса протеста против последовавших убийств и за это несу тяжелую ответственность. Велика вина моя, но я постараюсь ее исправить и облегчить свою совесть. До сих пор я шел с вами, отныне ни шага дальше. Наши пути разошлись. Тот, кто молчит теперь, становится Участником Сталина и изменником рабочему классу и социализму. 20 лет я боролся за социализм. Я не хочу теперь накануне моего пятого десятка жить милостями Ежова. Позади 16 лет подпольной работы — не шутка, но я еще достаточно крепок начать снова, сначала. Реклама и шумиха, поднятая вокруг полярных летчиков, вами создана, чтобы заглушить крики жертв, которых мучили в подвалах*

Лубянки, в Минске, Киеве, Ленинграде и Тифлисе. Но этого мы не добились.

Слово правды более мощно и теперь, чем шум мотора, обладающего максимумом лошадиных сил. Правда, что рекордистам-летчикам легче завоевать симпатии американок и сходящей сума от спорта молодежи обеих континентов, чем при обработке общественного мнения и призыва мира к совести.

Но не надо обманываться — день расплаты все ближе и ближе, нем это думают господа из Кремля. Нет, я не могу больше продолжать. Я возвращаюсь к свободе. Назад к Ленину, его учению, его делу.

P.S. В 1928 году я был награжден орденом Красного Знамени за мою службу пролетарской революции, при сем его возвращаю. Носить его вместе с палачами лучших представителей русских рабочих — ниже моего достоинства».

Одновременно Рейс сообщил через посольство в НКВД, что им помещены в безопасное место бумаги и документы, разоблачающие Сталина. И если с ним что-нибудь случится, все будет опубликовано. Москва отреагировала немедленно: было принято решение ликвидировать бывшего резидента во Франции. Для того чтобы выследить и уничтожить предателя, были привлечены члены так называемого «Союза возвращения на Родину», в котором одним из руководителей был Сергей Эфрон. При его активном участии Рейс был обнаружен в Швейцарии. Его убили 4 сентября 1937 года около Лозанны. При вскрытии у него было обнаружено пять пуль в голове и семь в груди.

Следствию достаточно быстро удалось выяснить главное: убитый — бывший сотрудник НКВД. Комиссар полиции обратился к своим французским коллегам — разыскать убийц, сообщив им фамилии преступников. Эфрона тут же вызвали на допрос. Он все отрицал, хотя, как вспоминал потом следователь, бледнел при каждом вопросе. Едва покинув полицейский участок, Эфрон принимает решение бежать. Он понимал: в деле убийства Рейса он — главный обвиняемый, и доказать свою непричастность будет невозможно. Капитан-первопоходник отправляется в Гавр, садится на советский пароход и возвращается на Родину. Перечеркивая тем самым свое прошлое и все свои идеалы. Ведь еще незадолго до тех событий Эфрон писал: «Как рядовому бойцу бывшей Добровольческой армии, боровшейся против большевиков, возвращение для меня связано с капитуляцией. Мы потерпели поражение благодаря ряду политических и военных ошибок, может быть, даже преступлений. Из тех, и в других готов признаться. Но то, за что умирали добровольцы, лежит гораздо глубже, чем политика. И эту свою правду я не отдам даже

за обретение Родины. И не страх перед Чекой меня останавливает, а капитуляция перед чекистами — отказ от своей правды. Меж мной и полпредством лежит препятствие непереходимое: могила Добровольческой армии».

Эфрон приехал в Москву. Поселился на правительственной даче в Болшево, ранее принадлежавшей председателю советских профсоюзов Томскому. Носит форму НКВД, что само по себе говорит о многом. К нему приехала и жена с сыном. Но, как совершенно справедливо заметил Антон Иванович Деникин, проклятие предательства никогда не даст счастье. Так случилось и с Эфроном. 10 октября 1939 года его арестуют. В отчаянии Марина Цветаева напишет письмо всемогущему наркому внутренних дел Лаврентию Берии: «Сергей Эфрон это (участие в Белом движении. — А.Г.у) в своей жизни считал роковой ошибкой. Я же прибавлю, что так ошибся не только он, совсем молодой тогда человек, а многие и многие, совершенно сложившиеся люди. В Добровольчестве он видел спасение России и правду, когда он в этом разуверился, он из него ушел, весь целиком, и никогда уже не оглянулся в ту сторону.

После белой армии — голод в Галлиполи и в Константинополе и в 1922 г. переезд в Чехию, в Прагу, где поступает в Университет кончать историко-филологический факультет. В 1923 году затевает студенческий журнал «Своими путями», в отличие от других студентов, ходящих чужими, и основывает студенческий демократический Союз, в отличие от имеющихся монархических. В своем журнале первый во всей эмиграции перепечатывает советскую прозу (1924 г.). С этого часа его «полевание» идет неуклонно. Переехав в 1925 году в Париж, присоединяется к группе евразийцев и является одним из редакторов журнала «Версты», от которых вся эмиграция отшатывается. Если не ошибаюсь, уже с 1927 года Сергея Эфрона зовут «большевиком». Когда в точности Сергей Эфрон стал заниматься активной советской работой, не знаю, но это должно быть известно из его предыдущих анкет. Думаю, около 1930 г. Но что я достоверно знала и знаю, это о его страстной, неизменной мечте о Советском Союзе и о страстном служении ему. Как он радовался, читая в газетах об очередном достижении, от малейшего экономического успеха как сиял!»

Но судьба Эфрона была предрешена. Слишком серьезные обвинения были предъявлены ему. И, что самое интересное, небеспочвенные. Уже спустя годы стало известно, что это именно Сергей Яковлевич предупредил генерала Деникина, что его собираются похитить агенты Лубянки. Бывший первопоход-ник, добровольно отказавшийся от всех своих убеждений, так и

не смог пожертвовать главным — памятью о первых боях Добровольческой армии. Еще один участник первого кубанского похода, Димитрий Лехович, спустя годы напишет: *«Несмотря на все изгибы судьбы, имя генерала Деникина пользовалось большим уважением в широких кругах эмиграции, к его мнению прислушивались. А отношение его к коммунизму оставалось непримиримым. Захват такого противника в принципе соответствовал желанию советской власти, ведь похищение Деникина внесло бы невероятное смятение в ряды эмиграции. Неизбежно явилось бы ощущение, что Москва и за пределами СССР распоряжается судьбой своих политических противников, как у себя дома...»*

6 августа 1941 года капитан Марковского полка, талантливый публицист Сергей Яковлевич Эфрон был расстрелян как враг трудового народа и французский шпион. Пророческими

оказались его собственные слова: *«Путь к России возможен лишь через самоопределение, через самоутверждение. Отказавшись от себя, от своего опыта революционного и дореволюционного, от своего прошлого, я обращусь в сухую ветвь, которая никогда не привьется к российскому стволу...»*

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Не так давно, к 75-летию начала операции «Трест», в России были выпущены памятные почтовые марки с портретами видных контрразведчиков Артузова, Стырны, Сыроежкина, Пузицкого, Ольского и Демиденко. Казалось бы, выпустили — и ладно. Мало ли какие марки есть на свете! Я видел выпущенные в эмиграции памятные марки Русской освободительной армии и генерала Власова. Но тут есть весьма пикантный момент. Те марки выпускались не государством, а частными лицами. Соответственно, прямого обращения они не имели. Здесь же совершенно другая картина.

На одной из них изображен Григорий Сыроежкин. То есть на знаках почтовой оплаты, своего рода визитной карточки страны, и страны демократической, запечатлен человек, собственноручно расстрелявший заключенного. Говоря прямо — палач. И не какой-то абстрактный, а самый настоящий. Видеть эти марки мне было, прямо скажем, неприятно.

Да, операция «Трест» была организована и проведена блестяще. Да, это классика контрразведывательной работы. Да, можно только преклониться перед профессионализмом Артузова, который сумел обмануть не только всю русскую эмиграцию, но и разведки Франции, Англии, Польши, Финляндии... Да, помнить о «Тресте» нужно. Но вот нужно ли память сохранять таким образом?

Конечно, это философский вопрос. Из песни слов не выкинешь. И если Сыроежкин был видным участником «Треста», то, безусловно, должен быть и на марках. Только вот не нужно было эти самые марки выпускать.

Конечно, сегодня 96% населения страны вообще ничего не знает про «Трест». И для них это просто марки. Но есть ведь и те, кто знает. И для них это очередное доказательство постулата, что Россия — страна с непредсказуемым прошлым. Которое, и сегодня, спустя семнадцать лет после крушения коммунистической власти, по-прежнему несет на себе отпечаток идеологической борьбы. И это самое страшное...

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Краткие биографии

Азеф Евно Фешелевич (Евгений Филиппович) (1869—1918).

Один из лидеров партии эсеров и руководителей ее Боевой организации (БО), секретный сотрудник департамента полиции.

В 1899 году примкнул к «Северному союзу социалистов-революционеров». С 1901 года один из организаторов партии эсеров. Спустя два года фактически возглавил Боевую организацию партии; руководил подготовкой нескольких террористических актов (убийство В. К. Плеве в 1904 году, великого князя Сергея Александровича в 1905 году).

В 1905 году выдал полиции почти весь состав «Боевой организации». В 1908 году разоблачен Бурцевым. ЦК партии эсеров приговорен к смерти, но скрылся.

В 1915 году был арестован германской полицией как «террорист и русский шпион», заключен в Моабитскую тюрьму, где и пробыл до конца 1917 года, последние месяцы — в тюремной больнице. В марте 1918 года освобожден в связи с заключением Брест-Литовского мира. Подал заявление и поступил на службу в Министерство иностранных дел Германии, но скоропостижно скончался 24 апреля 1918 года от болезни почек. Похоронен в Берлине.

Анненков Борис Владимирович (1889—1927). Генерал-майор. В январе 1918 года возглавил организованное выступление сибирских казаков против большевиков. В мае его отряд, соединив-

шись с чехословацкими частями, взял Омск, а в июле вступил в бой с красноармейцами в районе Верхнеуральска. Анненков сформировал партизанскую дивизию, которую в конце 1918 года перебросили в Семиречье, а затем ему передали в командование 2-й Степной корпус. В 1919 году назначен командующим Отдельной Семиреченской армией, дислоцированной в Казахстане. В мае 1920 года, после наступления красных войск, остатки его армии перешли границу с Китаем и были разоружены. В марте 1921 года он был арестован китайскими властями. Три года содержался в заключении и был выпущен в феврале 1924 года лишь благодаря настойчивым хлопотам иностранных дипломатов. 10 апреля 1926 года неожиданно для всех Анненков со своими ближайшими сподвижниками был отправлен через Монголию в Советскую Россию. 25

августа 1927 года по приговору Верховного суда СССР, заседавшему в Семипалатинске, расстрелян.

Артамонов Юрий Александрович (? —1971). Вольноопределяющийся лейб-гвардии конного полка. Офицер Северо-Западной армии генерала Юденича. Активный участник операции «Трест».

Артузов (Фраучи) Артур Христианович (1891—1937). Начальник контрразведывательного отдела ОГПУ. В органах ВЧК с 1919 года. Руководил и принимал активное участие в операции «Трест». Награжден орденом Красного Знамени и двумя знаками «Почетный чекист». В 1937 году арестован по делу Тухачевского. Расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Бреде (Бредис) Фридрих Андреевич (1888—1918). В чине поручика 99-го пехотного Ивангородского полка награжден орденом Святого Георгия 4-й степени (Высочайший приказ от 11.11.1914) и Георгиевским оружием. «За то, что добровольно вызвался в охотники на опасную разведку, когда же дальнейшее движение со своей партией стало затруднительным, он, переодевшись в крестьянское платье, с явной опасностью для жизни проник в расположение неприятеля, откуда привез ценные данные, вполне оправдавшиеся, при переходе нашем в наступление, чем значительно помог своей дивизии». В 1917 году — полковник, командир 1-го латышского стрелкового полка. Одним из первых вступил в «Союз защиты Родины и свободы». Расстрелян ВЧК -осенью 1918 года вместе со многими латышскими стрелками за участие в заговоре против большевиков и подготовку убийства Ленина.

Булак-Балахович Станислав Никодимович (1883—1940). Генерал-майор. В 1919 году — в Северо-Западной армии Юденича. В 1920 году вторгся с отрядом в Белоруссию, разгромлен войсками Красной армии. Бежал в Польшу. Участник обороны Варшавы в 1939 году. Застрелен немецким патрулем.

Бурцев Владимир Львович (1862—1942). Журналист, редактор и издатель; общественный деятель. Член народовольческих кружков. В 1885 году арестован и сослан в Иркутскую губернию, бежал, выехал за границу. В 1889 году в Женеве начал издавать газету «Свободная Россия», выслан из Швейцарии, затем из Франции за связь с русскими эмигрантами. В 1897 году в Лондоне начал издавать «Народоволец», в котором призывал к убийству царя. Английским судом приговорен к каторге. В 1905 году вернулся в Россию. В Петербурге был одним из редакторов журнала «Былое». С 1906 года занимался разоблачением провокаторов в русском революционном движении, в частности, обосновал предательство Азефа. В

1907 году эмигрировал. В 1914 году вернулся в Россию, но на границе был арестован и сослан в Туруханский край. После Октябрьской революции эмигрировал.

Вел личное расследование похищений генералов Кутепова и Миллера, опубликовал книгу «Большевистские гангстеры в Париже». Писал и антифашистские статьи, за что подвергался преследованию гестапо. Жил в нищете и умер в лечебнице для бедных от заражения крови. Похоронен на Сен-Женевьев-де-Буа.

Великий князь Сергей Александрович Романов (1857—1905).

26 февраля 1891 года Высочайшим приказом был назначен Московским генерал-губернатором. Был покровителем и почетным председателем многих научных обществ и учреждений: почетным членом Академии наук и Академии художеств. Был убит эсеровским террористом Иваном Каляевым. На панихиде протоиерей Иоанн Восторгов произнес: «Выстрел за выстрелом, взрыв за взрывом, кровь за кровью и убийство за убийством на Русской земле. И вот пролилась кровь, благородная кровь ближайшего Сродника Государева. Не в честном бою, не пред лицом открытого ополчившегося врага, а от злодея, из-за угла поджидавшего жертву, от фанатика, исповедующего убийство во имя жизни и насилие во имя свободы. Люди русские! Одумаемся!»

Войцеховский Сергей Львович (1900—1984). В 1918 году — в Добровольческой армии, чиновник особых поручений при Управлении командующего войсками Киевской области. В эмиграции в Польше. С 1923 года член Боевой организации Кутепо-ва. В 1928—1930 гг. ее резидент в Варшаве.

Врангель Петр Николаевич (1878—1928). Генерал-лейтенант. Окончил Горный институт, Николаевскую академию Генерального штаба и курс Офицерской кавалерийской школы. Участник Русско-японской войны. Участник Первой мировой войны, командир 2-й бригады Уссурийской конной дивизии, командир 7-й кавалерийской дивизии, командир Сводного конного корпуса.

В Белом движении с августа 1918 года. Командир бригады 1-й конной дивизии, командир 1-й конной дивизии, командир 1-го конного корпуса. В декабре назначен командующим Кавказской армией, Добровольческой армией. После разногласий с Деникиным — в эмиграции. 23 марта 1920 года назначен главнокомандующим Вооруженными силами юга России, которые переформировал в русскую армию.

В эмиграции в Турции, Югославии, Бельгии. 1 сентября 1924 года создал Русский общевоинский союз. Умер 25 апреля 1928 в Брюсселе,

похоронен в русской церкви в Белграде.

Вырыпаев Василий Осипович (1891—1967). Полковник. Летом 1918 года участвовал в подпольной организации в Самаре, командир 1-й отдельной конной батареи Народной армии. В эмиграции в Китае, Австралии, США. Сотрудник журнала «Военная быль». Автор воспоминаний «Каппелевцы».

Галлиполи — после эвакуации из Крыма. Русская армия генерала Врангеля оказалась в Турции, вблизи городка Галлиполи. Ей отвели покрытое жидкой грязью поле. Поражение и эвакуация вызвали у чинов армии сильную апатию, равнодушие к удобствам и личному благоустройству. Понимая, что лучшее лекарство от этой душевной болезни труд, генерал Кутепов ввел строжайшую дисциплину и всех заставил работать. Приказал каждому в палатке поставить себе койку и оборудовать свое жильё.

16 июля 1920 года в Галлиполи члены армии открыли памятник, на котором было написано на четырех языках (русском, французском, турецком и греческом): «Упокой, Господи, души усопших. 1-й корпус русской армии своим братьям-воинам, в борьбе за честь родины нашедшим вечный покой на чужбине в 1920— 1921 годах и в 1854— 1855 годах и памяти своих предков — запорожцев, умерших в турецком плену». Каждый из русских принес для холма под памятник один камень.

Гоппер Карл Янович (1876—1941). Генерал-майор. Окончил Псковский кадетский корпус и Виленское военное училище. В 1917 году командир 1-й латвийской стрелковой бригады. Был дважды ранен, награжден орденами Святого Георгия 3-й и 4-й степеней и Георгиевским оружием. Совместно с полковником Бредисом в июле 1917 года выступил с инициативой создания латышской военной земляческой организации — «Национального союза латышских воинов». Участвовал в походе генерала Корнилова на Петроград в августе 1917 года. В октябре выступил активным противником взятия власти большевиками в Петрограде. В ноябре установил контакт с Савинковым. Участник Ярославского восстания, после разгрома которого служил главным комендантом штаба войск Директории в Уфе. С июня по октябрь 1919 года начальник 21-й стрелковой дивизии 11-го Яицкого корпуса Южной армии генерала Белова. В 1920 году из Владивостока в составе латышского Имантского полка вернулся в Латвию, где служил начальником Видземской дивизии. В 1934 году вышел в отставку. 30 сентября 1940 был арестован НКВД и расстрелян.

Деникин Антон Иванович (1872—1947). Генерал-лейтенант. Окончил Ловичское реальное училище. Киевское пехотное юнкерское

училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. Участник Первой мировой войны: генерал-квартирмейстер 8-й армии генерала Брусилова, командир 4-й стрелковой («Железной») бригады, развернутой позднее в дивизию. 9 сентября 1916 года назначен командиром 8-го армейского корпуса на Румынском фронте. Начальник штаба Верховного главнокомандующего, командующий Западным фронтом, командующий войсками Юго-Западного фронта. За поддержку мятежа Корнилова заключен в тюрьму города Быхова. Бежал на Дон, где стоял у истоков Добровольческой армии, которую и возглавил после гибели Корнилова.

С 26 декабря 1918 года Главнокомандующий Вооруженными силами юга России. С 1 июня 1919 года — заместитель Верховного правителя России, признав 30 мая над собой власть адмирала Колчака. 22 марта 1920 года передал командование ВСЮР Врангелю и убыл из Крыма в эмиграцию на английском эсминце в Великобританию. С 1926 года жил во Франции. После Второй мировой войны переехал в США. Последним желанием Антона

Ивановича было, чтобы гроб с его останками со временем, когда обстановка в России изменится, перевезли на Родину. Перезахоронен в Москве, в Донском монастыре осенью 2005 года.

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877—1926). Основатель органов ВЧК. С февраля 1922 года — председатель ГПУ-ОГПУ. Награжден орденом Красного Знамени. 20 июля 1926 года после выступления на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) умер от сердечного приступа.

Дутов Александр Ильич (1879—1921). Генерал-лейтенант. С сентября 1917 года атаман Оренбургского казачества, в ноябре возглавил вооруженное выступление против советской власти в Оренбурге. В 1918—1919 годах командовал Оренбургской армией. Эмигрировал в Китай. Убит агентами ОГПУ.

Дьяконов Павел Павлович (1878—1943). Генерал-майор. Участник Белого движения. Агент ИНО ГПУ с 1924 года. В 1940 году арестован гестапо. Был освобожден после предоставления ему и его дочери фажданства СССР. В 1941 году вернулся в СССР. Был арестован. После освобождения жил в Ташкенте. В ноябре 1942 года выехал с эшелоном в Москву сопровождать груз для Красной армии. Дорогой тяжело заболел, на станции Челкар (Казахстан) его поместили в больницу, где он и скончался 28 января 1943 года.

Захарченко Мария Владиславовна (Захарченко-Шульц, урожденная Лысова, по первому браку Михно) (1893—1927). Член

Боевой организации генерала Кутепова. Во время Первой мировой войны — доброволец, унтер-офицер 3-го гусарского полка. С конца 1917 года — организатор «Союза самозащиты» и руководитель партизанского отряда в Пензенской губернии. Потом в подполье в Пензе и Москве. В Вооруженных силах юга России с июня 1919 года в дивизионе 15-го уланского полка. Тяжелоранена под Каховкой. Галлиполиец. Застрелилась в июне 1927 года у станции Дретунь под Борисовом.

Зайончковский Андрей Медардович (1862—1926). Генерал от инфантерии. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. С мая 1917 года — в отставке. В 1919 году вступил в Красную армию, состоял при начальнике полевого штаба РВС республики. В 1922—1926 годах — профессор Военной академии РККА. Автор фундаментальных трудов по истории Крымской 1853—1856 гг. и Первой мировой войн. Участвовал в операции «Трест».

Каляев Иван Платонович (1877—1905). Революционер, эсер. В 1899 году вступил в петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». За участие в студенческой забастовке выслан в Екатеринослав. В 1903 году выехал в Женеву, где вступил в Боевую организацию эсеров. В 1904 году вернулся в Петербург и участвовал в убийстве Плеве. В 1904 году Боевая организация вынесла смертный приговор дяде Николая II. 2 февраля 1905 года не бросил бомбу в карету московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича, увидев, что рядом сидят его жена и малолетние племянники. 4 февраля покушение удалось. На суде произнес яркую речь против самодержавия и был приговорен к смертной казни. Повешен в Шлиссельбургской крепости

Кедров Михаил Александрович (1878—1945). Вице-адмирал. Окончил Морской корпус и Михайловскую артиллерийскую академию. Участник Русско-японской войны. В 1914 году — флаг-капитан бригады линейных кораблей, затем командирован в Великобританию как представитель Русского флота. 21 июня 1914 года назначен председателем Комиссии для выработки правил и инструкций по тактической и организационной части судовой артиллерии, одновременно командир линейного корабля «Гангун». 28 июня 1916 года назначен начальником минной дивизии Балтийского моря и командующим морскими силами Рижского залива. За успешные действия в районе Либавы награжден Георгиевским оружием. После Февральской революции отозван в Петроград, назначен помощником морского министра и начальником Морского Генштаба.

Во время Гражданской войны в 1918 году по поручению Колчака

руководил организацией транспортов для снабжения белых армий. В 1920 году вызван Врангелем в Крым, где был назначен начальником Военно-морского управления и командующим Черноморским флотом. Руководил эвакуацией белых армий. В 1921 году командовал флотом в Бизерте. В эмиграции активно участвовал в деятельности РОВС, председатель Военно-морского союза. В 1930 году назначен 2-м помощником председателя РОВС и избран 2-м вице-председателем Союза георгиевских кавалеров.

Керенский Александр Федорович (1881—1970). Глава Временного правительства России в 1917 году. Окончил юридический факультет Петербургского университета, был адвокатом. Депутат 4-й Государственной думы. За период своего правления Керенскому удалось провести ряд важных реформ. Были ликвидированы все религиозные, этнические и сословные привилегии и ограничения, установлена независимость судей, предоставлены политические и гражданские права женщинам, введен восьмичасовой рабочий день, созданы арбитражные суды для решения производственных споров. Главные проблемы, с которыми столкнулось правительство, — угроза вооруженного восстания большевиков в столице и давление генералитета во главе с Корниловым, требовавшего укрепления тыла. Опасаясь конфликта с еловыми партиями, не решался принять корниловские предложения. 26 августа прервал переговоры с Корниловым, объявил его изменником и получил от кабинета министров чрезвычайные полномочия. После подавления мятежа Ставки и ареста Корнилова назначен вместо него Верховным главнокомандующим.

Свергнут в результате Октябрьской революции. Вечером 25 октября выехал из Петрограда в расположение 3-го конного

корпуса генерала Краснова, чтобы организовать поход на занятую большевиками столицу и восстановить власть Временного правительства. Однако спустя несколько дней немногочисленные казачьи отряды были остановлены. Керенский бежал на Дон, но атаман Каледин отказался от сотрудничества с ним. В начале 1918 года эмигрировал во Францию, с 1940 года проживал в США. Стал организатором «Лиги борьбы за народную свободу».

Климович Евгений Константинович (1871—1930). Генерал-лейтенант. Окончил Павловское военное училище. Служил в корпусе жандармов, был московским градоначальником, директором департамента полиции. Участник Белого движения. С мая 1920 года — начальник контрразведки ВСЮР, начальник госстражи в Крыму. В эмиграции в Югославии, Германии.

Коверда Борис Софронович (1907—1987). 7 июня 1927 года произвел покушение на полпреда СССР в Польше Войкова, ставшее актом возмездия за его участие в убийстве царской семьи в 1918 году. Приговорен польским судом к пожизненным каторжным работам, которые затем заменены 15-летними, освобожден по амнистии, отбыв 10 лет наказания. Похоронен в русском монастыре Ново-Дивеево.

Конради Морис (1896—1946). Штабс-капитан. В 1916 году со специального разрешения Николая II он был принят, несмотря на то что оставался швейцарским подданным, в военное училище, откуда вышел прапорщиком. Участник Первой мировой войны. В Белом движении с 1918 года, в рядах Дроздовской дивизии. В эмиграции в Турции, Швейцарии. После убийства Воровского в 1923 году служил в Иностранном легионе.

Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918). Генерал от инфантерии. Окончил Михайловское артиллерийское училище, с золотой медалью Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. Участник Первой мировой вой-

ны: командир 48-й пехотной дивизии 8-й армии. При общем отступлении получивший ранение генерал Корнилов был захвачен в плен австрийцами. Переодевшись в форму австрийского солдата, бежал из плена. Командир 25-го стрелкового корпуса, командующий Петроградским военным округом. Командующий 8-й армией, своим приказом ввел формирование первого добровольческого «1-го Ударного отряда 8-й армии» под командованием капитана Неженцева. Командующий Юго-Западным фронтом, Верховный главнокомандующий. Выступил против Временного правительства (мятеж Корнилова). Снят 27 августа 1917 года Керенским с поста Верховного главнокомандующего, арестован и помещен в тюрьму в городе Быхове 1 сентября вместе с поддержавшими его генералами Деникиным, Лукомским, Марковым, Эрдели и другими. Бежал 19 ноября на Дон. Вместе с генералами Алексеевым и Деникиным начал организацию и создание Добровольческой армии, которую и возглавил. Убит при штурме Екатеринодара.

Кусонский Павел Алексеевич (1880—1941). Генерал-лейтенант. Окончил Полтавский Петровский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны: офицер в штабе 8-й армии, офицер в управлении генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего, с апреля по октябрь 1917 года — и.о. генерал-квартирмейстера Ставки у генерала Духонина. 11 ноября послан в Быхов для предупреждения генералов Корнилова, Деникина и других узников,

арестованных за поддержку мятежа Корнилова, о приближении большевиков, что ускорило их побег на Дон.

В Белом движении: в Добровольческой армии с конца 1917 года. Офицер в штабе Главнокомандующего генерала Деникина, с июня 1918 года — генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии. В 1919 году генерал-квартирмейстер Кав-

казской Добровольческой армии генерала Врангеля, начальник штаба 5-го кавалерийского корпуса, начальник штаба 3-го армейского корпуса. В 1920 году — начальник штаба 2-й армии.

В эмиграции в Болгарии и Турции. С 1924 года активный деятель Русского общевойскового союза, в 30-х годах — начальник канцелярии РОВСа. 22 июня 1941 года арестован гестапо и помещен в концлагерь Брейндонк. Его считали замешанным в похищении генерала Миллера, хотя официальным поводом для ареста послужило возможное противодействие Германии в войне с СССР. Умер в концлагере. Перезахоронен 30 ноября 1941 года на кладбище Юкль в Брюсселе.

Кутепов Александр Павлович (1882—1930). Генерал от инфантерии. Один из самых заслуженных генералов Белого движения. Окончил Архангельскую классическую гимназию и Петербургское пехотное юнкерское училище. Участник Русско-японской войны, офицер в рядах 85-го Выборгского пехотного полка. С 1907 года — офицер лейб-гвардии Преображенского полка. Участник Первой Мировой войны: капитан, командир роты и батальона, полка. Трижды ранен.

В Белом движении: командир роты, батальона, Корниловско-го полка. Командир 1-й бригады в 1-й пехотной дивизии. Черноморский генерал-губернатор. Командир 1-го армейского корпуса.

В эмиграции в Турции, Болгарии, Сербии и Франции. После смерти генерала Врангеля возглавил Русский общевойсковой союз. Похищен агентами советской разведки в Париже 26 января 1930 года.

Лампе фон Алексей Александрович (1885—1967). Генерал-майор. Окончил 1-й кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую военную академию. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1916 году — подполковник и штаб-офицер для поручений при штабе 18-го армейского

корпуса. В 1917 году. — и. д. генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии.

В Белом движении с лета 1918 года. Возглавлял подпольный центр в Харькове, который занимался переброской офицеров в Добровольческую армию. Начальник оперативного отдела в Управлении генерал-

квартирмейстера Кавказской Добровольческой армии. В 1920 году выполнял различные поручения генерала Врангеля в Константинополе и за границей.

В начале эмиграции занимал должность военного представителя русской армии за рубежом: в Дании, в Венгрии и с 1923 года в Германии. После ликвидации этих должностей возглавлял второй отдел РОВСа в Берлине. Арестовывался гестапо. После Второй мировой войны переехал во Францию и стал заместителем председателя РОВСа, а в последствии возглавил его. Скончался 28 мая 1967 года в Париже. Похоронен на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа.

Линицкий Леонид Леонидович (1900—1954). В годы Гражданской войны в рядах белых армий. В эмиграции в Югославии. Агент ИНО ОГПУ. Организатор разведывательной сети на Балканах. Был арестован югославской полицией, заключен в тюрьму. После выхода на свободу уехал в СССР. В годы Второй мировой войны — сотрудник внешней разведки. В 1944 году нелегально прибыл в Югославию.

Мацылев Сергей Александрович (1893—1954). Полковник. Окончил Александровское училище и вышел в 1913 году в 1-й саперный батальон. Одним из первых во время Великой войны был награжден орденом Св. Георгия. В 1917 году — капитан и командир батальона.

В Добровольческой армии с 1918 года. Служил в партизанском (позднее названном Алексеевским) полку. После Галлиполи и недолгого пребывания в Болгарии переехал во Францию и поселился в Париже. В 1929 году, с возникновением журнала «Ча-

совой», был постоянным сотрудником редакции и одно время заведующим парижской конторой журнала. С 1934 года — помощник начальника военной канцелярии РОВСа. С 1938 года — и.о. начальника военной канцелярии. После Второй мировой войны председатель Комитета помощи престарелым воинам и председатель Объединения Алексеевского пехотного полка. Скончался 8 ноября 1954 года в Париже. Похоронен на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа.

Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874—1934). Член РСДРП с 1907 года. В первом правительстве большевиков — нарком финансов. Вместе с Лениным жестко повел себя в отношении работников банков, бойкотировавших распоряжения Советского правительства. В 1918—1919 годах в качестве генерального консула был направлен в Берлин. С 1919 года находился в аппарате ЧК. В 1923 году стал заместителем Дзержинского, а после его смерти в 1926 году возглавил организацию.

Месснер Евгений Эдуардович (1891—1974). Профессор,

Генерального штаба полковник. Один из наиболее выдающихся военных мыслителей русского зарубежья. Участник Первой мировой и Гражданской войн, последний начальник штаба Корни-ловской ударной дивизии. В эмиграции в Болгарии, Аргентине. Возглавлял созданный им Институт по изучению проблем войны и мира имени генерал-лейтенанта Головина.

Миллер Евгений-Людвиг Карлович (1867—1939). Генерал-лейтенант. Окончил Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генштаба. С 1898 года — военный агент в Брюсселе и Гааге, с 1901 году — в Риме. В 1912 году — начальник штаба Московского ВО. С началом мобилизации на базе командования округа создано управление 5-й армии, начальником штаба которой он и был назначен. В апреле 1917 года арестован солдатами за то, что приказал чинам корпуса снять красные банты. С июня состоял в распоряжении начальника Генштаба, являясь представителем Ставки Верховного главнокомандующего при Итальянской главной квартире. После Октябрьской революции заочно приговорен к смертной казни.

13 января 1919 года прибыл в Архангельск и стал генерал-губернатором Северной области, а в мае назначен адмиралом А.В. Колчаком главнокомандующим войсками Северной области. В эмиграции принимал активное участие в деятельности РОВСа. С апреля 1922 года начальник штаба генерала Врангеля, с июня 1923 года в распоряжении великого князя Николая Николаевича, заведовал его денежными средствами. С 27 января 1930 года — председатель Русского общевойскового союза. 22 сентября 1937 года похищен из Парижа советской разведкой. Расстрелян в Москве.

Монкевиц Николай Августович (1869—1926). Генерал-лейтенант. Руководитель русской разведки и контрразведки. Участник Первой мировой войны. В белом движении с 1919 года. Руководитель миссии ВСЮР в Париже. В эмиграции с 1920 года. Помощник генерала Купетова в Боевой организации. Исчез при загадочных обстоятельствах.

Опперпут (Стауниц) Эдуард Оттович (1894 -?). Подпоручик русской императорской армии. В красной армии с 1918 года. Член савинковской организации. Активный участник операции «Трест».

Павловский Сергей Эдуардович (1892—1924). Лидер боевиков савинковской организации. Окончил кадетский корпус в Москве и Елизаветградское кавалерийское училище. Участник Первой мировой войны. В 1917 году — поручик. В 1918 году был в армии генералов Юденича, затем Булак-Балаховича. В октябре-ноябре 1920 года участвовал в Мозырском походе Балаховича, во время которого познакомился с

Савинковым. В 1921 — 1922 годах возглавлял военный штаб «Народного союза защиты Родины и свободы» в Варшаве и неоднократно участвовал в организации вылазок на территорию Белоруссии, сопровождавшихся убийствами коммунистов. В 1923 году нелегально прибыл в Москву по поручению Савинкова для установления реального существования легендированной чекистами антисоветской организации «Либеральные демократы». 17 сентября 1923 года был арестован и вскоре согласился работать на чекистов. В 1924 году по решению Коллегии ОГПУ расстрелян.

Перхуров Александр Петрович (1876—1922). Генерал-майор. Был одним из организаторов и военным руководителем восстания в Ярославле 6 — 22 июля 1918 года. Возглавил вооруженные силы восставших — Ярославский отряд Северной Добровольческой армии. В феврале — июле 1919 года командовал 13-й Казанской стрелковой дивизией. Был произведен адмиралом Колчаком в генерал-майоры за подготовку и руководство Ярославского восстания, получил почетное именование Перхуров-Ярославский. С июля 1919 года командовал особыми летучими партизанскими отрядами 3-й армии. Участвовал в великом сибирском Ледяном походе. Зимой 1920 года под Красноярском получил приказ пробиваться за Байкал. Потеряв ориентировку, 11 марта 1920 года был пленен красными партизанами у реки Лена. В июне 1922 года был осужден в Ярославле показательным судом и расстрелян во дворе Ярославской губернской ЧК по приговору выездной Военной коллегии Верховного ревтрибунала.

Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904). С 1902 года — министр внутренних дел. Проявил неутомимую энергию в преследовании либерального течения в земстве, печати и обществе. Свирепо расправлялся с революционерами. Был одним из тех, кто убеждал Николая II в необходимости Русско-японской войны.

Плевицкая (урожденная — Винникова) Надежда Васильевна (1884—1940). Певица. Окончила три класса церковно-приходской школы. В 14 лет отдана в монастырь в качестве прислужницы, ей предстояло пострижение в монахини. Но, будучи послана по делам в Курск, сбежала. Начала петь в хоре Лилкина, выступала в летних садах и кафешантанах, исполняла народные песни. Присутствовавший на одном из концертов Собинов пригласил ее участвовать с ним в благотворительном концерте. Ее оценили, и она стала выступать в самых престижных столичных концертных залах, гастролировала по стране, в Царском Селе, в Мариинском театре, пела в присутствии императорской фамилии. В годы Гражданской войны оказывалась то по одну, то по другую линию фронта.

Вышла замуж за генерала Скоб-лина. Жила на Галлиполи, а потом вместе с новым мужем во Франции. После похищения генерала Миллера была арестована в сентябре 1937 года. В декабре 1938 года суд присяжных департамента Сены приговорил ее к 20 годам каторжных работ. 21 сентября 1940 года она умерла в каторжной тюрьме в городе Ренн.

Полунин Аркадий (1889—1933). Штабс-капитан. Окончил юридический факультет Петербургского университета и занимался уголовным правом. Участник Первой мировой войны. В Белом движении с 1918 года. В эмиграции в Турции и Швейцарии. После убийства Воровского ведет замкнутый образ жизни. Скончался при загадочных обстоятельствах 23 февраля, что породило множество слухов в русском зарубежье.

Потапов Николай Михайлович (1871—1946). Генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны. После Февральской революции стал председателем Военной комиссии при Временном комитете Государственной думы. После Октябрьской революции сразу же начал сотрудничать с СНК и 23 ноября назначен начальником Генштаба и управляющим Военным министерством. С декабря — управляющий делами Наркомвоена. Участник операции «Трест». В 1936 году ему было присвоено звание комбрига.

Пузицкий Сергей Васильевич (1895—1937). Комиссар госбезопасности 3-го ранга (генерал-майор). В органах ВЧК с 1921 года. Активный участник операции «Трест». Участвовал в арестах Рейли и Савинкова, похищении генерала Кутепова. Награжден орденом Красного Знамени, двумя знаками «Почетный чекист», а также золотым оружием с надписью «СВ. Пузицко-му. За беспощадную борьбу с контрреволюцией. Ф. Дзержинский». Арестован в 1936 году. Расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Рейли Сидней (настоящая фамилия Розенблюм) (1874—1925). Британский разведчик, выходец из России. Один из организаторов заговоров против советской власти. Арестован в ходе операции «Трест». Расстрелян органами ВЧК.

Русский общевоинский союз. Основан 1 сентября 1924 года генералом Врангелем из чинов русской армии и объединял на тот момент около 30 тысяч человек. РОВС делился на отделы, которые составляли организации, объединяющие кадры войсковых частей 1-го армейского корпуса, Кавалерийской, Донской и Кубанской дивизий... В 1993 году Союз начал действовать на территории РФ. Возглавляет его сегодня капитан И.Б. Иванов.

Савинков Борис Викторович (1879—1925). Знаменитый эсеровский террорист, автор многочисленных воспоминаний. Окончил гимназию в Варшаве, учился в Санкт-Петербургском университете. Входил во Временное правительство, спровоцировал Корниловский мятеж. В эмиграции с 1920 года. Во время первого этапа операции «Трест» заманен на территорию СССР, арестован сотрудниками ГПУ, осужден. Убит в тюрьме.

Сазонов Егор Сергеевич (1879—1910). Террорист-эсер. В 1901 году участвовал в студенческих волнениях в Москве. Дважды арестовывался за участие в революционном движении. В 1903 году отправлен в ссылку сроком на пять лет в Якутск. Из ссылки бежал за границу. В эмиграции стал членом Боевой организации эсеровской партии. 15 июля 1904 года совершил убийство министра внутренних дел Плеве. Был приговорен к каторжным работам, которые отбывал в Шлиссельбургской крепости и Акатуйских рудниках. В ноябре 1910 года покончил жизнь самоубийством в знак протеста против издевательств тюремных властей над политзаключенными.

Скоблин Николай Владимирович (1894-?) — генерал-майор. Из дворян Черниговской губернии. Офицер военного времени, выпускник Чугуевского военного училища. Прапорщик 126-го пехотного Виленского полка, в первый год войны уже кавалер Георгия IV степени и Георгиевского оружия. В 1917 году штабс-капитан Скоблин добровольно пришел в ударный отряд 8-й армии — впоследствии Корниловский ударный полк, — где принял 2-й батальон. В Добровольческой армии—с первых ее дней. В октябре 1918 года под Ставрополем принял постоянное командование Корниловским полком. Хорошо руководил полком в Донбассе, по собственной инициативе на базе запасного батальона развернул второй полк, затем начал формирование 3-го полка. Уже к середине сентября имелось налицо три полка корниловцев, но соединились они лишь в начале октября 1919 года.

Отличный командир, глубоко чувствовавший обстановку, Скоблин почти всегда принимал правильное решение. Под Орлом он предлагал командованию 5-го корпуса передать взятый корниловцами губернский город для обороны алексеевцам, а всю силу корниловцев — три полка — бросить на Ударную группу красных. Но командование на это не пошло, а посылка одного 2-го полка дела не решила, лишь привела к значительным потерям, а затем и к провалу наступления. Скоблин командовал дивизией до конца октября 1920 года, был ранен в Северной Таврии. В Галлиполийском лагере — командир Корниловского полка.

В эмиграции в Болгарии, во Франции. В Русском общевоинском союзе возглавлял объединение чинов Корниловского ударного полка и «Внутреннюю линию». После похищения генерала Миллера исчез.

«Союз национальных террористов» — Боевая организация генерала Кутепова. В нее входили Захарченко-Шульц, Радкевич, Ларионов... Самые громкие акции — взрыв приемной ГПУ в Москве и взрыв партклуба в Ленинграде. После похищения Кутепова прекратила существование.

Стырне Владимир Андреевич (1897—1938). Комиссар госбезопасности 3-го ранга. С 1921 года — служба в органах ВЧК. С 1924 года — помощник начальника Особого отдела. В 1937 году арестован и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Сыроежкин Григорий Сергеевич (1900—1938). Майор государственной безопасности (генерал-майор). С августа 1921 года — в органах ВЧК. Активный участник операции «Трест». Принимал участие в аресте полковника Павловского и Савинкова. Расстрелял Сиднея Рейли. Награжден орденами Ленина и Красного Знамени. Во время гражданской войны в Испании — военный советник республиканцев. Арестован в 1938 году по обвинению в заговоре Тухачевского. Расстрелян. Реабилитирован посмертно.

1Уркул Антон Васильевич (1892—1957). Генерал-майор. Окончил реальное училище, ускоренный курс юнкерского училища и произведен в прапорщики. Участник Первой мировой войны: офицер в 75-м Севастопольском пехотном полку. Командир ударного батальона 19-й пехотной дивизии. Трижды ранен.

В Белом движении: в отряде полковника Дроздовского, участник похода Яссы—Ростов. Командир роты и батальона, 4 раза ранен. Командир 1-го офицерского Дроздовского полка, с сентября 1919 года — командир 3-й Дроздовской стрелковой дивизии в русской армии генерала Врангеля. Кавалер ордена Николая Чудотворца.

В эмиграции в Болгарии, во Франции и в Германии. Активный деятель Русского общевоинского союза. Возглавлял объединение чинов Дроздовского полка. В 1936 году вышел из РОВСа и создал Русский национальный союз участников войны. Автор воспоминаний «Дроздовцы в огне» в соавторстве с И.С. Лукашем.

В 1945 году принимал участие в формировании частей Русской освободительной армии Власова в Австрии; командир Добровольческой бригады. После войны — председатель Комитета русских невозвращенцев. Умер в Мюнхене 20 июня 1957 года. Похоронен 14 сентября 1957 года на дроздовском участке кладбища Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Федоров Андрей Павлович (1888—1937). В органах ВЧК с 1922 года. Активный участник операции «Трест». Выступая в качестве руководителя легендированной чекистами контрреволюционной организации «Либеральные демократы», неоднократно выезжал в Париж к Савинкову. За успешное выполнение сложного задания ОГПУ 5 сентября 1924 года был награжден орденом Красного Знамени. Коллегия ОГПУ присвоила ему звание «Почетный чекист». Арестован в 1937 году. Расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Федулеев Григорий Тихонович (1900—1937). Сотрудник ОГПУ для особых поручений. Принимал участие в казни Сиднея Рей-ли. Расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Чернов Виктор Михайлович (1873—1952). Лидер партии социалистов-революционеров. В 1894 году за участие в народнических кружках был арестован и после 8 месяцев заключения в Петропавловской крепости сослан на 3 года в Тамбов, где активно занимался публицистикой и вел агитационную работу среди крестьян. В 1899 году, после окончания срока ссылки, Чернов выехал за границу, где спустя три года стал ведущим теоретиком, членом ЦК эсеров, редактором газеты «Революционная Россия».

Раскрытие предательства Азефа Чернов пережил как личную трагедию, хотя и продолжал проповедовать необходимость индивидуального террора. Разрабатывая теоретические вопросы социализма, практически отошел от партийных дел.

После Февральской революции 1917 года вернулся в Россию. С мая по август был министром земледелия, но, потерпев неудачу в борьбе за аграрное законодательство, Чернов вышел в отставку. Выступил безусловным противником октябрьского переворота. В 1918 году был избран председателем Учредительного собрания, отказавшегося обсуждать навязанную большевиками повестку и потому силой разогнанного. Выехав в Самару, возглавил съезд членов Учредительного собрания. После захвата власти Колчаком выступил против него. Был арестован, но вскоре освобожден. В 1919 года написал Ленину письмо: *«Ваш коммунистический режим есть ложь — он давно выродился в бюрократизм наверху, в новую барщину, в подневольные каторжные работы внизу. Ваша «советская власть» есть сплошь ложь — плохо прикрытый произвол одной партии...»*

Шатилов Павел Николаевич (1881—1962). Генерал от кавалерии. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. Выпущен хорунжим в лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка. С началом Русско-японской войны переведен по собственному желанию в 4-й

Сибирский казачий полк. Ранен и награжден орденами Святого Станислава 4-й, 3-й и 2-й степеней с мечами и Святой Анны 4-й, 3-й и 2-й степеней. По Генеральному штабу служил в Кавказском военном округе. С ноября 1910 года — в разведывательном отделе. С 6 декабря 1915 года — полковник. С 16 декабря 1916 года — командир Черноморского казачьего полка во 2-й Кавказской казачьей дивизии. Георгиевский кавалер. Последняя должность в Кавказской армии в конце 1917 года — генерал-квартирмейстер штаба армии. Генерал-майор.

В Добровольческой армии с конца 1918 года. Начальник 1-й конной дивизии в конном корпусе генерала Врангеля, а затем командир 4-го конного корпуса. Произведен генералом Деникиным в генерал-лейтенанты за успешные бои под Великокняжеской в мае 1919 года. С июня — начальник штаба Кавказской армии у командующего генерала Врангеля. С декабря 1919 года — начальник штаба Добровольческой армии в период командования ею генералом Врангелем. В начале 1920 года отчислен «в распоряжение Главнокомандующего». Приказом генерала Деникина от 8 февраля 1920 года уволен со службы, покинул Россию и выехал в Константинополь. Секретным приказом Главнокомандующего от 18 марта 1920 года генералы Шатилов и Врангель были вызваны в Севастополь на заседание Военного совета, собранного для избрания преемника Главнокомандующего ВСЮР генерала Деникина. После избрания генерала Врангеля Главнокомандующим, 22 марта 1920 года, назначен помощником Главнокомандующего. С 21 июня 1920 года — начальник штаба русской армии. За успешную эвакуацию из Крыма произведен в генералы от кавалерии. С 1922 по 1924 год — в распоряжении Главнокомандующего. С 1924 по 1934 год — начальник 1-го отдела РОВСа во Франции. После похищения генерала Миллера отошел от активной деятельности. Оставил обширные воспоминания, которые хранятся в Колумбийском университете (США), без права публикации до начала следующего века (пока так и не изданы). Скончался под Парижем 5 мая 1962 года. Похоронен на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа.

Ширинский-Шихматов Алексей Александрович (1862—1930). Князь. В течение многих лет был сотрудником и соратником К.П. Победоносцева, занимал должности обер-прокурора Святейшего Синода, сенатора и члена Государственного Совета.

Один из лидеров «Союза русского народа». В 1918 году пытался организовать спасение царской семьи. С 1920 года в эмиграции в Берлине и Париже. Член Высшего монархического совета.

Шпигельглас Сергей Михайлович (1897—1941). В органах ВЧК с

1919 года. Организатор похищения генерала Миллера. Арестован в 1938 году. Расстрелян в 1941 году. Реабилитирован посмертно.

Штейфон Борис Александрович (1881—1945). Генерал-майор. Окончил Чугуевское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. Участник Первой мировой войны: в Кавказской армии, участник похода на Эрзрум; награжден Георгиевским оружием за разведоперации под Эрзрумом.

В Белом движении: начальник штаба 3-й пехотной дивизии; командир Белозерского полка; начальник штаба Полтавского отряда, с которым совершил легендарный «брედовский поход». Начальник Галлиполийского лагеря. В эмиграции: Болгария, Югославия, Франция, Германия. Работал в РОВСе. Занимался публицистикой и литературой. Во Второй мировой войне командир Русского корпуса на Балканах. Умер 30.04.1945.

Шульгин Василий Витальевич (1878—1976). Политический деятель. Один из лидеров правого крыла 2—4-й Государственной думы. В 1917 году член Временного комитета Государственной думы, принимал вместе с Гучковым отречение Николая II от престола. Участник Белого движения на юге России. С 1920 года в эмиграции. В 1944 году арестован в Югославии, вывезен в СССР. До 1956 года отбывал заключение за антисоветскую деятельность. В 60-х гг. призвал эмиграцию отказаться от враждебного отношения к СССР.

Эфрон Сергей Яковлевич (1893—1941). Капитан. С ноября 1920 года в эмиграции в Константинополе, Праге, Париже. Участник евразийского движения, соредатор журналов «Своими путями» и «Версты». Сотрудник иностранного отдела ОГПУ, ге-

неральный секретарь парижского «Союза возвращения на Родину». В октябре 1937 года бежал из Франции в СССР. Арестован в октябре 1939-го, расстрелян 16 октября 1941 года.

Якушев Александр Александрович (1876 -?). Действительный статский советник, участник контрреволюционных организаций в Петрограде. Председатель политсовета монархической организации Центральной России. Активный участник операции «Трест».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

**Список всех известных на сегодня чинов
Боевой организации Кутепова,
«Союза национальных террористов»
и «Внутренней линии» 1921—1945 гг.**

1. Боевая организация Кутепова и «Союз национальных террористов».

Адеркас фон Александр. В июле 1927 года перешел границу в Прибалтике в составе группы Болмасова. Был арестован органами ОГПУ. 23 сентября 1927 года Военная коллегия Верховного суда под председательством Ульриха приговорила его к 10 годам заключения со строгой изоляцией.

Андреев. Оперативный псевдоним Кирилл Алексеев. Он же Асеев.

Анисимов А.А. Командир боевой группы, ушедшей в СССР 10 октября 1929 года. Застрелился.

Арапов Петр Семенович. Ротмистр. Племянник П.Н.Врангеля. Во время операции «Трест» несколько раз был с заданиями в СССР. Умер в одном из соловецких лагерей.

Батсамов Владимир. Один из первых членов «Союза национальных террористов».

Болмасов Александр Борисович. Поручик, старший офицер 3-го отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона, командующий батареей на Архангельском фронте. Чин РОВС, 8 раз

ходил в СССР. Расстрелян 23 сентября 1927 года в Петрограде.

Бубнов. Он же Каринский. Оперативный псевдоним Антон Тарасов. Он же Тверин. В 1925 году ушел на задание в СССР вместе с Сусалиным и Шориным. Вернулся приблизительно в апреле 1927 года. В июне 1928 года в СССР была направлена его боевая группа с заданием уничтожить Н.И.Бухарина — одного из главных руководителей ВКП(б).

Буркановский. Гардемарин. 3 октября 1923 года погиб в бою с пограничниками Изборска. Шел в группе с Захарченко и Рад-кевичем.

Воинов Сергей С. Чин РОВС, участник похода в СССР в ноябре 1929 года. Погиб в перестрелке с пограничниками.

Войцеховский Сергей Львович. Резидент Боевой организации в Польше.

Волков Владимир И. Чин РОВС, участник похода в СССР в ноябре 1929 года. Погиб в бою с пограничниками.

Гокканен Дмитрий Абрамович. Доброволец СЗА генерала Юденича. Взорвал железнодорожное полотно у станции Кикерино. Оперативный псевдоним Вишняков. Восемь раз был в СССР. Добыл сведения о дислоцированных в Ленинградском военном округе дивизиях, пограничных

войсках и флотилии, составе гарнизонов Ленинграда, Петергофа, Стрельны, Детского Села и Гатчины, форте «Красная Горка», структуре и вооружении артиллерийских частей, зимних и летних стоянках войск, лагерях, дорогах, гидроавиации, Гатчинском аэродроме. Расстрелян по приговору суда.

Гокканен Николай Абрамович. Доброволец СЗА генерала Юденича. Добыл сведения об авиационной и химической промышленности, системах военной связи и особенно о состоянии фунтовых, шоссейных и вновь строящихся железных дорог. Расстрелян по приговору суда.

Григоров А.Ф. Полковник. Зимой 1927 года выслан из Финляндии по обвинению в участии или организации деятельности кутеповцев в СССР.

Гусев. Участник Белого движения. Оперативный псевдоним Гусев. Участвовал в походе в СССР с М.С. Ивановым.

Драгомиров Абрам Михайлович. Генерал от кавалерии. Возглавил боевую организацию после похищения Кутепова.

Занфилов Михаил. Вольноопределяющийся ВСЮР и русской армии. Воспитанник Крымского кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища. Корнет 4-го Гусарского полка. Погиб во время похода СССР в начале 30-х годов.

Захарченко-Шульц Мария Владиславовна. Оперативные псевдонимы: Андрей Диков, Ольга Вескеч. Один из лидеров Боевой организации Кутепова. Вольноопределяющаяся 3-го Гусарского Ее Императорского Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны полка, вольноопределяющаяся ВСЮР. Погибла 23 июня 1927 года в перестрелке с сотрудниками ОГПУ у станции Дретунь под Полоцком.

Жуковский. Полковник. Эмиссар боевой организации Кутепова в СССР. Расстрелян в 1924 году.

Иванов Михаил Семенович. Чин СЗА генерала Юденича. Оперативный псевдоним Филлипов. Восемь раз ходил в СССР. Расстрелян 19 февраля 1926 года.

Иванов Николай Семенович. Участвовал в сборе разведданных о третьем полке ГПУ, о гарнизонах Красного Села, Гатчины и частично о Ленинградском гарнизоне. Расстрелян 19 февраля 1926 года.

Коверда Борис Софронович. Убил советского посла Войкова.

Корнев М.Н.

Кутепов Александр Павлович. Генерал от инфантерии. Председатель РОВСа, глава Боевой организации. Убит во время похищения агентами ИНО ОГПУ 26 января 1930 года в Париже.

Ларионов Виктор Александрович. Оперативный псевдоним Федор

Викторов, Виктор Вреде. Штабс-капитан Марковской артиллерийской бригады, чин РОВС, глава боевой группы, совершившей диверсию в Петрограде 9 июня 1927 года. Один из идеологов «Внутренней линии», лидер организации «Белая идея». Во время Второй мировой войны был на оккупированных немцами территориях. Автор воспоминаний «Боевая вылазка в СССР» и «Последние юнкера».

Могилевич. Участник боевой группы Бубнова, которая должна была совершить покушение на Бухарина.

Монкевиц Николай Августович. Генерал-лейтенант. Заместитель Кутепова в Боевой организации. Исчез при загадочных обстоятельствах.

Мономахов Димитрий. Оперативный псевдоним Дмитрий Лихачев. Он же Линбек. Член боевой группы Ларионова. Участник диверсии в Петрограде 9 июня 1927 года.

Никитников. Погиб во время похода в СССР.

Новиков Алексей. Офицер драгунского Казанского полка. Уходя на выполнение боевой задачи в СССР из Франции, оставил в семье Грековых в Париже фуражку и полковой знак — до возвращения. Не вернулся.

Огарев. Эмиссар «Союза национальных террористов» в СССР в 1928 году. Участник покушения на Сталина в 1931 году. Задержан органами НКВД. Расстрелян.

Падерна Николай. Поручик. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Чин ВСЮР. В эмиграции в Югославии. Оперативный псевдоним Петров. 15 раз ходил в СССР.

Пашиний. Расстрелян 19 февраля 1926 года.

Петере Юрий Сергеевич. Чин РОВС с 1924 года, член боевой группы Захарченко-Шульц. Оперативный псевдоним Вознесенский. В 1924—1925 годах трижды ходил в СССР. Погиб 23 июня 1927 года в перестрелке с сотрудниками ОГПУ.

Платонов Леонид. Кадет Одесского кадетского корпуса. Вольноопределяющийся ВСЮР и русской армии в составе 12-го Гусарского полка. Георгиевский кавалер, выпускник Николаевского кавалерийского училища, корнет. Погиб в бою с сотрудниками ОГПУ в 1928 году. Сделав вид, что сдаётся, он подпустил к себе чекистов и взорвал фанату.

Поляков Юрий Петрович. Кадет Одесского кадетского корпуса. Вольноопределяющийся ВСЮР и русской армии, доброе волец в составе 11-го Уланского полка. Георгиевский кавалер. Окончил 1-й русский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище в Югославии. Корнет седьмого Гусарского полка. Погиб в бою с пограничниками в 1930

году.

Потехин. Поручик. Арестован в 1931 году в СССР. Расстрелян.

Потто. Поручик. Арестован в 1931 году в СССР. Расстрелян.

Радкевич Георгий Николаевич. Поручик лейб-гвардии Егерского полка, в 1918 году член монархической организации близ Подольска. С 1 июня 1919 года в Северо-Западной армии. Чин РОВС, в 1924—1925 годах действует на территории СССР. В июле 1927 года — глава боевой группы. 8 июля 1928 года организует взрыв в здании ОГПУ в Москве. Погиб в бою с сотрудниками ОГПУ

Самойлов Владимир. Фельдфебель, чин РОВС. Участник похода в СССР в июле 1927 года. Расстрелян 23 сентября в Петрограде.

Сокольский. Погиб во время похода в СССР.

Соловьев Сергей Владимирович. Оперативный псевдоним Сергей Ломов. Он же Левашов. Чин РОВС с 1926 года, член боевой группы Ларионова, участник диверсии в Петрограде 9 июня 1927 года. Погиб в бою с сотрудниками ОГПУ 26 августа 1927 года на Онежском озере, у мыса Пески, близ Петрозаводска.

Сольский Александр Александрович. Оперативный псевдоним Александр Сомов. Чин РОВС с 1927 года. Участник похода в СССР в июле 1927 года. Расстрелян 23 сентября в Петрограде.

Строев Николай. Мичман, чин РОВС. Участник похода в СССР в июле 1927 года. Расстрелян 23 сентября в Петрограде.

Сусалин. Полковник. Исчез бесследно. Высказал свои сомнения в «Тресте» чекисту Старову, одному из «трестовиков», окружавших Захарченко и Радкевича. В тот же вечер был опознан «болгарскими коммунистами, знавшими его еще по Софии». Расстрелян 9 июня 1927 года.

Титов. Погиб во время похода в СССР.

Трофимов Павел Михайлович. Офицер 14-го стрелкового полка «Железной дивизии». Капитан 1-го Дроздовского полка, начальник пулеметной команды, в русской армии до эвакуации. Председатель Галлиполийского землячества в Праге, чин РОВС. Погиб при в перестрелке с сотрудниками ОГПУ в декабре 1929 года.

Цветков. Эмиссар «Союза национальных террористов» в СССР в 1928 году.

Цуриков НА Представитель Боевой организации в Югославии.

Швецов А.А. Поручик. Зимой 1927 года выслан из Финляндии по обвинению в участии или организации деятельности ку-теповцев в СССР.

Шорин А.А. (Шарин). В июле 1927 года вместе с Соловьевым перешел

границу СССР. База была на Онежском озере. 26 августа погиб в перестрелке с сотрудниками ОГПУ.

Шульц Г. Оперативный псевдоним Иван Жуков. Он же Иван Беккер.

2. «Внутренняя линия».

Абрамов Федор Федорович. Генерал-лейтенант, командир Донского корпуса. Один из лидеров «Внутренней линии» в Болгарии.

Аксаков Сергей Сергеевич (Сивере). Мичман, чин 3-го отдела РОВСа в Болгарии. 4 раза был в СССР, в 1937— 1938 годах занимался разведывательной работой. Руководил подготовкой эмигрантской молодежи в лагерях кутеповской молодежи в Болгарии. По неподтвержденной информации, 4 раза засылался в СССР. В начале 1937 года шофер секретаря Ленинградского обкома партии. Во время Второй мировой войны — «Абверштелле-Юг Украины» — резидент в Николаеве до марта 1943 года, затем — в органе контрразведки «Абверофицер-3». В мае 1944 года выехал в Германию. Был чином РОА. Разыскивался органами госбезопасности СССР. Умер в изгнании в Буэнос-Айресе в сентябре 1987 года.

Александров Борис Александрович. Командир 1-го взвода «Молодой смены». Окончил диверсионные курсы в Софии. Во время Второй мировой войны — чин Русского корпуса.

Альтов Николай Тимофеевич. Поручик. Французский отдел.

Аметистов. Отдел во Франции.

Андреев А.Н. Полковник. Руководитель фехтовальной школы в Софии, где проходили подготовку курсанты лагеря.

Андрюшенко. Поход в СССР в 1938 году. Во время Второй мировой войны в группе капитана Фосса на территории СССР. Убит.

Базаревич. Полковник. Отдел в Югославии.

Бажанов Борис Георгиевич. Бывший секретарь Сталина. Сбежал из СССР. Французский отдел.

Бабаханов Семен Михайлович. В Белом движении во ВСЮР. Инструктор по стрелковой подготовке отдела РОВС в Болгарии.

Бакай. Капитан. Отдел во Франции.

Беневоленский. Оперативный псевдоним Баргин. Французский отдел.

Бендерев Д.А. Унтер-офицер. Взводный курсов подготовки в Болгарии.

Беседовский Григорий Зиновьевич. Советник посольства СССР в Париже. Попросил политического убежища. Французский отдел.

Богданович. Поход в СССР в 1934 году.

Богомолец.

Брандт. Представитель РОВСа в Польше.

Браунер Александр Александрович. Капитан. Болгарский отдел.

Бураго Павел Евгеньевич. Присяжный поверенный. Доброволец дроздовских частей. В лагере подготовки в Болгарии — инструктор по агитационно-политической подготовке.

Бутков Владимир Николаевич. Сын полкового священника Дроздовской дивизии. Состоял во «Внутренней линии» в Болгарии. Окончил унтер-офицерские курсы при III отделе РОВСа, а затем военно-училищные курсы, был произведен в корнеты. В годы Второй мировой войны — опросчик КО «Болгария» (сотрудник Фосса вместе с Яренко). В 90-х годах — председатель Русского общевоинского союза.

Бутков Павел Николаевич. Сын полкового священника Дроздовской дивизии. Участник операций «Внутренней линии» в Болгарии. Капитан Русской освободительной армии генерала Власова. После окончания Второй Мировой Войны проживает в США. Автор воспоминаний «За Россию!».

Войтехович Виктор Иванович. Капитан. Состоял во «Внутренней линии» во Франции.

Геруа Александр Владимирович. Генерал-майор. Румынский отдел.

Гесниров. Капитан. Отдел во Франции.

Глобачев Н.И. Председатель Общества русских инвалидов. Германский отдел.

Глобачев Н.К. Отдел в США.

Головин Николай Николаевич. Генерал-лейтенант. Французский отдел.

Голубинцев А.А. В лагере подготовки в Болгарии — инструктор по тактике кавалерии.

Граббе Михаил Николаевич. Генерал-лейтенант. Атаман Все-великого войска Донского за рубежом. Французский отдел.

Громов Федор (Н) А. Поручик Алексеевскою полка. В лагере подготовки в Болгарии — инструктор по пулеметному делу. В годы Второй мировой войны в группе капитана Фосса на территории СССР.

Гукасов Павел Осипович. До революции — крупный нефтепромышленник. В эмиграции — издатель газеты «Возрождение». Французский отдел.

Гучков Александр Иванович. Политик. Участник Ледяного похода. Состоял во «Внутренней линии» в Париже.

Дмитриев. Поход в СССР в 1934 году.

Добровольский Северин Цезаревич. Генерал-майор. Отдел в Финляндии. В 1945 году выдан СССР Расстрелян.

Дорманн Павел Евстигнеевич. Полковник. Отдел во Франции.

Еггер Владимир Владимирович. Во время Второй мировой войны в группе капитана Фосса на территории СССР. В дальнейшем — переводчик «Морской разведкоманды по Черному и Азовскому морям» (команда Ротта).

Закржевский Николай Дмитриевич. Капитан. В Белом движении с 1918 года. Во ВСЮРв Корниловском артиллерийском дивизионе. В эмиграции в Турции, Болгарии, во Франции. Один из лидеров «Внутренней линии», создатель архива организации. Во время Второй мировой войны — сотрудник разведкоманды Ротта. «Абверштелле-Юг Украины» — резидент органа в Кировограде. Арестован органами госбезопасности СССР. Расстрелян.

Зайцов Арсений Александрович. Генерального штаба полковник. Один из лидеров «Внутренней линии».

Зинкевич Михаил Михайлович. Генерал-майор. Отдел в Болгарии. В 1920 году помощник начальника Алексеевской пехотной дивизии. После 1922 года — командир Алексеевского пехотного полка. Во время Второй мировой войны — командир батальона в 5-м полку Русского корпуса. 24 декабря 1944 года скончался от ран, полученных в бою с титовскими партизанами в районе города Бусовича.

Знаменский. Полковник. Отдел в Югославии.

Зуев Николай Николаевич (Алексеевич). Полковник, чин 3-го отдела РОВСа в Болгарии, 4 раза ходил в СССР. В 1937—1938 годах занимался сбором разведывательных данных в СССР, где одно время был даже начальником штаба Ленинградского военного округа. Руководил подготовкой эмигрантской молодежи в лагерях кутеповской молодежи в Болгарии. Во время войны — сотрудник АНСТ «Юг Украины» — резидент в Одессе с конца 1941-го по осень 1942 года. В дальнейшем — сотрудник АСТ «Крым».

Жолондковский В.Е. Полковник. Представитель РОВС в Румынии.

Журавлев Георгий. Унтер-офицер. Инструктор лагеря подготовки в Болгарии.

Иванов Алексей Владимирович (Николаевич). Отдел в Болгарии. В годы Второй мировой войны — Морской АСТ «Крым».

Иегулов Сергей Владимирович. Капитан. Отдел во Франции.

Киреев Семен Ермилович. Полковник. Отдел во Франции.

Кемеровский Альбин Николаевич. Ротмистр. Начальник отдела в Югославии.

Кобылко. Полковник. Начальник лагеря подготовки в Румынии.

Кондратьев К.П. Резидент в СССР.

Кондратьев И.М. Полковник-первопоходник. Отдел в Болгарии. В годы Второй мировой войны — в Русском корпусе. Убит 21 февраля 1945 года у города Хум (Югославия).

Кручиев. Отдел в Тунисе.

Кубеков Александр. Князь. В годы Второй мировой войны в группе капитана Фосса на территории СССР.

Лайдонер И.Я. Генерал эстонской армии. Начальник отдела «Внутренней линии» в Эстонии.

Лампе фон Алексей Александрович. Начальник отдела «Внутренней линии» в Германии.

Ларионов Виктор Александрович. Бывший член Боевой организации Кутепова. Один из идеологов «Внутренней линии».

Левитский Валерий Михайлович. Журналист. Отдел во Франции.

Лепехин. Полковник. Отдел в Югославии.

Лихо Федор Иванович. Отдел в Болгарии. В годы Второй мировой войны — Морской АСТ «Крым».

Маннергейм Карл Густав. Генерал-лейтенант русской армии. Представитель в Финляндии.

Мартынов. Полковник. Руководитель отдела в Нью-Йорке.

Маслов. Отдел в Чехословакии.

Милошевич М.Я. В лагере подготовки в Болгарии — инструктор по тактике бронетанковых частей.

Мищенко. Отдел в Болгарии. В годы Второй мировой войны служил в германской разведке, основал школу разведчиков и диверсантов и руководил ею до 1944 года. Неоднократно ходил за линию фронта. В конце 1944 года организовал истребительную группу, которая, переодевшись в форму Красной армии, наводила панику в советских прифронтовых тылах, уничтожая высших советских командиров. Мищенко лично уничтожил более сорока большевиков. После войны жил во Французском Марокко и в Мадриде. Там он женился на красивой и знатной испанке, имел детей. Умер в 1960 году от последствий ранений (за годы Второй мировой войны был ранен семь раз).

Мишутушкин Н.И. Подполковник. Отдел Франции.

Назаров Иван Иванович (Илья Иванович). Хорунжий Войска Донского. До Второй мировой войны — начальник лагеря, инструктор (джиу-джитсу, бокс, стрельба, завскладом стрелкового оружия) и преподаватель кутеповской Боевой организации в Болгарии. По неподтвержденной информации, дважды засылался в СССР. Во время

войны — АНСТ «Юг Украины» — резидент на станции Марганец и в Николаеве, затем резидент АК-301. АСТ «Крым» — резидент в Геническе. Разыскивался органами госбезопасности СССР. Капитан РОА. Погиб, прикрывая пулеметным огнем отход своей роты.

Новопашиний. Капитан. Отдел в Германии.

Орехов Василий Васильевич. Капитан. С 1929 года бессменный главный редактор журнала «Часовой». Отдел во Франции, потом в Бельгии.

Орловский Петр Степанович. Полковник. Отдел в Болгарии. В лагере подготовки в Болгарии — инструктор по тактике инженерных войск. В годы Второй мировой войны — Морской АСТ «Крым».

Павлов. Полковник. Во время Второй мировой войны в группе капитана Фосса на территории СССР.

Павчин (Павчинский) П.А. Штабс-капитан. Инструктор фехтования лагеря подготовки в Болгарии.

Пашкевич. Во время Второй мировой войны в группе капитана Фосса на территории СССР.

Петриченко. Полковник. В лагере подготовки в Болгарии — инструктор по тактике.

Пенкин. Отдел в Югославии.

Пешня Михаил Алексеевич. Генерал-майор. Отдел во Франции.

Плонский Н.В. Подполковник. В лагере подготовки в Болгарии — инструктор по тактике авиации.

Подгорный Я.И. Капитан I ранга. Отдел в Чехословакии. В 1945 году арестован СМЕРШ, умер во время следствия.

Полторацкий Николай. Во время Второй мировой войны в группе капитана Фосса на территории СССР.

Прянишников Борис Витальевич. Один из первых членов «Народно-трудового союза». Отдел во Франции. Вместе с Рончевским стал главным разоблачителем деятельности организации.

Разумеев Александр. Инженер. Заместитель начальника лагеря подготовки в Болгарии.

Родзаевский Константин Владимирович. Руководитель отдела в Харбине.

Рончевский Ростислав Петрович. Капитан. Отдел во Франции. Вышел из организации, считая, что она является вредной для всей русской эмиграции.

Русский Николай. Глава Российского имперского союза. Отдел во Франции.

Ряснянский. Полковник. Отдел во Франции.

Савин Петр Пантелеймонович. Руководитель отдела «Внутренней линии» в Испании.

Самсидий Геннадий. Отдел в Германии.

Сафонов. Один из руководителей «Молодой смены». Арестован органами госбезопасности СССР. Расстрелян.

Селиверстов Михаил Иванович. Подпоручик Сергиевского артиллерийского училища. Отдел во Франции. Оперативный псевдоним — Надеждин.

Сенцов Константин Михайлович. Поручик. Отдел во Франции. Проводил лекции по политической подготовке.

Семенов В.В. Полковник. В лагере подготовки в Болгарии — инструктор по химии и взрывчатым веществам.

Скоблин Николай Владимирович. Генерал-майор. Первопоходник, командир Корниловского ударного полка. Возглавлял «Внутреннюю линию» в 30-х годах.

Солоневич Борис Лукьянович. Журналист. Отдел в Болгарии.

Сорокин. Полковник. Отдел в Болгарии.

Станчулов Леонид. Во время Второй мировой войны в группе капитана Фосса на территории СССР. Убит.

Стейгер. Отдел в Швейцарии.

Стульба. Отдел во Франции.

Тарасевич. Полковник. Отдел во Франции.

Тедли Борис. Капитан. Отдел в Швейцарии. Один из активнейших участников Русской фашистской партии в Европе.

Тризна. Отдел во Франции.

Триколич Павел Степанович (Генбержевский, Кусин). Штабс-капитан, корниловец, георгиевский кавалер. Во время Гражданской войны служил на бронепоезде «Офицер». До Второй мировой войны командир 2-го взвода «Роты молодой смены им. Генерала Кутепова» в Софии. Во время войны — «Абверштелле-Юг Украины», — резидент в селе Новая Одесса Николаевской области.

Федоров Г. Унтер-офицер. Взводный лагеря подготовки в Болгарии.

Федотов Александр Иванович. Полковник лейб-гвардии Петроградского полка. Командир «Роты молодой смены».

Флайшауер Ульрих. Отдел в Германии.

Фосс Клавдий Александрович (Вагнер, Вальтер). Капитан-дрозовец, основатель «Внутренней линии». Секретарь болгарского отделения РОВС. Сотрудник спецотдела дирекции болгарской полиции по борьбе с коммунистическим движением. Сотрудник болгарского

министерства обороны (майор запаса). Пережил 10 покушений со стороны политических противников, в совершенстве владел 5 языками. По линии военного министерства курировал подготовку кутеповских боевиков, обеспечивал финансирование. Резидент КО «Болгария». АНСТ «Юг Украины». Возглавлял деятельность белоэмигрантских резидентур в зоне деятельности органа с 1942 года. Орган контрразведки «Аб-верофицер-3» при штабе командующего тылом группы армий

«Зюд-А». Руководил агентурной работой органа. Сотрудник «Морской разведкоманды по Черному и Азовскому морям» (команда Ротта) с января 1942 года по март 1943 года. Разыскивался органами госбезопасности СССР. После войны проживал в Германии. Умер в 1991 году.

Харжевский Владимир Георгиевич. Генерал-майор, командир 3-го генерала Дроздовского полка, походник Яссы-Дон. Руководитель диверсионных курсов в Праге.

Шатилов Павел Николаевич. Генерал от кавалерии. Лидер «Внутренней линии» в 30-х годах.

Шелехов Владимир. Начальник отдела в Польше. Кандидат в члены Российского фашистского правительства, список которого в июне 1941 года Родзаевский предложил Гитлеру.

Шешорин. Отдел в Чехословакии.

Штейфон Борис Александрович. Генерал-майор. Начальник отдела в Румынии.

Шумаков Николай Иванович. Во время Второй мировой войны в группе капитана Фосса на территории СССР. Убит.

Энгельгардт Борис Владимирович. Полковник. Отдел в Эстонии.

Яренко Ян Георгиевич. Капитан лейб-гвардии Финляндского полка. Вел отбор боевиков в кутеповскую организацию, координатор деятельности всех белоэмигрантских молодежных организаций. Перед войной практически парализовал агентурную деятельность советского посольства в Софии. Чин «Внутренней линии» в Болгарии. В годы Второй мировой войны — в группе капитана Фосса на территории СССР. Резидент, опросчик КО-«Болгария». АНСТ «Юг Украины» — резидент в Таганроге и Кривом Роге. АК НБО — сотрудник органа до июня 1944 года. Разыскивался органами госбезопасности СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. В списки не включены:

а) М. Конради и А. Полунин. До сих пор нет подтверждений, что они были в Боевой организации. Донесение агента И НО ГПУ, что Конради получил на убийство деньги от Кутепова и Тур-кула, таковым служить не

может. Во-первых, генерал никогда не приводил меткий выстрел Мориса Конради в качестве примера, как надо карать лидеров большевиков. Во-вторых, капитан Ларионов, рупор активной борьбы с большевиками, составив своеобразный «синодик», не включил в него дроздовского штабс-капитана. В-третьих, сам Туркул, хвостовство которого было притчей во языцех, никогда о таком немаловажном факте не вспоминал;

б) генералы А.П. Архангельский, П.А. Кусонский и А.В. Туркул, лидер НТСНП В.М. Байдалаков, писатель И.Л. Солоневич, полковники П.Н. Малевский-Малевиц, Н.В. Пятницкий, С.А. МаЦыЛев, З. Шаховская. Они есть в списке «Внутренней линии», который был в архиве управления гестапо Берлина. Но они не имели никакого отношения к организации. Байдалаков был известен как самый (наряду с МаЦылевым) ярый противник «Внутренней линии» и даже требовал выжечь ее каленым железом из русской эмиграции. В этом его поддержали Туркул, Пятницкий и Солоневич. Кстати, покушение на писателя, по некоторым данным, организовала именно «Внутренняя линия». Архангельский, в бытность свою председателем Русского общевойскаского союза, требовал роспуска «Внутренней линии». Малевский-Малевиц был видным евразийцем;

в) Э.О. Стауниц-Опперпут хотя и входил в «Союз национальных террористов» (оперативный псевдоним Ринг), но был агентом ИНО ГПУ;

г) В.В. Шульгин и П.Д. Долгоруков, были в СССР в рамках «Треста». К Боевой организации Кутепова они отношения не имели;

д) П. Шабельский-Борк и С. Таборицкий. К Боевой организации Кутепова убийцы Набокова отношения не имели;

е) Члены НТСНП Г.С. Околович, М. Флоровский, П. Ирош-ников, В.М. Насонов и Г. Е. Прилуцкий, А. Колков, В. Дурново, Д. Потапов, А. Чупрунов, И.В. Кобылкин, Е.Л. Перелядов, Б.В. Олейников, В. Бабкин, С. Спица, К. Гурский, М. Бржестовский, П. Берегулько, В. Коняев-Фишер, М. Ольгский, Д. Лук-ницкий, В. Леушин, В. Чеботарев, М. Дурново, Г. Казнаков, Е. Акулов, И. Хлобыстов, Ю. Рогальский, Келлер и Овчинников, которые ходили в СССР в 30-х годах по каналам РОВСа, но к «Внутренней линии» отношения не имели;

ж) агенты разведотдела эстонского генерального штаба Михаил Хмяляйнен, Иван Буркацкий, Вельмар и Альберт Сокк, Жураковский, Юлиус Соессон, Густав Перли, Франк, Александр Снарский, Август Мартинсон, Вахрин, Петр Бусыгин, Александр Тас-со, Сергей Кожевников, Альфред и Фридрих Теппор, Иван Антонов, Марк, Быков, Мадиссон, разведотдела латвийского генерального штаба Иван Кузнецов, Николай Долгалевич. Их причастность к организациям находится под большим

вопросом.

2. За три года существования лагеря подготовки в Болгарии курс в нем прошли около 160 человек. Фамилии большинства неизвестны. Форма: русские зеленые рубахи с высоким воротом и погонями с литерами «АК» (Александр Кутепов).

3. В списке, как можно заметить, есть и люди сугубо штатские: политик Гучков и промышленник Гукасов. Это лишний раз доказывает, что «Внутренняя линия» была организацией с ярко выраженной политической составляющей.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Документы

Основные тезисы обличения лжеучения социализма, принятые в заседании Собора Русской православной церкви за границей.

18 ноября / 1 декабря 1921 г.

I. Русское заграничное церковное собрание считает необходимым осудить лжеучение социализма и наиболее последовательную его форму — большевизм, или коммунизм, как учение антихристианское в основе и разрушительное по своим последствиям. Прежде всего с точки зрения религиозно-нравственной, потому что

A:

II. а) социализм разрушает всякую религию, в особенности же христианскую;

б) социализм уничтожает основы нравственности и ведет к полному беззаконию;

в) между христианством и социализмом существует полное противоречие при поверхностном мнимом сходстве.

Все это объясняется тем, что в психологии проповедников социализма и философской основе его лежит открытый материализм.

III. И в государственной жизни социализм несет разрушение, ибо:

а) отрицая первенствующее религиозное значение личности, подрывает правовой строй жизни, основанный на этом принципе;

б) уча о ложном принципе равенства всех в коллективе, отрицает власть и порождает всеобщую борьбу;

в) отрицая благословенную Богом любовь к родине, проповедует несбыточный интернационализм;

г) ведет к уничтожению семьи и растлению детей.

IV. Социализм разрушает и хозяйственную жизнь, так как, исходит из идей обобществления:

а) отрицая личность и частную собственность, подрывает личную инициативу как источник деятельности и творчества;

б) подрывая духовные основы хозяйства и вводя лишь корыстный эгоизм, вносит разрушительную борьбу и в экономику.

Б:

а) материалистическая жизнь современного мира и эгоистические крайности и стремления капитализма дают некоторые основания и повод к

распространению социализма;

б) понижение же христианского личного совершенствования и суеверие во всеисцеляющее средство перемены форм жизни подготовили и поддерживают веру в реформу жизни социализмом;

в) но разрушительные плоды опытного применения социализма, особенно в России, уничтожающего не только духовные, но и материальные ценности, вообще враждебного всему творению Божию, обличают весь губительный мировой обман, созданный врагом Божиим дьяволом под видом добра.

В:

Меры против социалистического лжеучения:

а) возвращение к живой жизни в христианской церкви, особенно в святой православной, как религии наивысшего духовного развития личности;

б) терпение ниспосланного Богом креста скорбей, как естественных последствий разрушительных ложных идей социализма;

в) участие в борьбе против социализма всех христианских исповеданий и других религий;

г) борьба с социализмом путем справедливых государственно-правовых мероприятий;

д) участие в обличении лжи социализма общественной науки и мысли, особенно для искоренения яда в России, вливаемого в течение 4 лет.

Н.Е.Марков Второй. «Войны темных сил».

Отрывок

Государь Император весьма благоволил «Союзу русского народа», справедливо видя в нем надежную опору монархии. Но Государь был одинок в этом отношении и, встречая постоянное противодействие со стороны почти всех своих министров и приближенных, не настоял на своевременной и надлежащей государственной поддержке и развитии организаций народной самообороны.

«Союз русского народа» возник стихийно как народный порыв для защиты царского самодержавия, оказавшегося под ударами организовавшихся сил разрушения. Пока продолжались открытые революционные выступления и нападения на власть, эта защита выражалась в разгоне революционных скопищ на улицах, в выказательстве народной преданности Царю, в демонстрациях народного убеждения в необходимости сохранения самодержавия. Но как только иудомасонство убедилось в невозможности повалить монархию открытою силою и скомандовало своим палачам и боевикам уйти в подполье, и своим пособникам и укрывателям из интеллигенции укрыться защитной одеждой «легальной» оппозиции, перед «Союзом русского народа» как организацией не только контрреволюционной, но и противоконституционной возник вопрос: что делать дальше?

Государь, обманутый министром Витте и либеральными петербургскими советчиками, уступил домогательствам крамольников и, издав манифест 17 октября 1905 года, дал право утверждать, что народу дарована конституция и что, следственно, Царь перестал быть самодержавным. Во всяком случае, такое именно истолкование было воспринято тогдашним правительством — с Витте во главе и высшими государственными учреждениями.

Правда, сам Государь понимал дело иначе и ряду патриотических депутатов отвечал: самодержавие мое остается, как было встарь. И при начертании новых основных законов 1906 года Государь собственноручно восстановил прежнее определение императорской власти, вписав слово «Самодержавный», которое уже было выпущено услужливыми клеветами масона Витте.

Однако Государь Император требовал признания и уважения изданных им новых законов и, следовательно, признания законодательных прав

Государственной думы.

Получалось нечто вроде заколдованного круга: народная толща, мнение которой ярко выражал «Союз русского народа», в ограничении прав Самодержца чуяла величайшее для России бедствие и потому не хотела слышать о конституции, не хотела допускать мысли, что Царь более не самодержец, что воля царская отныне связана, что совесть Государева уже не свободна... С другой стороны, сам Царь-Самодержец приказывал признавать Государственную думу и законы 1906 года, содержащие в себе явные признаки ограничения и умаления самодержавия царского.

Выходило так: либо — во имя восстановления поврежденной полноты царского самодержавия — послушаться самого Царя, стать на путь восстания против правительства и силою вернуть Царю исторгнутую у него интеллигентским обманом и революционным устрашением полноту власти... Либо покориться и признавать новые — по существу, конституционные — законы, пока Государю-Самодержцу не благоугодно будет их изменить или

заменить настоящими, полезными народу. А до той поры всячески сохранять и оберегать в народе приверженность к самодержавию и готовность во всякую минуту поддержать Государя — как полноправного Самодержца.

Первый путь — революционного восстановления царского самодержавия — казался всем верноподданным преступным нарушением присяги и для них был явно невозможен.

Верноподданный «Союз русского народа» вынужден был стать на второй путь и вступить в борьбу с разлагателями государства в самой невыгодной для простонародной организации обстановке — партийного парламентаризма.

Все партии, боровшиеся с государством, пользовались постоянной поддержкой международной темной силы и вообще всех тех, кому выгодно и желательно было если не полное уничтожение, то возможно большее умаление и обессиление Российской империи, быстрый рост и мощь которой начинали пугать едва ли не всех ближних и дальних соседей наших. Большинство, еще со школьной скамьи политически развращенной, интеллигенции нашей сочувствовало и поддерживало те или иные противомонархические предприятия. Банкиры, промышленные тузы, купеческие миллиончики, знатные самодуры отсыпали миллионы рублей в карманы злейших врагов монархии и России. Десятки противомонархических газет издавались на средства подобных «меценатов».

Земские и городские самоуправления при попустительстве либерального чиновничества были постепенно захвачены шайками пришлых интеллигентов самых крайних противогосударственных убеждений.

В министерствах и государственных управлениях кишели чиновные интеллигенты, которые в царском самодержавии видели лишь вредный пережиток азиатского варварства.

Чтобы бороться с такими злоухищренными и оснащенными противниками и с такими сложными силами государственного

развала, недостаточно было численного превосходства и монархической настроенности глубоких толщ простого народа. Необходима была соответствующая организация этих толщ и организация, конечно, не частная, не любительская, а общенародная — государственная.

«Союз русского народа» времен 1906—1907 годов с его 3—4 тысячами местных советов представлял великолепное ядро для образования такой государственной организации всенародного монархизма. Если бы тогдашнее правительство доросло до понимания того, что впоследствии понял в Италии Муссолини, и вместо упорного противодействия Государю и руководителям монархического объединения поддержало бы и осуществило бы правильную, спасительную мысль о необходимости опереть Верховную власть на организованную в мощные монархические союзы лучшую часть народа, история России была бы совсем иная.

Но рожденные ползать не могут летать. С юных лет отравленные злыми испарениями темного культа «великой» революции, российские чиновные интеллигенты ползали перед кумирами «прогрессивной общественности», пресмыкались перед «просвещенными демократиями Запада» и больше всего боялись показаться недостаточно либеральными. Неизменно — до рокового конца — ухаживали они за смутьянами и унижали вверенную им свыше власть перед выскочками и наглецами «антигосударственной» Государственной думы и всячески отреклись и отплевывались от общения с «черными сотнями» и от касательства к чаяниям «Союза русского народа». Они не только не поддержали и не развили великую идею доктора Дубровина и его единомышленников, но все сделали, чтобы развалить и свести на нет истинно народную организацию, уже оказавшую государству спасительную помощь в самое трудное для него время.

Доклад по основам тактики и организации Высшего монархического совета

I. Необходимость и своевременность открытого провозглашения монархической идеи.

С начала революции до последнего времени монархисты открыто не выступали на арене политической борьбы. Они настолько ушли в себя, настолько перестали вмешиваться активно в жизнь страны, что могло даже постороннему поверхностному наблюдателю казаться, что в России вообще не стало монархистов. Причин тому было несколько, но главным образом тактические. С момента революции монархисты не хотели разжигать пламя междоусобной борьбы, чтобы не помешать борьбе с внешним врагом. А засим, когда внешняя война кончилась, не хотели мешать борьбе с большевиками. Выдвижение монархической идеи в момент Белого движения знаменовало бы раскол в живой силе этих движений и прервало бы помощь союзных держав, которым была нужна Россия республиканско-демократическая, т.е. такая Россия, которая была бы достаточно сильна, чтобы уплатить военную задолженность, и достаточно слаба, чтобы говорить с союзниками на равных с ними основаниях.

Кроме этого для монархистов было ясно, что предметный урок истории, который преподавался народу русскому последовательно: кадетами Временного правительства, трудовиками, социалистами разных оттенков и наконец большевиками, был хотя и очень жестоким, но единственным способом согнать хмару лжеучений и разожженных необъятных вожделений.

Ныне цикл всевозможных политических опытов закончился, и страдания народа достигают своего апогея. Мятущийся народ обращает свои взоры в сторону монархии. Открытое поднятие монархического стяга не может уж больше помешать борьбе с внешним врагом. Этого мало — борьба за монархию теперь является синонимом борьбы за Россию, ибо для всех стало ясно, что вне монархии не может быть спасения России. Как в эмигрантской среде, так и в России монархисты в большинстве, но в то время как в России благодаря террору кристаллизация монархических сил невозможна, тем важнее как можно скорее создать ее за границей, дабы в тот момент, когда монархическое движение могучим порывом охватит всю Россию, быть в состоянии влить этот поток в заранее приготовленные каналы, иметь возможность ими управлять, руководить и идти во главе этого движения. Нужно это не в целях личных тех или иных партийных группировок, а для того, чтобы охранить это будущее движение от несправедливостей, жестокостей и уклонений в сторону, всегда присущих всякому неорганизованному движению.

Кроме того, открытое выступление монархистов покажет

непредвзятым иностранным политическим деятелям, с кем им нужно и должно считаться, а монархическим силам в России будет служить маяком, на который они будут равняться.

Своевременность открытого монархического выступления, кроме изложенных уже оснований, доказывается, с одной стороны, тем, что нет довода, доказывающего обратное, а с другой стороны, вестями, приходящими из России.

Что может случиться дурного для идеи монархии, если окажется, что наше нетерпение поскорее восстановить монархию заставило нас переоценить известные нам признаки и факты? Ничего, кроме того, что рост монархического движения не пойдет тем быстрым темпом, на который мы рассчитываем. Ни затормозить, ни замедлить, ни тем паче испортить это монархическое дело не может. Между тем по точным проверенным данным, идущим из наших организаций в России, мы имеем все основания даже опасаться, что мы с нашим выступлением запаздываем, что к моменту низвержения большевиков мы не окажемся в должной мере готовыми.

II. Форма и способ начала открытого монархического движения.

Переходя к вопросу о форме и способах начать открытое монархическое движение, весьма существенно не ставить себе на первый взгляд нескольких заманчивых задач, но которые в действительности завели бы монархическое дело в тупик.

Всякому ясно, что для того, чтобы это движение захватило бы возможно более широкие массы, важно, чтобы политическая и национальная программы его были бы возможно шире. Но так как разработать детальную программу, приемлемую всем трем главным течениям монархической мысли: парламентарной, конституционной и самодержавной, невозможно, то лучше всего ограничить ее разработку по трем главным, одинаково приемлемым для всех трех течений положениям:

1. Россию может спасти только монархия.
2. Монархия должна быть легитимная.
3. Необходимость коренного пересмотра существовавшего до революции законодательства.

Вот почему, как ни заманчиво теоретически создание единой монархической партии, надо сразу же сказать себе, что создать ее невозможно, а попытки в этом направлении вредны, ибо вместо ожидаемого монолитного объединения широкого монархического фронта в результате обязательно получится разъединение не только по трем выше указанным направлениям, но возможно, что те, в свою очередь, разобьются на массу мелких толков. Но если, с одной стороны, желательно и

необходимо сохранение тесного искреннего союза между указанными выше тремя направлениями монархической мысли для многоводности и полноводное™ монархического течения, до того, пока оно широкой волной не зальет равнины и веси России, то не следует искать помощи и вступать на путь соглашательства с партиями республиканскими и социалистическими в целях приобрести себе союзников по борьбе с большевиками. История последы их трех лет нас учит, что все белые движения одно за другим погибали. Кроме чисто внешних причин, как устанавливается их тщательным анализом, они погибли, ибо несли гибель в самих себе, пытаясь соединить несоединимое. И в моменты напряжений созданный ad hoc для борьбы с большевиками союз между республиканцами, социалистами и монархистами раскалывался, и вместо того, чтобы стараться совместно выйти с честью из положения, начиналось взаимное истребление и предательство республиканцами и социалистами монархистов, которые, составляя главную массу живой силы движения войска, гибли бесцельно на фронте в то время, как их мнимые союзники наживались по тылам.

Сводя все сказанное, нельзя не прийти к выводу, что по обстоятельствам момента наиболее удачной формой, в которой могло бы вылиться монархическое движение в эмигрантской среде, следует признать монархические объединения, возникшие теперь в ряде стран, которые и следует рекомендовать как прообраз и схему для создания повсеместно, в местах скопления русских эмигрантов, монархических ячеек.

III. Отношение к партиям, враждебным монархии.

Из сказанного уже ясно, что союз, хотя бы и временный, для борьбы с большевиками с другими партиями, т.е. республиканскими и социалистическими, невозможен и бесцелен. Но из этого не следует, что враждебное отношение должно исходить от нас, монархистов. Прежде всего надо учитывать то обстоятельство, что за эти 4 года смуты в республиканцы и социалисты записались многие из-за моды, из личных интересов спасения имущества, места и жизни, а по существу своему аполитичны и, следовательно, нам не враждебны. Засим есть толки социализма, не враждебные монархии, напр. христианские социалисты. Независимо от этого в вопросах эмиграционной жизни, взаимопомощи, благотворительности и т.п. возможно и допустимо сотрудничество как с республиканцами, так и с социалистами и даже в этом смысле известного рода договорные отношения с этими партиями.

IV. Отношение к государственным образованиям на территории России.

Если мы отрицательно относимся к возможности получить помощь и союзников в деле восстановления монархии в партиях республиканских и социалистических, то мы не отрицаем возможности и желательности такой помощи вне русских кругов и сил. И прежде всего наши взоры обращаются к тем народностям, которые сжились с Россией, тесно связаны, несмотря на свою теперешнюю самостоятельность, политическими и экономическими с нею интересами и которые могли бы значительно облегчить, если бы захотели, как работу нашу в самой России, так и вне ее.

Будучи сами националистами русскими, мы не можем и не должны не признавать за другими народностями прав на национальное самоопределение. Мы считаем, что национализм малых народностей может быть базой для борьбы с интернационалом. Мы считаем, что их теперешний сепаратизм в значительной мере покоится на нежелании подчиниться владычеству большевистских комиссаров, мы считаем, что, дав этим национальностям гарантии в смысле широкой автономии и сохранения национальных особенностей, мы получим не только с их стороны невраждебное отношение к идеи монархии в России, но и реальную помощь для проведения этой идеи в жизнь...

V. Отношение к религиозным, политическим и экономическим силам и организациям, борющимся против безбожия, масонства и власти международного капитала в других странах.

Изыскивая помощь и союзников в деле восстановления в России Монархии и спасения Церкви Христовой, Православной от угнетения произвола и гонения, мы не можем не обратить наше внимание на борющиеся против безбожия, падения нравственности, масонства и власти международного капитала силы и организации в различных странах Старого и Нового Света. Принципиально и теоретически нет оснований отвергать возможность для русских монархистов услуги реальной и помощи, будь то от кругов англиканской епископальной или католической церквей, от армии спасения, от парижской антимасонской лиги или от антисемитских союзов Средней Европы...

VI. Тактика монархических организаций в международных отношениях.

Прежде всего необходимо твердо установить и всегда помнить, что ни одно государство ничего не делало, не делает и не будет делать для России вне своих прямых ясно осознанных (правильно или нет, это все равно) интересов. Ввиду этого никакого разделения монархистов на антантофилов, германофилов и других фи-лов не должно иметь места. Единственное фильство, кое допустимо, — это русофильство.

До сего времени, как это ясно вытекает из всех данных, которыми мы располагаем, ни в одном из центров Старого и Нового Света ни иностранными правительствами, ни значительными политическими группировками сколько-нибудь реальная помощь монархическому движению не оказана, ни с кем еще монархические организации не вошли в договорные обязательные отношения, а потому мы можем совершенно ясно и определенно заявить, что монархическое движение свободно в международном отношении в выборе себе союзников.

Конечно, договорные отношения с иностранными государствами не дело политической группировки, даже такой, как монархической и всероссийской, но так как время не ждет и подготовительная работа в этом направлении нужна, нужны ответы на запросы, что в международном отношении приемлемо для русских монархистов и что неприемлемо, то мы бы считали полезным и необходимым поручить ведение переговоров в этом смысле Верховному Монархическому Совету, которому дать полную свободу с тем, чтобы он изыскал помощь наименее тяжкую для России, памятуя, что, может быть, придется и от всякой иностранной помощи отказаться. Ибо несомненно, что в России будет все равно, рано или поздно, монархия, и иностранная помощь ценна только постольку, поскольку она ускорит наступление этого желанного времени, сократит время страданий русского народа и остановит дальнейшее разрушение и истощение нашей Родины. Заключение и подписание возможных договоров с русской стороны должны быть прерогативой русской государственной власти, к организации которой и следует немедленно приступить.

VII. Организация Русской Государственной Власти.

Кроме дробления монархических сил на враждующие между собой политические течения, чрезвычайно грозную опасность представляет собою разделение их на группировки по личностям того или иного претендента. Исторический пример монархической Франции, сделавшейся республикой из-за того, что французские монархисты не могли и не сумели объединиться наличности законного Государя, несмотря на то, что были вообще в большинстве, служит веским предупреждением. Вот почему нам необходимо, не только из-за побуждений духовно-моральных, но и по практическим основаниям, строго держаться легитимного принципа, зная, что если мы с него сойдем, то погубим монархическое дело.

Но и провозгласив голый легитимный принцип, мы еще не избегнем опасности расколоться на лице. Дело в том, что положение нас, русских монархистов, в этом вопросе сугубо тяжелое, во-первых, потому, что еще ни одним компетентным учреждением не установлен факт смерти Государя

Императора Николая II, Его Сына, Наследника Цесаревича Алексея Николаевича и Брата Великого Князя Михаила Александровича (наоборот, в некоторой части монархических кругов есть убеждение, что они спаслись и скрываются, и что отречение их: Государя Императора Николая II, как насильственно исторгнутое и незаконное за Сына, недействительно, а Вел. Князя Михаила Александровича, как условное до Учред. Собрания, незаконно), во-вторых, потому, что сами основные законы, определяющие порядок и права дальнейшего престолонаследия, позволяют разные толкования, а следовательно, могут привести в зависимости от этого толкования к тому или иному лицу Династии Романовых.

VIII. План и средства к осуществлению восстановления в России Монархии.

Как известно, до сего времени существовало два способа, два рецепта, как восстановить Россию, которые боролись друг с другом и как бы взаимно исключали один другой. Один говорил о необходимости предоставить Россию самой себе, выждать естественный эволюционный ход возрождения русского народа и отрицал всякое вмешательство иностранцев, даже в форме помощи, государственно-мыслящим элементам страны, другой говорил, что ждать внутреннего взрыва, который явится следствием накопления недовольства современным положением, бесполезно, ибо все в России разумное, мыслящее подавлено и разгромлено, и что единственное спасение может прийти от вмешательства иностранной вооруженной силы. Нам думается, что обе точки зрения и правильны, и неправильны. Правда и истина заключаются в комбинировании, соединении обоих способов. Вторгнуться в Россию во главе иноземных штыков и быть посаженным на престол иностранными штыками — невозможно. Рассчитывать, что в скором времени будет свергнута власть комиссаров, можно и должно, но чтобы эта власть была заменена монархической властью, а не анархией, невозможно без соответствующей сложной, трудной, опасной работы, которая может быть выполнима только при условии приложения рычага к точке опоры извне. Что же для этого нужно?

Подобные планы организации и работы как внутри России, так и за рубежом имеются в нескольких вариантах. Выбор, на каком из них остановиться, следует предоставить Центральному Монархическому Совету, ибо они не могут быть обсуждаемы на сравнительно многолюдном съезде вследствие своей абсолютной секретности.

IX. О центре и основах общей монархической организации.

Почти в каждой строке настоящего доклада упоминалось о

необходимости общего всемирного русского монархического центра. Подробную разработку положений об этом центре, дабы дать ему нужную гибкость и полномочие, следует предоставить ему самому. Здесь же мы только укажем, каким условиям этот центр должен удовлетворять с точки зрения тактической. Конечно, желательно, чтобы он состоял, с одной стороны, из представителей разных политических течений, объединившихся под знаменем легитимной монархии, с другой стороны, для работоспособности он не должен быть чересчур многочисленным и заключать в себе людей сработавшихся и живущих или могущих жить в одном месте. Для этого Монархический Съезд избирает Высший Совет в составе трех лиц. Совет имеет право кооптации полноправных членов в меру действительной потребности. Совет избирается сроком на один год и является полноправным и неограниченным руководителем монархического дела. Через год советом должен быть собран съезд представителей от местных организаций для ознакомления с его деятельностью и для переизбрания в случае надобности нового совета. Переходя к основам монархических организаций, мы полагаем, что следует, сохранив автономность во внутренней жизни и местных организаций, предложить им в возможно скорейшем времени объединиться на идеологической платформе, выработанной съездом по государствам, в которых они находятся, и образовать общие известные центры, для местного руководства, всецело подчиненные высшему совету. Высшему же совету следует поручить озаботиться в возможно скором времени разработкой нормальных уставов для местных монархических объединений и организацией этих объединений в тех местах, в коих их еще нет.

Виктор Соколов-Баранский. Рейхенхалль, 3 июня 1921 года.

Шифр, которым пользовался генерал *Кутепов* при переписке с «Трестом»

МОЦР — трест.

Трест — Григорьев.

ГПУ - Юрьев.

Генштаб Польши — Гладков.

Высший монархический совет — Ллойд.

Русская армия генерала Врангеля — фирма Сергеева.

Советская власть — центролес.

Торговцы — Участники МОЦР.

Торговая палатка — генеральный штаб.

Эстонцы — огородники.

Евразийцы — нефтяники.

Монархия — кооперация.

Коммунисты — конкуренты.

Курьер — письмо.

Дипломатический — беспроводный.

Договор — счет.

Опасность — согласие.

Окно (место перехода границы) — Берлин.

Дела идут хорошо — падение цен.

Дела идут плохо — повышение цен.

Прага — Киев.

Белград — Инсбург.

Петроград — Вильно, Пекин.

Москва — Варшава, Шанхай.

Берлин — Ковно.

Париж — Вена, Кантон.

Вена — Париж.

Варшава — Женева.

Лондон — Мурманск.

Польша — Мюнхен.

Россия — Гамбург.

Франция — Кельн.

Германия — Эссен.

Швейцария — Польша.

Якушев — Федоров, Сергеев, Кац, Левин, Рабинович.
Генерал Зайончковский — Боярин Василий и Верховский.
Стауниц — Касаткин, Петров, Коваленко.
Потапов — Игнатъев, медведь.
Врангель — Сергеев, Клименко.
Миллер — Косенко.
Кутепов — Воронцов, Борисов, тетя Саша.
Зайцов — Кох.
Климович — Елисеев.
Великий князь Николай Николаевич — Ильин, юнкере.
Вдовствующая императрица Мария Федоровна — Стиннес.
Великий князь Кирилл Владимирович — Зингер.
Великий князь Дмитрий Павлович — Александров.
Шульгин — Южин, Лежнев.
Марков Второй — Петренко.
Тальберг — Лысенко.
Гершельман — Иванов.
Артамонов — Посредников, Липский, Михайлов, Бергман.
Ширинский-Шихматов — Шотт, Коган, Лукьянов.
Захарченко-Шульд — Павлов. Радкевич — Николаев. Арапов —
Шмит и Философов.

Программа евразийцев. 1927 год. Отрывок

Россия нашего времени вершит судьбы Европы и Азии. Она — шестая часть света, Евразия, узел и начало новой мировой культуры.

Раздел I. Россия особый мир

Россия представляет собой особый мир. Судьбы этого мира в основном и важнейшем протекают отдельно от судьбы стран к западу от нее (Европа), а также к югу и востоку от нее (Азия).

Особый мир этот должно называть Евразией. Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожительства, которые труднодостижимы для них в отношении народов Европы и Азии. Однако отличительное для императорской России стремление ее правителей рабски копировать Запад означало, что ими утрачено понимание реальных свойств и особенностей российско-евразийского мира. Такое несоответствие должно было повлечь катастрофу императорской России. Катастрофа эта последовала в революции 1917г.

Евразийцы относятся отрицательно к подражательной и западопоклоннической линии императорского правительства и социальных верхов императорской России.

Это отрицательное отношение усугубляется тем, что современную европейскую культуру во всех ее частях, кроме эмпирической науки и техники, евразийцы признают культурой упадочной.

Наряду с отрицательными сторонами революции евразийцы видят положительную сторону в открываемых ею возможностях освобождения России-Евразии из-под гнета европейской куль-

туры. Одной из задач революции евразийцы считают восстановление своеобразия евразийского мира и установление соответствия между сознанием правящей и интеллектуальной верхушки России-Евразии и условиями окружающей обстановки. Положение это имеет существеннейшее значение в определении направления, в котором следует развивать и преобразовывать нынешний строй СССР.

Раздел II. Евразийство против коммунизма

Политический результат революции выразился в том, что полнота власти в России оказалась в руках коммунистической партии. Компартия есть организованная, сплоченная и строго дисциплинированная группа. Приход к власти организованной подобным образом группы в принципе соответствует положению и условиям России-Евразии.

Евразийцы считают необходимым устранение капиталистического строя. Отрицание капитализма исходит у них не из диалектического материализма, утверждающего необходимость смены материалистического капитализма материалистическим же социализмом-коммунизмом, но из явственного подразделения духовного и материального начала жизни. Это подразделение согласовано с новейшими выводами научной мысли, утаиваемыми компартией от мыслящих кругов русского общества. Подразделение это сопрягается в мировоззрении евразийцев с утверждением нравственной необходимости преобладания духовного начала над материальным. Капиталистическая система отрицает в существе духовные основы жизни и потому рассматривается евразийцами (в соответствии с основами их мировоззрения) как знак уга-шения духа, угашения, происшедшего на почве упадочной культуры современной Европы. Политика государства в экономической области должна базироваться, по мнению евразийцев, не на предоставлении возможности наибольшего обогащения, но на начале служения каждого своим согражданам и на-

родно-государственному целому. Лично-хозяйственный строй они рассматривают как технически наиболее обеспечивающий возможности такого служения и способствующий увеличению общественного продукта. В этом строе государственная власть своей политикой должна неуклонно обеспечивать каждому трудящемуся достаточное участие в потреблении общественного продукта и достойные человека условия существования.

В современной политике правящей компартии евразийцы замечают признаки капиталистического перерождения, что представляется вполне понятным, т.е. капитализм и коммунизм, являясь одинаково системами материалистического мировоззрения, помещены, по существу, в одной плоскости. Это перерождение выражается: 1. В факте всеми рабочими сознаваемой и все растущей, но тщательно маскируемой компартией, эксплуатации государством труда рабочих, исходящей из того, что государство выступает в отношении рабочих как работодатель-монополист и в лице «хозяйственников» вполне использует это положение. 2. В том, что компартия оказалась бессильной осуществить и выпустила из рук дело широкой социальной помощи и оставляет низшие слои одинаково

городской и сельской бедноты в самом беспомощном и бедственном состоянии. Современный коммунизм неуклонно перерождается в капиталокоммунизм.

В отношении равно капитализма и коммунизма евразийство представляет третье решение, выходящее на путь широкой социальности.

Подчиняясь силе жизни, компартия осуществила в пределах России своеобразный строй, не похожий ни на что имеющееся в других частях мира. Однако по самосознанию компартия является западной. Она не только исповедует начала западного социализма (Карл Маркс), но и полагает, в лице виднейших деятелей, своей задачей насаждать в России элементы западной

культуры. В этом смысле компартия повторяет политику правительства и социальных верхов императорской России, неминуемо вызывающую откол правящей верхушки от народных масс. Устранение этого откола является в представлении евразийцев одной из задач дальнейшего развития СССР.

Раздел III. Политический строй

Осуществление этих целей должны взять на себя евразийцы, образовав Евразийскую партию для замены партии коммунистической в ее организационно-правительственном значении.

В области общеполитической евразийцы основывают свой план на анализе основных закономерностей революции. В первой фазе каждая осуществившаяся революция сводится к уничтожению прежнего строя и созданию нового. Во второй фазе революционный процесс выражается в эволюции создавшегося строя. Формы этой эволюции могут и должны быть различны: от выборной борьбы до вооруженного переворота (включительно). Общим признаком является сохранение основ создавшегося в процессе революции строя при внесении в него определенных изменений. Закономерности каждой из названных фаз революции в корне различны. Если в первой фазе основное значение имеют вооруженное восстание народа, уличные бои, гражданская война, то во второй фазе решающее место принадлежит образованию к действию преследующих определенные цели групп, комплекующихся из лиц, выделившихся в процессе революции в качестве руководителей политического и технического аппарата. Процесс осуществившейся революции связан со сменой правящего слоя. В первой фазе революции

происходит эта смена, во второй протекают перегруппировки в пределах уже создавшегося слоя. Евразийцы ставят своей задачей организованное проведение такой перегруппировки во имя намеченных выше объективных целей. Закономерности революции непреложны. Во второй ее фазе попытки применить методы первой фазы (народ-

ное восстание, гражданская война) были бы так же бесплодны, как и попытка противопоставиться самому факту революции в форме контрреволюционного движения. Евразийцы сознательно определяют себя как группировку второй фазы революции, ставящую себе задачей преобразовать существующий строй путем устранения коммунистической партии.

Осуществление поставленных объективных целей евразийцы мыслят в форме «внутреннего движения». Вмешательство со стороны (интервенция) является, по мнению евразийцев, одновременно нецелесообразным и неприемлемым. Создание новой России-Евразии есть дело самих евразийцев.

Евразийцы обращаются к выдвинутым, к личному составу РККА, к деятелям советского и профессионального аппарата, выдвинувшимся из широких рабоче-крестьянских масс, с призывом завершить начатое и частично осуществленное их руками дело построения новой России и ее демотической власти, опирающейся на широкие массы трудящихся. Это завершение требует, при сохранении основ существующего строя, устранения черт антирелигиозности, антихозяйственности, антисоциальности и элементов интернационалистического и в то же время западопоклоннического сознания, как черт и элементов, чуждых широким массам России-Евразии. Не кто иной, как выдвинутые — представители широких трудящихся масс России-Евразии, внуки крепостных, дети эксплуатируемого народа — могут и будут строителями и водителями России; необходимо, чтобы дело строительства и водительства они поставили в соответствие с упомянутыми выше основами народного духа. Путь к тому — во вступлении и работе в рядах евразийцев.

Демотическую власть, опирающуюся на широкие рабоче-крестьянские массы трудящихся, евразийцы полагают единственно возможной властью и советский строй единственно возможным строем России-Евразии. Однако для того, чтобы совет-

ский строй стал строем демотическим, необходимо, чтобы коммунистическое начало, играющее в настоящее время определяющую роль в советской системе, было заменено началом евразийским, в указанных выше его основаниях. Осуществление такого замещения и является основной

политической задачей евразийства. В этом смысле советский строй понимается евразийцами не как самоцель и не как самоценность, но применительно к тем основным религиозно-культурным задачам, которые они себе ставят.

Евразийцы рассматривают советский строй как орган определения народной воли и выделения в рамки государственного аппарата годных элементов из всех слоев населения.

Раздел IV. Вопросы религии

Необходимо, чтобы государственная власть относилась благожелательно и содействовала каждой вере, исповедуемой народами России-Евразии, понимая, что только вера может служить основой социальных отношений, проникнутых духом любви и неуклонным бережением человеческого достоинства. Однако содействие государства вере ни в коем случае не должно перерождаться в зависимость религиозных объединений (Церкви) от государства или государства от религиозных объединений (Церкви). Религия и государство объединяют и организуют каждая особую (хотя и связанную с другой) область человеческой жизни. Между ними должны установиться лично-духовные связи, в форме личной религиозности представителей в лести (их благочестия) и внимательного отношения с их стороны к голосу религии (Церкви), а также в форме лояльного отношения к государству представителей религии (Церкви) и преподания ими благословения тем начинаниям государства, которые Церковь одобряет. Но между религией (Церковью) и государством не может и не должно быть государственно-правовых отношений или хотя бы финансовых связей. Именно для того, чтобы представители религии (Церкви) могли

выполнять выпадающую на их долю роль народной совести, религиозные объединения (Церковь) должны иметь самостоятельный бюджет, независимый от средств государства. В этих целях религиозным объединениям предоставляются все права и возлагаются на них обязанности юридических лиц.

В области религиозной никакое принуждение недопустимо. Священнослужители, пастыри, иерархи и представители религиозных объединений избираются в соответствии с установлениями каждой религии, верующим народом из числа лиц, почитаемых им к тому достойными; государство воздерживается от вмешательства в дела религии.

Положение, регулирующее в согласии с изложенным существование религиозных объединений в пределах государства, издается в порядке одностороннего акта государства, так как религиозные объединения (Церковь) по природе своей не могут вступать ни в какие государственно-правовые соглашения или договоры с государством.

Раздел V. Национальный вопрос

В национальном вопросе евразийцы стоят на основе осуществления братства народов в пределах России-Евразии. Средством для осуществления такого братства евразийцев признают нынешний федеративный строй СССР при обязательном устранении коммунистического гнета, который тяготеет ныне на этом строе, препятствуя полному выявлению национальных своеобразий отдельных народов России-Евразии. Коммунизм не соответствует духу этих народов. Закрепляя в поставленных конституцией СССР и административной практикой пределах возможности политического и языкового самоопределения этих народов, евразийцы считают необходимым обеспечить этим народам свободу духовного самоопределения также на религиозной и лично-хозяйственной основе.

В частности, евразийцы считают необходимым распространить права автономии на народы и своеобразные и в бытовом, и

историческом отношении группы (качество), до сих пор не получившие таких прав. При этом должны быть охранены права национальных и бытовых меньшинств. Надлежит подчеркнуть, что начала федерации и автономии евразийцы отстаивают в советском, а не в европейском их понимании.

Евразийцы обращаются к представителям народов России-Евразии, стремящимся обеспечить себе возможность духовного самоопределения на религиозной и лично-хозяйственной основе, с призывом образовывать евразийские национальные движения для осуществления этой цели.

Необходимо существующий в настоящее время в СССР строй, проникнутый началами интернационализма и коммунизма, преобразовать в национальный строй на национальной основе. Обязательным условием такого перерождения является предоставление русскому народу возможностей государственно-оформленного национального самосознания и от строительства национального государства, возможностей, которых он фактически лишен в настоящее время.

Однако национальным самоопределением не ограничивается роль русского народа в строительстве России-Евразии. Именно русская культура, пополняемая элементами культур других народов Евразии, должна стать базой наднациональной (евразийской) культуры, которая служила бы потребностям всех народов России-Евразии, не стесняя их национальных своеобразий. Евразийцы ставят своей задачей положительные мероприятия, содействующие развитию русской культуры в ее наднациональных функциях и чуждые в то же время какого бы то ни было оттенка ограничения и стеснения других национальных культур.

Раздел VI. Промышленность

В области экономической необходимо констатировать наличие в современной хозяйственной жизни России-Евразии весьма значительной национальной безработицы в широком смысле этого слова. О размерах этой безработицы нельзя судить по количеству безработных, зарегистрированных на бирже труда. Такой регистрации подлежат лица, уже работавшие в тех областях труда, в которых они в настоящее время ищут занятия. Между тем основным фактом современной российско-евразийской экономики является аграрное перенаселение, т.е. избыток рабочих сил в деревне, не находящих себе здесь применения и могущих получить занятия только в отраслях промышленного и ему подобного труда, в которых, однако, никогда ранее они заняты не были. Избыточные кадры сельского населения не учитываются в настоящее время в качестве безработных, сколь бы острой ни являлась потребность этой группы трудящихся в отыскании новых отраслей приложения своей рабочей силы. Устранение национальной безработицы в указанном широком смысле слова евразийцы полагали во главу угла своей экономической программы. России нужно дать работу — вот точка зрения, с которой евразийцы рассматривают экономическую действительность современной России-Евразии. Советскими экономистами правильно намечены две основные магистрали, следуя по которым можно справиться с бедствием национальной безработицы: 1) интенсификация сельского хозяйства и 2) индустриализация страны. Однако коммунистическая власть, правильно наметив задачи, недопустимым образом суживает и устраняет применение мер, которые могли бы прямым и действительным образом послужить разрешению этих задач. Коммунистическая власть ограничивает, в частности, свободу хозяйственного самоопределения крестьян, создавая тем самым существеннейшее препятствие на пути интенсификации сельского хозяйства. Евразийцы требуют: а) предоставления крестьянам свободы хозяйственного самоопределения (см.

раздел VII) и б) энергической и действительной государственной политики к увеличению фон-

да заработной платы. Практические мероприятия, выдвигаемые в этом отношении евразийцами, согласованы с общим пониманием ими оснований экономической жизни.

Евразийцы являются сторонниками широкого государственного регулирования и контроля хозяйственной жизни, а также сторонниками принятия на себя государством существенных хозяйственных функций. Евразийцы отмечают, что государственное регулирование, контроль и выполнение государством хозяйственных функций, хотя и в различных формах, неизменно выступают в течение русской истории: торговые операции первоначальных князей, государственное предпринимательство московского периода, такое же предпринимательство и объемлющее регулирование хозяйственной жизни в императорский период. Евразийцы полагают, что явления эти теснейшим образом связаны с совокупностью русских условий и выражают собой необходимость русского месторазвития, т.е. русской социально-исторической среды, рассматриваемой неотрывно от условий занятой ею территории. Россия (Евразия) представляет собой целостный материк, имеющий весьма немногие соприкосновения с берегами океана-моря и в общем отрезанный от него. Этим затрудняется конкуренция, господствующая в мире океанического хозяйства, и выдвигаются начала монополии, с неизбежностью приводящие с собой государственное вмешательство. К этому присоединяется связанное с условиями обстановки общее мощное развитие государственного центра (см. выше), увеличивающее значимость такого вмешательства. В этих условиях нынешний экономический строй СССР представляет собою не более как заострение и сгущение черт торгового, промышленного и земельного уклада, наблюдавшихся в Киевской и в Московской Руси и в императорской России. Для того же, чтобы создавшийся в результате революции экономический строй не односторонне и ущемно, как в настоящее время, но многосто-

ронне и в полноте выражал, применительно к условиям современной эпохи, потребности евразийской обстановки — для этого необходимо в нынешний экономический строй СССР внести ряд существенных изменений, которые и выдвигаются евразийцами.

Убийство советского посла Войкова Борисом Ковердой

Настоящая запись является свидетельским показанием с целью восстановить обстоятельства и подробности дела, в котором мне пришлось быть главным участником, совершенного 7 июня 1927 года в Варшаве покушения на советского посла Войкова. Вокруг этого дела возник ряд легенд и предположений, в большинстве случаев не соответствующих действительности или дававших неполную или одностороннюю картину происшедшего. Я воздерживался от опровержения или дополнения появлявшихся в печати сведений, хотя уже по освобождению в беседах с друзьями не скрывал подробностей дела. Считаю, однако, что картина произошедшего и действительное положение вещей должны быть известны историку, который коснется этого дела. Кроме того, считаю, что не надлежит умалчивать об участии в деле других лиц. Эти соображения и побудили меня составить настоящую запись.

В предшествовавшие годы я, будучи учеником сначала белорусской, а затем русской гимназии в Вильне, одновременно служил в издаваемой доктором Арсением Васильевичем Павлюке-вичем еженедельной газете «Белорусское слово» антикоммунистического направления. Я заведовал конторой, одновременно выполняя обязанности корректора, выпускающего и переводчика на белорусский язык. До перехода в русскую гимназию до VI класса я учился в белорусской гимназии и хорошо знаю белорусский язык. Поэтому на мне лежала также обязанность «вып-

равки» идущего в газету материала. Павлюкевич был решительным антикоммунистом, и меня с ним связывали не только служебные, но и дружеские отношения.

В это же время у меня возникли связи и знакомства с представителями русских антибольшевистских кругов в Вильне. В частности, у меня наладились дружеские отношения с проживавшим в то время в Вильне есаулом Михаилом Ильичом Яковлевым, бывшим в годы Гражданской войны командиром так называемого «Волчанского отряда», сначала действовавшего на юге России, а в 1920 году — на польском фронте. Яковлев также издавал в Вильне русскую еженедельную газету «Новая Россия».

В середине 20-х годов русская белая эмиграция еще рассчитывала на возможность возобновления вооруженной борьбы с коммунистической властью в России. В активной и непримиримой по отношению к большевизму части эмиграции возникали разнообразные проекты и планы продолжения борьбы, и существовало убеждение в целесообразности ведения антибольшевистской террористической деятельности. Вопрос продолжения борьбы любыми средствами часто поднимался и в моих

беседах с Павлюкевичем и Яковлевым. Оба хорошо знали один о другом. Но они до того не сотрудничали и ограничивались шапочным знакомством.

Возможно, что происходившие между мной и названными лицами разговоры не имели бы для меня лично последствий, если бы не то, что на должность советского посла в Варшаве был назначен Войков, известный большевик, проехавший в свое время через Германию в запломбированном вагоне вместе с Лениным и роль которого в убийстве царской семьи и последующем уничтожении тел убитых была известна из книги Соколова и других источников. Об этом писалось и в польских газетах, в связи с назначением Войкова в Варшаву. Тем не менее польское правительство согласилось принять Войкова в качестве советского посла, или, как тогда говорилось, полпреда, в Варшаву.

Мысль о возможности покушения на Войкова поднималась в моих беседах с Павлюкевичем и Яковлевым все чаще и чаще, и в конце концов, к началу 1927 года, я выразил желание совершить это покушение. Павлюкевич согласился предоставить необходимые средства, а Яковлев должен был оказать содействие в организации покушения.

Первоначально возникла мысль осведомить о подготовке покушения проживавшего в то время в Варшаве писателя М.П. Арцыбашева, автора статей, печатавшихся в издаваемой Д.В. Философовым газете «За свободу» и затем вошедших в сборник под названием «Записки писателя». Позже такое намерение показалось мне не имевшим смысла, так как его осуществление могло иметь нежелательные последствия и усложнить дело. Но в первой половине 1927 году Арцыбашев умер, и поэтому намерение в какой-то степени посвятить его или вовлечь в подготовку покушения не было осуществлено.

Павлюкевич располагал ограниченными средствами. Поэтому на многое с его стороны нельзя было рассчитывать. О надлежащей подготовке покушения, т.е. организации слежки за Войковым, его выездами, передвижениями и т.п. (как то делалось в дореволюционную эпоху при подготовке покушений на царских министров и многих других, ставших мишенью для революционеров, сановников, когда в некоторых случаях в подготовке и осуществлении покушений участвовали большие группы лиц), из-за недостатка средств не могло быть и речи, и фактически никакой предварительной подготовки к покушению на Войкова не могло быть. Правда, вначале предполагалось привлечь к участию в покушении и других лиц. Выбор пал на двух моих хороших знакомых, известных мне своими национальными убеждениями. Но по разным причинам ничего из этого не получилось.

Предварительной разведкой должен был заняться уезжавший на службу в Варшаву бывший чин «Волчанского отряда» Константин Шипчинский. Ему было поручено узнать, по мере возможности, об образе жизни Войкова, его передвижениях, т.п. Основной задачей было установить, где Войкова можно встретить и приблизиться к нему. В начале мая Шипчинский выехал в Варшаву, получив на расходы данные Павлюкевичем 200 злотых.

Вскоре Яковлев передал мне пистолет и патроны к нему. Было условлено, что после покушения я буду говорить, что купил пистолет у служащего типографии в Вильне Юдицкого, бывшего членом польской организации допризывной подготовки.

22 мая я выехал в Варшаву, тоже имея в кармане 200 злотых от Павлюкевича и немного своих денег. В Варшаве остановился на одни сутки в отеле «Астория» на Хмельной улице. На следующий день встретился в условленном месте с Шипчинским, и он меня устроил на квартиру на улице Бугай, № 26.

Оказалось, что Шипчинский ничего не разузнал и не установил. Его дальнейшее «участие» в подготовке покушения выразилось лишь в том, что он провел меня к зданию советского посольства на Познанской улице. Притом, пожеланию Шипчинского, «по конспиративным соображениям» мы шли к посольству не рядом, а в 40—50 шагах один от другого. Конечно, я был разочарован, увидев, что ничего не сделано, и, признаюсь, у меня возникло сомнение в возможности встречи Войкова, так как имевшихся денег могло хватить лишь на 10—12 дней пребывания в Варшаве, и, кроме того, мне вообще нельзя было продолжительно отсутствовать, так как моя семья не имела понятия, где я нахожусь, да и ждали меня некоторые дела. Не рассчитывая больше на помощь Шипчинского, я решил самостоятельно «произвести разведку» и искать возможности встретить Войкова. Я не видел для этого иной возможности, как самому побывать в посольстве или консульстве.

На третий день пребывания в Варшаве я пришел в консульство и «начал хлопоты» о предоставлении мне въездной визы в СССР. Это был благовидный предлог для посещения консульства. В здании посольства были два входа: один — в посольские помещения, другой — в консульскую канцелярию, куда я и направился. В небольшом вестибюле, перед входом в приемную, находилась изолированная кабинка с окошечком вроде билетной кассы. Сидящий в ней чиновник опрашивал посетителя и затем, нажимая кнопку, открывал дверь приемной или выходную, автоматически затем закрывающиеся. Без всяких затруднений чиновник пропустил меня в

приемную.

Это было узкое продолговатое помещение со столом посередине, во всю его длину. За столом на стульях довольно тесно сидело около двух десятков посетителей, заполнявших бумаги, ожидавших вызова или просматривавших лежащие на столе советские газеты. У открытой двери, ведущей во внутренние помещения, находился столик. Стоявший за ним чиновник давал справки, выдавал бланки, вызывал посетителей и т.п. Я сказал ему о желании выехать в СССР, получил от него соответствующие бланки и анкеты и, найдя место за столом, уселся для их заполнения. Просидел так около часа, наблюдая за обстановкой. Затем поднялся и, подойдя к чиновнику, сказал, что окончательно заполню анкеты дома и принесу их в следующий раз. Всего, подыскивая благовидный предлог, я побывал в консульстве четыре раза.

Из разговоров с чиновником выяснилось, что шансов на получение визы в СССР «для получения там образования» или «устройства на работу» нет. Мне вернули мои заполненные анкеты, и дальнейшая возможность посещения консульства оборвалась, так как могли возникнуть подозрения.

Конечно, ничего интересующего меня я не узнал. Тем не менее посещения консульства сыграли важную роль в дальнейшем ходе дела. Во время одного из таких посещений, когда я, как обычно, сидел за столом и делал вид, что вожусь с моими анкетами, в ведущей из внутренних помещений двери вдруг появился Войков, взглянул на сидящих в приемной, положил руку на плечо дающего справки чиновника и увел его внутрь.

С наружностью Войкова я был знаком по фотографиям в газетах и журналах. Самым важным для меня был снимок в журнале «Святовид», где Войков, в числе других членов дипломатического корпуса в Варшаве, был изображен во весь рост на каком-то приеме у Пилсудского. Появление Войкова на один момент в дверях консульской приемной было для меня полной неожиданностью, и поэтому не могло быть и речи о том, чтобы я успел подняться, выйти из-за стола и приблизиться к нему. Но Войков, если можно так выразиться, представился мне, и в дальнейшем, когда я увидел его на варшавском вокзале, у меня не было сомнений, что это именно он. А там, забегая вперед, отмечу, что не все сложилось так, как я ожидал и предполагал.

Итак, мои посещения консульства прекратились. Правда, я попробовал посетить также торгпредство, находившееся в другом месте, на Маршалковской улице, и посидеть в его приемной. Но очень скоро мне

предложили оттуда уйти, так как никакого серьезного предлога, оправдывающего мое там присутствие, я не мог придумать. Между тем мои деньги были на исходе и дальнейшее пребывание в Варшаве стало мне казаться бесцельным.

В Варшаве я каждый день просматривал несколько польских газет и русскую «За свободу». И вот 3 июня, когда я уже думал об отъезде, в вечерней газете «Курьер Червоны», с датой последующего дня, я натолкнулся на краткое сообщение о том, что «советский посол Войков выезжает в Москву». Мне стало ясно, что если Войков выезжает в Москву, то это единственный и последний шанс на возможность встречи с ним.

Сразу же я отправился на вокзал, чтобы узнать, когда и какие поезда уходят в московском направлении. Поезд уходил в Москву в 9.55 ч. утра. Начиная с 4 июня я стал приходить на вокзал за час до отхода московского поезда. Сначала я болтался около выходов на перрон, а затем, заблаговременно запасшись перронным билетом, минут за двадцать до отхода поезда сам выходил на перрон и прохаживался вдоль московского поезда.

Так прошло три дня. К 7 июня мои деньги иссякли. Кроме того, у меня возникло сомнение: либо я не заметил и пропустил Войкова, либо он садился в поезд не в Варшаве, а на какой-нибудь другой станции. Я решил последний раз прийти на вокзал 7 июня и затем возвращаться домой в Вильну. В этот день почти сразу по моем приходе на вокзал случилось нечто, сбившее меня с толку. Минут за 50 до отхода московского поезда я увидел Войкова, но не направлявшегося на перрон к поезду, а идущего с перрона в вокзальное помещение, в обществе какого-то другого лица. На Войкове был котелок, и он был в зеленом весеннем пальто. Случившееся не соответствовало моим ожиданиям, и я растерялся. Я пытался убедить себя, что за Войкова принял какого-то приехавшего пассажира. После краткого момента колебания я прошел в вокзальное помещение, куда направились потерянные мною из виду Войков и его спутник. Я волновался, спешил и не зашел в вокзальный ресторан, где они в это время были. Не найдя Войкова, я поспешил обратно, вышел на перрон и стал прохаживаться вдоль поезда, как и в предыдущие три дня. Я старался держаться ближе к выходу, чтобы встретить Войкова до того, как он успеет войти в вагон. И незадолго до отхода поезда я снова увидел Войкова, вместе с другим, уже виденным мною лицом, с которым перед тем он вышел с перрона. Они, разговаривая, медленно шли вдоль поезда.

Позже, уже в ходе следствия, выяснилось, что Войков не собирался ехать в Москву. Я же так никогда и не узнал, откуда в газете появилась

приведшая меня на вокзал фатальная для него заметка. Оказалось, что ранним утром 7 июня он получил из Берлина телеграмму от едущего из Лондона советского представителя Аркадия Розенгольца, выдворенного из Англии после разгрома советского торгового представительства, носившего название «Аркос». Войков пришел на вокзал, чтобы встретить проезжавшего через Варшаву Розенгольца. Он пришел к приходу берлинского поезда, встретил Розенгольца, и они отправились пить кофе в вокзальный ресторан. Поэтому в первый раз я увидел Войкова не идущим на перрон, а выходящим с него.

Таким образом, моя встреча с Войковым на варшавском вокзале, хотя я ее и искал, была совершенной случайностью. Был тут какой-то фатум. Ведь даже если бы Розенголец приезжал через Варшаву днем позже, то покушения не было бы. Деньги у меня, как я уже упомянул, иссякли. На покупку перронного билета я израсходовал последние бывшие у меня 20 грошей. В приведшей меня на вокзал газетной заметке было сказано, что «Войков выезжает сегодня или завтра». Между тем со времени появления этой заметки пошел уже четвертый день.

Я пошел навстречу Войкову, вынул из кармана пистолет и начал стрелять. Войков резко бросился назад, а я пробежал несколько шагов за ним, стреляя ему вслед, пока не выпустил все находившиеся в пистолете шесть пуль. Как позже было установлено, в Войкова попали две пули. Войков же, пробежав несколько шагов, прислонился к вагону и начал отстреливаться. Розенголец прыгнул с перрона на путь и между двумя вагонами и остался у меня позади. Отмечу еще, что у меня было предположение, что уезжавшего в Москву Войкова может провожать кто-то из польского министерства иностранных дел, и я, увидев Розенгольца вместе с Войковым, подумал, что это именно и есть представитель министерства.

На перроне во время покушения было мало публики, и ко мне и Войкову быстро подбежали полицейские. Меня схватили, а

Войков опустил на перрон. Один из арестовавших меня полицейских спросил, в кого я стреляю. Я ответил, что в советского посла. Полицейский тут же сказал: «Жаль, что не в Троцкого». Из окна одного из вагонов раздался враждебный по моему адресу выкрик. Возможно, что кричало сопровождавшее Розенгольца в поезде лицо.

Меня привели в вокзальный полицейский участок. Сюда же принесли и положили на пол раненого Войкова. С него сорвали рубашку. Очень скоро его увезли. Сразу же в помещении появился Розенголец, бросивший на стол свою визитную карточку. В участке началась суматоха. Стали появляться

разные лица. Одно из них стало кричать на меня, спрашивая, зачем я это сделал. Я ответил, что действовал в интересах моего отечества. Спрашивавший заявил, что это «медвежья услуга». Позже я узнал, что это был Суханек-Сушецкий, начальник отдела безопасности в Министерстве внутренних дел.

Очень скоро явился следователь и стал составлять протокол первого допроса. Допрос продолжался более часа. Затем меня посадили в такси между двумя полицейскими и в сопровождении второго такси с полицейскими отвезли в тюрьму «Павяк» и там отвели в камеру.

Часа через два меня провели в кабинет, в котором находились три лица. Одно из них заявило: «Я судебный следователь Скор-жинский, аэто прокуроры Рудницкий и Свентковский. Войков умер от нанесенных ему ран, и сейчас нам надлежит выяснить все обстоятельства этого дела». Мне начали задавать вопросы. Одним из первых был, откуда я знал, что Войков приедет на вокзал. Я рассказал, кто это было, т.е. что прочитал в газете о его предстоящем выезде и после этого каждый день стал приходить на вокзал. На этом допросе Скоржинский протоколов не писал, а лишь делал заметки на листах. Допрос продолжался около двух часов, после чего меня отправили обратно в камеру.

Часа через два-три Скоржинский снова меня вызвал и уже записывал мои показания на машинке в протокол, давая подписывать каждый лист. Скоржинский допрашивал и записывал не спеша и отпустил меня часа через три, уже поздней ночью. Допрос и дальнейшее составление протокола продолжались еще полных два дня с небольшими перерывами. Я должен был рассказать все о себе, о родственниках и знакомствах, по возможности описать дни моего пребывания в Варшаве и мое времяпрепровождение, рассказать о мотивах покушения, подготовке к его совершению и сопровождающих обстоятельствах. Я придерживался схемы, ранее установленной и обдуманной, т.е. сообщников у меня нет, никто о моем намерении совершить покушение не знал, что основной причиной, побудившей меня стрелять в Войкова, было намерение отомстить за причиненные России коммунистическим режимом бедствия, а Войков был активным деятелем этого режима.

13 июня меня отвезли в суд и привели в кабинет председателя окружного суда Гуминского, вручившего мне обвинительный акт и сообщившего, что дело будет рассматриваться в чрезвычайном ускоренном порядке.

Как известно, по окончании следствия судебными властями был поставлен на разрешение вопрос о том, в каком порядкебудет происходить

судебное рассмотрение дела — чрезвычайном ил и обычном. В то время в Польше вошел в силу декрет о возможности чрезвычайного судопроизводства по отношению к виновным в совершении некоторых видов преступлений, в том числе и направленных против государственных служащих. Войков, поскольку он был аккредитован при польском правительстве, был формально приравнен к государственным служащим. Судебные власти располагали в этом отношении свободой выбора и обычно руководствовались указаниями правительства. Было решено предать меня чрезвычайному суду. Думаю, что так было сделано по распоряжению центральных властей, опасавшихся, что рассмотрение дела в обычном порядке окружным судом затянет и расширит его, а это было нежелательно по ряду соображений. Польское правительство стремилось в кратчайший срок покончить с этим в высшей степени неприятным для него делом, могущим осложнить польско-советские отношения, в то время как Польша стремилась к тому, чтобы они были добрососедскими.

Определенно думаю, что и Советскому правительству не были желательны расширение дела и новые возможные осложнения, так как после разгрома «Аркоса» и других одновременно происшедших событий, например в Китае, возникла обстановка, благоприятствовавшая «новым авантюрам», которые были Москве крайне нежелательны. Кроме того, у Москвы, несомненно, было опасение, что может произойти повторение «дела Конради», застрелившего в Швейцарии за несколько лет до того советского деятеля и дипломата Воровского. Судебное разбирательство этого дела продолжалось несколько дней и фактически явилось рассмотрением дела не столько самого Конради, сколько коммунистических злодеяний в России.

Думаю поэтому, что ускорение в рассмотрении моего дела произошло в результате негласного соглашения польского и Советского правительств. И Москве, и Варшаве расширение дела не было выгодно. Оба правительства желали скорейшего исчерпания этого «инцидента». Поэтому процесс оказался скомканным, продолжался всего один день, и многие вопросы были вообще обойдены. Это относится и к официальному протоколу судебного заседания. В газетных отчетах о процессе можно найти значительно больше того, что имелось в записи судебного секретаря.

Заканчивая эту часть моей записи, хочу прибавить, что названные в ней А.В. Павлюкевич и М.И. Яковлев погибли при трагических обстоятельствах. Яковлев, принимавший участие в обороне Варшавы от немцев в 1939 году в качестве начальника штаба в кавалерийском подразделении ген. Булак-Балаховича, был арестован летом 1940 года и

отправлен в концентрационный лагерь Освенцим. Там при невыясненных обстоятельствах он погиб в апреле 1941 года Павлюкович участвовал в движении Сопротивления в Варшаве, был арестован немцами и расстрелян. Незавидна оказалась и участь присутствовавшего при покушении на Войкова большевика Розенгольца. Он был одним из обвиняемых на московских процессах 1937 году и расстрелян.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александров КМ.* Офицерский корпус РОА. СПб., 2001.
- АнысковичЛ.* Сергей Эфрон. Крылатый лев, или Судите сами. М.: Московский Парнас, 2004.
- Ардаматский В.* Возмездие. М.: Советский писатель, 1972.
- Бегидов А.И.* Военное образование в зарубежной России. 1920-1945. М., 2001.
- Бердяев Н.А.* Судьба России. М.: Эксмо, 2007.
- Беленкин Б.* Пасынки революции. М.: Яуза, 2005.
- Бутков П.Н.* За Россию! СПб., 2001.
- Воинство Святого Георгия. СПб. Царское дело, 2006.
- Врангель П.Н.* Воспоминания. М.: Вагриус, 2004.
- ГанинА.* Атаман Дутов. М.: Центрполиграф, 2006.
- Голдин В.* Роковой выбор. Архангельск, 2005.
- Голдин В.* Солдаты на чужбине. Архангельск, 2006.
- Гончаренко О.Г.* Белоэмигранты между звездой и свастикой. М: Вече, 2005.
- Генерал Кутепов. Минск, 2004.
- Гитлер А.* Майн кампф. М., 1992.
- Гражданская война в России: катастрофа в Сибири. М.: АСТ. 2005.
- Гуль Р. Азеф.* М., 1993.
- Деникин А.И.* Очерки русской смуты. М.: Айрис, 2005.
- Игнатъев А.А.* 50 лет в строю. М.: Захаров, 2002.
- Катков Г.М.* Дело Корнилова. М.: Русский путь, 2002.
- Катков Г.М.* Февральская революция. М.: Центрполиграф, 2006.
- Квакин М.* Между красными и белыми. М.: Центрполиграф, 2006.
- Керенский А.Ф.* Дневник политика. М.: Интелвак, 2007.
- Кук Э.* Сидней Рейли. На тайной службе его величества. М.: Эксмо, 2004.
- ЛеховинД.* Деникин. Жизнь русского офицера. М., 2004.
- Лодыженский Ю.* От Красного креста к борьбе с Коммунистическим интернационалом. М.: Айрис-Пресс, 2006.
- Марков и марковцы. М.: Посев, 2001.
- Между Россией и Сталиным. М., 2004.
- МлечинЛ.* Алиби для великой певицы. М.: Гея, 1997.
- Назаров М.* Кто наследник российского престола? М.: Русская идея,

2004.

Никулин Л. Мертвая зыбь. Петрозаводск: Карелия, 1987.

Политическая история русской эмиграции. М.: Владос, 1999.

Прянишников Б.В. Незримая паутина//Час Пик, 1993.

РарЛ. Оболенский В. Ранние годы НТС: 1924—1948. М.: Посев, 2003.

Родзаевский К. Завещание русского фашиста. М., 2001.

Россия забытая и неизвестная: сопротивление большевизму 1917-1918 гг. М.: Ценфполифаф. 2002.

Россия забытая и неизвестная: Первый кубанский поход. М.: Центрполифаф, 2002.

Россия забытая и неизвестная: Русская армия в изгнании. М.: Центрполифаф, 2004.

Россия забытая и неизвестная: Русская армия на чужбине. М.: Ценфполифаф, 2003.

Россия забытая и неизвестная: Исход русской армии из Крыма. М.: Центрполифаф, 2003.

Россия забытая и неизвестная: Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполифаф, 2004.

Россия забытая и неизвестная: Восточный фронт адмирала Колчака. М.: Центрполиграф, 2004.

Россия забытая и неизвестная: Белая борьба на северо-западе России. М.: Центрполиграф, 2004.

Россия забытая и неизвестная: Русская эмиграция в борьбе с большевизмом. М.: Центрполиграф, 2005.

Россия забытая и неизвестная: Второй Кубанский поход. М.: Центрполиграф, 2002.

Россия забытая и неизвестная: Русская армия генерала Врангеля. М.: Центрполиграф, 2003.

*ф*Россия забытая и неизвестная: Вооруженные силы юга России. М.: Центрполиграф, 2003.

Россия забытая и неизвестная: Русская эмиграция в Китае и Монголии. М.: Центрполиграф, 2004.

Россия забытая и неизвестная: Поход на Москву. М.: Центрполиграф, 2004.

Россия забытая и неизвестная: Бароны Врангели. Воспоминания. М.: Центрполиграф, 2004.

Рудиченко А. Дуров В. Награды и знаки Белых армий и правительств. М., 2005.

Русская военная эмиграция (в четырех томах) М., 2001.

Русский корпус на Балканах. 1941—1945 гг. СПб., 1998.
Савинков Б.В. Записки террориста. М.: Захаров, 2002.
Савинков Б.В. Записки террориста. М.: Вагриус, 2006.
Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М.: Центр «Новый мир», 1990
Старков Б. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи. 1903—1914 гг. СПб.: Питер-Пресс, 2006.
Степанов С Черная сотня. М., 2005.
Стронгин В. Надежда Плевицкая. Великая певица и агент разведки. М.: АСТ, 2005.
Флейшман Л. В тисках провокации. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
Творческое наследие Е.Э.Месснера. М.: Русский путь, 2005.
Цветаева М. Эфрон С. Нет на земле второго Вас. М.: Вагриус, 2007.
Цурганов Ю. Неудавшийся реванш. М.: Интрада, 2001. *Шульгин В.* Три столицы. М.: Современник, 1991. *Шульгин В.* 1920. М.: Современник, 1989. Ярославское восстание. Июль 1918. М.: Посев, 1998.
Журналы: «Часовой», «Корниловец», «Вестник галлиполийцев», «Кадетская перекличка», «Военная быль», «Первопоход-ник», «Вестник РОВС», «Двуглавый орел», «Наши вести», «Посев».
Материалы сайта «Белое Дело»
<http://beloedelo.livejournal.com/>.

Фотографии

П. Н. Врангель

Великий Князь Николай Николаевич

Л. П. Кутепов

Н.Е. Марков

А.А .Диренталь

А.Х. Артузов

Л.Е.Диренталь

С.В. Пузицкий

А.П. Федоров

Р.А. Пиляр

Г.С. Сыроежкин

С.Н. Булак- Балахович

Сидней Рейли

Ф.Ф.Абрамов

А.А.Якушев

Э.О. Опперпут - Стауниц

А.А.Ширинский-Шихматов

Т. Вяхо

В.В.Шульгин

Ю.А.Артамонов

Г.Н.Радкевич

М.В.Захарченко

Н.В.Плевицкая

Е.К. Миллер

А.В. Туркул

Н.В.Скоблин

А.И.Деникин

Б.С. Коверда

П.Н.Шатилов

В.В.Орехов

А.И.Дутов

П.Н.Бутков

Почтовые марки «Операция «Трест»

Дроздовский полк

Дроздовцы после Галлиполи

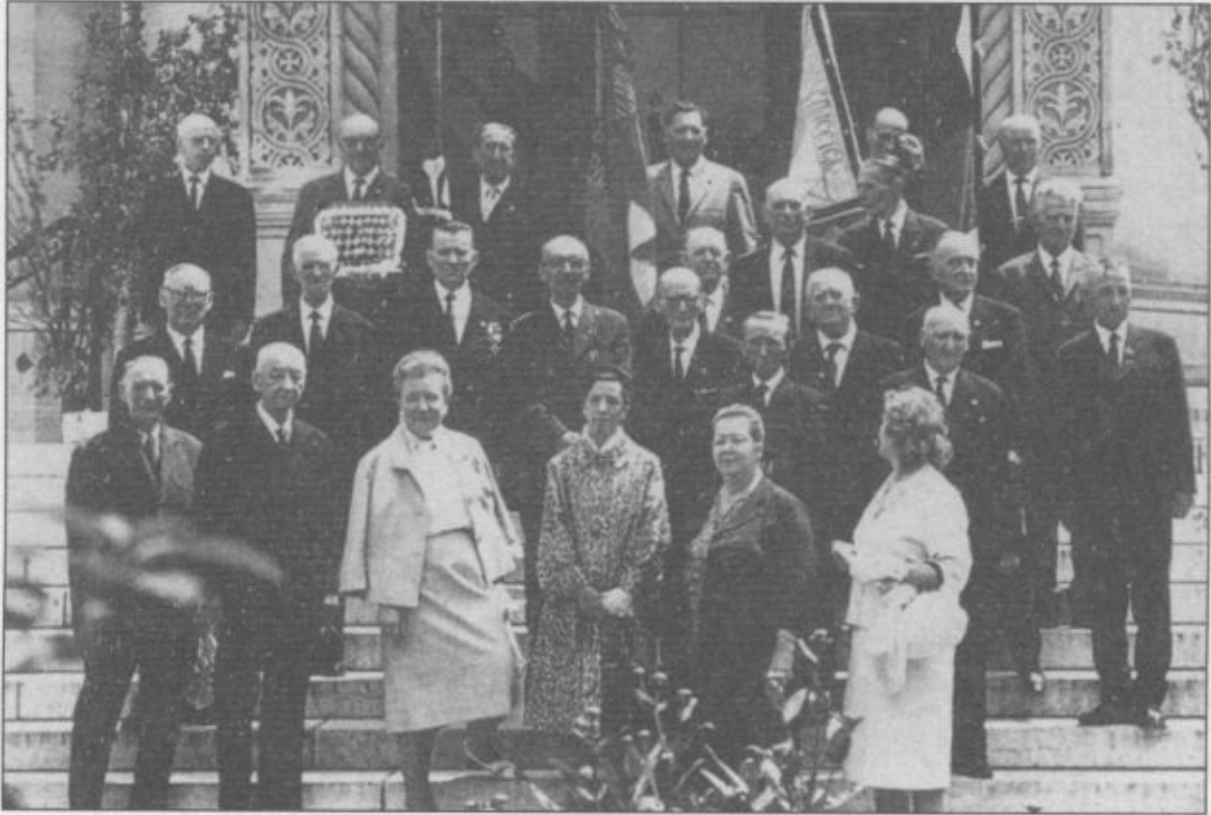
М.М. Зинкевич

Корниловцы в Галлиполи

Русская армия на Балканах

50 лет Корниловскому Ударному полку. Париж, 1967г.

Русская армия в Галлиполи

Военнослужащие Алексеевского полка во Франции

ЧАСОВОЙ

3-й годъ
№ 54

ОРГАНЪ СВЯЗИ РУССКАГО ВОИНСТВА
ЗА РУБЕЖОМЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
В.В.ОРЪХОВА И ЕВГЕНІЯ ТАРУССКАГО
ГОДЪ ИЗДАНІЯ ТРЕТЬИ
"LA SENTINELLE" 29, RUE DU COLISÉE
PARIS - (8)

30
Апрѣля
1931 г.

Къ третьей годовщинѣ смерти Главнокомандующаго

1920 ГОДЪ.

Награжденіе орденомъ Св. Николаи Чудотворца начальника Корниловской дивизіи ген.-м. Скоблина

Обложка белоэмигрантского журнала «Часовой», посвященного памяти генерала Скоблина

Обложка книги «Корниловский Ударный полк»

Генерал Кутепов. Плакат

Плакат РОВС

Плакат Русского общевоеинского союза (РОВС). 1939 г.

Рождественская открытка Дроздовского полка. 1963 г